

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 13 № 4 / 2023

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 13 № 4 / 2023

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: История и право
(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istoriya i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, криминалистика, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Мальшева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)

Никулenco Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Русскевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)

Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Юго-Западный государственный университет, 2023

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр (16+) Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется по подписке. Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 30.08.2023.
Дата выхода в свет 29.09.2023. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 27,3.
Тираж 1000 экз. Заказ 43.

Proceedings of the Southwest State University

Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University
(Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University
(Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tat'yana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatylnina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :

“Southwest State University”

Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

16+

© Southwest State University, 2023

 Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Sent to the printer 30.08.2023.
Release 29.09.2023. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 27,3.
Circulation 1000 copies. Order 43.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ	10
Оригинальные статьи	
Правовая культура и правосознание молодёжи Курской области (по данным социологического исследования).....	10
<i>Зарубина К. А., Шишкарева Т. Н.</i>	
Публичное право Молдавии XVI–XVII веков.....	22
<i>Погорлецкая И. И.</i>	
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	34
Оригинальные статьи	
Проблемы возмещения убытков при нарушении гражданско-правовых обязательств	34
<i>Григорьева И. М.</i>	
Авторское право и рекламная деятельность: проблемы правового регулирования и судебной практики... 43	
<i>Каменский М. А.</i>	
Развитие гражданско-правового регулирования инвестиционной деятельности при создании отдельных видов объектов авторских прав.....	52
<i>Леонтьев К. Б.</i>	
Особенности ответственности перед третьими лицами при отдельных формах семейного предпринимательства.....	62
<i>Пономарев Д. А.</i>	
Правовые основания участия некоммерческих организаций в защите авторских и смежных прав.....	72
<i>Барковская Л. Е.</i>	
Соблюдение прав авторов при бездоговорном переходе исключительных прав на произведения	84
<i>Козлова М. В.</i>	
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	93
Оригинальные статьи	
Информационная среда обитания и её уголовно-правовая охрана	93
<i>Новичков В. Е.</i>	
ПОЛИТОЛОГИЯ	107
Оригинальные статьи	
Проблема государственного суверенитета в условиях деглобализации	107
<i>Бурганова И. Н.</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	119
Оригинальные статьи	
«Легкомысленные» верующие и «несовременные» уставы: к вопросу о деформации традиционных православных практик в позднесоветский период.....	119
<i>Апанасенок А. В.</i>	
Электрификация оренбургского села в 1959–1965 годы.....	133
<i>Лопаткин И. Н., Хисамутдинова Р. Р.</i>	

Особенности функционирования транспортного здравоохранения в 1945-1950 годах (по материалам Юго-Восточной железной дороги).....	149
<i>Головин Е. А.</i>	
Реконструкция Южно-Уральского этапа карательного похода войск Тамерлана на Золотую Орду 1391 года.....	163
<i>Лопаткин И. Н.</i>	
Использование спирта для химических и технических нужд в акцизной России (1863–1896 годы).....	178
<i>Горюшкина Н. Е.</i>	
Укрепление советской власти Воронежской губернии во второй половине 1918 года.....	189
<i>Зяц Н. А.</i>	
«Не надо барыша, была бы слава хороша»: род курских купцов Гнучевых в XVIII – начале XX века.	202
<i>Никифоров С. А., Яковлева М. К.</i>	
Пожилое население и старики как особая категория жертв нацистских военных преступлений	217
<i>Бахтин В. В., Припадчев А. А.</i>	
К сведению авторов	235

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES	10
Original articles	
Legal Culture and Legal Awareness of the Youth of the Kursk Region (According to a Sociological Study).....	10
<i>Kristina A. Zarubina, Tatiana N. Shishkareva</i>	
Public Law of Moldova in the 16th – 17th Centuries.....	22
<i>Irina I. Pogorleckaya</i>	
PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE	34
Original articles	
Problems of Compensation of Losses in Breach of Civil Law Obligations.....	34
<i>Irina M. Grigorieva</i>	
Copyright and Advertising Activities: Problems of Legal Regulation and Judicial Practice.....	43
<i>Maksim A. Kamenskii</i>	
Development of Civil Law Regulation of Investment Activities in the Creation of Certain Types of Copyright Objects.....	52
<i>Konstantin B. Leontev</i>	
Peculiarities of Liability to Third Parties in Certain Forms of Family Entrepreneurship.....	62
<i>Dmitrii A. Ponomarev</i>	
Legal Basis for the Participation of Non-Profit Organizations in the Protection of Copyright and Related Rights.....	72
<i>Liudmila E. Barkovskaya</i>	
Copyright Compliance with Non-Contractual Transfer of Exclusive Rights to Works.....	84
<i>Maria V. Kozlova</i>	
CRIMINAL LEGAL SCIENCE	93
Original articles	
Information Habitat and its Criminal Law Protection.....	93
<i>Valery E. Novichkov</i>	
POLITICAL SCIENCE	107
Original articles	
The Problem of State Sovereignty in the Context of Deglobalization.....	107
<i>Inna N. Burganova</i>	
HISTORICAL SCIENCES	119
Original articles	
"Frivolous" Believers and "Non-Modern" Rules: on the Issue of Traditional Orthodox Practices Deformation in the late Soviet period.....	119
<i>Alexander V. Apanasenok</i>	
Electrification of the Orenburg village in 1959-1965.....	133
<i>Ivan N. Lopatkin, Ravilya R. Khisamutdinova</i>	
Features of the Functioning of Transport Healthcare in 1945–1950 (Based on the Materials of the South-Eastern Railway).....	149
<i>Evgeny A. Golovin</i>	

Reconstruction of the South Ural Stage of the Punitive Campaign of Tamerlane's Troops Against the Golden Horde in 1391.....	163
<i>Ivan N. Lopatkin</i>	
The Use of Alcohol for Chemical and Technical Needs in Excise Russia (1863–1896).....	178
<i>Natalia E. Goryushkina</i>	
Strengthening of Soviet Power in the Voronezh Province in the Second Half of 1918.....	189
<i>Nikolai A. Zayats</i>	
"No Profit Needed, Glory Would be Good": the Family of Kursk Merchants Gnuchevs in the 18th – early 20th.....	202
<i>Sergey A. Nikiforov, Majya K. Yakovleva</i>	
Old People as a Special Category of Victims Nazi Crimes.....	217
<i>Victor V. Bakhtin, Andrey A. Pripadchev</i>	
INFORMATION FOR AUTHORS	235

Оригинальная статья / Original article

УДК 342

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-10-21>

Правовая культура и правосознание молодёжи Курской области (по данным социологического исследования)

К. А. Зарубина¹ ✉, Т. Н. Шишкарёва²

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kris1996z@mail.ru

Резюме

Актуальность. В современной информационно-коммуникативной среде активно пропагандируются коррупция, идеология национализма, экстремизма, ксенофобии, криминальное поведение, прочие негативные социальные явления, что в условиях обеспечения всеобщего свободного доступа к информации крайне отрицательно влияет на формирование и развитие личности подростка. Современная молодёжь усваивает не те образцы поведения, подражает не тем идеалам, вследствие чего у подрастающего поколения вырабатывается искажённое восприятие правовых ценностей, явлений, формируются неправильные взгляды, убеждения и представления о праве и его роли в жизни общества и государства. Вследствие этого особую актуальность приобретают исследования, позволяющие не просто обнаружить проблемы формирования и развития правовой культуры, но и определить возможные пути повышения уровня правовой культуры и правосознания молодёжи.

Цель исследования – выявление основных проблем формирования правовой культуры и правосознания в современной молодёжной среде и предложение путей их решения.

Задачи: произвести диагностику состояния правовой культуры и правосознания современной молодёжи (на примере школьников и студентов Курской области); определить, какие проблемы встречаются на практике в процессе формирования у молодёжи правовой культуры и правосознания; сформулировать предложения по повышению уровня правовой культуры и правосознания в молодёжной среде.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались следующие методы: опрос в виде анкетирования, сравнительный метод, а также метод синтеза и анализа, обобщения и систематизации.

Результаты исследования отличает комплексный подход к изучению данной проблемы, а также практическая ориентация теоретических обобщений по рассматриваемой теме.

Вывод. В настоящее время остро ощущается необходимость совершенствования формирования правовой культуры школьников и студентов. Для выполнения данной задачи нужно создать особые педагогические условия, направленные на воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей, исторических традиций и демократических начал российского государства.

Ключевые слова: правовая культура; правосознание; молодёжь; правовые знания; образование; правовое воспитание; правовое просвещение.

Финансирование: Работа выполнена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

© Зарубина К. А., Шишкарёва Т. Н., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(4): 10–21

Для цитирования: Зарубина К. А., Шишкарёва Т. Н. Правовая культура и правосознание молодёжи Курской области (по данным социологического исследования) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 10–21. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-10-21>.

Поступила в редакцию 31.05.2023

Принята к публикации 27.06.2023

Опубликована 30.08.2023

Legal Culture and Legal Awareness of the Youth of the Kursk Region (According to a Sociological Study)

Kristina A. Zarubina¹ ✉, Tatiana N. Shishkareva²

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kris1996z@mail.ru

Abstract

Relevance. Corruption, the ideology of nationalism, extremism, xenophobia, criminal behavior, and other negative social phenomena are actively promoted in the modern information and communication environment, which, in conditions of ensuring universal free access to information, has an extremely negative impact on the formation and development of a teenager's personality. Modern youth assimilates the wrong patterns of behavior, imitates the wrong ideals, as a result of which the younger generation develops a distorted perception of legal values, phenomena, wrong views, beliefs and ideas about law and its role in the life of society and the state are formed. As a result, research is becoming particularly relevant, allowing not only to detect problems of formation and development of legal culture, but also to identify possible ways to increase the level of legal culture and legal awareness of young people.

The purpose. The purpose of the study is to identify the main problems of the formation of legal culture and legal awareness in the modern youth environment and propose ways to solve them.

Objectives. Tasks: to diagnose the state of legal culture and legal awareness of modern youth (on the example of schoolchildren and students of the Kursk region); to determine what problems are encountered in practice in the process of forming legal culture and legal awareness among young people; to formulate proposals to improve the level of legal culture and legal awareness among young people.

Methodology. In the process of working on the study, the following methods were used: a survey in the form of a questionnaire, comparative methods, as well as a method of synthesis and analysis, generalization and systematization.

The results of the study are distinguished by an integrated approach to the study of this problem, as well as the practical orientation of theoretical generalizations on the topic under consideration.

Conclusion. Currently, there is an acute need to improve the formation of the legal culture of schoolchildren and students. To accomplish this task, it is necessary to create special pedagogical conditions aimed at educating a harmoniously developed and socially responsible person on the basis of spiritual and moral values, historical traditions and democratic principles of the Russian state.

Keywords: legal culture; legal awareness; youth; legal knowledge; education; legal education; legal education.

Funding: The work was carried out within the framework of the strategic academic leadership program "Priority-2030".

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zarubina K. A., Shishkareva T. N. Legal Culture and Legal Awareness of the Youth of the Kursk Region (According to a Sociological Study). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(4): 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-10-21>.

Received 31.05.2023

Accepted 27.06.2023

Published 30.08.2023

Введение

Правовая культура – это компонент духовной культуры, совокупность право-

вых знаний в виде установок, убеждений и норм, создаваемых в процессе жизнедеятельности общества. Она формируется

под воздействием системы правового и культурного обучения и воспитания [1, с. 134–136]. Данное понятие объединяет в себе широкий спектр правовых явлений, характеризующих социально-правовое состояние общественных отношений и выступающих действенным институциональным, интеллектуально-волевым, психологическим инструментарием правового преобразовательного воздействия на самые значимые сферы общественных отношений [2, с. 68–69].

Правосознание, в свою очередь, является формой общественного сознания, которая представляет собой систему правовых идей, взглядов, теорий, убеждений, представлений, настроений, чувств, оценок, выражающих отношение отдельных лиц социальных групп и общества в целом к праву, правовым явлениям, а также поведению людей в сфере права [3, с. 10–20]. При этом понятие правовой культуры является шире, чем понятие правосознания, поскольку правовая культура включает в себя наряду с психологическими и идеологическими элементами юридически значимое поведение, в то время как сущность правосознания раскрывается исключительно через духовную сферу жизнедеятельности человека [4, с. 6–15].

В настоящее время особую актуальность приобретает проблема формирования правовой культуры молодёжи, поскольку именно молодёжь в силу психоэмоциональных особенностей, свойственных данной возрастной категории, наиболее восприимчива к различного рода деструктивным воздействиям, генерируемым современным информационным пространством [5, с. 88–90; 6, с. 111–120; 7, с. 15–18]. Не для кого не секрет, что в настоящее время в информационно-коммуникативной среде прямо или косвенно пропагандируются коррупция, идеология национализма, экстремизма, ксенофобии, криминальное поведение и прочие негативные социальные явления, что в условиях обеспечения всеобщего свободного доступа к информации

крайне негативно влияет на формирование и развитие личности подростка [8, с. 17–20; 9, с. 229–232]. Современная молодёжь усваивает не те образцы поведения, подражает не тем идеалам, вследствие чего у подрастающего поколения вырабатывается искажённое восприятие правовых ценностей, явлений, формируются неправильные взгляды, убеждения и представления о праве и его роли в жизни общества и государства. Это вызывает серьёзную обеспокоенность, поскольку создание действительно сильного демократического, правового государства невозможно без активной созидательной деятельности молодёжи, обладающей высоким уровнем правовой культуры и правосознания [10, с. 247–248; 11, с. 45–48]. Вследствие чего необходимо систематическое формирование, стимулирование, позитивное социальное развитие правовой культуры и правосознания [12, с. 89–93]. На эту проблему указывают многие современные исследователи: В. А. Терещенко, И. Г. Ратникова [13, с. 384–387], Д. А. Рогатых, Ю. А. Бекишев [14, с. 31–35], В. П. Лабузова [15, с. 101–104], Е. И. Григорьева, С. П. Зайцева [16, с. 255–259], В. В. Иванова, Л. А. Кукушкина [17, с. 348–350] и другие [18, с. 51–53; 19, с. 227–228].

Вместе с этим стоит отметить, что несмотря на достаточно широкое освещение в научной литературе актуальных вопросов правовой культуры, правового воспитания и просвещения молодёжи отдельные теоретические выводы лишены объективности ввиду отрыва от реальности, вследствие чего в настоящее время особо важно для решения исследовательских задач использовать не только уже имеющиеся теоретические обобщения по рассматриваемой проблематике, но и эмпирические данные [20, с. 418–424]. С этой целью, полагаем, необходимо своевременно проводить социологические исследования, позволяющие выявить проблемные аспекты формирования право-

вой культуры и правосознания у подрастающего поколения и определить перспективы совершенствования правового воспитания и образования.

Целью данной работы является диагностика состояния правовой культуры и правосознания обучающихся старших классов общеобразовательных организаций и студентов вузов Курской области.

Методология

Для достижения поставленной цели в ходе исследования использовались принципы научной достоверности и объективности. Представленный подход позволяет комплексно, объективно проанализировать исследуемые источники. В результате работы использовались такие научные методы, как опрос в виде анкетирования, сравнительный метод, а также синтез и анализ, обобщение и систематизация. Метод опроса в виде анкетирования позволил произвести диагностику состояния правовой культуры и правосознания современной молодёжи (на примере обучающихся старших классов общеобразовательных организаций, студентов высших учебных заведений Курской области). Метод сравнения позволил выявить проблемные области в сфере формирования правовой культуры и правосознания молодёжи. Методы синтеза, анализа, обобщения и систематизации в данном исследовании применялись при формулировании выводов.

Результаты и их обсуждение

Для выявления представлений школьников и студентов о значимости правовой культуры и правосознания в жизни общества и государства, проблемах формирования правовой культуры современной молодёжи и возможных путях решения проблемы нами была разработана анкета, состоящая из 25 вопросов. Анкетирование проводилось в 2023 г. среди школь-

ников старших классов общеобразовательных организаций и студентов вузов Курской области, обучающихся на юридических и неюридических направлениях. В опросе участвовали более 250 человек, как мужского, так и женского пола в возрасте от 13 до 38 лет, что позволяет говорить о репрезентативности выборки [21, с. 93]. Гарантией достоверности предоставляемых ответов выступал анонимный характер анкетирования.

По итогам проведенного исследования нами были получены следующие результаты.

Большинство опрошиваемых школьников отметили следующее утверждение на положительном полюсе шкалы, относящееся к переменной; «независимость судей»; «суд должен быть независимым от других ветвей власти для осуществления правосудия» (39,4%); на отрицательном полюсе шкалы большинство школьников выбрали следующие утверждения: «судья должен с повышенным вниманием относиться к позиции прокурора, ведь они оба защищают интересы государства» (24,5%), «нельзя допускать слишком большой независимости судей, ведь суд – это часть единой государственной машины» (17%).

Большинство студентов юридических факультетов посчитали верным утверждение о том, что суд должен быть независимым от других ветвей власти для осуществления правосудия (65,6%), при этом только 48,6% студентов неюридических факультетов выбрали это утверждение. На отрицательном полюсе шкалы 11% студентов юридических факультетов выбрали следующее утверждение: «нельзя допускать слишком большой независимости судей, ведь суд – это часть единой государственной машины», остальные утверждения выбрали значительно меньшее количество студентов. Студенты неюридических факультетов выбрали следующие утверждения на отрицатель-

ной шкале данной переменной: «судья должен с повышенным вниманием относиться к позиции прокурора, ведь они оба защищают интересы государства» (19,3%), «нельзя допускать слишком большой независимости судей, ведь суд – это часть единой государственной машины» (15%).

По вопросу о правах человека большинство школьников придерживаются представления о том, что права человека выше законов, а государство должно их гарантировать и защищать. Так, на позитивной шкале данной переменной большинство школьников выбрали следующие утверждения: «справедливость важнее закона» (43,6%), «каждый человек от рождения обладает неотъемлемыми правами, и они важнее любых законов» (40,4%). Только 12,8% школьников выбрали утверждение, находящееся на отрицательном полюсе: «не существует прав человека вообще, есть только права граждан». Среди студентов юридических факультетов концепцию естественных прав поддержало 81% опрошенных, а среди студентов неюридических факультетов – 78%.

При выборе ответов по переменной «законопослушание» большинство школьников выбрало утверждение: «любой закон надо выполнять всегда» (61,7%). При этом из ответов, относящихся к отрицательному полюсу шкалы, часть школьников остановили свой выбор на ответе, свидетельствующем о прагматичном отношении к закону, выбрав утверждение – «закон надо соблюдать из-за возможности наказания» (19%). Среди студентов юридических факультетов неукоснительную готовность соблюдать закон выразило 75,5% опрошенных, среди студентов неюридических факультетов – 56,4%. При этом среди ответов студентов юридических факультетов по отрицательной шкале самым популярным утверждением было следующее: «бессмысленно соблюдать законы, если их не соблюдает

власть» (19%). Это же утверждение среди студентов неюридических факультетов поддержало 14,3% опрошенных, а утверждение о необходимости соблюдения закона из-за угрозы наказания – 11%.

Большинство школьников выразили доверие к деятельности правоохранительных органов и высоко оценили состояние законности и правопорядка в Российской Федерации. Так, школьники выбрали два утверждения, относящихся к положительному полюсу страны: «гражданин в нашей стране может доверять правоохранительным органам» (40,4%) и «любой человек должен оказывать помощь органам правопорядка» (38,3%). Только 18% школьников выбрали одно из утверждений, находящихся на отрицательном полюсе шкалы: «помощь органам правопорядка следует оказывать только в тех случаях, когда возникла угроза твоим интересам или интересам твоих близких». Среди студентов юридических факультетов по этой переменной большинство студентов выбрали следующие утверждения: «гражданин в нашей стране может доверять правоохранительным органам» (48%), «любой человек должен оказывать помощь органам правопорядка» (54,3%). Это же утверждение выбрали соответственно 25% и 33,4% опрошенных. На отрицательной шкале среди студентов неюридических факультетов наиболее популярным оказалось утверждение «помощь органам правопорядка следует оказывать только в тех случаях, когда возникла угроза твоим интересам или интересам твоих близких» (25%), у студентов юридических факультетов это утверждение выбрало только 7% опрошенных.

Также опрошиваемые школьники практически одинаково оценили правильность всех трёх суждений, находящихся на положительной шкале переменной, отражающей нетерпимость к нарушению законов: «в нашей стране

всегда положительно относятся к правомерному поведению граждан и отрицательно к неправомерному поведению» (41,5%), «любое неправомерное поведение находит негативный отклик в обществе» (41%), «большинство граждан в нашей стране ассоциируют свое поведение с правомерным и стремятся быть законопослушными» (40%). Среди студентов юридических факультетов эти утверждения выбрали 60% опрошенных, а среди студентов неюридических факультетов – 50% опрошенных. При этом ни одно из утверждений, находящихся на отрицательной шкале данной переменной, не набрало более 5% голосов опро-

шиваемых, как среди школьников, так и среди студентов.

Примечательно, что большинство опрошенных, как среди студентов, так и среди школьников, считают себя законопослушными гражданами (школьники – 81,9%, студенты юридических факультетов – 95,4%, студенты неюридических факультетов – 85,7%). Как видим, более законопослушными себя считают студенты юридических факультетов.

Среди основных функций права школьники и студенты юридических и неюридических факультетов выделяют регулирующую функцию и функцию обеспечения правопорядка права (рис. 1).

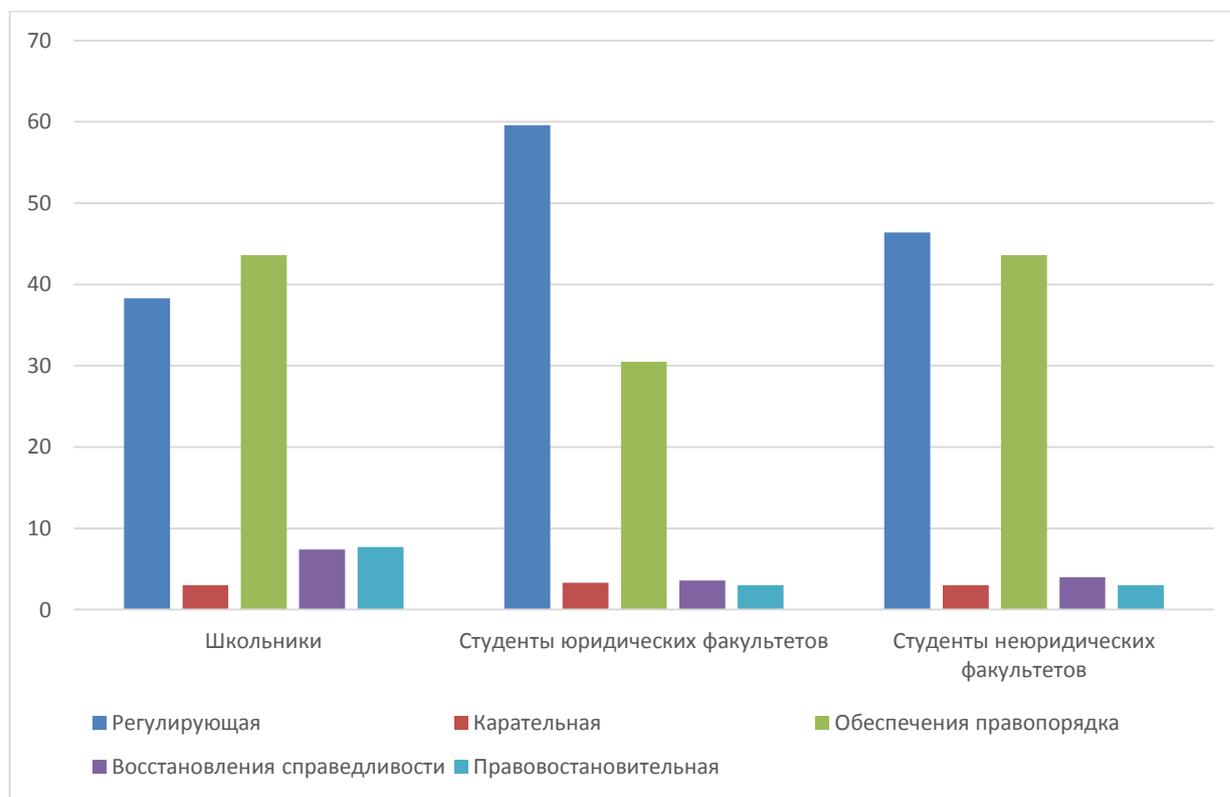

Рис. 1. Ответы опрошенных на вопрос «Какова по вашему мнению основная функция права?» (по данным социологического исследования)

На вопрос «как Вы относитесь к обязанностям гражданина РФ?» большинство опрошенных ответили следующим образом: «все обязанности необходимо выполнять, закон есть закон». Некоторые отметили, что целесообразность некото-

рых обязанностей им не понятна, поэтому от отдельных обязанностей можно уклоняться.

Интересны ответы опрошенных на вопрос «чьи интересы отражены в праве?» (рис. 2).

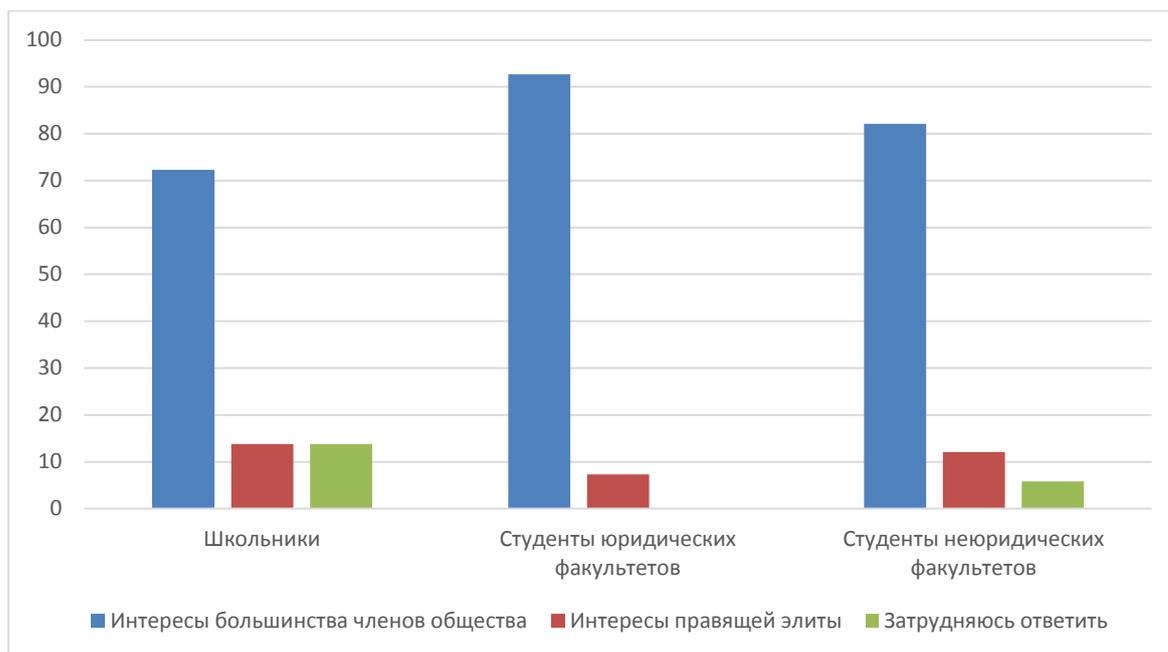

Рис. 2. Ответы опрашиваемых на вопрос «чи интересы отражены в праве?» (по данным социологического исследования)

Так, 72,3% школьников, 92,3% студентов юридических и 82,1% студентов неюридических факультетов считают, что в праве отражены интересы большинства членов общества. Как видно, наибольшую правосознательность проявляют будущие юристы.

Большинство опрашиваемых (61,7% школьников и 74,2% студентов юридических факультетов, 58,6% студентов неюридических факультетов) сообщили бы о ставшем им известном факте преступления правоохранительным органам. Некоторые отметили, что сообщили бы правоохранительным органам о преступлении в зависимости от категории преступления или сообщили бы лишь в том случае, если бы это не представляло для него самую опасность.

В случае обмана при покупке чего-либо или при пользовании услугами большинство опрашиваемых школьников (35,1%) и студентов неюридических факультетов (36,4%) отметили, что попытались бы решить вопрос мирно; 49% студентов юридических факультетов предъ-

явили бы претензию в письменном виде, отстаивая свои интересы всеми законными способами, в том числе в судебном порядке. Полагаем, что в данном случае при ответе на вопрос будущие юристы применили правовые знания, а студенты неюридических факультетов и школьники исходили из житейского опыта.

При ответе на вопрос «кого Вы считаете источником власти?» получены следующие результаты (рис. 3).

Так, основным источником власти 50% школьников считают Президента, однако почти 70% студентов юридических факультетов и 37,1% студентов неюридических факультетов к источникам власти отнесли народ. Остальные выделяли среди источников власти парламент, некоторые затруднялись ответить. Полагаем, в этом случае школьники руководствовались житейскими представлениями о силе власти Президента в России, в то время как студенты (особенно юридических факультетов) основывались на конституционных положениях.

Отметим, что большинство опрошенных, как среди школьников, так и среди студентов, считают, что права

граждан в РФ соблюдаются или преимущественно соблюдаются.

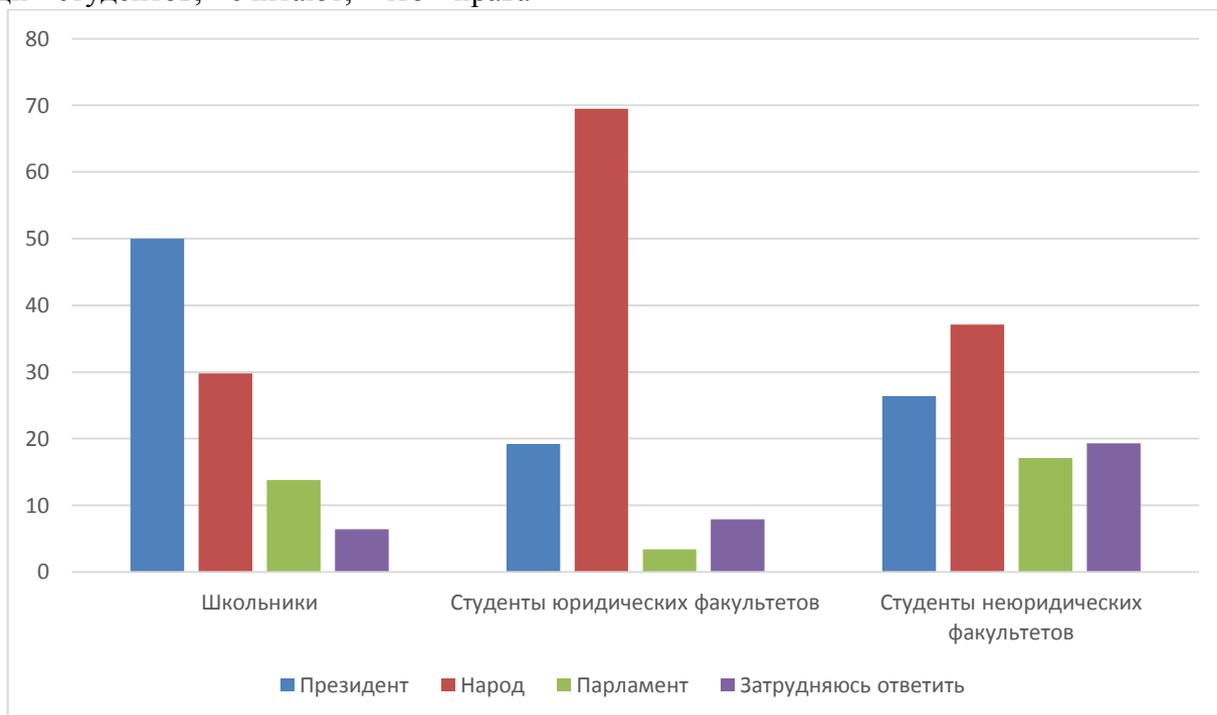

Рис. 3. Ответы опрошиваемых на вопрос «кого Вы считаете источником власти в стране?» (по данным социологического исследования)

Почти все школьники и студенты отмечают необходимость наличия правовой культуры в современном обществе (как для повседневной жизни, так и для осуществления будущей профессиональной деятельности). В обычной жизни с необходимостью использования правовых знаний также сталкивалось большинство опрошенных (56,4% школьников, 87,4% студентов юридических факультетов, 62,9% студентов неюридических факультетов). При этом свой уровень правовой культуры как высокий оценивают всего лишь 14,9% школьников, 20,5% студентов юридических факультетов 10,7% студентов неюридических факультетов. Большинство считает имеющиеся правовые знания средними и желает повысить свой уровень правовой культуры.

К основным причинам недостаточно высокого уровня правовой культуры современного человека опрошиваемые относят недостаточную правовую пропа-

ганду в средствах массовой информации, сети Интернет, ограниченный доступ населения к нормативно-правовой базе, быстро меняющееся законодательство, низкую образованность населения, сложность правовых норм для понимания, недостаточное вовлечение граждан в правотворческую деятельность.

Как школьники, так и студенты юридических и неюридических факультетов полагают, что для повышения уровня правосознания молодёжи необходимо задействовать такие социальные институты, как семья, учебные заведения, органы государственной власти, общественные организации, учреждения культуры.

Среди основных путей повышения правовой культуры опрошиваемые выделили: увеличение часов, отводимых на изучение права в образовательных организациях разного уровня; усиление правового просвещения через СМИ, информационно-коммуникативные технологии;

организацию встреч обучающихся, студентов с юристами, представителями органов государственной власти.

Выводы

Таким образом, полученные в результате проведённого анкетирования данные свидетельствуют о том, что правовая культура студентов юридических факультетов заметно выше, чем студентов неюридических факультетов и обучающихся общеобразовательных организаций Курской области. Это объясняется наличием профессиональных знаний у первой группы опрошиваемых. Недостаточно высокие результаты самооценки уровня правовой культуры сочетаются с некоторой неудовлетворённостью опрошиваемых работой отдельных институтов власти. Среди опрошиваемых также существует определённый контингент участников, которые не смогли ответить на отдельные вопросы анкеты (в первую очередь, среди школьников и студентов неюридических факультетов). Полагаем, что это объясняется непониманием от-

дельных свойств, структуры и содержания правовой культуры. При этом стоит отметить, что, несмотря на недостаточно высокий уровень правовой культуры и правосознания студентов неюридических факультетов и школьников, большинство осознаёт необходимость правового просвещения среди молодёжи, отдавая предпочтение при выборе способов повышения уровня правосознания таким социальным институтам, как семья, учебные заведения, органы государственной власти, общественные организации.

Представленные результаты подтверждают необходимость совершенствования средств и методов формирования правовой культуры и правосознания школьников и студентов неюридических факультетов, что указывает на необходимость создания особых условий для целенаправленного воздействия, направленного на воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе правовых ценностей, а также повышение уровня правовой культуры и правосознания и мотивирование активного правомерного поведения.

Список литературы

1. Абдилов К. С. Общая характеристика правовой культуры // *Инновационная наука*. 2020. № 4. С. 134–136.
2. Палеха Р. Р. Правовая культура как элемент содержания правового воздействия // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 5(185). С. 68–69.
3. Бондарев А. С. Правовая культура общества: проблемы понятия и структуры // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2014. № 4(26). С. 10–20.
4. Бондарев А. С. Правосознание – неотъемлемая и ведущая часть правовой культуры // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2016. № 1(31). С. 6–15.
5. Лаварсланова М. Г. Правовое воспитание учащейся молодежи в цивилизованном государстве // *Мир науки, культуры, образования*. 2015. № 2(51). С. 88–90.
6. Шамсутдинова Д. В. Модель формирования гражданско-правовой культуры молодёжи в условиях социально-культурной деятельности // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2018. № 5(85). С. 111–120.
7. Тайкова Г. Л. Повышение правовой культуры студентов – одно из условий модернизации образования // *Педагогическая наука и практика*. 2021. № 1(31). С. 15–18.

8. Головченко А. В. Актуальные проблемы формирования правовой культуры российской молодежи в контексте противодействия информационному экстремизму // *Базис*. 2022. № 2(12). С. 17–20.
9. Рамазонова Ф. Европейский опыт профилактики экстремизма и терроризма, повышения правовой культуры среди молодежи на современном этапе // *Review of law sciences*. 2020. № 2. С. 229–232.
10. Смотрина О. С. Правовая культура молодежи Оренбургской области // *Известия Оренбургского государственного аграрного университета*. 2015. № 1(51). С. 247–248.
11. Роль молодого поколения в формировании современного гражданского общества / А. Н. Махмудова, К. Б. Суюнова, Ш. И. Артикова, Х. Х. Рустамова, В. А. Мамиров // *Достижения науки и образования*. 2020. № 3(57). С. 45–48.
12. Каюмова К. Г. Роль правового образования и воспитания школьников в формировании правовой культуры // *Актуальные вопросы современной науки*. 2010. № 15. С. 89–93.
13. Терещенко В. А., Ратникова И. Г. Особенности правового нигилизма современной российской молодежи // *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 3(70). С. 384–387.
14. Рогатых Д. А., Бекишев Ю. А. Правовая грамотность молодежи как основа формирования правовой культуры // *Скиф*. 2016. № 1. С. 31–35.
15. Лабузова В. П. Актуальные проблемы воспитания правовой культуры молодежи в современной России // *Форум молодых ученых*. 2017. №12 (16). С. 101–104.
16. Григорьева Е. И., Зайцева С. П. Особенности формирования правовой культуры студенческой молодежи // *Социально-экономические явления и процессы*. 2014. № 12. С. 255–259.
17. Иванова В. В., Кукушкина Л. А. Пути повышения уровня правосознания студентов неюридических направлений подготовки // *Вестник Костромского государственного университета*. 2018. Т. 24, № 2. С. 348–350.
18. Рязанова М. Н. Формирование правосознания молодежи в условиях современного мира // *Вестник экономики, права и социологии*. 2021. № 2. С. 51–53
19. Лысенко Д. В., Латыпов А. Р. Формы и способы формирования правосознания студенческой молодежи // *Символ науки*. 2015. № 11-1. С. 227–228.
20. Орлова А. В., Шагбанова Х. С. Молодежная политика как важнейший ресурс формирования гражданского общества в современной России // *Образование и право*. 2022. №6. С. 418–424.
21. Оганян К. М. *Методология и методы социологического исследования*. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2016. 288 с.

References

1. Abdilov K. S. Obshhaya harakteristika pravovoi kul'tury [General characteristics of legal culture]. *Innovacionnaya nauka = Innovative science*, 2020, no. 4, pp. 134–136.
2. Paleha R. R. Pravovaya kul'tura kak element sodержaniya pravovogo vozdejstviya [Legal culture as an element of the content of legal impact]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*, 2020, no. 5 (185), pp. 68–69.
3. Bondarev A. S. Pravovaya kul'tura obshhestva: problemy ponyatiya i struktury [Legal culture of society: problems of concept and structure]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2014, no. 4 (26), pp. 10–20.
4. Bondarev A. S. Pravosoznanie – neot'emlemaya i vedushhaya chast' pravovoi kul'tury [Legal consciousness is an integral and leading part of the legal culture]. *Vestnik Permskogo uni-*

versiteta. *Juridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2016, no. 1 (31), pp. 6–15.

5. Lavarslanova M. G. Pravovoe vospitanie uchashheysya molodezhi v civilizovannom gosudarstve [Legal education of students in a civilized state]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture, education*, 2015, no. 2 (51), pp. 88–90.

6. Shamsutdinova D. V. Model' formirovaniya grazhdansko-pravovoj kul'tury molodezhi v usloviyah social'no-kul'turnoj deyatel'nosti [Model of formation of the civil culture of youth in the conditions of socio-cultural activity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2018, no. 5 (85), pp. 111–120.

7. Tajkova G. L. Povyshenie pravovoi kul'tury studentov – odno iz uslovii modernizatsii obrazovaniya [Improving the legal culture of students is one of the conditions for the modernization of education]. *Pedagogicheskaja nauka i praktika = Pedagogical science and practice*, 2021, no. 1 (31), pp. 15–18.

8. Golovchenko A. V. Aktual'nye problemy formirovaniya pravovoj kul'tury rossijskoj molodezhi v kontekste protivodeystviya informacionnomu ekstremizmu [Actual problems of formation of legal culture of Russian youth in the context of countering information extremism]. *Bazis = Basis*, 2022, no. 2 (12), pp. 17–20.

9. Ramazonova F. Evropejskij opyt profilaktiki jekstremizma i terrorizma, povysheniya pravovoj kul'tury sredi molodezhi na sovremennom etape [European experience in the prevention of extremism and terrorism. improving legal culture among young people at the present stage]. *Review of law sciences*, 2020, no. 2, pp. 229–232.

10. Smotrina O. S. Pravovaja kul'tura molodezhi Orenburgskoi oblasti [Legal culture of the youth of the Orenburg region]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Proceedings of the Orenburg State Agrarian University*, 2015, no. 1 (51), pp. 247–248.

11. Mahmudova A. N., Sujunova K. B., Artikova Sh. I., Rustamova H. H., Mamirov V. A. Rol' mladogo pokoleniya v formirovanii sovremennogo grazhdanskogo obshhestva [The role of the young generation in the formation of modern civil society]. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya = Achievements of science and education*, 2020, no. 3 (57), pp. 45–48.

12. Kajumova K. G. Rol' pravovogo obrazovaniya i vospitaniya shkol'nikov v formirovanii pravovoi kul'tury [The role of legal education and upbringing of schoolchildren in the formation of legal culture]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki = Topical issues of modern science*, 2010, no. 15, pp. 89–93.

13. Tereshhenko V. A., Ratnikova I. G. Osobennosti pravovogo nigelizma sovremennoi rossijskoj molodezhi [Ratnikova I.G. Features of legal nihilism of modern Russian youth]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture, education*, 2018, no. 3 (70), pp. 384–387.

14. Rogatyh D. A., Bekishev Ju. A. Pravovaya gramotnost' molodezhi kak osnova formirovaniya pravovoi kul'tury [Legal literacy of youth as a basis for the formation of legal culture]. *Skif = Skif*, 2016, no. 1, pp. 31–35.

15. Labuzova V. P. Aktual'nye problemy vospitaniya pravovoi kul'tury molodezhi v sovremennoi Rossii [Actual problems of education of legal culture of youth in modern Russia]. *Forum molodyh uchenyh = Forum of Young Scientists*, 2017, no. 12 (16), pp. 101–104.

16. Grigor'eva E. I., Zajceva S. P. Osobennosti formirovaniya pravovoy kul'tury studentcheskoj molodezhi [Features of the formation of the legal culture of student youth]. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy = Socio-economic phenomena and processes*, 2014, no. 12, pp. 255–259.

17. Ivanova V. V., Kukushkina L. A. Puti povysheniya urovnya pravosoznaniya studentov neyuridicheskikh napravlenii podgotovki [Ways to increase the level of legal awareness of stu-

dents of non-legal areas of training]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*, 2018, no. 2, pp. 348–350.

18. Ryazanova M. N. Formirovanie pravosoznaniya molodezhi v usloviyah sovremennogo mira [Formation of legal consciousness of youth in the conditions of the modern world]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2021, no. 2, pp. 51–53.

19. Lysenko D. V., Latypov A. R. Formy i sposoby formirovaniya pravosoznaniya studentcheskoj molodezhi [Forms and methods of formation of legal consciousness of student youth]. *Simvol nauki = Symbol of Science*, 2015, no. 11-1, pp. 227–228.

20. Orlova A. V., Shagbanova H. S. Molodezhnaya politika kak vazhneishii resurs formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v sovremennoy Rossii [Youth policy as the most important resource for the formation of civil society in modern Russia]. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2022, no. 6, pp. 418–424.

21. Oganjan K. M. Metodologiya i metody sociologicheskogo issledovaniya [Methodology and methods of sociological research]. 3th ed. Moscow, Jurajt Publ., 2016, 288 p.

Информация об авторах / Information about the Author

Зарубина Кристина Александровна, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kris1996z@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2725-6906

Kristina A. Zarubina, Lecturer of Departments of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kris1996z@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2725-6906

Шишкарева Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: grohotova@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-3838-5933

Tatiana N. Shishkareva, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: grohotova@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-3838-5933

Оригинальная статья / Original article

УДК 340.15

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-22-33>

Публичное право Молдавии XVI–XVII веков

И. И. Погорлецкая¹ ✉

¹ Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
ул. 25 Октября, д. 128, г. Тирасполь 3300, Молдавия

✉ e-mail: begass.iren@mail.ru

Резюме

Актуальность. Публично-правовые отношения Молдавии XVI–XVII веков продолжают развиваться на фоне законодательных процессов и принятия Уложения 1646 года – первого памятника молдавского права. Принятие Уложения ознаменовало новый этап в области развития публичного права в целом, областей судопроизводства и уголовного права в частности. Несмотря на то, что Уложение 1646 года сохранило нормы и институты, носившие для своего времени прогрессивный характер, оно закрепило тенденцию к ужесточению уголовной ответственности за преступления на фоне обострившейся классовой борьбы в молдавском обществе.

Целью статьи является определение круга основных источников публичного права Молдавии XVI–XVII веков, а также особенностей развития публично-правовых отраслей и их отдельных институтов средневековой Молдавии.

Задачи: проанализировать основные источники публичного права Молдавии XVI–XVII веков; определить особенности публично-правовых институтов средневекового молдавского государства.

Методология. Методологической основой послужил исторический метод исследования. Наряду с историческим методом исследования были использованы принципы системности и научной объективности.

Результаты научного исследования показали, что исследуемый период представлен множеством разнородных источников публичного права, особое место среди которых занимает первый памятник права Молдавии – Уложение Василия Лупу 1646 года, содержащий в основной своей массе нормы уголовно-правового характера. Несмотря на то, что молдавскому средневековому праву был свойственен ярко выраженный классовый характер, оно не только отражало классовый характер общественных отношений, но и содержало прогрессивные для своего времени нормы и положения.

Выводы. В целом можно сделать вывод, что на протяжении XVI–XVII веков продолжает развиваться область публично-правовых отношений. Этому способствовало и принятие Уложения 1646 года, которое, по сути, выступало памятником уголовного права. Наряду с Уложением продолжают применяться и другие памятники права, в числе которых можно назвать как византийское законодательство, так и канонические сборники.

Ключевые слова: публичное право; уголовное право; судопроизводство; Синтагма М. Властаря; Византийский Земледельческий закон; Уложение Василия Лупу.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Погорлецкая И. И. Публичное право Молдавии XVI–XVII веков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 10–21. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-10-21>.

Поступила в редакцию 14.06.2023

Принята к публикации 21.07.2023

Опубликована 30.08.2023

Public Law of Moldova in the 16th – 17th Centuries

Irina I. Pogorleckaya¹✉

¹Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko
25 Oktyabrya Str. 128, Tiraspol 3300, Moldova

✉ e-mail: begass.iren@mail.ru

Abstract

Relevance. The public legal relations of Moldova in the 16th-17th centuries continue to develop against the backdrop of legislative processes and the adoption of the Code of 1646 - the first monument of Moldovan law. The adoption of the Code marked a new stage in the development of public law in general, the areas of legal proceedings and criminal law in particular. Despite the fact that the Code of 1646 contained norms and institutions that were progressive for their time, it consolidated the tendency to toughen criminal liability for crimes against the backdrop of an intensified class struggle in Moldovan society.

The purpose of the article is to determine the range of the main sources of public law in Moldova in the 16th - 17th centuries, as well as the features of the development of public law branches and their individual institutions in medieval Moldova.

Objectives: analyze the main sources of public law in Moldova in the 16th-17th centuries; to determine the features of public law institutions of the medieval Moldavian state.

Methodology. The methodological basis was the historical method of research. Along with the historical method of research, the principles of consistency and scientific objectivity were used.

The results of the scientific study showed that the period under study is represented by many heterogeneous sources of public law, a special place among which is occupied by the first monument of the law of Moldova - the Code of Vasily Lupu of 1646, containing, for the most part, norms of a criminal law nature. Despite the fact that the Moldavian medieval law was characterized by a pronounced class character, it not only reflected the class character of social relations, but also contained norms and provisions progressive for its time.

Conclusions. In general, we can conclude that during the XVI-XVII centuries the area of public law relations continues to develop. This was facilitated by the adoption of the Code of 1646, which, in essence, acted as a monument of criminal law. Along with the Code, other monuments of law continue to be applied, including both Byzantine legislation and canonical collections. Moldavian feudal law, like the law of other European states, was characterized by a class character. At the same time, the first monument of Moldovan law - the Code of Vasily Lupu of 1646 - contained a developed conceptual apparatus, progressive concepts for its time, such as recidivism, necessary defense, extreme necessity, mitigating and aggravating circumstances, circumstances excluding criminal liability.

Keywords: public law; criminal law; legal proceedings; Syntagma M. Vlastarya; Byzantine Agricultural Law; Vasily Lupu Code.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Pogorleckaya I. I. Public Law of Moldova in the 16th – 17th Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 22–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-22-33>

Received 14.06.2023

Accepted 21.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

Молдавское феодальное право выступало инструментом экономического, социально-политического принуждения крестьян. Ему был свойственен отчетливо выраженный классовый характер, неравенство в правах. Молдавское фео-

дальное право выступало как право-привилегия для экономически и политически господствующего класса.

В период XVI–XVII вв. продолжают развиваться отрасли публичного права, в числе которых ведущую роль занимало уголовное право. Основным источником

уголовного права можно назвать Уложение Василия Лупу 1646 г. – первый памятник уголовного права молдавского государства. В Уложение вошел так называемый «Земледельческий закон», который действовал в Молдавии уже с XVI в. Несмотря на то, что система уголовного права, содержащаяся в «Земледельческом законе», на момент принятия Уложения во многом устарела, законодатель все же включает его в Уложение. «Земледельческий закон» был положен в основу первых одиннадцати глав Уложения. Это свидетельствует о том, что «он был источником права, мимо которого не мог пройти молдавский законодатель в 1646 г., так как он не мог пренебречь законом, к которому и раньше продолжительное время обращался молдавский феодальный суд, но который по ряду своих статей к XVII в. начинает стареть» [1, с. 125].

Нормы уголовного права содержались и в канонических сборниках. К их числу можно отнести «Правила» монаха Дамиана из Ясс 1495 г., Правила Бисерикань (н. XVI в.), «Нямецкие правила» (из молдавского монастыря Нямец) 1557 г., «Путнянские правила» (из молдавского монастыря Путна) 1581 г., Синтагма М. Валастаря Номоканон, составленный на основе Синтагмы М. Властаря нотариусом Тебской митрополии Мануилом Малаксосом в 1562 г., избранные Правила Еустратия 1632 г.

На протяжении XVI–XVII вв. в Молдавии продолжил развиваться суд и судопроизводство. Суд в Молдавии рассматриваемого периода не был отделен от администрации: органы управления выполняли одновременно судебные функции. В числе органов, уполномоченных рассматривать дела, можно назвать господаря, который рассматривал особо важные дела, господарский совет, получивший с XVII в. название Диван. В компетенцию местных судов входило рассмотрение незначительных дел; более значимые дела направлялись в уездный

суд. В Молдавии различалось светское и духовное судопроизводство. К церковным судам относились «греховные» дела светских и духовных лиц.

Методология

При написании статьи был использован исторический метод исследования, который позволил проследить эволюцию публично-правовых отраслей феодальной Молдавии. Принципы системности, научной объективности позволили исследовать закономерности развития публичного права средневекового молдавского государства.

Результаты и их обсуждение

Уголовное право молдавского государства рассматривало преступление как причинение любого вреда (материального, физического, морального) и было основано на представлении о преступлении как нарушении обычая. Преступление причиняло вред не только конкретному лицу, но и господарю, государству, обществу. В целом, вплоть до середины XVI в., уголовное право Молдавии было относительно мягким, в числе основных наказаний преобладали имущественные наказания. Преступление понималось не только как виновное причинение вреда, но и как нарушение закона. Уложение В. Лупу 1646 г. ставило вопрос о виновности в зависимости от знания или незнания закона. Люди, не знавшие закон, т. е. Уложение, наказывались меньше, чем знающие закон и преступившие его. К лицам, не знающим закон, Уложение относилось женщин и крестьян.

Субъектом преступления мог быть только свободный человек. Холопы не несли самостоятельной ответственности, за них отвечал господин. Молдавское право исходило из принципа личной уголовной ответственности. Лишь в некоторых случаях предусматривалась коллективная ответственность, например, членов общины.

Начиная с XV в. в молдавском праве различались преступления особо опасные и все остальные, которые назывались «великое и малое дело», «великие и малые вины». Под «великой виной» понимались убийства, разбой. К числу тяжких преступлений относились «хитлянство», преступления против господаря, переход на сторону врага. Наказанием за хитлянство была смертная казнь и конфискация. К изменникам господаря применялись также членовредительные наказания, такие как отрезание носа, ушей, ослепление. В Синтагме М. Властаря содержалось положение, что «покусившийся на жизнь царя или на благосостояние государства наказывается смертью, а его имущество отбирается в казну» [2]. К «малым винам» Уложение В. Лупу относит, например, кражу в первый раз кур, гусей и других птиц [3].

В числе видов преступлений можно выделить: преступления против личности, которые включали в себя убийство, телесные повреждения, кровавые и синие раны, оскорбление; преступления против суда и порядка управления, к которым относилось лжесвидетельство, подлог, подчистка документов, фальшивомонетничество; имущественные преступления: поджог, грабеж, татьба, разбой; преступления против земельной собственности включали рубку леса или кустарника [4, с. 156–157, 65; 5], ловлю рыбы [4, с. 181, 158; 5], пастьбу скота [6, с. 121, 145, 242, 307; 5], охоту на диких зверей [7, с. 75; 5], косьбу сена [8, с. 190, 242, 301; 5], запашку земли [6, с. 241–242, 301, 305; 7], сбор в лесу хмеля и орехов [6, с. 121] и т. д. При этом вотчинникам предоставлялось право защищать свои земли и уголья [4, с. 156–157, 181].

Выделялись преступления против семьи, нравственности, церкви. К их числу относились: кровосмешение, похищение невесты, изнасилование, прелюбодеяние. Синтагма М. Властаря предусматривала ответственность за кровосмешение в виде ссылки и телесных наказаний.

Уголовное право Молдавии имело достаточно развитый понятийный аппарат, содержало достаточно прогрессивные для своего времени положения. Так, в уголовном праве содержались такие понятия, как рецидив, необходимая оборона, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность. Например, при наказании за татьбу в третий раз назначалась смертная казнь; обстоятельством, смягчающим вину, было совершенное преступление в состоянии опьянения, знатное социальное происхождение, несовершеннолетний возраст, психическая неполноценность преступника [9, с. 89]. Молдавское право знало понятие соучастия, хотя и не различало его виды.

Уложение предусматривало ответственность за подстрекательство, уговор и помощь к совершению преступления. Так, Уложение закрепляло: «Человек помогает другому совершить преступление, когда он ему дает деньги, или людей, или лошадей, или оружие, или лестницы для того, чтобы куда-нибудь залезть, или иные орудия того же рода, которые позволяют совершить преступление, так как они это задумали; он ему помогает, прежде всего, тогда, когда он сам лично направляется, чтобы оказать содействие исполнителю, дабы они совершили преступление совместно» [10, с. 807]. В этой связи различался советчик и помощник в совершении преступления, которые несли, в соответствии с Уложением, разной степени наказания. Так как «советовать кому-либо совершить преступление и посылать кого-либо на совершение преступления — это две разные вещи, ибо тот, кто советует совершить преступление, рассчитывает на приобретение выгоды тем, кому он дает совет, в то время как тот, кто посылает на совершение преступления, рассчитывает только на свою выгоду, а совершенно не на выгоду того, кого он посылает» [10, с. 807].

Уложение В. Лупу содержало возможность назначения наказания в зави-

симости от тяжести содеянного, предусматривало более жестокое наказание для преступлений, совершенных в современном понимании с особой жестокостью. Так Уложение закрепляет: «Если кто-либо советует другому убить третьего и если другой не удовлетворится тем, что убьет третьего, но начинает мучить его, например, отрезает ему нос или выкалывает ему глаза или причиняет ему иным образом увечье с тем, чтобы затем убить, советчик не понесет то же наказание, что и убийца; следует, чтобы последний был наказан мучительной смертью, тогда как советчику следует только отрубить голову» [10, с. 807].

Уложение содержало ряд прогрессивных норм, которые существуют и в настоящее время в уголовных законодательствах европейских государств, например, норму, близкую к современному пониманию права не свидетельствовать против своих близких родственников. Так, жена, оказавшая помощь мужу, после совершения им преступления, к ответственности не привлекалась и наказания не несла (п. 2 гл. 75 Уложения). Также нормы принципа презумпции невиновности. Пункт 2 главы 72 Уложения закрепляет, что «если пособник давал свои орудия, зная, что они необходимы для совершения преступных действий, ибо если он их дал для иного добропорядочного применения, а второй применил их для преступных действий, оказавший помощь не будет наказан так, как виновник; чаще всего судья поверит, что орудия были даны для иных целей, а не для того, чтобы служить преступным действиям».

Молдавское уголовное право знало институт смягчающих и отягчающих вину обстоятельств. К числу смягчающих вину обстоятельств относились: несовершеннолетний возраст – до 14 лет; физические недостатки – слепота, глухота; психическая неполноценность; состояние опьянения; принадлежность к высшим классам – боярство; совершение преступ-

ления женщиной (главы 51–56 Уложения В. Лупу). К числу смягчающих вину обстоятельств также относилось: совершение преступления искусным ремесленником; под влиянием страсти (п. 1 гл. 63, п. 2 гл. 61 Уложения В. Лупу). Недоносительство не наказывалось, но предание суду сына-преступника отцом или отца-преступника сыном служило смягчающим обстоятельством. К обстоятельствам, отягчающим вину, относились: покушение на жизнь, честь, имущество бояр; рецидив преступления; совершение преступления с умыслом.

Система наказаний за совершенные преступления в праве Молдавии XVI–XVII вв. была довольно разветвленной. Молдавское право не знало обычая кровной мести: «...ввиду развития глубоких классовых противоречий она была отброшена как примитивный институт, касающийся всех людей, независимо от их социального происхождения» [9, с. 93].

Поскольку наряду с законодательными актами в Молдавии действовали нормы обычного права, существовала разница между санкциями статей по обычному праву и местным (заимствованным византийским) законодательством. Таким положением пользовались господствующие классы, т. к. имущие классы имели возможность выкупаться, уплатив по обычаю штраф, в то время как к неимущим применялись нормы рецептированного права с наказаниями, направленными на личность.

Характерной чертой системы наказаний по Уложению В. Лупу была их неопределенность, зависимость от воли судьи, особая мягкость наказания для представителей господствующего класса при особой жестокости наказаний для эксплуатируемых низов. Например, знатный боярин, совершивший умышленное убийство, наказывался по воле судьи штрафом на большую сумму денег, в то время как незнатный карался смертной казнью. Убийство правителя (судьи), господарских слуг и других феодалов

рассматривалось как посягательство на самого господаря. Уложение В. Лупу ужесточало наказания за преступления против экономических прав государства: фальшивомонетчество, преступления против земельной собственности: противоправное пользование землями и водами и завладение ими. Система наказаний в XVII в. начинает больше отвечать принципу индивидуализации ответственности и наказания как более прогрессивного.

Необходимо отметить, что единства в системе наказаний к началу XVII в. еще не сложилось. Самым суровым наказанием выступала смертная казнь. Она применялась к изменникам господаря, разбойникам, за татьбу в третий раз. В грамоте Арона Тирана в 1592 г. предписывается: «А того из сыновей Малика, который еще раз нарушит, вы должны повесить, так как много раз жаловались нам и потеряли судебную тяжбу сыновья Малика» [6, с. 42]. В документе от 11 июля 1623 г. предписывается, что крестьян села Шкеи, которые захватывают земли монастыря святого Ильи, жестоко наказывать, «избив тремя стами ударами палок, пока их не раздробят» [11, с. 235], что, по сути, было вынесением смертного приговора.

В числе членовредительных видов наказания были: клеймение за лжесвидетельство, за измену господарю; усечение носа. Так, в жалованной грамоте господаря Арона Тирана монастырю Секул от 19 июля 1594 г. сказано: «Чтобы никто не смел ловить рыбу, где это указано выше, а если посмеет, тот пусть хорошо знает, что мое господство отрежет ему руки» [12, с. 113]. В грамоте от 15 июля 1595 г. содержится указание на то, что тот, кто посмеет пасти скот, сеять хлеб, рубить дрова или удить рыбу, «тот человек будет иметь большое наказание от нас» [6, с. 145], т. е. от господаря. Существенное количество подобных документов позволяет сделать вывод о том, что подобная практика членовредительных наказаний не была редкостью.

Широкое распространение получили судебные штрафы. Наряду с судебными штрафами, которые взыскивались в пользу государства, существовали взыскания в виде возмещения вреда потерпевшему или его семье. Господарь Василий Лупу в своей грамоте от 6 июня 1635 г. указывал на необходимость оплатить сено, скошенное в результате захвата земли [13, с. 16].

Уложение Василия Лупу содержит норму, предусматривающую «уничтожение домов бедных людей», самовольно возведенных на частно-феодалных землях [14, с. 10–11]. Феодалный землевладелец является собственником всех возведенных строений на земле, и крестьянин, построивший хату, теряет на нее право собственности [14, с. 11].

В качестве наказания применялись и каторжные работы на соляных копиях. Уложение В. Лупу содержало позорящие наказания, унижающие преступника – водили по городу обнаженным, верхом на осле лицом к хвосту, привязывали к хвосту лошади и др.

Суд в средневековой Молдавии, как и в других раннефеодалных государствах, не был отделен от администрации: органы управления выполняли одновременно и судебные функции. Суд осуществляла государственная администрация, а высшей судебной инстанцией выступал сам господарь. Наряду с господарем судебные функции принадлежали великим ворникам; пыркэлабам; городскому ворнику и городскому совету. Правом суда пользовались также шолтузы, пыргаре, дворники, глобники, представители государственной власти на местах и другие влиятельные лица [15, с. 152]. К числу местных судов относились суды пыркэлаба и городские суды, решение которых могли быть обжалованы в высший суд во главе с господарем. К специализированным духовным судам относились суды митрополита и епископов. Тем самым, судебная система характеризовалась разветвленностью и множеством

лиц, наделенных правом выполнять судебные функции.

Господарский суд не только носил классовый характер, но требовал существенных расходов, как со стороны истца, так и со стороны ответчика. Кантемир указывал на то, что «каждому разрешается подавать ему свои жалобы, которые собирает третий спатарь и по возвращении господаря во дворец кладет ему на стол... Потом по вечерам третий логофет читает господарю эти ходатайства и на обороте прошений записывает решение господаря. Он же разрывает пополам жалобы, в которых заметит что-нибудь противное истине и справедливости. Затем спатарь возвращает все прошения жалобщикам. Начальник же апродов обязан привести в исполнение волю господаря...» [16, с. 128–129].

Судебный процесс в Молдавии эволюционировал от суда состязательного (обвинительного) к суду следственному (инквизиционному). Молдавское право не знало разницы между гражданским и уголовным процессами. Процесс носил состязательный характер и начинался по жалобе истца. Следственный (инквизиционный) процесс применялся при расследовании особо опасных дел государства. Инквизиционная форма процесса (розыск) не предполагала обязательного участия сторон в суде. К числу дел, рассматриваемых в инквизиционном процессе, можно отнести: дела о душегубстве, разбое, преступлений, направленных на подрыв государственной власти и др.

Обращение в суд могло быть подано как в устной, так и в письменной форме. Устная форма допускалась при обращении в местные суды, устная и письменная – в цинутные и господарские суды. Иск в суд мог предъявить не только потерпевший, но и третье лицо (отец, муж, хозяин). В качестве истцов и ответчиков не могли выступать вечины – зависимые крестьяне, не имеющие на обращение в суд юридических прав. От имени вечинов

выступал их владелец. Так, в грамоте от 28 января 1615 г. Небожатко урикар и Иоан Хэугул питар заключили соглашение о совместном пользовании рыбными прудами. В грамоте записано: «Мы так договорились: я буду удить в моем пруде неводом, а в пруде Хэуга волоком. В его пруде не буду удить волоком ни я, ни мои вечины» [7, с. 188].

Судебные дела могли быть рассмотрены как по нормам обычного права, так и по писаным законам. В случае рассмотрения дела по нормам обычного права по окончании процесса никаких документов не выдавалось, факт состоявшегося суда нигде не фиксировался. Если суд происходил по нормам писаного права, после суда выдавались судебные свидетельства (книги) с указанием статьи закона, по которым рассматривали дело.

В молдавском праве сохранились две архаичные формы процесса: гонение следа и свод. «Гонение следа» – это поиски преступника по его следам. Там, где терялся след, считалось, что и находится преступник. В этом случае община должна была или заплатить штраф, или выдать преступника. Вплоть до XV в. след гнали до соседнего села, а там его передавали соседней общине и все вместе вели поиски преступника. Если след прерывался на общинных землях или в середине села, община могла отступить от конкретного лица, например, от того, кто отсутствовал на гонении следа, либо могла принять решение «трясти» себя поголовно, т. е. устроить обыск. С XV в. обязанность общины «гнать след» с целью вывести след или выдать преступника было заменено уплатой определенной денежной суммы, а сама эта процедура была передана представителям государственного аппарата – «следогонцы».

В числе доказательств принимались: собственное признание, свидетельские показания, «повальный обыск» – за невозможностью указать на свидетелей, присяга, жребий, «поле», письменные доказательства. По свидетельству А. И. Галбен,

«поле» встречается в документах Российского государственного архива древних актов, относимых к началу XVIII в. исключительно в славянских селах Транснистрии, а на территории Молдавии и Валахии не встречались [17]. За организацией поединка следил надельщик. Участвующие в поединке зачастую пользовались тяжелым оружием. Для исследуемого периода были характерны ордалии, формализм и ритуализм.

Пытка обычно применялась как в гражданских, так и в уголовных делах в качестве «средства доказывания». Уложение В. Лупу 1646 г. предусматривало применение пытки в процессе расследования и разбирательства уголовного дела большим количеством статей (ст. 27, 28 гл. 9; ст. 12, гл. 57; ст. 11 гл. 69; ст. 2 гл. 74; ст. 12 гл. 75; ст. 12, гл. 77) [3]. Применение в процессе допроса истязания людей предусматривалось и действовавшим в Молдавии Земледельческим законом, чаще всего применялось по уголовным делам.

Письменные доказательства относились к важнейшему виду доказательств. Письменные доказательства делились на две группы: договорные акты, заключенные частными лицами (закладные, духовные), и официальные акты, выдававшиеся от имени государства (жалованные грамоты, судебные решения, межевые акты и др.).

За обращение в суд взималась пошлина. Пошлины взимались также за розыск ответчика, за производство, за расследование по делу, за возможность искать правду, за пересуд (обжалование) и др. Судебная пошлина взималась за выдачу судом грамот – правовых, отпускных, бессудных. Судебная пошлина взималась с более заинтересованной стороны, которая могла в случае выигрыша дела взыскивать ее с проигравшего лица.

Экспертиза применялась при сложных судебных делах. К экспертизе прибегали тогда, когда суд нуждался в привлечении лица, обладавшего специальными

знаниями. В качестве таких лиц могли привлекаться торговцы, пасечники, виноградари [17, с. 306]. Экспертиза могла заключаться и в оценке, например, затрат на строительство дома, запруды, определения стоимости сел.

Необходимо отметить, что единства в системе наказаний к началу XVII в. еще не сложилось. Иногда штраф в пользу государства расценивался уже как правовой обычай, при этом ряд документов содержат упоминания только об одном штрафе скотом в пользу государственной власти [19, с. 119].

Появились новая пошлина – «завязка», которая уплачивалась при повторном обращении в суд по уже решенному делу, например, при возобновлении проигранного судебного процесса по поводу права собственности на землю (грамота от 27 мая 1665 г.). Под названием «завязка» такой штраф был известен в источниках начала XVI в. [20, с. 11]

Приговор чаще всего носил обвинительный характер, был окончательным и обжалованию не подлежал. Весьма распространенным видом наказания выступала смертная казнь. Приговоренных к смерти обычно сажали на шесть недель в тюрьму для покаяния. Разбойников и убийц знатных людей казнили сразу после поимки. При нерешенных приговорах, наличии противоречивых доказательств, отсутствии собственного признания смертная казнь обычно заменялась пожизненным тюремным заключением с отдачей на поруки.

Решение могло быть обжаловано в суд высшей инстанции. По законченным делам, когда обе стороны были согласны с решением суда, выдавались судебные книги. Если одна из сторон не была согласна с решением суда, то выдавалось судебное свидетельство, которое давало право на обращение в господарский суд. После вынесения решения господарским судом процесс считался законченным, и судебные книги выдавались вне зависимости от мнения сторон. Об окончании

судебного дела второй логофет делал записи в журнале – реестре (*condica domneasca*). Сторона, выигравшая процесс, могла требовать выдачи соборной грамоты.

Особенность судопроизводства Молдавии состояла в том, что судебные решения очень часто оспаривались потерпевшими. Другой особенностью судопроизводства являлось то, что решение предыдущего господаря не являлось обязательным для последующих господарей. Не удовлетворенные решением дела стороны ожидали смены господаря с целью нового пересмотра дела.

Выводы

В исследуемый период продолжила развиваться область публично-правовых отношений. Источниками судопроизводства и уголовного права выступали: Уложение Василия Лупу 1646 г., куда вошел так называемый Земледельческий закон. Продолжило складываться уголовно-правовое законодательство, в том числе путем заимствования канонических сборников, содержащих нормы уголовного права. В исследуемый период происходило развитие основных институтов уголовного права: понятие преступления, его виды, обстоятельства смягчающие, отягчающие, исключаяющие уголовную ответственность и др.

Несмотря на то, что первый памятник молдавского уголовного права – Уложение Василия Лупу 1646 г. – отвечал потребностям класса феодалов, оно содержало не только развитый понятийный аппарат, но и такие прогрессивные для своего времени понятия, как рецидив, необходимая оборона, крайняя необхо-

димость, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность. Уложение содержало норму, предусматривающую более жестокое наказание для преступлений, совершенных с особой жестокостью, ответственность в отношении пособников в совершении преступления, а также норму, близкую к современному пониманию права не свидетельствовать против своих близких родственников; норму принципа презумпции невиновности.

К числу смягчающих вину обстоятельств относились: несовершеннолетний возраст – до 14 лет; физические недостатки – слепота, глухота; психическая неполноценность; состояние опьянения; принадлежность к высшим классам – боярство; совершение преступления женщиной, совершение преступления искусным ремесленником, под влиянием страсти. К обстоятельствам отягчающим вину относились: покушение на жизнь, честь, имущество бояр; рецидив преступления; совершение преступления с умыслом. Уложение регламентировало не только обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, но и обстоятельства, ее исключаящие: безумие, возраст, обычай места, приказ вышестоящего, самооборона и др.

В целом можно утверждать, что уголовное законодательство, область судопроизводства отражала сложившиеся общественные отношения. При этом можно отметить определенные тенденции к ужесточению уголовной ответственности, что имело цель защиты основ феодального строя молдавского государства.

Список литературы

1. Советов П. В. Преступления против земельной собственности в Молдавии XV – середины XVII вв. // Ученые записки. Кишинев, 1960. Т. 52. С. 115–136.
2. Властарь М. Алфавитная Синтагма // Собрание по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах / пер. с греч. свящ. Н. Ильинского. Симферополь: Тавр. Губ. тип., 1892. 410 с.

3. Carte românească de învățătură. 1646. București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1961. 431 p.
4. Documente privind istoria Romaniei. A. Moldova. Veacul XVI. Vol. II: 1551–1570 / comitetul de redacție: Ion Ionașcu [et al.]. Bucuresti: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1951. 333 p.
5. Documente privind istoria Romaniei. A. Moldova. Veacul XVII. Vol. II: 1606–1610 / comitetul de redacție: Ion Ionașcu [et al.]. Bucuresti: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1951.
6. Documente privind istoria Romaniei. A. Moldova. Veacul XVI. Vol. IV: 1591–1600 / comitetul de redacție: Ion Ionașcu [et al.]. Bucuresti: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1951.
7. Documente privind istoria Romaniei. A. Moldova. Veacul XVII. Vol. III: 1611–1615 / comitetul de redacție: Ion Ionașcu [et al.]. Bucuresti: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1954.
8. Documente privind istoria Romaniei. A. Moldova. Veacul XVI. Vol. III: 1571–1590 / comitetul de redacție: Ion Ionașcu [et al.]. Bucuresti: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1952.
9. Арамэ Е. С. Эволюция государственно-правовых институтов средневековой Молдовы, XV–XVIII вв. : дис. ... докт. юрид. наук. Одесса, 1992. 384 с.
10. Румынская книга наставлений (1646 г.) // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1961. 965 с.
11. Documente privind istoria Romaniei. A. Moldova. Veacul XVII. Vol. V: 1621–1625 / comitetul de redacție: Ion Ionașcu [et al.]. Bucuresti: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1957.
12. Documente privind istoria Romaniei. A. Moldova. Veacul XVI. Vol. I: 1501–1550 / comitetul de redacție: Ion Ionașcu [et al.]. Bucuresti: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1951.
13. Ghibanescu G. Surete si izvoade. Vol. IV. Iași: Tip. “Dacia”, 1908. 372 p.
14. Bujoreanu I. Colectiune de Legiuirile Romaniei vechi si cele noi. Bucuresti: Nowa Turogr., 1855.
15. Грекул Ф. А. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века / под ред. д-ра ист. наук проф. Л. В. Черепнина. Кишинев : Гос. изд-во Молдавии, 1950. 160 с.
16. Кантемир Д. Описание Молдавии. Кишинев: Картя молдовеняска, 1973. 222 с.
17. Галбен А. И. Развитие обычного права феодальной Молдавии, XVIII – пер. пол. XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Кишинев, 1982. 251 с.
18. Галбен А. И. Из истории феодального права Молдовы конца XVIII – начала XIX века (турецко-фанариотский период). Кишинэу: Ruxanda, 1998. 384 с.
19. Советов П. В. Законодательная политика по земельным правонарушениям в Молдавии до сер. XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959: [материалы симпозиума]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 112–123.
20. Молдавия в эпоху феодализма. Т. 5: Славяно-молдавские и молдавские грамоты и записи. 1661-1670 / сост.: Д. М. Драгнев, А. Н. Никитич, Л. И. Светличная, П. В. Советов; под ред. докт. исторических наук, профессора П. В. Советова. Кишинев: Штиинца, 1987. 328 с.

References

1. Sovetov P. V. Prestupleniya protiv zemel'noj sobstvennosti v Moldavii XV – serediny XVII vv. [Crimes against landed property in Moldova of the XV – mid XVII centuries]. *Uchenye zapiski = Scientific notes*. Chisinau, 1960, vol. 52, pp. 115–136.
2. Vlastar' M. Alfavitnaya Sintagma [Alphabetical Syntagma]. *Sobranie po alfavitnomu poryadku vsekh predmetov, sodержashchihsya v svyashchennyh i bozhestvennyh kanonah* [A collection in alphabetical order of all items contained in the sacred and divine canons]. Simferopol, Tavr. Gub. type., 1892. 410 p.
3. Romanian teaching book. 1646. Bucharest, Publishing house of the Academy of the Romanian People's Republic, 1961. 431 p. (In Romanian.)
4. Documents on the history of Romania. A. Moldova. XVI century, vol. II. 1551–1570 ; ed. by Ion Ionașcu [et al.]. Bucharest, Editura Academiei Republicii Populare Române, 1951. 333 p. (In Romanian.)
5. Documents on the history of Romania. A. Moldova. XVII century. Vol. II: 1606–1610 ; ed. by Ion Ionașcu [et al.]. Bucharest, Editura Academiei Republicii Populare Române, 1951. (In Romanian.)
6. Documents on the history of Romania. A. Moldova. XVI century. Vol. IV: 1591–1600 ; ed. by Ion Ionașcu [et al.]. Bucharest, Editura Academiei Republicii Populare Române, 1951. (In Romanian.)
7. Documents on the history of Romania. XVII century. Vol. III: 1611–1615 ; ed. by Ion Ionașcu [et al.]. Bucharest, Editura Academiei Republicii Populare Române, 1954. (In Romanian.)
8. Documents on the history of Romania. XVI century. Vol. III: 1571–1590 ; ed. by Ion Ionașcu [et al.]. Bucharest, Editura Academiei Republicii Populare Române, 1952. (In Romanian.)
9. Arame E.S. Evolyuciya gosudarstvenno-pravovyh institutov srednevekovoj Moldovy, XV-XVIII vv. Diss. dokt. jurid. nauk [Evolution of state-legal institutions of medieval Moldova, XV-XVIII centuries. Dr. legal sci. diss.] Odessa, 1992. 384 p.
10. Rumynskaya kniga nastavlenij (1646 g.) [The Romanian Book of Instructions (1646)]. *Hrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy* [Anthology of monuments of the feudal state and the law of European countries]; ed. by V. M. Koreckii. Moscow, Gos. izd-vo jurid. lit., 1961. 965 p.
11. Documents on the history of Romania. A. Moldova. XVII century. Vol. V: 1621–1625 ; ed. by Ion Ionașcu [et al.]. Bucharest, Editura Academiei Republicii Populare Române, 1957. (In Romanian.)
12. Documents on the history of Romania. A. Moldova. XVI century. Vol. I: 1501–1550 ; ed. by Ion Ionașcu [et al.]. Bucharest, Editura Academiei Republicii Populare Române, 1951. (In Romanian.)
13. Ghibanescu G. Surete and izvoade. Vol. IV. Husi, Tip. “Dacia”, 1908. 372 p.
14. Bujoreanu I. collection of the laws of old and New Romania. Bucharest, Nowa typogr., 1855.
15. Grekul F. A. Social'no-ekonomicheskij i politicheskij stroj Moldavii vtoroj poloviny XV veka [Socio-economic and political system of Moldova in the second half of the XV century] ; ed. by L. V. Cherepnin. Kishinev, Gos. izd-vo Moldavii, 1950. 160 p.
16. Kantemir Dm. Opisanie Moldavii [Description of Moldova]. Kishinev, Kartya moldovenyaska Publ., 1973. 222 p.
17. Galben A. I. Razvitie obychnogo prava feodal'noj Moldavii, XVIII – per. pol. XIX vv. Diss. kand. ist. nauk [Development of the customary law of feudal Moldavia. Cand. legal sci. diss.]. Kishinev, 1982. 251 p.

18. Galben A. I. Iz istorii feodal'nogo prava Moldovy konca XVIII – nachala XIX veka (turcko-fanariotskij period) [From the history of the feudal law of Moldova in the late 18th - early 19th century (Turkish-Phanariot period)]. Kishinev, Ruxanda Publ., 1998. 384 p.

19. Sovetov P. V. Zakonodatel'naya politika po zemel'nyim pravonarusheniyam v Moldavii do ser. XVII v. [Legislative policy on land offenses in Moldova before XVII]. Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. 1959 [Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe. 1959]. Moscow, Izd-vo Acad. nauk SSSR, 1961, pp. 112–123.

20. Dragnev D. M., Nikitich A. N., Svetlichnaya L. I., Sovetov P. V. Moldaviya v epohu feodalizma. T. 5. Slavyano-moldavskie i moldavskie gramoty i zapisi. 1661–1670 [Moldavia in the era of feudalism. Vol. 5. Slavic-Moldavian and Moldavian letters and records. 1661–1670]; ed. by P. V. Sovetov. Kishinev, Shtiinca Publ., 1987. 328 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Погорлецкая Ирина Ивановна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдавия,
e-mail: begass.iren@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1626-7394

Irina I. Pogorleckaya, Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Civil Procedure, Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Tiraspol, Moldova,
e-mail: begass.iren@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1626-7394

Проблемы возмещения убытков при нарушении гражданско-правовых обязательств

И. М. Григорьева¹ ✉

¹Арбитражный суд города Москвы

ул. Большая Тульская, д. 17, г. Москва 115225, Российская Федерация

✉ e-mail: legim1@mail.ru

Резюме

Актуальность. Одним из базовых для гражданского права подходов является предоставление потерпевшей стороне возможности требовать полного возмещения убытков, в том числе в случае нарушения гражданско-правовых обязательств. Широкая распространенность данного подхода основана на общечеловеческих представлениях о разумности и справедливости восстановления имущественной сферы потерпевшей стороны за счет стороны, допустившей нарушение. Возмещение убытков играет важнейшую роль среди средств охраны субъективных гражданских прав, предусмотренных статьей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Целью исследования является разработка теоретических положений, определяющих особенности реализации принципа полного возмещения убытков при нарушении обязательств на современном этапе развития рыночной экономики и законодательства Российской Федерации.

Задачи: выявить проблемы, связанные с реализацией принципа полного возмещения убытков в гражданском праве Российской Федерации; определить особенности обеспечения баланса интересов при возмещении убытков; определить направления дальнейшего развития правового регулирования рассматриваемых вопросов.

Методология. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования гражданских правоотношений.

Выводы, сделанные в статье, носят дискуссионный характер, направлены на продолжение исследований в рамках заявленной тематики, развитие основных принципов, позволяющих единообразным образом разрешать проблемы, связанные с реализацией прав на полное возмещение убытков при нарушении обязательств, в том числе при сложной системе отношений между отдельными участниками гражданского оборота. Статья является продолжением научных исследований автора по вопросам, связанным с проблемами гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: убытки; возмещение убытков; реальный ущерб; упущенная выгода; гражданско-правовые обязательства; гражданско-правовая ответственность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Григорьева И. М. Проблемы возмещения убытков при нарушении гражданско-правовых обязательств // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 34–42. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-34-42>.

Поступила в редакцию 30.06.2023

Принята к публикации 28.07.2023

Опубликована 30.08.2023

© Григорьева И. М., 2023

Problems of Compensation of Losses in Breach of Civil Law Obligations

Irina M. Grigorieva¹ ✉

The Arbitration Court of Moscow
17 Bolshaya Tuskaya Str., Moscow 115225, Russian Federation

✉ e-mail: legim1@mail.ru

Abstract

Relevance. One of the basic approaches for civil law is to allow the injured party to claim full compensation for losses, including in case of violation of civil law obligations. The widespread use of this approach is based on universal human notions of reasonableness and fairness of restoring the property sphere of the injured party at the expense of the party that committed the violation. Compensation of losses plays a crucial role among the means of protection of subjective civil rights provided for by Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation.

The purpose of the study is to develop theoretical provisions that determine the features of the implementation of the principle of full compensation for damages in breach of obligations at the current stage of development of market economy and legislation of the Russian Federation.

Objectives: to identify the problems associated with the implementation of the principle of full compensation for losses in the civil law of the Russian Federation; to determine the features of ensuring the balance of interests in the compensation of losses; to determine the directions of further development of legal regulation of the issues under consideration.

Methodology. When writing the work, dialectical-materialistic method, systematic method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method were used.

The results of the research are of a theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of civil legal relations.

The conclusions made in the article are of a discussion nature, aimed at continuing the research in the framework of the stated subject matter, development of basic principles that allow to uniformly resolve the problems associated with the realization of the rights to full compensation for damages for breach of obligations, including in a complex system of relations between individual participants of civil turnover. The article is a continuation of the author's scientific research on issues related to the problems of civil liability.

Keywords: losses; compensation of losses; real damage; lost profit; civil law obligations; civil law liability.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Grigorieva I. M. Problems of Compensation of Losses in Breach of Civil Law Obligations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 34–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-34-42>

Received 30.06.2023

Accepted 28.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

Развитие экономического оборота требует предоставления всем его участникам гарантий, обеспечивающих возмещение убытков, причиняемых в случае нарушений договорных и иных гражданско-правовых обязательств. Именно возмещение убытков является наиболее универсальным способом защиты субъективных гражданских прав в случае их нарушения.

Несмотря на упоминание в качестве только одного из способов защиты субъективных гражданских прав, предусмотренных ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), именно возмещение убытков является одним из базовых подходов, обеспечивающих соблюдение обязательств, а прин-

цип полного возмещения убытков оказывается фундаментальным, системообразующим для всей системы гражданского права.

Вопросам возмещения убытков уделяется достаточно много внимания в исследованиях отечественных специалистов [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], в том числе при анализе возмещения убытков, вызванных нарушением договорных и иных обязательств [8; 9; 10], проводится сравнительный анализ российской и зарубежной практики [11; 12].

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод позволил осуществить исследование проблем возмещения убытков, необходимость которого возникает вследствие нарушения гражданско-правовых обязательств, с учетом особенностей существующего законодательного регулирования и судебной практики. Использование системного метода позволило провести анализ проблем, связанных с обеспечением возмещения причиненных убытков, в том числе особенности применения принципа полного возмещения убытков. Методы анализа и синтеза позволили сопоставить правовые нормы, регулирующие отношения, возникающие при нарушении гражданско-правовых обязательств и в процессе принятия мер, направленных на его возмещение причиненных вследствие такого нарушения убытков, обосновать предлагаемые автором статьи выводы. Формально-юридический метод заключался в изучении российского законодательства, регулирующего рассматриваемые отношения, правоприменительной практики, научных публикаций, а также позволил описать результаты, которые были получены при проведении исследования.

Результаты и их обсуждение

Возмещение убытков является базовым и наиболее универсальным способом защиты гражданских прав [13; 14], именно возмещение убытков должно служить цели восстановления имущественной сферы потерпевших от нарушений договорных обязательств или причинения вреда при совершении гражданско-правового деликта [15].

Наиболее сложной задачей оказывается доказывание размера причиненных убытков. В соответствии с п. 2 ст. 15 ГК РФ убытки определяются как текущие потери и будущие расходы, которые потерпевшее от нарушения лицо должно будет понести для восстановления своей имущественной сферы. Согласно терминологии, используемой в ГК РФ, к убыткам могут относиться: «ущерб», «издержки», «затраты», «потери», «расходы» и другие обоснованные платежи, требующие рассмотрения и оценки [16].

При этом размер возмещаемых убытков может как совпадать с материальной оценкой причиненного вреда, в силу чего отдельные авторы полагают, что понятия «убытки» и «вред» сходны по своему содержанию [17, с. 9], так и отличаться от такой оценки, поскольку по своему содержанию и условиям возникновения вред и убытки, как представляется, находятся в более сложной взаимосвязи, обусловленной различными сторонами частноправовых отношений [18]. Вопреки мнению Г. Ф. Шершеневича о синонимичности данных понятий [19, с. 202], Ю. Э. Монастырский справедливо указывает на их нетождественность [5, с. 88], т. к. «вред» характеризует только определенные по своему содержанию «убыль», «повреждение» или иное уменьшение имущественной сферы потерпевшего, его потери, в то время как при анализе убытков могут учитываться будущие расходы и неполученные в будущем доходы, а также иные обстоятельства.

Важное значение для решения вопроса о размере возмещаемых убытков имеет п. 5 ст. 393 ГК РФ, закрепляющий принцип разумной достоверности при определении размера подлежащих возмещению убытков. При этом для случаев, когда убытки были причинены неисполнением обязательства или его ненадлежащим исполнением, законодатель устанавливает запрет отказывать в удовлетворении требований об их возмещении, даже если размер таких убытков не может быть установлен с «разумной степенью достоверности» (п. 5 ст. 393 ГК РФ) [20]. На суд при этом возлагается задача определить размер возмещения, подлежащего выплате кредитору по такому нарушенному обязательству, с учетом обстоятельств каждого конкретного дела с соблюдением принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства.

Именно для случаев нарушения гражданско-правового обязательства законодательство предусматривает особый, более широкий подход, позволяющий судам выходить за обычные рамки определения убытков на основе имеющихся доказательств и принципа разумной достоверности, руководствуясь общими принципами справедливости и соразмерности.

Законодательство предусматривает очень гибкий подход при определении цены, на основании которой может определяться размер причиненных убытков. Согласно п. 3 ст. 393 ГК РФ такая цена может определяться как на день добровольного удовлетворения требования, либо на день предъявления иска, а по усмотрению суда также на день вынесения решения, исходя из обстоятельств дела.

При нарушении гражданско-правовых обязательств [21] убытки могут значительно превышать причиненный вред, который может быть определен на основании имеющихся доказательств и возмещаться в денежном эквиваленте. Законодательство предусматривает необхо-

димость учета при определении размера убытков наряду с реальным ущербом также упущенной выгоды, однако размер такой выгоды не всегда может быть определен. Кроме того, нарушение гражданско-правовых обязательств, их неисполнение или ненадлежащее исполнение может приводить к таким отдаленным последствиям, которые трудно оценить каким-либо однозначным образом.

Так, задержка поставок комплектующих недобросовестным поставщиком может привести к срыву сроков сдачи работ, что помимо возникновения обязательства по возмещению убытков негативным образом скажется на репутации как заказчика, потерпевшего убытки от нарушения сроков поставки, что, в свою очередь, может повлечь в дальнейшем снижение количества получаемых заказов, отток клиентов или даже невозможность продолжения деятельности, например, при срыве сроков выполнения работ по государственным контрактам. Еще более очевидными могут быть негативные последствия, например, для компаний, продающих товары на маркетплейсах: срыв сроков доставки товара или его утрата курьерскими службами приводит к росту негативных оценок и, соответственно, снижению уровня продаж для продавца товаров. Такие убытки трудно оценить и взыскать, в том числе в связи с обычными для служб доставки ограничениями ответственности.

Согласно абзацу второму п. 2 ст. 393 ГК РФ предусматривается возмещение убытков в полном объеме. Принцип полного возмещения убытков [22; 23] предполагает, что кредитору по гражданско-правовому обязательству возмещение убытков должно быть обеспечено в таком объеме, чтобы в результате он оказался в том же положении, в котором он находился бы в случае исполнения должником обязательства надлежащим образом. Однако размер подлежащих возмещению убытков может быть снижен в случаях,

предусмотренных законом или договором [24].

Ограничение размера возмещаемых убытков по договору находится под контролем сторон возникающих гражданско-правовых отношений и отражает их волю и намерения при вступлении в такие отношения. Вместе с тем в случаях, когда речь идет о потребителях или возникает необходимость защиты от недобросовестных действий доминирующей стороны, а также с учетом иных обстоятельств в применении последствий таких ограничений может быть отказано при рассмотрении дела в суде.

Более сложными являются случаи, когда ограничения устанавливаются законом, т. к. последствиями их установления может стать невозможность полного возмещения убытков добросовестно действующей стороне гражданско-правовых отношений при возложении на нее полной ответственности перед иными субъектами экономического оборота. Современная производственная деятельность, сфера оказания услуг, торговля и иная хозяйственная деятельность основываются на длинных цепочках договорных отношений, в том числе по производству товаров, их хранению, транспортировке, доставке, рекламе и т. п. Нарушение, допущенное каким-либо из участников таких отношений, отражается на выполнении обязательств последующих участников, может приводить к причинению существенных убытков для любого последующего звена.

При этом ограничение ответственности для кого-либо из участников означает, что убытки будут переложены на последующего участника и так далее по цепочке сложившихся договорных отношений. В случае возмещения убытков кому-либо из последующих потерпевших кредиторов в порядке регресса они могут быть взысканы с предшествующего должника в полном объеме, однако непо-

средственно пострадавшее от допущенного нарушения лицо в силу установленного законом ограничения ответственности предыдущего должника не сможет возместить свои убытки за его счет.

В отношении таких случаев представляется важным постепенно пересмотреть подход к существующим ограничениям пределов ответственности для отдельных участников экономического оборота, допуская возможность возмещения убытков в большем объеме для случаев умышленных нарушений обязательств, при грубой неосторожности со стороны профессиональных участников рынка и в иных случаях, когда с учетом принципов разумности и добросовестности, обычаев делового оборота другие участники гражданско-правовых отношений могли ожидать полного и своевременного выполнения обязательств, принятых на себя стороной, допустившей их нарушение.

Выводы

В соответствии с принципом полного возмещения убытков по общему правилу такое возмещение должно приводить к полному восстановлению имущественной сферы потерпевшей стороны за счет лица, допустившего нарушение обязательства.

При решении вопроса о размере возмещаемых убытков должны учитываться все обстоятельства каждого конкретного дела, включая все доступные для обоснованного рассмотрения и оценки последствия допущенного нарушения обязательства. При этом для случаев нарушения гражданско-правового обязательства законодательство предусматривает особый, более широкий подход, позволяющий судам выходить за обычные рамки определения убытков, руководствуясь как принципом разумной достоверности (п. 5 ст. 393 ГК РФ), так и общими принципами справедливости и соразмерности.

Применение данного подхода требует постоянного обобщения вырабатываемой судебной практики для обеспечения единообразного применения устанавли-

ваемых законодательством положений при оценке размеров подлежащих возмещению убытков для отдельных категорий рассматриваемых дел.

Список литературы

1. Волков А. В. Возмещение убытков по гражданскому праву России. Саратов: АйПи Эр Медиа, 2011. 624 с.
2. Дегтярев С. Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе. М.: БЕК, 2015. 168 с.
3. Ибрагимова А. И. Справедливое возмещение вреда и убытков в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
4. Исигов Р. С. Институт возмещения убытков. Теоретический анализ // Закон и право. 2019. № 6. С. 80–81.
5. Монастырский Ю. Э. Возмещение убытков в гражданском праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Севастополь, 2020. 357 с.
6. Монастырский Ю. Э. Реформа гражданско-правовых обязательств в РФ и ее влияние на институт возмещения вреда (убытков) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 689–698.
7. Темникова Н. А., Васильева Т. А. Возмещение убытков как форма ответственности сторон за нарушение договора // Сибирское юридическое обозрение. 2016. № 3 (32). С. 28–34.
8. Богданова Е. Е. Тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств: проблемы и перспективы // Lex Russica. 2017. № 5. С. 24–37.
9. Богданова Е. Е. Возмещение убытков в договорных обязательствах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 10. С. 24–32.
10. Слесарев В. Л. Убытки и их возмещение в системе ответственности за нарушение обязательств // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 10. С. 93–100.
11. Жученко С. П. Убытки: зарубежные подходы и отечественная практика // Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2017.
12. Пиликина М. Г. Понятие убытков, цель их возмещения и защищаемые интересы сквозь призму подходов российского и англо-американского договорного права // Российский юридический журнал. 2020. № 2. С. 80–87.
13. Коваленко А. В. Принцип возмещения убытков в предпринимательских договорах // Научный альманах. 2020. № 3-2. С. 59–62.
14. Мкртчян С. О. Возмещение убытков как способ защиты гражданских прав // Условия, императивы и альтернативы развития современного общества в период нестабильности: экономика, управление, социология, право: сборник научных трудов / под общ. ред. Е. В. Королюк. Краснодар: Филиал ФГБУ «РЭА» Минерго России», 2020. С. 413–416.
15. Ефимова О. В. Гражданско-правовой институт возмещения имущественных потерь // Вестник МПГУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 3. С. 68–73.
16. Романова И. Н. Институт возмещения убытков в контексте оценочных категорий // Материалы Афанасьевских чтений. 2022. № 3. С. 84–89.

17. Садилов О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2009. 226 с.
18. Григорьева И. М. Принцип полного возмещения вреда и его отражение в законодательстве Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 96–103.
19. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. Т. 2 / науч. ред. В. С. Ем. М.: Статут, 2005. 462 с.
20. Витрянский В. Общие положения об обязательствах и договорах: новеллы Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. 2015. № 5(460). С. 3–19.
21. Новиков С. В., Слабкая Д. Н. Возмещение убытков в гражданско-правовом обороте как форма ответственности за нарушение договорных обязательств // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 4А. С. 98–103.
22. Мирная А. А. Проблемы возмещения убытков в гражданском праве России // Юридический факт. 2020. № 95. С. 3–5.
23. Эрделевский А. М. О размере и объеме возмещения убытков // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.cons.ru/news/8204-0-rarmere-i-ob-eme-vozmeshcheniya-ubytkov> (дата обращения: 22.06.2023).
24. Добровинская А. В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 160 с.

References

1. Volkov A. V. *Vozmeshchenie ubytkov po grazhdanskomu pravu Rossii* [Compensation for damages under the civil law of Russia]. Saratov, AjPi Er Media Publ., 2011. 624 p.
2. Degtyarev S. L. *Vozmeshchenie ubytkov v grazhdanskom i arbitrazhnom processe* [Compensation for damages in civil and arbitration proceedings]. Moscow, BEK Publ., 2015. 168 p.
3. Ibragimova A. I. *Spravedlivoe vozmeshchenie vreda i ubytkov v rossijskom grazhdanskom prave*. Diss. kand. jurid. nauk [Fair compensation for damages and losses in Russian civil law. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2015.
4. Isigov R. S. *Institut vozmeshcheniya ubytkov. Teoreticheskij analiz* [Institute of Compensation for Losses. Theoretical analysis]. *Zakon i pravo = Law and Law*, 2019, no. 6, pp. 80–81.
5. Monastyrskij Yu. E. *Vozmeshchenie ubytkov v grazhdanskom prave Rossii*. Diss. dokt. jurid. nauk [Compensation of damages in the civil law of Russia. Dr. legal sci. diss.]. Sevastopol', 2020. 357 p.
6. Monastyrskij Yu. E. *Reforma grazhdansko-pravovyh obyazatel'stv v RF i ee vliyanie na institut vozmeshcheniya vreda (ubytkov)* [The reform of civil obligations in the Russian Federation and its impact on the institution of compensation for harm (losses)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2021, is. 54, pp. 689–698.
7. Temnikova N. A., Vasil'eva T. A. *Vozmeshchenie ubytkov kak forma otvetstvennosti storon za narushenie dogovora* [Compensation of losses as a form of liability of the parties for breach of contract]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*, 2016, no. 3 (32), pp. 28–34.
8. Bogdanova E. E. *Tendencii razvitiya grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv: problemy i perspektivy* [Trends in the development of civil liability for breach of obligations: problems and prospects]. *Lex Russica = Lex Russica*, 2017, no. 5, pp. 24–37.

9. Bogdanova E. E. *Vozmeshchenie ubytkov v dogovornyh obyazatel'stvah* [Compensation of losses in contractual obligations]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the O. E. Kutafin University*, 2015, no. 10, pp. 24–32.

10. Slesarev V. L. *Ubytki i ih vozmeshchenie v sisteme otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv* [Losses and their compensation in the system of liability for breach of obligations]. *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the O. E. Kutafin University*, 2016, no. 10, pp. 93–100.

11. Zhuchenko S. P. *Ubytki: zarubezhnye podhody i otechestvennaya praktika* [Human rights defenders: foreign approaches and domestic practice]. *Zashchita grazhdanskih prav: izbrannye aspekty. Sbornik statej* [Protection of civil rights: selected aspects. Collection of articles]; ed. by M. A. Rozhkova. Moscow, Statut Publ., 2017.

12. Pilikina M. G. *Ponyatie ubytkov, cel' ih vozmeshcheniya i zashchishchaemye interesy skvoz' prizmu podhodov rossijskogo i anglo-amerikanskogo dogovornogo prava* [The concept of damages, the purpose of their compensation and protected interests through the prism of the approaches of Russian and Anglo-American contract law]. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal = Russian Law Journal*, 2020, no. 2, pp. 80–87.

13. Kovalenko A. V. *Princip vozmeshcheniya ubytkov v predprinimatel'skih dogovorah* [The principle of compensation of losses in business contracts]. *Nauchnyj al'manah = Scientific Almanac*, 2020, no. 3-2, pp. 59–62.

14. Mkrtychyan S. O. *Vozmeshchenie ubytkov kak sposob zashchity grazhdanskih prav* [Compensation of losses as a way to protect civil rights]. *Usloviya, imperativy i al'ternativy razvitiya sovremennogo obshchestva v period nestabil'nosti: ekonomika, upravlenie, socionomiya, pravo. Sbornik nauchnyh trudov* [Conditions, imperatives and alternatives for the development of modern society in a period of instability: economics, management, socionomy, law. Collection of scientific papers]; ed. by E. V. Korolyuk. Krasnodar, Filial FGBU «REA» Minergo Rossii», 2020, pp. 413–416.

15. Efimova O. V. *Grazhdansko-pravovoj institut vozmeshcheniya imushchestvennyh poter'* [Civil Law Institute of compensation of property losses]. *Vestnik MPGU. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State University. Series: Legal Sciences*, 2020, no. 3, pp. 68–73.

16. Romanova I. N. *Institut vozmeshcheniya ubytkov v kontekste ochenochnykh kategorij* [Institute of damages compensation in the context of evaluation categories]. *Materialy Afanas'evskih chtenij = Materials of Afanasiev Readings*, 2022, no. 3, pp. 84–89.

17. Sadikov O. N. *Ubytki v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii* [Damages in the Civil law of the Russian Federation]. Moscow, Statut Publ., 2009. 226 p.

18. Grigor'eva I. M. *Princip polnogo vozmeshcheniya vreda i ego otrazhenie v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii* [The principle of full compensation for harm and its reflection in the legislation of the Russian Federation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 96–103.

19. Shershenevich G. F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law]; ed. by V. S. Em. Moscow, Statut Publ., 2005, vol. 2. 462 p.

20. Vitryanskij V. *Obshchie polozheniya ob obyazatel'stvah i dogovorah: novelty Grazhdanskogo kodeksa RF* [Vitryansky V. General provisions on obligations and contracts: novelties of the Civil Code of the Russian Federation]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2015, no. 5(460), pp. 3–19.

21. Novikov S. V., Slabkaya D. N. Возмещение убытков в гражданско-правовом обороте как форма ответственности за нарушение договорных обязательств [Compensation of losses in civil law turnover as a form of liability for violation of contractual obligations]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law*, 2020, no. 10, no. 4A, pp. 98–103.

22. Mirnaya A. A. Problemy возмещения убытков в гражданском праве России [Problems of compensation of damages in the civil law of Russia]. *Yuridicheskij fakt = Legal fact*, 2020, no. 95, pp. 3–5.

23. Erdelevskij A. M. О размере и об"еме возмещения убытков [About the amount and amount of damage]. *Konsul'tantPlyus: sajt*. Available at: <https://www.cons.ru/news/8204-0-rarmere-i-ob-eme-vozmeshcheniya-ubytkov> (accessed 22.06.2023).

24. Dobrovinskaya A. V. Ogranichenie razmera возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации [Limitation of the Amount of Recoverable Damages in the Civil Law of the Russian Federation]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2012. 160 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Григорьева Ирина Михайловна, кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда города Москвы, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: legim1@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9229-9198

Irina M. Grigorieva, Candidate of Scinces (Juridical), Judge of the Arbitration Court of Moscow, Moscow, Russian Federation,
e-mail: legim1@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9229-9198

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-43-51>

Авторское право и рекламная деятельность: проблемы правового регулирования и судебной практики

М. А. Каменский¹ ✉

¹Постоянное представительство Республики Марий Эл при Президенте Российской Федерации
ул. Большая Якиманка, д. 50, г. Москва 119049, Российская Федерация

✉ e-mail: login8@mail.ru

Резюме

Актуальность. Развитие современных информационно-телекоммуникационных технологий и средств связи приводит к постоянному росту объемов рекламы и ее значения для продвижения товаров, работ и услуг. При этом создание рекламы в значительной части случаев связано с использованием фотографических, музыкальных, литературных произведений, произведений изобразительного искусства и иных объектов авторских и смежных прав. Особенности, связанные с использованием произведений и объектов смежных прав при осуществлении рекламной деятельности, не в полной мере учитываются действующим законодательством, что приводит на практике к ряду негативных последствий, в частности к взысканию несоразмерных компенсаций в одних случаях и к возможности обхода установленных законодательных требований в других.

Целью исследования является разработка теоретических положений, определяющих особенности использования произведений при осуществлении рекламной деятельности, характеризующих сущность возникающих при этом правоотношений.

Задачи: выявить проблемы, связанные с использованием объектов авторских прав при осуществлении рекламной деятельности; определить особенности правоотношений, складывающихся в процессе осуществления рекламной деятельности с использованием объектов авторских прав; определить направления дальнейшего развития правового регулирования рассматриваемых вопросов.

Методология. При написании работы использовались общенаучные методы, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.

Результаты исследования имеют теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования гражданских правоотношений.

Выводы сделанные в статье, имеют дискуссионный характер, направлены на развитие подходов, позволяющих единообразным образом разрешать проблемы, связанные с соблюдением требований законодательства об интеллектуальной собственности при создании, размещении и ином распространении рекламы. Статья является продолжением научных исследований автора по вопросам, связанным с охраной авторских прав, прав интеллектуальной собственности, и правовому регулированию рекламной деятельности.

Ключевые слова: автор; авторское право; произведения; интеллектуальная деятельность; исключительные права; правообладатель; реклама.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Каменский М. А. Авторское право и рекламная деятельность: проблемы правового регулирования и судебной практики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 43–51. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-43-51>.

Поступила в редакцию 30.06.2023

Принята к публикации 31.07.2023

Опубликована 30.08.2023

© Каменский М. А., 2023

Copyright and Advertising Activities: Problems of Legal Regulation and Judicial Practice

Maksim A. Kamenskii¹ ✉

¹Permanent Mission of the Republic of Mari El to the President of the Russian Federation
50 Bolshaya Yakimanka Str., Moscow 119049, Russian Federation

✉ e-mail: login8@mail.ru

Abstract

Relevance. *The development of modern information and telecommunication technologies and means of communication leads to a constant increase in the volume of advertising and its importance for the promotion of goods, works and services. At the same time, the creation of advertising in a significant part of cases is associated with the use of photographic, musical, literary works, works of fine art and other objects of copyright and related rights. The peculiarities related to the use of works and objects of related rights in advertising activities are not fully taken into account by the current legislation, which leads in practice to a number of negative consequences, in particular, to the recovery of disproportionate compensation in some cases and to the possibility of circumventing the established legal requirements in others.*

The purpose of the study is to develop theoretical provisions defining the peculiarities of the use of works in the implementation of advertising activities, characterizing the essence of legal relations arising in this case.

Objectives: *to identify the problems associated with the use of copyright objects in the implementation of advertising activities; to determine the peculiarities of legal relations formed in the process of implementation of advertising activities with the use of copyright objects; to determine the directions of further development of legal regulation of the issues under consideration.*

Methodology. *The author used dialectical-materialistic method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method in writing the work.*

The results of the research have theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of civil legal relations.

The conclusions made in the article are of a debatable nature, aimed at developing approaches that allow to uniformly resolve problems related to compliance with the requirements of intellectual property law in the creation, placement and other distribution of advertising. The article is a continuation of the author's scientific research on issues related to copyright protection, intellectual property rights and legal regulation of advertising activities.

Keywords: *author; copyright; works; intellectual activity; exclusive rights; rightholder; advertising.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kamenskii M. A. Copyright and Advertising Activities: Problems of Legal Regulation and Judicial Practice. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 43–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-43-51>

Received 30.06.2023

Accepted 31.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

Вопросам использования объектов авторских прав и иных объектов интеллектуальной собственности посвящены труды многих известных российских и зарубежных специалистов [1; 2; 3; 4; 5]. Существует значительное число диссертационных исследований, посвященных

отдельным аспектам правового регулирования рекламной деятельности [6; 7; 8]. При этом научные исследования и публикации, посвященные проблемам использования произведений и других объектов интеллектуальной собственности в рекламе, как правило, ограничиваются

отдельными аспектами рассматриваемой тематики [9; 10; 11; 12; 13].

До настоящего времени не полностью раскрыты коллизии между законодательством об авторском праве и законодательством, регулирующим вопросы, связанные с осуществлением рекламной деятельности, продолжается поиск решений, направленных на обеспечение эффективного контроля за использованием произведений и иных объектов интеллектуальной собственности в распространяемой рекламе.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались общенаучные методы познания и специальные методы юридической науки. Использование системного метода позволило осуществить анализ основных проблем, связанных с использованием объектов авторских прав при осуществлении рекламной деятельности. Методы анализа и синтеза дали возможность осуществить сопоставление правовых норм, регулирующих отношения по использованию объектов авторских прав при осуществлении рекламной деятельности, выявить особенности возникающих правоотношений. Формально-юридический метод заключался в изучении российского законодательства, регулирующего рассматриваемые отношения, правоприменительной практики, научных публикаций и позволил описать полученные при проведении исследования результаты.

Результаты и их обсуждение

С развитием сети Интернет и иных средств коммуникации использование произведений в рекламной деятельности приобрело особенно массовый характер [14], сопоставимый с другими наиболее массовыми случаями использования охраняемых авторским правом объектов, в том числе осуществляемое средствами массовой информации [15].

При этом законодательство о рекламе не регламентирует порядок и особенности использования в ней объектов авторских прав и иных видов объектов интеллектуальной собственности. В ст. 15 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» содержится только общая оговорка о том, что при производстве, распространении и размещении рекламы должны соблюдаться требования законодательства Российской Федерации, в том числе требования гражданского законодательства [16; 17; 18].

До настоящего времени сохраняется возможность использования отдельных положений действующего законодательства, позволяющих осуществлять использование произведений в рекламе без согласия правообладателей [19]. Так, в соответствии с п/п. 1 п. 1 ст. 1274 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) допускается свободное, осуществляемое без согласия правообладателя, цитирование обнародованных произведений в оригинале и переводе [2], в том числе в информационных целях, что на практике приводит к возможности бесконтрольного включения в рекламу фрагментов произведений без согласия авторов и иных правообладателей.

Несмотря на то, что подобное использование пока характерно для небольших рекламных кампаний, возможность такого использования приводит к недобросовестному заимствованию и включению в рекламные материалы цитат из произведений, что способно приводить к дискредитации произведения, причинять убытки правообладателям, моральный вред авторам, подрывать их репутацию.

Ранее нами уже предлагалось исключить возможность применения ограничений исключительных прав на произведения, установленных для случаев цитирования, в отношении любого цитирования, осуществляемого в рекламных целях или в связи с осуществлением рекламной деятельности [11, с. 14]. Для ис-

пользования в рекламе каких-либо охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в обязательном порядке должно получаться согласие от правообладателей. Отсутствие запрета на использование цитат в рекламе предоставляет необоснованные преимущества недобросовестным участникам рекламной деятельности, способно приводить к массовым нарушениям авторских прав и затруднять борьбу с такими нарушениями.

Вместе с тем совершенствование законодательства и практики его применения должно быть направлено на учет интересов всех участников отношений, возникающих в связи с использованием произведений и иных объектов интеллектуальной собственности при осуществлении рекламной деятельности.

Следует учитывать особый характер рекламной деятельности. Ее осуществление, как правило, требует распространения информации о товарах, услугах, работах, продавцах и исполнителях среди широкого круга лиц, которые могут быть заинтересованы в приобретении соответствующих товаров, в выполнении для них работ или оказании им рекламируемых услуг. Соответственно, использование произведений в рекламной деятельности, как правило, имеет массовый характер, оказывается связано с изготовлением значительного числа рекламных материалов, сообщением рекламы для широкого круга лиц, неоднократной демонстрацией рекламы и т. д. После включения в рекламные материалы произведения и объекты смежных прав многократно демонстрируются по телевидению и в сети Интернет, звучат на радио, распространяются на различных видах рекламных носителей.

Вследствие этого формальное применение положений, предусмотренных ст. 1301 ГК РФ для определения размера компенсации за нарушение исключительных прав, в случае совершения таких нарушений при осуществлении рекламной деятельности способно приводить к

неоправданному завышению присуждаемой компенсации до уровня, никак не связанного ни с причиненными убытками, ни со стоимостью соответствующих прав.

Характерным примером подобного подхода стало присуждение компенсации за нарушение исключительных прав на аудиовизуальные произведения (рекламные ролики длительностью 5–20 секунд) в размере более 461 млн рублей при рассмотрении дела А40-147121/2015 по иску UCF Partners Limited к ООО «ЭДИЛ-ИМПОРТ»¹.

В дальнейшем судебной практикой был выработан подход, основанный на понятии «единой экономической цели» и исключающий для большинства случаев возможность повторения указанной выше ситуации. Так, согласно п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10, «использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации одним лицом различными способами, направленными на достижение одной экономической цели, образует одно нарушение исключительного права»². В качестве примера подобного использования приводится хранение или перевозка контрафактного товара, продажа товара с последующей его доставкой покупателю образует одно нарушение исключительного права.

На наш взгляд, при определении размера компенсации при нарушениях

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.11.2016 по делу № А40-147121/2015 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/arbi-tal/doc/szuQQIpLla1n/> (дата обращения: 17.06.2023).

² О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 17.06.2023).

исключительных прав, связанных с рекламной деятельностью, суд дополнительно должен учитывать то, какое именно значение для рекламы имело использование соответствующего произведения или объекты смежных прав. Необходимо рассматривать рекламную кампанию в целом как один, единый случай использования произведения и нарушения исключительного права, без учета демонстрации рекламы или ее размещения на значительном числе телеканалов, информационных ресурсов, числа регионов, в которых размещались рекламные баннеры, или иных обстоятельств, связанных с характерной для рекламы широтой распространения информации в стремлении охватить ею как можно большее число потенциальных покупателей, клиентов.

Указанные обстоятельства (количество телеканалов, количество рекламных баннеров, число показов и т. п.) по усмотрению суда могут учитываться при определении размера компенсации за нарушение исключительных прав, определяемой за одно, единое нарушение, связанное с незаконным использованием произведения или иного объекта интеллектуальной собственности в рамках одной рекламной кампании. Но при этом не следует начислять компенсацию за каждый случай использования (каждый показ по телевидению, показ на различных телеканалах, каждый рекламный баннер и т.п.) как за отдельное нарушение, т. к. даже при минимальном размере присуждаемой в этом случае компенсации совокупность таких компенсаций способна многократно превосходить размер любых предполагаемых убытков правообладателя от подобного нарушения.

Борьба с массовыми нарушениями авторских прав при распространении интернет-рекламы не требует увеличения размеров присуждаемых компенсаций, взыскиваемых, как правило, с организа-

ций, осуществляющих предпринимательскую деятельность и в силу этого привлекаемых к ответственности за нарушение вне зависимости от наличия вины.

Необходимо разрабатывать и внедрять новые способы борьбы с существующими массовыми нарушениями авторских прав при осуществлении рекламной деятельности, в том числе за счет использования технических средств, позволяющих хранить и обрабатывать значительные объемы данных. Например, новые требования к интернет-рекламе, требующие присвоения ей специальных идентификаторов, и передаче информации о такой рекламе позволят обеспечить прослеживаемость интернет-рекламы и тем самым создать условия для борьбы с нарушениями авторских и смежных прав при ее создании и распространении [20].

Вывод

Для устранения пробелов и противоречий в правовом регулировании отношений, связанных с использованием произведений в рекламной деятельности, преодоления коллизий между законодательством об авторском праве и законодательством о рекламе требуется поиск и комплексная реализация решений по широкому кругу вопросов.

Необходимо, в частности, провести существенную корректировку предусматриваемых законодательством ограничений исключительных прав на производство для исключения возможности их использования недобросовестными лицами для обхода требований законодательства об авторском праве при создании и распространении рекламы.

Важное значение для решения проблем в рассматриваемой области имеет развитие судебной практики, в том числе выработанное в ходе такого развития и получившее закрепление в п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда Рос-

сийской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 понятие «экономической цели», с учетом наличия которой может определяться совокупный размер присуждаемых компенсаций за нарушения исключительных прав.

Существует также потребность в разработке и внедрении новых способов

борьбы с массовыми нарушениями авторских прав при осуществлении рекламной деятельности, в том числе в сети Интернет, направленных на обеспечение эффективного контроля за использованием произведений в распространяемой рекламе.

Список литературы

1. Гаврилов Э. П. Компенсация за нарушение исключительных прав и некоторые новые аспекты ее применения // *Хозяйство и право*. 2013. № 7. С. 3–21.
2. Гаврилов Э. П. Ограничения исключительного авторского права // *Патенты и лицензии. Интеллектуальные права*. 2015. № 5. С. 2–13.
3. Калятин В. О. Личные неимущественные права автора объекта интеллектуальной деятельности. М.: Роспатент, 2006. 102 с.
4. Новоселова Л. А., Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 128 с.
5. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Проспект: ТК Велби, 2007. 752 с.
6. Баранова М. В. Право и реклама: общетеоретический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 739 с.
7. Великоклад М. Ю. Ненадлежащая реклама как основание нарушения субъективных гражданских прав и законных интересов потребителя: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. гос. акад. интеллектуальной собственности, 2012. 159 с.
8. Шугаилов З. Ш. Гражданские правоотношения в сфере российского рынка рекламы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 187 с.
9. Егупов В. А. Реклама как объект авторского права // *Юриспруденция*. 2023. № 21. С. 35–36.
10. Жуковская Д. А. Нарушения правовой охраны объектов авторских прав при производстве и распространении рекламы // *Конкурс молодых ученых: сборник статей IX Международного научно-исследовательского конкурса*. Пенза: Наука и просвещение, 2021. С. 89–92.
11. Каменский М. А. Гражданско-правовое регулирование производства и распространения рекламы на территории Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 203 с.
12. Каменский М. А. Проблемы реализации и защиты интеллектуальных прав при осуществлении рекламной деятельности // *Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества*. 2018. № 2. С. 130–137.
13. Латкина А. К. Использование объектов интеллектуальной собственности и средств индивидуализации в рекламе // *Научная парадигма – 2020: сборник научных трудов по материалам XI Международной научно-практической конференции*. Анапа: НИЦ экономических и социальных проектов, 2020. С. 92–96.
14. Арапова В. С. Проблема авторского права в рекламе // *Новые медиа для современной молодежи: сборник научных статей по материалам III Международной научно-*

практической конференции / под ред. Л. Е. Виноградовой, Е. Н. Туголуковой. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2019. С. 13–19.

15. Ястребова А. И. Защита авторских прав в России в произведениях массмедиа в контексте международного опыта // Наука телевидения. 2019. Т. 15, № 1. С. 197–226.

16. Корень В. А. Использование объектов авторских и патентных прав в предпринимательской сфере // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. Пенза: Наука и просвещение, 2020. С. 106–108.

17. Рябко А. Н. Использование и охрана интеллектуальных прав в рекламе // Е-SCIO. 2019. № 10 (37). С. 565–569.

18. Эль-Бакри Т. В. Развитие бизнес-моделей российских видеосервисов на современном этапе // Медиаскоп. 2021. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2750> (дата обращения: 17.06.2023).

19. Демьяненко Е. В., Шпак А. В. К вопросу о свободном использовании произведений как объектов авторского права // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 1(104). С. 48–53.

20. Каменский М. А. Прослеживаемость интернет-рекламы как условие борьбы с нарушениями авторских и смежных прав при ее создании и распространении // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 12. С. 160–162.

References

1. Gavrilov E. P. Kompensaciya za narushenie isključitel'nyh prav i nekotorye novye aspekty ee primeneniya [Compensation for violation of exclusive rights and some new aspects of its application]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2013, no. 7, pp. 3–21.

2. Gavrilov E. P. Ogranicheniya isključitel'nogo avtorskogo prava [Limitations of exclusive copyright]. *Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava = Patents and licenses. Intellectual property rights*, 2015, no. 5, pp. 2–13.

3. Kalyatin V. O. Lichnye neimushchestvennye prava avtora ob'ekta intellektual'noj deyatel'nosti [Personal non-property rights of the author of the object of intellectual activity]. Moscow, Rospatent Publ., 2006. 102 p.

4. Novoselova L. A., Rozhkova M. A. Intellektual'naya sobstvennost': nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya [Intellectual property: some aspects of legal regulation]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2014. 128 p.

5. Sergeev A. P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii [Intellectual Property law in the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., TK Velbi Publ., 2007. 752 p.

6. Baranova M. V. Pravo i reklama: obshcheteoreticheskij aspekt. Diss. dokt. jurid. nauk [Law and advertising: general theoretical aspect. Dr. legal sci. diss.]. N. Novgorod, 2010. 739 p.

7. Velikoklad M. Yu. Nenadlezhashchaya reklama kak osnovanie narusheniya sub'ektivnyh grazhdanskih prav i zakonnyh interesov potrebitelya. Diss. kand. jurid. nauk [Improper advertising as a basis for violation of subjective civil rights and legitimate interests of the consumer. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2012. 159 p.

8. Shugaibov Z. Sh. Grazhdanskie pravootnosheniya v sfere rossijskogo rynka reklamy. Diss. kand. jurid. nauk [Civil legal relations in the sphere of the Russian advertising market. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2006. 187 p.

9. Egupov V. A. Reklama kak ob'ekt avtorskogo prava [Advertising as an object of copyright]. *Yurisprudenciya = Jurisprudence*, 2023, no. 21, pp. 35–36.

10. Zhukovskaya D. A. Narusheniya pravovoj ohrany ob"ektov avtorskih prav pri proizvodstve i rasprostraneniі reklamy [Violations of the legal protection of copyright objects in the production and distribution of advertising]. *Konkurs molodyh uchenyh. Sbornik statej IX Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa* [Competition of young scientists: collection of articles of the IX International Research Competition]. Penza, Nauka i prosveshchenie Publ., 2021, pp. 89–92.

11. Kamenskij M. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie proizvodstva i rasprostraneniya reklamy na territorii Rossijskoj Federacii. Diss. kand. jurid. nauk [Civil law regulation of the production and distribution of advertising on the territory of the Russian Federation. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2019. 203 p.

12. Kamenskij M. A. Problemy realizacii i zashchity intellektual'nyh prav pri osushchestvlenii reklamnoj deyatel'nosti [Problems of realization and protection of intellectual rights in the implementation of advertising activities]. *Kopirajt. Vestnik Rossijskoj akademii intellektual'noj sobstvennosti i Rossijskogo avtorskogo obshchestva = Copyright. Bulletin of the Russian Academy of Intellectual Property and the Russian Copyright Society*, 2018, no. 2, pp. 130–137.

13. Latkina A. K. Ispol'zovanie ob"ektov intellektual'noj sobstvennosti i sredstv individualizacii v reklame [The use of intellectual property objects and means of individualization in advertising]. *Nauchnaya paradigma – 2020. Sbornik nauchnyh trudov po materialam XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. [Scientific paradigm – 2020. Collection of scientific papers based on the materials of the XI International Scientific and Practical Conference]. Anapa, NIC ekonomicheskikh i social'nyh proektov, 2020, pp. 92–96.

14. Arapova V. S. Problema avtorskogo prava v reklame [The problem of copyright in advertising]. *Novye media dlya sovremennoj molodezhi. Sbornik nauchnyh statej po materialam III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [New media for modern youth. Collection of scientific articles based on the materials of the III International Scientific and Practical Conference]; ed. by L. E. Vinogradova, E. N. Tugolukova. St. Petersburg, S.-Petersburg St. Univ. of Industrial Technologies and Desing Publ., 2019, pp. 13–19.

15. Yastrebova A. I. Zashchita avtorskih prav v Rossii v proizvedeniyah massmedia v kontekste mezhdunarodnogo opyta [Copyright Protection in Russia in Mass Media works in the context of international experience]. *Nauka televideniya = Science of Television*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 197–226.

16. Koren' V. A. Ispol'zovanie ob"ektov avtorskih i patentnyh prav v predprinimatel'skoj sfere [The use of objects of copyright and patent rights in the business sphere]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki i obrazovaniya. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Topical issues of modern science and education. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference]. Penza, Nauka i prosvshchenie Publ., 2020, pt. 2, pp. 106–108.

17. Ryabko A. N. Ispol'zovanie i ohrana intellektual'nyh prav v reklame [Use and protection of intellectual rights in advertising]. *E-SCIO = ESCIO*, 2019, no. 10 (37), pp. 565–569.

18. El'-Bakri T. V. Razvitie biznes-modelej rossijskikh videoservisov na sovremennom etape [Development of business models of Russian video services at the present stage]. *Mediascope = Mediascope*, 2021, is. 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/2750> (accessd 17.06.2023).

19. Dem'yanenko E. V., Shpak A. V. K voprosu o svobodnom ispol'zovanii proizvedenij kak ob"ektov avtorskogo prava [On the question of the free use of works as objects of copyright]. *Yurist"-Pravoved"* = *Jurist-Pravoved*, 2023, no. 1(104), pp. 48–53.

20. Kamenskij M. A. Proslezhivaemost' internet-reklamy kak uslovie bor'by s narusheniyami avtorskih i smezhnyh prav pri ee sozdanii i rasprostranении [Traceability of Internet advertising as a condition for combating copyright and related rights violations during its creation and distribution]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-economic and Social Sciences*, 2022, no. 12, pp. 160–162.

Информация об авторе / Information about the Author

Каменский Максим Андреевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела административной работы, Постоянное представительство Республики Марий Эл при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: login8@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6847-282X

Maksim A. Kamenskii, Candidate of Scices (Juridical), Deputy Head of Administrative Work Department, Permanent Mission of the Republic of Mari El to the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: login8@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6847-282X

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-52-61>

Развитие гражданско-правового регулирования инвестиционной деятельности при создании отдельных видов объектов авторских прав

К. Б. Леонтьев¹ ✉

¹Научно-образовательный центр интеллектуальной собственности и цифровой экономики
ул. Малая Бронная, д. 10, г. Москва 117342, Российская Федерация

✉ e-mail: leontyev.kb@gmail.com

Резюме

Актуальность. В статье анализируются проблемы развития инвестиционной деятельности в сфере создания и использования отдельных видов произведений, отмечаются возможные пути совершенствования гражданско-правового регулирования такой деятельности. Обосновываются выводы о необходимости признания инвестиционных договоров, опосредующих инвестиционную деятельность в соответствии с принципом «права в обмен на инвестиции», в качестве особого вида гражданско-правового договора, нуждающегося в специальном законодательном регулировании, в том числе с установлением возможности выделения долей инвесторов в исключительном праве на создаваемые результаты интеллектуальной деятельности и установлением в договоре особенностей распоряжения правами на произведения и иные объекты интеллектуальных прав, создаваемые при осуществлении инвестиционной деятельности.

Целью исследования является разработка теоретических положений, направленных на создание целостного научного представления о возможностях дальнейшего развития правового регулирования отношений, связанных с осуществлением инвестиционной деятельности при создании и использовании произведений и иных объектов интеллектуальных прав.

Задачи: выявить особенности участия инвесторов в отношениях, связанных с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности; разработать предложения по развитию договорного оформления инвестиционной деятельности в сфере создания и использования результатов интеллектуальной деятельности; выявить особенности распоряжения исключительными правами на создаваемые с привлечением инвестиций результаты интеллектуальной деятельности; определить возможные направления дальнейшего развития правового регулирования.

Методология. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.

Результаты исследования имеют теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования правоотношений, связанных с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности.

Выводы. Сделанные выводы имеют дискуссионный характер, нацелены на совершенствование правового регулирования инвестиционной деятельности, связанной с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: произведения; интеллектуальная деятельность; исключительное право; инвестиции; инвестиционный договор.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Леонтьев К. Б. Развитие гражданско-правового регулирования инвестиционной деятельности при создании отдельных видов объектов авторских прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 52–61. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-52-61>.

Поступила в редакцию 23.06.2023

Принята к публикации 31.07.2023

Опубликована 30.08.2023

© Леонтьев К. Б., 2023

Development of Civil Law Regulation of Investment Activities in the Creation of Certain Types of Copyright Objects

Konstantin B. Leontev¹ ✉

¹The Scientific and Educational Center of Intellectual Property and Digital Economy
10/1 Malaya Bronnaya Str., Moscow 117342, Russian Federation

✉ e-mail: leontyev.kb@gmail.com

Abstract

Relevance. The article analyzes the problems of development of investment activity in the sphere of creation and use of certain types of works, notes possible ways of development of civil law regulation of such activity. The conclusions about the necessity to recognize investment agreements mediating investment activity in accordance with the principle of "rights in exchange for investment" as a special type of civil law agreement that needs special legislative regulation, including the establishment of the possibility of allocation of investors' shares in the exclusive right to the created results of intellectual activity and the establishment in the agreement of the peculiarities of disposition of rights to works and other objects of intellectual rights are substantiated.

The purpose of the research is to develop theoretical provisions aimed at creating a holistic scientific understanding of the possibilities of further development of the legal regulation of relations related to the implementation of investment activities in the creation and use of works and other objects of intellectual rights.

Objectives: to identify the peculiarities of investor participation in relations related to the creation and use of intellectual activity results; to develop proposals for the development of contractual registration of investment activity in the sphere of creation and use of intellectual activity results; to identify the peculiarities of disposition of exclusive rights to the intellectual activity results created with the involvement of investments; to identify possible directions for further development of legal regulation.

Methodology. The author used dialectical-materialistic method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method.

The results of the research have theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of legal relations related to the creation and use of the results of intellectual activity.

Conclusions. The conclusions are of a discussion nature, aimed at improving the legal regulation of investment activities related to the creation and use of the results of intellectual activity. The article is a continuation of the author's research on the topic under consideration.

Keywords: works; results of intellectual activity; exclusive right; investment; investment agreement.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Leontev K. B. Development of Civil Law Regulation of Investment Activities in the Creation of Certain Types of Copyright Objects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 52–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-52-61>

Received 23.06.2023

Accepted 31.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

Проблемы, связанные с созданием и использованием произведений и иных объектов интеллектуальных прав, особенности обеспечения их охраны, реализации и защиты, освещались в трудах многих авторитетных отечественных ученых [1; 2; 3; 4; 5; 6] и зарубежных

специалистов [7; 8] в сфере права интеллектуальной собственности, анализировались в научных и научно-практических изданиях [9; 10]. Однако в них, как правило, не уделялось отдельного внимания вопросам, связанным с осуществлением инвестиционной деятельности, поскольку сама по себе такая деятельность не рас-

считается как особый вклад в создание произведения и не приводит к возникновению прав в отношении произведения, как и любое иное материальное, техническое, организационное или консультационное содействие автору при создании произведения или иного результата интеллектуальной деятельности (п. 1 ст. 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ).

В отдельных публикациях отмечалось значение интеллектуальной собственности для привлечения инвестиций [11; 12; 13], анализировались особенности привлечения инвестиций для создания результатов интеллектуальной деятельности в рамках специфических отношений, возникающих при сборе средств в форме краудфандинга и фандрайзинга [14; 15]. Определенное внимание уделялось инвестиционным аспектам при международном сотрудничестве в сфере интеллектуальной собственности и сравнительном анализе рынков интеллектуальной собственности зарубежных стран [16; 17; 18; 19; 20]. В меньшей степени анализировалась правовая природа инвестиций в сфере интеллектуальной собственности [21]. При этом вопросы гражданско-правового регулирования инвестиционной деятельности при создании и использовании произведений и иных объектов интеллектуальных прав, в том числе связанные с заключением инвестиционных договоров, опосредующих инвестиционную деятельность в соответствии с принципом «права в обмен на инвестиции», остаются нерешенными на доктринальном и законодательном уровнях.

Методология

При подготовке исследования использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод позволил провести исследование особенностей осуществления инвестиционной деятельности в сфере создания и исполь-

зования отдельных видов произведений, в том числе осуществляемой в соответствии с принципом «права в обмен на инвестиции». Методы анализа и синтеза позволили провести сопоставление правовых норм, регулирующих возникающие при осуществлении такой деятельности правоотношения, и связанных с ними доктринальных подходов. Формально-юридический метод, применявшийся при рассмотрении законодательных положений, материалов научных публикаций, договорной и правоприменительной практики, позволил описать полученные при проведении исследования результаты.

Результаты и их обсуждение

Создание отвечающих современным требованиям аудиовизуальных произведений, разработка программ для ЭВМ, баз данных, продуктов мультимедиа, цифровых сервисов и информационных ресурсов, иных сложных объектов требует, как правило, значительных затрат, покрытие которых в современных условиях все чаще осуществляется за счет привлечения инвестиций. Инвестиционная деятельность играет все большую и в ряде случаев определяющую роль в создании произведений, иных результатов интеллектуальной деятельности и их последующем использовании.

Инвесторы как лица, вносящие существенный, хотя и нетворческий вклад в создание результатов интеллектуальной деятельности, становятся непосредственными участниками отношений, связанных с их созданием и использованием, несут риски утраты вложенных средств при отсутствии или недостаточности доходов от использования создаваемых за их счет результатов.

Внесение инвестиционного вклада позволяет осуществлять создание и коммерческое продвижение дорогостоящих произведений, при этом инвесторы обоснованно рассчитывают на возмещение понесенных расходов в объеме сделанных инвестиций и получение значитель-

ного дохода от использования созданных результатов интеллектуальной деятельности. Кроме того, в качестве лиц, несущих существенные финансовые риски, инвесторы могут быть также заинтересованы в наличии у них правовых инструментов для эффективного контроля за использованием произведений, создаваемых за счет выделенных ими средств.

Несмотря на постоянно происходящую модернизацию части четвертой ГК РФ, проблемы охраны прав инвесторов до настоящего времени не нашли в ней отражения, так же как решение вопроса о вариантах договорного оформления их участия в создании и использовании произведений и иных результатов интеллектуальной деятельности. В соответствии с отмечавшимся выше общим подходом инвестиционная деятельность, рассматриваемая как оказание «материального содействия» при создании произведения (п. 1 ст. 1228 ГК РФ), сама по себе не приводит к возникновению каких-либо прав в отношении создаваемого произведения.

Правовая охрана творческих результатов инвестиционной деятельности базируется на возникновении интеллектуальных прав, в том числе исключительных прав на такие результаты, как следствие их создания. Законодательство отражает необходимость учета интересов авторов, исполнителей, иных правообладателей при регулировании отношений, связанных с созданием и использованием произведений. При этом привлечение инвестиций в целях создания произведений и, соответственно, интересы инвесторов не получили какого-либо отражения в ГК РФ, несмотря на то, что инвестиционная деятельность становится все более важным условием реализации многих технологических, культурных и научных проектов и для ряда отраслей является основным источником ускоренного развития.

Оптимальным вариантом оформления инвестиционной деятельности в сфе-

ре создания и использования произведений является заключение инвестиционного договора в соответствии с принципом «права в обмен на инвестиции». Данный подход наилучшим образом отражает интересы сторон при возникновении связанных с инвестициями отношений. Инвестор вносит средства в целях получения в дальнейшем дохода от использования созданного за их счет произведения, а студия или иное лицо, организующее создание произведения, получает необходимые для его создания инвестиции с возможностью их возврата за счет передачи инвестору части доходов, получаемых от использования созданного за счет инвестиций произведения.

На практике получили широкое распространение инвестиционные договоры, в которых обе стороны могут выступать в качестве инвесторов, при этом одна или обе из них могут в качестве инвестиций вносить не денежные средства, а права, необходимые для создания планируемого объекта инвестиций. Круг инвесторов может быть расширен, причем некоторые из них в целях диверсификации рисков могут передавать другим лицам право на получение части вознаграждения от осуществленных инвестиций.

Отношения, возникающие в рамках вышеуказанной инвестиционной деятельности, существенным образом отличаются от отношений, опосредуемых договорами, предусмотренными ГК РФ в настоящее время. В частности, заключение договора займа перекладывает риски коммерческой неудачи реализуемого проекта на получателя займа, но при этом и не гарантирует участие займодателя в доходах от использования создаваемого за счет заемных средств произведения, т. к. по договору займа он может рассчитывать только на получение заранее определенных процентов на сумму займа. Вариант опосредования отношений по инвестированию с использованием договора о совместной деятельности (договора простого товарищества, ст. 1041 ГК

РФ) усложняет отношения между сторонами и приводит к ряду иных негативных последствий для обеих сторон.

В связи с отсутствием в ГК РФ положений, относящихся к договорному регулированию инвестиционной деятельности в сфере интеллектуальной собственности, сторонам при урегулировании своих отношений приходится использовать нормы иных законодательных актов, в частности Закона РСФСР от 26 июня 1991 г. №1488-1 (ред. от 26.07.2017) «Об инвестиционной деятельности в РСФСР». Несмотря на длительный период, прошедший после принятия данного законодательного акта, до настоящего времени он определяет условия инвестиционной деятельности, но при этом возникают проблемы, связанные с постепенно накопившимися различиями в используемой терминологии, определениях и отдельных подходах.

Для дальнейшего развития инвестиционной деятельности, связанной с созданием результатов интеллектуальной деятельности, необходимо обеспечить специальное правовое регулирование договоров, заключаемых в рамках осуществления инвестиционной деятельности, в том числе совместной инвестиционной деятельности. Договорное регулирование инвестиционной деятельности должно учитывать особенности, с которыми приходится сталкиваться при создании отдельных видов объектов авторских прав, в том числе особенности инвестиционных отношений при создании аудиовизуальных произведений, при разработке программ для ЭВМ, баз данных, цифровых сервисов и информационных ресурсов в различных сферах деятельности, а также специфику правового регулирования при создании продуктов мультимедиа и иных сложных объектов.

Сложности связаны также с нерешенностью проблем обеспечения совместного правообладания в отношении произведений и иных результатов интеллектуальной деятельности, создаваемой с

использованием инвестиций. Инвесторы заинтересованы в том, чтобы становиться совладельцами исключительных прав на объекты, создаваемые за счет предоставленных ими инвестиций. Однако доминирующей в настоящее время в законодательстве и отечественной правовой доктрине является концепция неделимого исключительного права [22]. Совместное обладание исключительным правом возможно только при его возникновении у нескольких лиц или перехода к нескольким лицам в случаях, предусмотренных законом [23; 24]. При этом правообладатель лишен возможности «поделиться» своим правом, осуществить какой-либо его раздел, выделение доли или передачу части своего права другому лицу [25]. Данная проблема, несмотря на все предпринимавшиеся попытки, не решена в ГК РФ [26; 27] и не может быть решена судебной практикой при отсутствии необходимых для этого законодательных оснований.

Между тем, внося инвестиции, инвестор рассчитывает на возможности получения прав в отношении объекта инвестирования, представляющих определенную имущественную ценность, и, кроме того, на возможность эффективного контроля за последующим использованием создаваемого произведения, возможность влияния на распоряжение правами на него, контроля за условиями заключаемых договоров. Для гарантированного участия в решении данных вопросов инвестор должен быть одним из правообладателей произведения, чтобы распоряжение правами на произведение осуществлялось при обязательном согласовании с ним в соответствии с требованиями ст. 1229 ГК РФ.

Неделимость исключительного права приводит к тому, что для совместного правообладания такое право должно возникать у будущих правообладателей одновременно, как это имеет место в случае соавторства, наследования несколькими наследниками, приобретения права несколькими лицами в качестве одной сто-

роны заключаемого договора. Вместе с тем установление специальных правил для инвестиционного договора позволило бы решить данную проблему, по крайней мере, в рамках коммерческих отношений и распространенной схемы «право в обмен на инвестиции».

Выводы

Для дальнейшего развития инвестиционной деятельности, связанной с созданием и использованием произведений и иных результатов интеллектуальной деятельности, необходимо совершенствование гражданско-правового регулирования возникающих при осуществлении такой деятельности отношений, разработка и принятие законодательных по-

ложений об инвестиционных договорах, опосредующих инвестиционную деятельность в сфере интеллектуальной собственности, в том числе в соответствии с принципом «права в обмен на инвестиции». Такие договоры должны рассматриваться в качестве особого вида гражданско-правового договора, с закреплением в отношении него специального регулирования, позволяющего, в частности, осуществлять выделение долей инвесторов в исключительном праве на создаваемые результаты интеллектуальной деятельности и устанавливать особенности распоряжения правами на произведения и иные объекты интеллектуальных прав, создаваемые при осуществлении инвестиционной деятельности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69–71 / Б. М. Гонгалов, В. О. Калятин, М. Я. Кириллова [и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. 510 с.
2. Жиглова Д. А. Правовая природа инвестиций: понятие и правовое регулирование // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XXI Международной конференции молодых ученых: в 3-х т. Т. 2. Гражданско-правовое направление. М.: Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 369–370.
3. Литягин Н. Н. Актуальные проблемы государственного регулирования инвестиций. Правовые предпосылки активизации инвестиционной деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 4. С. 24–27.
4. Пирогова В. В. Современное патентное право: служебные изобретения в контексте инвестиций // Вестник федерального бюджетного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации». 2012. № 6. С. 63–69.
5. Право интеллектуальной собственности. Т. 2: Авторское право / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 367 с.
6. Право интеллектуальной собственности / под ред. И. А. Близнеца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГАИС: Проспект, 2020. 896 с.
7. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. М.: Статут, 2003. 261 с.
8. Леонтьев К. Б. Исключительное право и проблемы коммерческого использования произведений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 26–35.
9. Гаврилов Э. П. Право на интеллектуальную собственность: новеллы, внесенные Федеральным законом от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ в главу 70 ГК РФ // Хозяйство и право. 2014. № 9. С. 86–98.
10. Кирышева В. А. Возможности реализации трансфера технологий транснациональных компаний // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 51. С. 1617–1623.

11. Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / В. О. Калятин, Д. В. Мурзин, Л. А. Новоселова [и др.]; под общ. ред. Л. А. Новоселовой М.: Норма, 2014. 480 с.

12. Спиридонова А. В. Организационно-правовые формы привлечения инвестиций в инновации: на примере краудфандинга и фандрайзинга // Правовое регулирование интеллектуальной собственности и инновационной деятельности: сборник статей участников научно-методологического семинара / под общ. ред. О. В. Сушковой. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 220–228.

13. Степанов А. В. Интеллектуальная собственность образовательной организации высшего образования как источник привлечения инвестиций в регион // Копирайт. Вестник Академии интеллектуальной собственности. 2020. № 3. С. 23–37.

14. Викторова Н. Н. Правовое регулирование краудфандинга как альтернативной формы привлечения инвестиций в сети Интернет // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок. Московская юридическая неделя: материалы XV Международной научно-практической конференции: в 5-ти ч. М.: Проспект, 2019. Ч. 3. С. 132–140.

15. Прогунова Л. В., Прикладова А. А. Динамика инвестиционной активности стран БРИКС // Плехановский форум. Мировая торговля в условиях турбулентности: сборник статей по итогам IV Международной научно-практической конференции. М.: Рос. экон. ун-т им. Г. В. Плеханова, 2018. С. 89–96.

16. Балашов Н. С. Правовое регулирование интеллектуальной собственности на мировом рынке // Новеллы права, экономики и управления 2022: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Т. 2: Трибуна молодого ученого. Гатчина: Гос. ин-т экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 157–160.

17. Калятин В. О. Развитие системы регулирования распоряжения правами на интеллектуальную собственность в России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 2. С. 54–63.

18. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой): в 2 т. (постатейный). Т. 1 / С. А. Горленко, В. О. Калятин, Л. Л. Кирий [и др.]; отв. ред. Л. А. Трахтенгерц. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2016. 483 с.

19. Липчик Д. Авторское право и смежные права: [пер. с фр.] / предисловие М. Федотова. М.: Ладомир: Изд-во ЮНЕСКО, 2002. 788 с.

20. Право интеллектуальной собственности. Международно-правовое регулирование / под ред. И. А. Близнаца, В. А. Зиминой, Г. И. Тыцкой. М.: Юрайт, 2018. 252 с.

21. Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции: [пер. с франц.] / отв. ред.: И. В. Савельева. М.: Международные отношения, 1989. 336 с.

22. Леанович Е. Б. Аспекты интеллектуальной собственности в двусторонних соглашениях о содействии и взаимной охране инвестиций // Беларусь в современном мире: материалы XIII Международной конференции, посвященной 93-летию образования Белорусского государственного университета / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. Минск: Изд. центр. БГУ, 2014. С. 149–152.

23. Баганова С. В., Белькова Е. Г. Исключительное право сообладателей // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1. С. 24–30.

24. Гаврилов Э. П. Когда исключительное право на тождественные объекты принадлежит одновременно нескольким лицам // Патенты и лицензии. 2019. № 9. С. 8–16.

25. Абрамова Н. Некоторые проблемы совместного обладания исключительным правом // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2012. № 5. С. 5–11.

26. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности Российской Федерации: законодательство и доктрина // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 8. С. 14–20.

27. Зенин И. А. Право интеллектуальной собственности. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 620 с.

References

1. Gongalo B. M., Kalyatin V. O., Kirillova M. Ya., eds. *Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii. Avtorskoe pravo. Prava, smezhnye s avtorskimi. Postatejnyj kommentarij k glavam 69–71* [The Civil Code of the Russian Federation. Copyright. Rights related to copyright. Article-by-article commentary on chapters 69-71]; ed. by P. V. Krasheninnikov. Moscow, Statut Publ., 2014. 510 p.

2. Zhiglova D. A. *Pravovaya priroda investicij: ponyatie i pravovoe regulirovanie* [The legal nature of investments: the concept and legal regulation]. *Tradicii i novacii v sisteme sovremen-nogo rossijskogo prava. Materialy XXI Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh. T. 2. Grazhdansko-pravovoe napravlenie* [Traditions and innovations in the system of modern Russian law: materials of the XXI International Conference of Young Scientists. 2. Civil law direction]. Moscow, Kutafina Moscow St. Law Univ. Publ., 2022, pp. 369–370.

3. Lityagin N. N. *Aktual'nye problemy gosudarstvennogo regulirovaniya investicij. Pravovye predposylki aktivizacii investicionnoj deyatel'nosti* [Actual problems of state regulation of investments. Legal prerequisites for the activation of investment activity]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2014, no. 4, pp. 24–27.

4. Pirogova V. V. *Sovremennoe patentnoe pravo: sluzhebnye izobreneniya v kontekste investicij* [Modern patent law: service inventions in the context of investments]. *Vestnik federal'nogo byudzhetnogo uchrezhdeniya "Gosudarstvennaya registracionnaya palata pri Ministerstve yusticii Rossijskoj Federacii" = Bulletin of the Federal Budgetary Institution "State Registration Chamber under the Ministry of Justice of the Russian Federation"*, 2012, no. 6, pp. 63–69.

5. *Pravo intellektual'noj sobstvennosti. T. 2. Avtorskoe pravo* [Intellectual property law. Vol. 2. Copyright]; ed. by L. A. Novoselova. Moscow, Statut Publ., 2017. 367 p.

6. *Pravo intellektual'noj sobstvennosti* [Intellectual property law]; ed. by I. A. Bliznec. 2th ed. Moscow, RGAIS Publ., Prospekt Publ., 2020. 896 p.

7. Dozorcev V. A. *Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii. Sbornik statej* [Intellectual property rights: The concept. System. Codification tasks. Collection of articles]. Moscow, Statut Publ., 2003. 261 p.

8. Leont'ev K. B. *Isklyuchitel'noe pravo i problemy kommercheskogo ispol'zovaniya proizvedenij* [Exclusive right and problems of commercial use of works]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 26–35.

9. Gavrilov E. P. *Pravo na intellektual'nuyu sobstvennost': novelty, vnesennye Federal'nym zakonom ot 12 marta 2014 goda № 35-FZ v glavu 70 GK RF* [Intellectual Property Right: Novelty introduced by Federal Law No. 35-FZ of March 12, 2014 in Chapter 70 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2014, no. 9, pp. 86–98.

10. Kirysheva V. A. *Vozmozhnosti realizacii transfera tekhnologij transnacional'nyh kompanij* [Opportunities for the implementation of technology transfer of multinational companies]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. The science. Education*, 2022, no. 51, pp. 1617–1623.

11. Kalyatin V. O., Murzin D. V., Novoselova L. A., eds. Nauchno-prakticheskij kommentarij sudebnoj praktiki v sfere zashchity intellektual'nyh prav [Scientific and practical commentary on judicial practice in the field of intellectual property rights protection]; ed. by L. A. Novoselova. Moscow, Norma Publ., 2014. 480 p.

12. Spiridonova A. V. Organizacionno-pravovye formy privlecheniya investitsij v innovacii: na primere kraudfandinga i fandrazjinga [Organizational and legal forms of attracting investments in innovations: on the example of crowdfunding and fundraising]. *Pravovoe regulirovanie intellektual'noj sobstvennosti i innovacionnoj deyatel'nosti. Sbornik statej uchastnikov nauchno-metodologicheskogo seminara* [Legal regulation of intellectual property and innovation: a collection of articles by participants of the scientific and methodological seminar]; ed. by O. V. Sushkova. Moscow, RG-Press Publ., 2018, pp. 220–228.

13. Stepanov A. V. Intellektual'naya sobstvennost' obrazovatel'noj organizacii vysshego obrazovaniya kak istochnik privlecheniya investitsij v region [Intellectual property of an educational organization of higher education as a source of attracting investments to the region]. *Kopirajt. Vestnik Akademii intellektual'noj sobstvennosti = Copyright. Bulletin of the Academy of Intellectual Property*, 2020, no. 3, pp. 23–37.

14. Viktorova N. N. Pravovoe regulirovanie kraudfandinga kak al'ternativnoj formy privlecheniya investitsij v seti Internet [Legal regulation of crowdfunding as an alternative form of attracting investments on the Internet]. *Konstituciya Rossijskoj Federacii i sovremennyyj pravoporyadok. Moskovskaya yuridicheskaya nedelya. Materialy XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [The Constitution of the Russian Federation and modern law and order. Moscow Legal Week. Materials of the XV International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Prospekt Publ., 2019, pt. 3, pp. 132–140.

15. Progunova L. V., Prikladova A. A. Dinamika investicionnoj aktivnosti stran BRIKS [Dynamics of investment activity of the BRICS countries]. *Plekhanovskij forum. Mirovaya trgovlya v usloviyah turbulentsnosti. Sbornik statej po itogam IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Plekhanov Forum. World trade in conditions of turbulence. Collection of articles on the results of the IV International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics Publ., 2018, pp. 89–96.

16. Balashov N. S. Pravovoe regulirovanie intellektual'noj sobstvennosti na mirovom rynke [Legal regulation of intellectual property on the world market]. *Novelly prava, ekonomiki i upravleniya 2022. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. T. 2. Tribuna molodogo uchenogo* [Novellas of Law, Economics and Management 2022. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Vol. 2. Tribune of the young scientist]. Gatchina, Gos. in-t ekonomiki, finansov, prava i tekhnologii Publ., 2023, pp. 157–160.

17. Kalyatin V. O. Razvitie sistemy regulirovaniya rasporyazheniya pravami na intellektual'nuyu sobstvennost' v Rossii [Development of the system of regulation of the disposal of intellectual property rights in Russia]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property relations in the Russian Federation*, 2018, no. 2, pp. 54–63.

18. Gorlenko S. A., Kalyatin V. O., Kirij L. L., eds. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii (chasti chetvertoj). T. 1 [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation (Part Four). Vol. 1]; ed. by L. A. Trahtengerc. Moscow, INFRA-M Publ., 2016. 483 p.

19. Lipcik D. Avtorskoe pravo i smezhnye prava [Copyright and related rights]. Moscow, Lodomir Publ., YUNESKO Publ., 2002. 788 p.

20. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie [Intellectual property law. International legal regulation]; ed. by I. A. Bliznec, V. A. Zimin, G. I. Tyckaya. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 252 p.

21. Dyuma R. Literaturnaya i hudozhestvennaya sobstvennost'. Avtorskoe pravo Francii [Literary and artistic property. Copyright of France]; ed. by I. V. Savel'eva. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1989. 336 p.

22. Leanovich E. B. Aspekty intellektual'noj sobstvennosti v dvustoronnih soglasheniyah o sodejstvii i vzaimnoj ohrane investicij [Aspects of intellectual property in bilateral agreements on the promotion and mutual protection of investments]. *Belarus' v sovremennom mire. Materialy XIII Mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 93-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Belarus in the modern world. Materials of the XIII International Conference dedicated to the 93rd anniversary of the Belarusian State University]; ed. by V. G. Shadurskij, eds. Minsk, Izd. centr. BGU, 2014, pp. 149–152.

23. Baganova S. V., Bel'kova E. G. Isklyuchitel'noe pravo soobladatelej [Exclusive right of co-owners]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2021, no. 1, pp. 24–30.

24. Gavrilov E. P. Kogda isklyuchitel'noe pravo na tozhdestvennye ob"ekty prinadlezhit odnovremenno neskol'kim licam [When the exclusive right to identical objects belongs to several persons at the same time]. *Patenty i licenzii = Patents and licenses*, 2019, no. 9, pp. 8–16.

25. Abramova N. Nekotorye problemy sovместного obladaniya isklyuchitel'nym pravom [Some problems of joint ownership of an exclusive right]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*, 2012, no. 5, pp. 5–11.

26. Gavrilov E. P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti Rossijskoj Federacii: zakonodatel'stvo i doktrina [Intellectual Property law of the Russian Federation: legislation and doctrine]. *Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava = Patents and licenses. Intellectual property rights*, 2018, no. 8, pp. 14–20.

27. Zenin I. A. Pravo intellektual'noj sobstvennosti [Intellectual property law]. 9th ed. Moscow, Yurajt Publ., 2014. 620 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Леонтьев Константин Борисович, кандидат юридических наук, доцент, Научно-образовательный центр интеллектуальной собственности и цифровой экономики (НЦИС), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: leontyev.kb@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4580-258X

Konstantin B. Leontev, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Scientific and Educational Center of Intellectual Property and Digital Economy, Moscow, Russian Federation, e-mail: leontyev.kb@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4580-258X

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-62-71>**Особенности ответственности перед третьими лицами при отдельных формах семейного предпринимательства****Д. А. Пономарев¹** ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: dm418@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время в Российской Федерации отсутствуют специальные договорные или организационные формы ведения семейной предпринимательской деятельности. Одной из проблем, которую необходимо решить при формировании правовой модели семейного предпринимательства в Российской Федерации, является определение условий наступления и ограничения пределов ответственности перед третьими лицами по обязательствам, связанным с осуществлением семейной предпринимательской деятельности, в том числе в зависимости от выбора организационно-правовых форм семейного предпринимательства и особенностей участия в нем отдельных членов семьи с учетом их роли (руководство деятельностью, предоставление имущества, личное трудовое участие, творческая деятельность или иное участие) и наличия или отсутствия статуса индивидуального предпринимателя.

Целью исследования является разработка теоретических положений, направленных на создание целостного научного представления об особенностях ответственности перед третьими лицами при осуществлении семейного предпринимательства.

Задачи: выявление особенностей ответственности участников семейной предпринимательской деятельности перед третьими лицами при использовании различных организационно-правовых форм для ее осуществления.

Методология. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.

Результаты исследования имеют теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования гражданских правоотношений.

Выводы сделанные в статье, имеют дискуссионный характер и направлены на дальнейшие исследования заявленной тематики, поиск оптимальных решений для проблем, возникающих при осуществлении семейной предпринимательской деятельности. Статья является продолжением научных исследований автора по рассматриваемой тематике.

Ключевые слова: семья; семейное предприятие; семейное предпринимательство; семейное право; гражданско-правовая ответственность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Пономарев Д. А. Особенности ответственности перед третьими лицами при отдельных формах семейного предпринимательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 62–71. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-62-71>.

Поступила в редакцию 19.06.2023

Принята к публикации 31.07.2023

Опубликована 30.08.2023

© Пономарев Д. А., 2023

Peculiarities of Liability to Third Parties in Certain Forms of Family Entrepreneurship

Dmitrii A. Ponomarev¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: dm417@yandex.ru

Abstract

Relevance. Currently in the Russian Federation there are no special contractual or organizational forms of family entrepreneurial activity. One of the problems to be solved in the formation of a legal model of family entrepreneurship in the Russian Federation is the definition of conditions for the onset and limitation of limits of liability to third parties for obligations related to the implementation of family business activities, including depending on the choice of organizational and legal forms of family business and the specifics of participation of individual family members in it, taking into account their role (management of activities, provision of property, personal labor, creative activity or other participation) and the presence or absence of the status of an individual entrepreneur.

The purpose of the research is to develop theoretical provisions aimed at creating a holistic scientific understanding of the features of responsibility to third parties in the implementation of family entrepreneurship.

Objectives: to identify the features of the responsibility of participants in family business activities to third parties when using various organizational and legal forms for its implementation.

Methodology. In carrying out this study, the dialectical-materialistic method, the systematic method, methods of analysis and synthesis, the formal-legal method were applied.

The results of the research are of a theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of civil legal relations.

The conclusions made in the article are of a debatable nature and are aimed at further research of the stated topics, the search for optimal solutions to problems arising in the implementation of family entrepreneurship. The article is a continuation of the author's scientific research on the subject under consideration.

Keywords: family; family business; family entrepreneurship; family law; civil liability.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ponomarev D. A. Peculiarities of Liability to Third Parties in Certain Forms of Family Entrepreneurship. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 62–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-62-71>

Received 19.06.2023

Accepted 31.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

При осуществлении различных форм семейной предпринимательской деятельности [1; 2; 3] ее участники, находящиеся в семейно-родственных отношениях, вступают в различные формы взаимодействия с третьими лицами [4]. Такие лица, взаимодействуя со всеми или частью участников семейной предпринимательской деятельности, получают дополнительные гарантии исполнения обязательств и возмещения убытков за счет возможности исполнения обязательств

различными участниками такой деятельности и обращения взысканий на их имущество, но одновременно попадают в ситуацию, в которой их права и обязанности оказываются связаны с осуществлением прав и исполнением обязанностей таких участников и членов их семей. Исполнение обязательств перед кредиторами может зависеть от динамики развития отношений в семье, в том числе ее возможного распада [5; 6; 7; 8], изменения ее состава в случае смерти одного из участников и особенностей наследования [9;

10; 11; 12], а также других обстоятельств [13]. Существуют также проблемы, связанные с возможностью утраты имущества и возникновения значительных долгов по обязательствам у одних участников семейной предпринимательской деятельности как следствия неосмотрительных или недобросовестных действий других ее участников.

Требуется поиск разумного баланса между гарантиями прав кредиторов и иных лиц, вступающих в правоотношения с субъектами семейной предпринимательской деятельности [14], с одной стороны, и необходимостью учета прав и законных интересов членов семей, в том числе несовершеннолетних лиц, нетрудоспособных иждивенцев, супругов и иных лиц, не участвующих непосредственным образом в предпринимательской деятельности, но сталкивающихся с обусловленными ее осуществлением рисками утраты имущества, возникновения значительных долговых и иных обязательств – с другой.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод позволил осуществить исследование проблем, связанных с определением условий наступления и ограничением пределов ответственности перед третьими лицами при отдельных формах семейного предпринимательства. Системный метод позволил осуществить анализ основных проблем, возникающих при решении вопросов ответственности перед третьими лицами при различных формах осуществления семейной предпринимательской деятельности, и предложить логически обоснованные выводы. Методы анализа и синтеза и формально-юридический метод позволили провести сопоставление правовых норм и связанных с ним общественных отношений, изучение научных публикаций, а также стали основой для систематизированного описания полученных результатов.

Результаты и их обсуждение

Семейное предпринимательство, как и любая иная предпринимательская деятельность, неразрывно связано с несением предпринимательских рисков, следствием которых может стать обращение взысканий на семейное имущество и на имущество, принадлежащее на праве собственности отдельным участникам такой деятельности.

Необходимость обеспечения защиты семейной собственности, принадлежащей лицам, участвующим в семейной предпринимательской деятельности, защиты прав участников такой деятельности и членов их семей неоднократно отмечалась специалистами [15; 16; 17].

Вместе с тем любое ограничение возможностей распоряжения имуществом или обращения взыскания на такое имущество приведет к усложнению использования такого имущества в предпринимательской деятельности, затруднив его использование в рамках семейного предпринимательства. К негативным последствиям для развития семейного предпринимательства могут приводить также иные устанавливаемые законодательством ограничения, причем такие негативные последствия могут наступать как для кредиторов, так и для отдельных участников семейной предпринимательской деятельности [18; 19].

Так, Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022, с изм. от 31.05.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» установлены специальные правила для начала процедуры банкротства крестьянского (фермерского) хозяйства (далее – КФХ), в соответствии с которыми глава КФХ, осуществляющего свою деятельность без образования юридического лица, может подавать заявление о признании его банкротом только при условии согласия остальных членов КФХ, причем законодательство не определяет меры, направленные на исключение злоупотреблений со стороны других лиц, и последствия отсутствия согласия от них.

При определении конкурсной массы КФХ в соответствии со ст. 221 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в нее включается находящееся в общей собственности членов КФХ недвижимое и иное имущество. Исключения допускаются только для имущества, в отношении которого доказано, что оно приобретено на доходы, не являющиеся общими средствами КФХ. Таким образом, рассмотрение вопроса о банкротстве главы КФХ угрожает утратой имущества всем членам КФХ без учета степени их вовлеченности в его деятельность, уровня доходов, получаемых ими от участия в КФХ и других источников, наличия у них иных обязательств и иждивенцев.

Данный подход представляется недостаточно логически обоснованным, поскольку устанавливаемая презумпция отнесения любого имущества любого члена КФХ к имуществу такого КФХ ставит под угрозу имущественное благосостояние всех лиц, участвовавших в деятельности КФХ.

В рассматриваемых случаях за исключением главы КФХ остальные члены КФХ не являются индивидуальными предпринимателями и, соответственно, не должны нести в полном объеме риски, связанные с ведением предпринимательской деятельности. Граждане, как правило, не могут заранее оценить все риски, связанные с участием в КФХ, под которым они могут понимать, прежде всего, трудовое участие, при отсутствии готовности нести полноценные коммерческие риски, обусловленные ведением предпринимательской деятельности, связанной с возможностью предъявления к ее субъектам повышенных требований [20].

Статья 222 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает особый порядок продажи имущества КФХ, в соответствии с которым на продажу должно выставляться все предприятие должника либо на торги единым лотом должно быть выставлено все имущество КФХ, что может противоречить интересам членов семьи, заинтере-

рсованных в сохранении отдельных видов имущества. Таким членам семьи должны предоставляться возможности преимущественного выкупа необходимого им имущества с выплатой его оценочной стоимости, если это не приводит к невозможности удовлетворения требований кредиторов.

Наличие особых связей между участниками семейного предпринимательства приводит к возникновению между ними неформальных договоренностей, облегчающих, с одной стороны, ведение ими совместной деятельности в рамках семейного предприятия, а с другой стороны, создающих дополнительные возможности для злоупотреблений (ст. 10 ГК РФ) и ухода от ответственности, в том числе по формальным основаниям [21].

Так, Определением Верховного Суда РФ от 09.04.2021 № 308-ЭС21-2977¹ было отказано в пересмотре решения и постановлений, принятых ранее по делу № А53-46205/2019², которыми было установлено, что ответчик обладал 50% уставного капитала общества, директором которого работала его супруга гражданка Р., другим участникам общества документация о его деятельности не предоставлялась, средства выводились в другие подконтрольные организации, требования об одобрении сделок с заинтересованностью не соблюдались, в результате деятельность общества была прекращена. Однако Верховный Суд РФ

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.04.2021 № № 308-ЭС21-2977 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.06.2023).

² Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.12.2020 по делу № А53-46205/2019; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.08.2020 по делу № А53-46205/2019; Решение Арбитражного суда Ростовской области от 09.06.2020 по делу № А53-46205/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.06.2023).

при рассмотрении жалобы указал на то, что истцы (остальные участники общества) должны доказать недобросовестность или неразумность действий его руководителя, доказательства, подтверждающие наличие недобросовестности либо неразумности в действиях руководителя¹, что оказалось невозможно сделать при отсутствии доступа к документам.

Наличие родственных связей между участниками предпринимательской деятельности не является безусловным основанием для признания их притворности².

В то же время при отсутствии юридических структур, опосредующих предпринимательскую деятельность супругов, суды для защиты интересов кредиторов могут, в частности, признавать недействительными брачные и иные договоры между супругами, заключенные задолго до рассмотрения дела, например, брачного договора, заключенного за семь лет до банкротства семейного предприятия³. Таким образом, перераспределение имущества между супругами по каким-либо причинам, вне зависимости от времени его осуществления, может приводить к оспариванию впоследствии сделок, на которых основывалось такое перераспределение.

При этом встречается и противоположная судебная практика, например, Определением Верховного Суда Россий-

ской Федерации от 22.07.2019 № 308-ЭС19-4372 было отказано в признании недействительным договора дарения, осуществленного поручителем по обязательству в пользу своей супруги в связи с недоказанностью факта недостаточности у него средств для поручительства на момент заключения договора дарения⁴, причем при рассмотрении дела приводились различные доводы в пользу удовлетворения иска⁵. Решения об отказе в удовлетворении требований кредиторов принимались также по ряду иных дел, связанных с передачей имущества должника членам его семьи или ближайшим родственникам⁶. Обеспечение баланса интересов при рассмотрении данного рода вопросов требует дальнейшего развития судебной практики, ее обобщения и, при необходимости, корректировки, что постепенно осуществляется судами высших инстанций.

Важным является также проблема обеспечения особой защиты отдельных

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2019 № 308-ЭС19-4372 по делу № А53-15496/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.06.2023).

⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.02.2019 по делу № А53-15496/2017; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.11.2018 по делу № А53-15496/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.06.2023).

⁶ Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 24.09.2018 по делу № А32-7937/2016 по делу № А32-7937/2016; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.03.2019 по делу № А32-7937/2016; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.12.2018 по делу № А32-7937/2016 по делу № А32-7937/2016; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2019 № 308-ЭС19-8286 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.06.2023).

¹ Абзац третий пункта 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.01.2021 № 304-ЭС20-21136 по делу № А45-24017/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.06.2023).

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.06.2020 № 309-ЭС20-7486 по делу № А50-18848/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.06.2023).

участников семейного предпринимательства [22; 23]. Дети, несовершеннолетние или нетрудоспособные лица являются «слабой» стороной возникающих гражданско-правовых отношений, поэтому их интересы должны учитываться наравне с интересами кредиторов. Ограниченной должна быть также ответственность иных лиц, не регистрировавшихся в качестве индивидуальных предпринимателей и, следовательно, не выражавших юридически значимым образом намерение нести предпринимательские риски и отвечать всем своим имуществом. Такие лица могут нести ответственность в пределах стоимости того имущества, которое было передано ими для ведения предпринимательской деятельности или приобретено за счет доходов от такой деятельности [24]. Кроме того, условия и порядок несения ответственности по обязательствам перед третьими лицами могут быть отражены в соглашении, заключаемом между ее участниками.

Предлагаемые подходы позволят обеспечить высокий уровень защиты прав участников семейной предпринимательской деятельности, в том числе не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей.

Выводы

В условиях правовой неопределённости режима семейной предпринимательской деятельности вопросы защиты прав ее участников имеют одно из первостепенных значений для формирования целостного представления об этом правовом и социальном феномене. Обозначенные в работе подходы, их достоинства и недостатки хотя и носят дискуссионный характер, тем не менее вносят в разрешение этого вопроса начальный уровень определенности, что позволяет обеспечить высокий уровень защиты прав участников семейной предпринимательской деятельности, в том числе не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей.

Список литературы

1. Баркова Л. А. Организационно-правовые формы «семейных» объединений как субъектов семейного предпринимательства // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2. С. 39–46.
2. Валеева Н. Г. Правовые формы ведения супругами предпринимательской деятельности в интеллектуальной сфере // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 459–469.
3. Егупов В. А. Некоторые организационно-правовые вопросы построения семейного бизнеса в России на начальном этапе // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности : монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 39–44.
4. Пономарев Д. А. Организационно-правовые формы семейного предпринимательства: традиционные подходы и теоретические модели // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности : монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 95–105.
5. Громоздина М. В. Раздел семейного бизнеса и раздел общего имущества супругов: вопросы теории и практики // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 469–477.
6. Дарькина М. М. Судебная практика о разделе «семейного» бизнеса // Семейный бизнес & качество правовой среды: монография. М.: Проспект, 2022. С. 477–486.
7. Левушкин А. Н. Бизнес супругов и особенности его раздела // Юридическая наука в XXI веке: история, теория, практика: материалы Международной научно-практической

конференции. Белгород: Белгородский ун-т кооперации, экономики и права, 2018. С. 478–486.

8. Пономарев Д. А. Последствия прекращения семейных отношений для совместной предпринимательской деятельности членов семьи // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 3. С. 98–104.

9. Алборов С. В. Правовые аспекты наследования семейного бизнеса // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 116–125.

10. Гуцин В. В., Добровинская А. В. Правопреемство при наследовании семейного бизнеса // Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2021. С. 361–376.

11. Левушкин А. Н., Надысева Э. Х. Переход семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. № 3. С. 8–12.

12. Пономарев Д. А. Проблемы продолжения семейной предпринимательской деятельности при наследовании // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 51–60.

13. Абдуллаев К. А. Реструктуризация долгов супруга при банкротстве: теория и практика применения // Семейный бизнес & качество правовой среды: монография. М.: Проспект, 2022. С. 244–259.

14. Долинская В. В. Баланс интересов членов семьи и стабильности гражданского оборота // Семейный бизнес & качество правовой среды: монография. М.: Проспект, 2022. С. 37–47.

15. Баркова Л. А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 189 с.

16. Кулаков В. В. О соотношении обеспечения исполнения обязательства, защиты гражданских прав и гражданско-правовой ответственности применительно к институту семейного бизнеса // Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2021. С. 411–424.

17. Левушкин А. Н. Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 25–29.

18. Матвеев И. В. Ответственность членов семьи как контролирующих лиц должника при банкротстве // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 325–332.

19. Шишмарева Т. П. Ответственность супругов при ведении семейного бизнеса при недостаточности имущества // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 589–600.

20. Яфизова Э. Н. Частноправовая защита прав членов семьи при осуществлении семейного бизнеса // Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2021. С. 96–111.

21. Измайлов В. В. Фактическое прекращение брачно-семейных отношений как средство защиты прав супругов-предпринимателей // Семейный бизнес & качество правовой среды: монография. М.: Проспект, 2022. С. 498–511.

22. Измайлов В. В. Защита прав супругов при расторжении брака и разделе бизнеса // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2019. С. 399–409.

23. Левушкин А. Н. Защита прав при осуществлении семейного предпринимательства как вида экономической деятельности // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 7-й ежегодной Международной научно-практической конференции. Иркутск: Байкальский гос. ун-т, 2019. С. 65–71.

24. Пономарев Д. А. Правовое регулирование семейного предпринимательства в Российской Федерации: некоторые тенденции развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 53–63.

References

1. Barkova L. A. Organizacionno-pravovye formy "semejnyh" ob"edinenij kak sub"ektov semejnogo predprinimatel'stva [Organizational and legal forms of "family" associations as subjects of family entrepreneurship]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*, 2014, no. 2, pp. 39–46.

2. Valeeva N. G. Pravovye formy vedeniya suprugami predprinimatel'skoj deyatel'nosti v intellektual'noj sfere [Legal forms of conducting entrepreneurial activity by spouses in the intellectual sphere]. *Semejnyj biznes v pravovom prostranstve Rossii* [Family business in the legal space of Russia]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 459–469.

3. Egupov V. A. Nekotorye organizacionno-pravovye voprosy postroeniya semejnogo biznesa v Rossii na nachal'nom etape [Some organizational and legal issues of building a family business in Russia at the initial stage]. *Semejnyj biznes & LegalTech: nauchnye resheniya dlya professional'noj predprinimatel'skoj deyatel'nosti* [Family Business & LegalTech: scientific solutions for professional entrepreneurship]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 39–44.

4. Ponomarev D. A. Organizacionno-pravovye formy semejnogo predprinimatel'stva: tradicionnye podhody i teoreticheskie modeli [Organizational and legal forms of family entrepreneurship: traditional approaches and theoretical models]. *Semejnyj biznes & LegalTech: nauchnye resheniya dlya professional'noj predprinimatel'skoj deyatel'nosti* [Family Business & LegalTech: scientific solutions for professional entrepreneurship]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 95–105.

5. Gromozdina M. V. Razdel semejnogo biznesa i razdel obshchego imushchestva suprugov: voprosy teorii i praktiki [The division of family business and the division of the common property of spouses: theory and practice issues]. *Semejnyj biznes v pravovom prostranstve Rossii* [Family business in the legal space of Russia]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 469–477.

6. Dar'kina M. M. Sudebnaya praktika o razdele "semejnogo" biznesa [Judicial practice on the "family" business section]. *Semejnyj biznes & kachestvo pravovoj sredy* [Family Business & Quality of legal Environment]. Moscow, Prospekt Publ., 2022, pp. 477–486.

7. Levushkin A. N. Biznes suprugov i osobennosti ego razdela [Business of spouses and features of its section]. *Yuridicheskaya nauka v XXI veke: istoriya, teoriya, praktika. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Legal science in the XXI century: history, theory, practice. Materials of the International scientific and practical Conference]. Belgorod, Belgorod. Univ. of Cooperation, Economy and Law Publ., 2018, pp. 478–486.

8. Ponomarev D. A. Posledstviya prekrashcheniya semejnyh otnoshenij dlya sovmestnoj predprinimatel'skoj deyatel'nosti chlenov sem'i [Consequences of termination of family relations

for joint business activities of family members]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2022, no. 3, pp. 98–104.

9. Alborov S. V. Pravovye aspekty nasledovaniya semejnogo biznesa [Legal aspects of inheritance of a family business]. *Semejnyj biznes & LegalTech: nauchnye resheniya dlya professional'noj predprinimatel'skoj deyatel'nosti [Family Business & LegalTech: scientific solutions for professional entrepreneurship]*; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 116–125.

10. Gushchin V. V., Dobrovinskaya A. V. Pravopremstvo pri nasledovanii semejnogo biznesa [Succession in the inheritance of a family business]. *Semejnyj biznes & samozanyatyte: vzglyad cherez prizmu malogo predprinimatel'stva [Family Business & Self-employed: a look through the prism of small business]*; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2021, pp. 361–376.

11. Levushkin A. N., Nadyseva E. H. Perekhod semejnogo biznesa po nasledstvu [The transition of a family business by inheritance]. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance law*, 2021, no. 3, pp. 8–12.

12. Ponomarev D. A. Problemy prodolzheniya semejnoj predprinimatel'skoj deyatel'nosti pri nasledovanii [The problems of continuing family entrepreneurship in inheritance]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 51–60.

13. Abdullaev K. A. Restrukturizaciya dolgov supruga pri bankrotstve: teoriya i praktika primeneniya [Restructuring of spouse's debts in bankruptcy: theory and practice of application]. *Semejnyj biznes & kachestvo pravovoj sredy [Family Business & Quality of legal Environment]*. Moscow, Prospekt Publ., 2022, pp. 244–259.

14. Dolinskaya V. V. Balans interesov chlenov sem'i i stabil'nosti grazhdanskogo oborota [Balance of interests of family members and stability of civil turnover]. *Semejnyj biznes & kachestvo pravovoj sredy [Family Business & Quality of legal Environment]*. Moscow, Prospekt Publ., 2022, pp. 37–47.

15. Barkova L. A. Semejnoe predprinimatel'stvo v mekhanizme pravovogo obespecheniya garmonizacii interesov sem'i. Diss. kand. jurid. nauk [Family entrepreneurship in the mechanism of legal support for the harmonization of family interests. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2015.

16. Kulakov V. V. O sootnoshenii obespecheniya ispolneniya obyazatel'stva, zashchity grazhdanskikh prav i grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti primenitel'no k institutu semejnogo biznesa [On the relationship of ensuring the fulfillment of obligations, protection of civil rights and civil liability in relation to the institution of family business]. *Semejnyj biznes & samozanyatyte: vzglyad cherez prizmu malogo predprinimatel'stva [Family Business & Self-employed: a look through the prism of small business]*; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2021, pp. 411–424.

17. Levushkin A. N. Semejnoe supruzheskoe predprinimatel'stvo i prodazha biznesa suprugov po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii [Family matrimonial entrepreneurship and sale of spouses' business under the legislation of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2018, no. 4, pp. 25–29.

18. Matveev I. V. Otvetstvennost' chlenov sem'i kak kontroliruyushchih lic dolzhnika pri bankrotstve [Responsibility of family members as controlling persons of the debtor in bankruptcy]. *Semejnyj biznes v pravovom prostranstve Rossii [Family business in the legal space of Russia]*; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 325–332.

19. Shishmareva T. P. Otvetstvennost' suprugov pri vedenii semejnogo biznesa pri nedostatochnosti imushchestva [Responsibility of spouses when running a family business in case of insufficient property]. *Semejnyj biznes v pravovom prostranstve Rossii [Family business in the*

legal space of Russia]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 589–600.

20. Yafizova E. N. Chastnopravovaya zashchita prav chlenov sem'i pri osushchestvlenii semejnogo biznesa [Private law protection of the rights of family members in the implementation of family business]. *Semejnyj biznes & samozanyatyie: vzglyad cherez prizmu malogo predprinimatel'stva* [Family Business & Self-employed: a look through the prism of small business]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2021, pp. 96–111.

21. Izmajlov V. V. Fakticheskoe prekrashchenie brachno-semejnyh otnoshenij kak sredstvo zashchity prav suprugov-predprinimatelej [The actual termination of marriage and family relations as a means of protecting the rights of spouses-entrepreneurs]. *Semejnyj biznes & kachestvo pravovoj sredy* [Family Business & Quality of legal Environment]. Moscow, Prospekt Publ., 2022, pp. 498–511.

22. Izmajlov V. V. Zashchita prav suprugov pri rastorzhenii braka i razdele biznesa [Protection of the rights of spouses at the dissolution of marriage and division of business]. *Yuridicheskaya sud'ba biznesa pri rastorzhenii braka i nasledovanii* [The legal fate of business at the dissolution of marriage and inheritance]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2019, pp. 399–409.

23. Levushkin A. N. Zashchita prav pri osushchestvlenii semejnogo predprinimatel'stva kak vida ekonomicheskoy deyatel'nosti [Protection of rights in the implementation of family entrepreneurship as a type of economic activity]. *Zashchita chastnyh prav: problemy teorii i praktiki. Materialy 7-j ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Protection of private rights: problems of theory and practice. Materials of the 7th Annual International Scientific and Practical Conference]. Irkutsk, Bajkal. St. Univ. Publ., 2019, pp. 65–71.

24. Ponomarev D. A. Pravovoe regulirovanie semejnogo predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii: nekotorye tendencii razvitiya [Legal regulation of family entrepreneurship in the Russian Federation: some development trends]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 53–63.

Информация об авторе / Information about the Author

Пономарев Дмитрий Александрович, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: dm418@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4085-2027

Dmitrii A. Ponomarev, Post-Graduate Student of the Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, E-mail: dm418@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4085-2027

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-72-83>

Правовые основания участия некоммерческих организаций в защите авторских и смежных прав

Л. Е. Барковская¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: moscowlawyersclub@mail.ru

Резюме

Актуальность. На протяжении длительного времени цивилистическая доктрина не рассматривала деятельность по защите авторских и смежных прав при осуществлении коллективного управления как самостоятельную. Предполагалось, что она может осуществляться, в частности, организациями по коллективному управлению правами для реализации их функции по сбору вознаграждения для правообладателей. Наряду с организациями по коллективному управлению правами существует значительное число организаций, в том числе создаваемых авторами и иными правообладателями, способных осуществлять представительство интересов и защиту прав авторов и иных правообладателей, истребовать причитающееся для них вознаграждение, однако правовая регламентация их деятельности по защите авторских и смежных прав в настоящее время отсутствует. При этом развитие новых технологий, появление новых способов использования произведений и объектов смежных прав, новых вариантов выражения творческих результатов требует расширения поддержки авторов и иных правообладателей при осуществлении и защите принадлежащих им прав.

Целью исследования является разработка теоретических положений, необходимых для совершенствования правового регулирования деятельности по защите авторских и смежных прав, осуществляемой некоммерческими организациями.

Задачи: определить основные особенности правового регулирования деятельности по защите авторских и смежных прав, осуществляемой некоммерческими организациями; выявить проблемы, связанные с осуществлением такой деятельности; разработать предложения по дальнейшему развитию правового регулирования рассматриваемых вопросов.

Методология. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования гражданских правоотношений.

Выводы, сделанные в статье, имеют дискуссионный характер, направлены на продолжение исследований в рамках заявленной тематики, направлены на развитие основных принципов, позволяющих единообразным образом разрешать проблемы, связанные с правовым регулированием деятельности организаций, осуществляющих реализацию и защиту авторских и смежных прав, в том числе на коллективной основе.

Ключевые слова: автор; произведение; исключительное право; право на вознаграждение; коллективное управление; защита авторских прав.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Барковская Л. Е. Правовые основания участия некоммерческих организаций в защите авторских и смежных прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 72–83. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-72-83>.

Поступила в редакцию 30.06.2023

Принята к публикации 31.07.2023

Опубликована 30.08.2023

© Барковская Л. Е., 2023

Legal Basis for the Participation of Non-Profit Organizations in the Protection of Copyright and Related Rights

Liudmila E. Barkovskaya¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: moscowlawyersclub@mail.ru

Abstract

Relevance. For a long time the civilistic doctrine did not consider the activity on protection of copyright and related rights in the implementation of collective management as an independent one. It was assumed that it can be carried out in particular by organizations for collective management of rights for realization of their function of collecting remuneration for right holders. Along with organizations for collective management of rights there is a significant number of organizations, including those created by authors and other right holders, which can represent interests and protect the rights of authors and other right holders and claim remuneration due to them, but there is currently no legal regulation of their activity to protect copyright and related rights. At the same time, the development of new technologies, the emergence of new ways of using works and objects of related rights, new options for expressing creative results require the expansion of support for authors and other right holders in exercising and protecting their rights.

The purpose of the research is to develop theoretical provisions necessary to improve the legal regulation of copyright and related rights protection activities carried out by non-profit organizations.

Objectives: to determine the main features of legal regulation of copyright and related rights protection activities carried out by non-profit organizations; to identify problems associated with the implementation of such activities; to develop proposals for further development of legal regulation of the issues under consideration.

Methodology. The author used dialectical-materialistic method, systematic method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method.

The results of the research are of theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of civil legal relations.

Conclusions. The conclusions, made in the article, have the debatable character, directed to the continuation of research in the framework of the declared subject, directed to the development of basic principles, allowing a uniform way to solve the problems associated with legal regulation of organizations, implementing and protection of copyright and related rights, including the collective basis.

Keywords: author; work; exclusive right; right to remuneration; collective management; copyright protection.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Barkovskaya L. E. Legal Basis for the Participation of Non-Profit Organizations in the Protection of Copyright and Related Rights. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 72–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-72-83>

Received 30.06.2023

Accepted 31.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

Нарушение исключительного права правообладателя или права на получение им вознаграждения является предпосылкой для возникновения правомочия на защиту такого права как у правообладателя, так и у некоммерческих организаций, которые на основании волеизъявле-

ния правообладателя или положений закона наделены правом на реализацию указанного правомочия [1; 2; 3].

Вопросам участия организаций по коллективному управлению правами в защите авторских и смежных прав было уделено значительное внимание в Постановлении Пленума Верховного Суда Рос-

сийской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10¹ (далее – Постановление). При этом ввиду отсутствия законодательного регулирования и сложившейся практики непроанализированными остаются возможности участия иных организаций в защите прав авторов, их наследников и иных правообладателей, анализ осуществления защиты на коллективной основе относится только к случаям, когда такая защита осуществляется организациями по коллективному управлению, что также характерно для подавляющего большинства публикаций на данную тематику [4; 5; 6].

В условиях роста масштабов нарушений авторских и смежных прав невозможно осуществлять их успешное использование без обеспечения эффективной защиты [7; 8], в том числе как с использованием возможностей организаций по коллективному управлению правами [9; 10; 11; 12; 13; 14], так и с подключением к осуществлению указанной деятельности иных организаций, уполномоченных представлять интересы авторов и иных правообладателей, прежде всего профильных некоммерческих организаций [15; 16; 17]. В то же время отсутствие разработанных теоретических положений, учитывающих особенности деятельности по защите авторских и смежных прав в современных условиях, препятствует совершенствованию законодательства, регулирующего отношения, связанные с такой защитой.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Использование диалектико-материалистического метода, а

¹ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апр. 2019 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.

также методов научного познания, таких как методы формальной и диалектической логики, историко-правовой метод, методы анализа и синтеза, позволило систематизировать и описать полученные результаты исследования для целей их дальнейшего использования. На основе данных методов были сформулированы предложения и рекомендации, явившиеся итогом решения поставленных задач, что позволило обосновать тезисы выдвигаемых предложений, направленных на разрешение существующих противоречий. Формально-юридический метод заключался в изучении российского законодательства, регулирующего рассматриваемые отношения, правоприменительной практики, научных публикаций, а также позволил описать результаты, полученные при проведении исследования.

Результаты и их обсуждение

Постановление Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10, как отмечено выше, уделило значительное внимание рассмотрению вопросов, связанных с участием организаций по коллективному управлению имущественными авторскими и смежными правами в рассмотрении дел по спорам о защите интеллектуальных прав.

В абзаце втором п. 4 указанного Постановления признается, что дела по спорам о защите интеллектуальных прав должны в соответствии с п/п. 6 ч. 6 ст. 27 АПК РФ рассматриваться арбитражными судами как в случае, если такая организация выступает в суде от своего имени, так и в случаях, когда организация по коллективному управлению выступает в суде от имени любых правообладателей, включая правообладателей – физических лиц, даже если последние не являются индивидуальными предпринимателями. При этом Верховный Суд РФ не решил вопрос о том, относится ли это ко всем случаям предъявления исков такими организациями в интересах правообладателей или речь идет только о ситуациях,

когда организации осуществляют защиту прав в тех сферах, в которых они осуществляют коллективное управление правами.

В п. 18 Постановления отмечается, что в соответствии с положениями ст. 1242 и 1245 ГК РФ организации по управлению правами вправе выступать в судах как от своего собственного имени, так и от имени отдельных правообладателей. В Постановлении не конкретизируются случаи, когда могут предъявляться такие требования. Кроме того, формально организации по коллективному управлению правообладателем могут быть предоставлены полномочия по управлению правами в том числе в сферах, в которых такая организация не осуществляет коллективное управление, но либо собирается осуществлять в дальнейшем, либо может осуществлять защиту прав применительно к отдельным случаям. Существующая неопределенность, отсутствие прямого указания в законе и в разъяснениях судебной практики, даваемых Верховным Судом Российской Федерации, может приводить к отсутствию единообразия при рассмотрении и разрешении различных категорий судебных дел.

Наиболее обоснованным представлялся бы подход, основанный на разграничении полномочий на управление правами на коллективной основе и на защите прав, не связанных с таким управлением. Для эффективного осуществления сбора вознаграждения для правообладателей организации по коллективному управлению нуждаются в оперативном привлечении к ответственности нарушителей при минимизации расходов и сокращении времени на рассмотрение соответствующих категорий судебных дел, в связи с чем единообразное их разрешение арбитражными судами представляется совершенно оправданным. Однако в тех случаях, когда речь идет о защите иных прав авторов и других правообладателей, такое рассмотрение должно осуществляться с учетом особенностей, присущих

таким правам, организации по коллективному управлению при этом могут выступать в качестве представителей правообладателей или лиц, действующих в их интересах по различным правовым основаниям, в том числе на основании доверенности, договора или указаний закона при их наличии, следовательно, рассмотрение таких дел может осуществляться в соответствии с различными правилами установления подсудности и подведомственности, с учетом особенностей существующего законодательного регулирования, субъектного состава, заявляемых требований и иных обстоятельств.

В п. 18 Постановления также отмечается, что в случае предъявления в суде требований и совершения других юридических действий в целях защиты прав, переданных в управление организации по коллективному управлению, такие организации действуют «в защиту прав лиц, передавших полномочия на управление правами» (п. 5 ст. 1242 ГК РФ). Таким образом, используется обобщенная формулировка, согласно которой определяется, в чьих интересах соответствующие действия осуществляются, но без конкретизации, от чьего имени совершаются такие действия. В настоящее время отсутствуют критерии, которые позволили бы каким-либо однозначным образом разделять случаи, в которых действия по защите прав должны совершаться от имени правообладателей, и устанавливать случаи, для которых совершение действий по защите прав осуществляется от имени самой организации по коллективному управлению, которая в конечном счете должна действовать и в интересах правообладателей.

Как представляется, критерием для такого разграничения могли бы служить прежде всего основания, на которых основывают свои требования организации при обращении в суд: в случаях, вытекающих из договоров, заключаемых организацией по коллективному управлению с пользователями произведений и объек-

тов смежных прав, а также в случаях, специально предусмотренных законом, например, при обращении за защитой прав неопределенного круга лиц, такие организации действуют от своего имени. В то же время в случаях, когда речь идет о защите прав конкретных правообладателей, если полномочия на осуществление такой защиты вытекают из заключенных с ними договоров, действия организации по коллективному управлению должны предприниматься от имени таких правообладателей. При этом в обоих вышеуказанных случаях организация по коллективному управлению должна действовать в интересах авторов и иных правообладателей, в пользу которых она осуществляет коллективное управление правами, поэтому само по себе действие в интересах таких лиц не может служить критерием для разграничения случаев деятельности такой организации от своего имени или от имени представляемых правообладателей.

Согласно абзацу третьему п. 19 Постановления, организация по коллективному управлению обязана принять «разумные меры» для установления правообладателя, направления ему заблаговременного уведомления о своем намерении обратиться в суд с требованием для защиты его прав, предоставить ему иную имеющую отношение к делу информацию. Такая организация при обращении в суд обязана также указать сведения о конкретном правообладателе, включая точные персональные данные (фамилия, имя, отчество, место жительства или нахождения), предоставить суду подтверждение направления ему копии иска и прилагаемых документов, а при действии на основании договора с другой организацией также предоставить сведения о такой организации. Требование об обязательном указании данных о правообладателях для извещения их судом о поданном иске затрудняет подачу исков при массовых нарушениях от имени всех заинтересованных лиц даже при наличии

у обращающейся организации, например, полномочий на сбор соответствующего вознаграждения для правообладателей, на практике это приводит к оставлению дел без движения и затягиванию судебных процессов [3, с. 17].

Как представляется, данный подход не является единственно возможным. Например, в п. 86 Постановления признается возможность защиты издателем прав автора произведения, опубликованного анонимно или под псевдонимом, в качестве представителя такого автора, уполномоченного обращаться в суд для защиты его прав без раскрытия его личности. В определенных случаях, в том числе при необходимости борьбы с массовыми нарушениями прав, организации, имеющие государственную аккредитацию [18], могли бы наделяться подобными полномочиями для пресечения случаев незаконного массового использования произведения и объектов смежных прав.

При этом законодательство никак не регламентирует обязанности самих авторов и правообладателей, в интересах которых организация по коллективному управлению правами обращается в суд. При подготовке и ведении судебного процесса организация по коллективному управлению несет значительные затраты, которые могут быть по крайней мере частично покрыты за счет взыскания с нарушителя невыплаченного вознаграждения, компенсации за нарушение исключительного права и (или) судебных расходов. Между тем автор или иной правообладатель, заинтересованный в скорейшем урегулировании дела и максимизации получаемой непосредственно им выплаты, может в любое время договориться с ответчиком о заключении мирового соглашения, отказе от иска на определенных условиях, заключении лицензионного договора, позволяющего использовать соответствующий объект авторских или смежных прав и (или) легализующий его предшествующее использование с учетом возможности распро-

странения договорных положений на отношения сторон, предшествующие заключению договора (п. 2 ст. 425 ГК РФ).

Такие последствия являются оправданными, если договор между правообладателем и пользователем или переговоры о его заключении начались до того, как организация по коллективному управлению правами обратилась в суд для защиты прав правообладателя или уведомила правообладателя о таком намерении. Однако в случае, если имело место нарушение исключительных прав, преследование нарушителя было инициировано организацией по коллективному управлению и такая организация понесла расходы, связанные с совершением указанных действий, такие расходы должны быть возмещены организации по коллективному управлению за счет нарушителя, а при отказе правообладателя (истца) от иска или заключении им мирового соглашения без согласия инициировавшей иск организации по коллективному управлению, такие расходы должны возмещаться за счет правообладателя (истца), если законом или заключенным договором не предусмотрено иное.

Правообладатель в любое время должен иметь возможность отказаться от защиты своих прав, если заключенным с ним договором или императивными требованиями закона не установлено иное, но при этом договором с правообладателем или законом могут быть определены порядок и условия возмещения затрат некоммерческой организации на защиту прав правообладателя при отказе правообладателя от осуществления защиты его прав такой некоммерческой организацией, поступившем после принятия такой организацией соответствующих мер, что позволит исключить злоупотребления со стороны правообладателей, состоящие в заключении договоров или ином урегулировании отношений с нарушителями без оплаты расходов, понесенных организацией, инициировавшей преследование таких нарушителей.

Важную роль деятельность по коллективной защите исключительных прав, в том числе осуществляемая организациями по коллективному управлению правами, может сыграть при решении вопросов развития устойчивой судебной практики при определении размеров взыскиваемых компенсаций при нарушениях авторских и смежных прав. Профессор А. Г. Матвеев отмечает, что одно из противоречий развития современного авторского права заключается в «неоправданно строгих санкциях за нарушение авторских прав» [19, с. 3], им отмечается также необходимость обеспечить «построение справедливой и сбалансированной модели» [19, с. 3]. Как представляется, основой для создания такой модели могла бы стать коллективная деятельность в защиту авторских и смежных прав, поскольку при ее осуществлении возникает необходимость в установлении справедливых уровней компенсации при рассмотрении сходных случаев и применительно к различным правообладателям на недискриминационной основе. Для определения размера компенсации применительно к каждому конкретному правообладателю могут применяться подходы, основанные на складывающихся на рынке отношениях со свойственным коллективному управлению усреднению определяемых величин, исключению как чрезмерно низких, так и необоснованно высоких уровней налагаемых взысканий. Необходимость разработки таких подходов вытекает из постепенно складывающейся судебной практики и ее толкований.

Приведенный далее анализ судебных дел, связанных с защитой прав авторов и иных правообладателей организациями по коллективному управлению, представляющими их интересы, показывает, что в отдельных случаях организации по коллективному управлению пытаются принимать меры для защиты прав своих членов и других правообладателей в судебном порядке в случаях использования произведений и объектов смежных прав,

не относящихся к числу тех, в которых такие организации осуществляют управление соответствующими авторскими или смежными правами.

В результате такие попытки не всегда оказываются успешными ввиду отсутствия у таких организаций достаточных ресурсов и опыта для их реализации. Кроме того, поскольку указанная деятельность не связана с основными видами деятельности таких организаций, возникает вопрос об источниках ее финансирования и обоснованности расходования на ее осуществление части средств, собираемых для правообладателей в рамках определенных видов коллективного управления их правами.

Ввиду отсутствия единых подходов к решению вопроса о возможности защиты имущественных авторских и смежных прав на коллективной основе на практике происходит смешение между деятельностью организаций по коллективному управлению в целях защиты прав и деятельностью иных организаций, в том числе коммерческих организаций, по оказанию правообладателям услуг по защите их прав, причем для оказания таких услуг используются различного рода правовые конструкции, не позволяющие в дальнейшем эффективным образом осуществлять защиту соответствующих прав.

Так, предметом рассмотрения Суда по интеллектуальным правам в 2018 г. стало дело об отказе в иске по защите авторского права на фотографию и взысканию компенсации за нарушение исключительных прав по иску ООО «Уральское авторское общество»¹. Решением Арбитражного суда города Москвы от 12.05.2017 г. в удовлетворении иска было отказано, данное решение было оставлено без изменения Девятым арбитражным

апелляционным судом². Суд по интеллектуальным правам признал правомерным отказ в иске ввиду недоказанности факта нарушения права на спорное произведение, а также недоказанности факта наличия у истца такого права.

Суд исходил из того, что между автором произведения и ООО «Уральское авторское общество» был заключен договор доверительного управления, в соответствии с условиями которого автор в качестве учредителя такого управления (выгодоприобретателя) передал указанной организации как управляющему права, направленные на извлечение выгоды от использования «имущества» (имущественных прав), выявлять нарушения и принимать меры для защиты прав. После обнаружения спорной фотографии на сайте истец обратился в суд за защитой прав, однако суды отметили отсутствие у истца доказательств наличия у него исключительного права на спорную фотографию, недоказанность нарушения и отсутствие у истца права на преследование кого-либо за нарушение исключительного права на данную фотографию.

Несмотря на дискуссионность отдельных приведенных в судебных актах доводов, результаты рассмотрения данного дела показывают важность профессионального подхода к решению вопросов, связанных с защитой исключительных прав, необходимость использования апробированных подходов при оформлении полномочий, доказывании факта нарушения прав и наличия у обращающегося с иском лица права на его предъявление от своего имени либо от имени или в интересах правообладателя.

Вместе с тем в рассматриваемом деле присутствовали также ошибки со стороны судов первой и апелляционной инстанций, отмеченные Судом по интел-

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.02.2018 № С01-1092/2017 по делу № А40-239086/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 23.06.2023).

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.09.2017 по делу № А40-239086/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 23.06.2023).

лектуальным правам. Так, Суд по интеллектуальным правам отметил возможность осуществления доверительного управления исключительными правами, как предусмотрено п. 1 ст. 1013 ГК РФ [20; 21], включая возможность для доверительного управляющего обращаться в суд за защитой нарушенных исключительных прав, несмотря на то, что в п. 2 ст. 1250 ГК РФ доверительный управляющий не упоминается в числе лиц, уполномоченных на обращение за судебной защитой при таких нарушениях. Суд по интеллектуальным правам со ссылкой на ранее выработанную позицию, отраженную в Постановлении от 30.10.2017 по делу № А40-239418/2016¹, подтвердил, что при передаче исключительного права в доверительное управление управляющий вправе не только осуществлять права, переданные ему в управление, но также защищать их в тех же случаях и по тем же основаниям, что и сам правообладатель, несмотря на то, что к доверительному управляющему не переходит исключительное право на произведение при заключении договора доверительного управления.

Суд по интеллектуальным правам также не согласился с выводами нижестоящих судов и отметил, что протоколы осмотра сайта, составленные любыми лицами, видеозаписи и иные материалы, даже при отсутствии нотариального заверения и в случае составления истцом в одностороннем порядке, могут рассматриваться в качестве допустимых доказательств и должны анализироваться наряду с другими доказательствами, поскольку законодательством не устанавливаются ограничения в отношении способов, используемых для доказывания фактов осуществления распространения сведе-

ний в сети Интернет². Суд по интеллектуальным правам исключил из мотивировочной части ошибочные выводы, но оставил без изменения принятое решение ввиду того, что указанные ошибки не повлекли принятие ошибочного решения и, следовательно, не требовали отмены обжалуемых актов.

Анализ материалов данного дела показывает, что указанных в нем ошибок можно было бы избежать, если бы соответствующая деятельность осуществлялась на систематической основе организацией, специализирующейся на ведении данной категории дел.

Выводы

В связи с особенностями организации защиты прав авторов и иных правообладателей, необходимости привлечения к участию в такой защите широкого круга организаций, в том числе профессиональных, творческих и иных организаций, представляющих интересы авторов, исполнителей и иных заинтересованных лиц, представляется важным существенным образом расширить основания для предъявления требований о защите прав и круг организаций, которыми могут предъявляться такие требования.

В частности, необходимо признать, что полномочия на защиту прав правообладателей, так же как и на осуществление их прав в определенных пределах, как отмечалось выше, могут вытекать из положений учредительных документов организаций, создаваемых правообладателями и способных отстаивать их интересы. Так, вступление правообладателя в представляющий его интересы творческий союз или иное подобное объедине-

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30.10.2017 по делу № А40-239418/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 23.06.2023).

² Статьи 64 и 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации».

ние при наличии в уставе (учредительных документах) такого некоммерческого лица положений о возможности защиты прав своих членов должно рассматриваться в качестве достаточного основания для реализации такой некоммерческой организацией соответствующих полномочий в интересах такого правообладателя, как и иных правообладателей – членов такой организации, включая полномочие на обращение в суд с требованиями о защите их прав в случае их нарушения.

Кроме того, представляется необходимым создание для авторов по аналогии с защитой прав потребителей специализированных организаций, уполномоченных на основании имеющейся у них государственной аккредитации предъявлять требования в интересах неопределенного круга правообладателей с определением случаев, в которых может осуществляться такая защита, установлением порядка ее осуществления, в том числе порядка определения истребуемых размеров компенсаций за нарушения исключительных прав, порядка выплаты взысканной компенсации правообладателям, порядка использования невыплаченной части компенсаций, предельных размеров удержаний из присужденных сумм для целей

осуществления такими организациями возложенных на них функций.

Указанные положения должны иметь диспозитивный характер с тем, чтобы правообладатели могли отказываться от представительства их интересов или заключать договоры, предусматривающие иные условия осуществления такого представительства, в том числе с изменением предельного размера средств, направляемых на осуществление такой деятельности, либо с установлением целевых направлений их использования, включая расходование на иные цели, определенные уставом соответствующей некоммерческой организации и договорами с представляемыми ей правообладателями.

Таким образом, необходимо обеспечить развитие законодательства в части обеспечения возможности активного участия некоммерческих организаций в защите авторских и смежных прав, в том числе как за счет расширения полномочий заинтересованных некоммерческих организаций, так и путем создания специализированных организаций для защиты прав неопределенного круга правообладателей, действующих на основе государственной аккредитации.

Список литературы

1. Барковская Л. Е. Проблемы развития деятельности по защите авторских и смежных прав на коллективной основе // Юрист. 2022. № 2. С. 6–8.
 2. Федоскина Н. И. Гражданско-правовые способы защиты авторских и смежных прав в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 185 с.
 3. Цитович Л. В. Развитие гражданско-правовых механизмов защиты прав интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 185 с.
 4. Зернин Н. Защита исключительного права от его нарушений третьими лицами в рамках отношений по управлению исключительным правом // Хозяйство и право. 2014. № 4 (447). С. 26–31.
 5. Илларионов В. С. Организации по управлению правами на коллективной основе, как субъекты защиты авторских и смежных прав // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 6 (106). С. 54–56.
 6. Моргунова Е. А. Роль организаций по коллективному управлению авторскими правами в обеспечении соблюдения исключительных прав на произведения в информацион-
- Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(4): 72–83

но-телекоммуникационных сетях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 10 (14). С. 160–165.

7. Данилов Ю. С. Защита имущественных интересов правообладателей при незаконном использовании произведений // Вопросы экономики и права. 2018. № 10 (124). С. 20–25.

8. Сидоренко А. И. Судебная защита интеллектуальных прав в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 136–147.

9. Абрамова Н. К. Проблемы создания и функционирования организаций по коллективному управлению авторскими правами: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 194 с.

10. Гаврилов Э., Моргунова Е. Коллективное управление авторскими и смежными правами в Российской Федерации // Хозяйство и право. 2019. № 1 (504). С. 57–76.

11. Зятицкий С. Ф. Проблемы реализации авторских и смежных прав на коллективной основе в условиях развития новых технологий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 182 с.

12. Моргунова Е. А. Коллективное управление имущественными авторскими правами как гражданско-правовой институт: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 208 с.

13. Пятакова А. Коллективное управление авторскими и смежными правами в условиях цифровой реальности // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник научных трудов VII Международного юридического форума (IP форум). М.: Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина. 2020. С. 91–93.

14. Сайфутдинова В. М., Шакирова М. Л. Коллективное управление авторскими и смежными правами: вопросы теории и практики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 4 (74). С. 17–23.

15. Барковская Л. Е. Виды организаций, создаваемых для осуществления и защиты интеллектуальных прав в России // Вопросы экономики и права. 2019. № 130. С. 29–33.

16. Барковская Л. Е. Нормативно-правовая регламентация статуса некоммерческих организаций, действующих в сфере осуществления и защиты интеллектуальных прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 53–64.

17. Барковская Л. Е. Правовое регулирование деятельности организаций, осуществляющих реализацию и защиту авторских и смежных прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 45–53.

18. Матвеев А. Г. Институт государственной аккредитации организаций по коллективному управлению авторскими правами и вступление России в ВТО // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов: избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов. М.: Статут, 2016. С. 253–257.

19. Матвеев А. Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 460 с.

20. Борисова А. А., Шатковская Т. В. Коллективное и доверительное управление исключительными авторскими правами: проблемы регулирования и применения в цифровую эпоху // Colloquium-journal. 2019. № 14-7(38). С. 31–33.

21. Черкашина О. В. Коллективное и доверительное управление исключительными авторскими правами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 201 с.

References

1. Barkovskaya L. E. Problemy razvitiya deyatel'nosti po zashchite avtorskih i smezhnyh prav na kollektivnoj osnove [Problems of development of activities for the protection of copyright and related rights on a collective basis]. *Yurist = Lawyer*, 2022, no. 2, pp. 6–8.

2. Fedoskina N. I. Grazhdansko-pravovye sposoby zashchity avtorskih i smezhnyh prav v Rossijskoj Federacii. Diss. kand. jurid. nauk [Civil law methods of copyright and related rights protection in the Russian Federation. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2008. 185 p.

3. Citovich L. V. Razvitie grazhdansko-pravovyh mekhanizmov zashchity prav intellektual'noj sobstvennosti. Diss. kand. jurid. nauk [Development of civil law mechanisms for the protection of intellectual property rights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2007. 185 p.

4. Zernin N. Zashchita isklyuchitel'nogo prava ot ego narushenij tret'imimi licami v ramkah otnoshenij po upravleniyu isklyuchitel'nym pravom [Protection of an exclusive right from its violations by third parties within the framework of exclusive right management relations]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and Law*, 2014, no. 4 (447), pp. 26–31.

5. Illarionov V. S. Organizacii po upravleniyu pravami na kollektivnoj osnove, kak sub"ekty zashchity avtorskih i smezhnyh prav [Organizations for the management of rights on a collective basis, as subjects of copyright and related rights protection]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta = Scientific Notes of the Russian State Social University*, 2012, no. 6 (106), pp. 54–56.

6. Morgunova E. A. Rol' organizacij po kollektivnomu upravleniyu avtorskimi pravami v obespechenii soblyudeniya isklyuchitel'nyh prav na proizvedeniya v informacionno-telekommunikacionnyh setyah [The role of collective copyright management organizations in ensuring the observance of exclusive rights to works in information and telecommunication networks]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)*, 2015, no. 10 (14), pp. 160–165.

7. Danilov Yu. S. Zashchita imushchestvennyh interesov pravoobladatelej pri nezakonnom ispol'zovanii proizvedenij [Protection of property interests of copyright holders in case of illegal use of works]. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and legal issues*, 2018, no. 10 (124), pp. 20–25.

8. Sidorenko A. I. Sudebnaya zashchita intellektual'nyh prav v cifrovuyu epohu [Judicial protection of intellectual rights in the digital age]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 8, pp. 136–147.

9. Abramova N. K. Problemy sozdaniya i funkcionirovaniya organizacij po kollektivnomu upravleniyu avtorskimi pravami. Diss. kand. jurid. nauk [Problems of creation and functioning of collective copyright management organizations. Cand. legal sci. diss.]. St. Petersburg, 2005. 194 p.

10. Gavrilov E., Morgunova E. Kollektivnoe upravlenie avtorskimi i smezhnymi pravami v Rossijskoj Federacii [Collective management of copyright and related Rights in the Russian Federation]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2019, no. 1 (504), pp. 57–76.

11. Zyatickij S. F. Problemy realizacii avtorskih i smezhnyh prav na kollektivnoj osnove v usloviyah razvitiya novyh tekhnologij. Diss. kand. jurid. nauk [Problems of realization of copyright and related rights on a collective basis in the context of the development of new technologies. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2003. 182 p.

12. Morgunova E. A. Kollektivnoe upravlenie imushchestvennymi avtorskimi pravami kak grazhdansko-pravovoj institut. Diss. kand. jurid. nauk [Collective management of property copyrights as a civil law institution. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2005. 208 p.

13. Pyatakova A. Kollektivnoe upravlenie avtorskimi i smezhnymi pravami v usloviyah cifrovoj real'nosti [Collective management of copyright and related rights in digital reality]. *Pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti: problemy teorii i praktiki. Sbornik nauchnyh trudov VII Mezhdunarodnogo juridicheskogo foruma (IP forum) [Legal protection of intellectual property: problems of theory and practice. Collection of scientific papers of the VII International Legal Forum (IP Forum)]*. Moscow, Kutafin Moscow St. Law Univ. Publ., 2020, pp. 91–93.

14. Sajfutdinova V. M., Shakirova M. L. Kollektivnoe upravlenie avtorskimi i смежными правами: voprosy teorii i praktiki [Collective management of copyright and related rights: issues of theory and practice]. *Vestnik Ufimskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 4 (74), pp. 17–23.

15. Barkovskaya L. E. Vidy organizacij, sozdavaemyh dlya osushchestvleniya i zashchity intellektual'nyh prav v Rossii [Types of organizations created to exercise and protect intellectual property rights in Russia]. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and legal issues*, 2019, no. 130, pp. 29–33.

16. Barkovskaya L. E. Normativno-pravovaya reglamentaciya statusa nekommercheskih organizacij, dejstvuyushchih v sfere osushchestvleniya i zashchity intellektual'nyh prav [Regulatory and legal regulation of the status of non-profit organizations operating in the field of implementation and protection of intellectual rights]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 53–64.

17. Barkovskaya L. E. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti organizacij, osushchestvlyayushchih realizaciyu i zashchitu avtorskih i смежных прав [Legal regulation of the activities of organizations implementing and protecting copyright and related rights]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 45–53.

18. Matveev A. G. Institut gosudarstvennoj akkreditacii organizacij po kollektivnomu upravleniyu avtorskimi pravami i vstuplenie Rossii v VTO [Institute of State Accreditation of Organizations for Collective Copyright Management and Russia's Accession to the WTO]. *Shestoj Permskij kongress uchenyh-yuristov. Izbrannye materialy* [Sixth Perm Congress of Legal Scientists. Selected materials]; ed. by V. G. Golubcov. Moscow, Statut Publ., 2016, pp. 253–257.

19. Matveev A. G. Sistema avtorskih prav v Rossii: normativnye i teoreticheskie modeli. Diss. dokt. jurid. nauk [Copyright system in Russia: normative and theoretical models. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2016. 460 p.

20. Borisova A. A., Shatkovskaya T. V. Kollektivnoe i doveritel'noe upravlenie isklyuchitel'nymi avtorskimi pravami: problemy regulirovaniya i primeneniya v cifrovuyu epohu [Collective and trust management of exclusive copyrights: problems of regulation and application in the era of digital technologies]. *Colloquium-journal*, 2019, no. 14-7(38), pp. 31–33.

21. Cherkashina O. V. Kollektivnoe i doveritel'noe upravlenie isklyuchitel'nymi avtorskimi pravami. Diss. kand. jurid. nauk [Collective and trust management of exclusive copyrights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2011. 201 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Барковская Людмила Евгеньевна, соискатель кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: moscowlawyersclub@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4118-9837

Liudmila E. Barkovskaya, Applicant of the Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: moscowlawyersclub@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4118-9837

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.78

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-84-92>**Соблюдение прав авторов при бездоговорном переходе
исключительных прав на произведения****М. В. Козлова¹** ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: mano173318@mail.ru

Резюме

Актуальность. Автор проводит исследование законодательных положений, судебной практики и научных публикаций по вопросам перехода исключительных прав на произведения к третьим лицам без договора. Законодательство устанавливает различные основания для такого перехода (реорганизация юридического лица, наследование, обращение взыскания на имущество правообладателя), однако не во всех из указанных случаев в полной мере учитываются права и законные интересы авторов и их наследников. В статье обосновываются дополнительные меры, направленные на учет интересов автора в качестве «слабой стороны» возникающих правоотношений.

Цель состоит в определении мер, направленных на обеспечение баланса интересов участников гражданских правоотношений при соблюдении прав авторов результатов творческой деятельности.

Задачи: определить особенности бездоговорного перехода исключительного права к другим лицам, в том числе при наследовании авторских прав, обращении взыскания на исключительные права на произведения и реорганизации юридических лиц; выявить противоречия между интересами авторов и иных лиц при бездоговорном переходе исключительных прав на произведения.

Методология. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования нетипичных видов гражданских правоотношений.

Выводы, сделанные в статье, носят дискуссионный характер, направлены на продолжение исследований в рамках заявленной тематики. При бездоговорном переходе исключительного права к другим лицам проявляются противоречия между интересами авторов, их наследников, иных правообладателей, кредиторов, реорганизованных юридических лиц и иных физических и юридических лиц. Принцип приоритетного соблюдения прав автора должен применяться во всех случаях, но при поиске законодательных решений и развитии судебной практики должна также учитываться необходимость достижения разумного баланса интересов всех участников гражданских правоотношений.

Ключевые слова: автор; авторское право; произведение; правообладатель; исключительное право.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Козлова М. В. Соблюдение прав авторов при бездоговорном переходе исключительных прав на произведения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 84–92. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-84-92>.

Поступила в редакцию 19.06.2023

Принята к публикации 10.07.2023

Опубликована 30.08.2023

© Козлова М. В., 2023

Copyright Compliance with Non-contractual Transfer of Exclusive Rights to Works

Maria V. Kozlova¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: mano173318@mail.ru

Abstract

Relevance. The author researches legislative provisions, judicial practice and scientific publications on the issues of transfer of exclusive rights to works to third parties without a contract. The legislation establishes various grounds for such a transfer (reorganization of a legal entity, inheritance, foreclosure on the property of the right holder), but not in all of these cases the rights and legitimate interests of authors and their heirs are fully taken into account. The article substantiates additional measures aimed at taking into account the interests of the author as a "weak party" of the arising legal relations.

The purpose of the study is to determine measures aimed at balancing the interests of participants in civil legal relations while respecting the rights of authors of the results of creative activity.

Objectives: to determine the peculiarities of the non-contractual transfer of exclusive rights to other persons, including the inheritance of copyrights, foreclosure of exclusive rights to works and reorganization of legal entities; identify contradictions between the interests of authors and other persons in the non-contractual transfer of exclusive rights to works.

Methodology. The dialectical-materialistic method, systematic method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method were used in preparing the work.

The results of the research are of theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of unusual aspects of civil legal relations.

Conclusions. The conclusions made in the article are of a discussion nature, aimed at the continuation of research in the framework of the stated topic. In case of non-contractual transfer of the exclusive right to other persons contradictions between the interests of authors, their heirs, other right holders, creditors, reorganized legal entities and other individuals and legal entities are manifested. The principle of priority observance of the author's rights should be applied in all cases, but the search for legislative solutions and development of judicial practice should also take into account the need to achieve a reasonable balance of interests of all participants of civil legal relations.

Keywords: author; copyright; work; rightholder; exclusive right.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kozlova M. V. Copyright Compliance with Non-contractual Transfer of Exclusive Rights to Works. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 84–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-84-92>

Received 19.06.2023

Accepted 10.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

Вопросам, связанным с охраной авторских прав и иных прав интеллектуальной собственности, посвящены труды многих известных отечественных ученых [1; 2; 3; 4; 5; 6], однако в них, как правило, рассматриваются прежде всего проблемы, связанные с распоряжением та-

кими правами, особенностями их охраны в отдельных случаях и защитой при нарушениях. В меньшей степени освещаются особенности бездоговорного перехода исключительного права к другим лицам, обращения взыскания на исключительные права на произведения и реорганизации юридических лиц, а также противоречия между интересами авторов

и иных лиц при бездоговорном переходе исключительных прав на произведения.

Для реализации в указанных случаях принципа приоритетного соблюдения прав авторов, с одной стороны, и учета интересов иных участников гражданских правоотношений [7] – с другой, требуются решения, способные обеспечить разумный баланс интересов для заинтересованных лиц.

Методология

Для достижения поставленной цели при проведении исследования использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод позволил рассмотреть проблемы приоритетного соблюдения прав авторов при бездоговорном переходе исключительных прав на произведения, а также учесть права иных участников правоотношений. Использование системного метода дало возможность осуществить анализ основных проблем, связанных с охраной прав авторов и их наследников при переходе исключительных прав на произведения без договора. Методы анализа и синтеза позволили осуществить сопоставление правовых норм, обосновать выдвигаемые предложения. Формально-юридический метод заключался в изучении регулирующего рассматриваемые отношения законодательства, правоприменительной практики, научных публикаций, а также позволил описать результаты, полученные при проведении исследования.

Результаты и их обсуждение

Законодательство Российской Федерации предусматривает, что переход исключительного права на произведение или иной результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без заключения договора может происходить только по основаниям, установленным законом, но при этом не устанавливает исчерпывающего перечня случаев, в которых допускается такой переход,

осуществляемый без договора и, соответственно, без согласия правообладателя.

Статья 1241 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) приводит в качестве примеров такого перехода исключительных прав к другим лицам без договора случаи, когда переход прав происходит в порядке универсального правопреемства, в том числе при наследовании или реорганизации юридического лица, либо без универсального правопреемства при обращении взыскания на имущество правообладателя.

Таким образом, указанная статья в качестве примеров перехода исключительных прав выделяет несколько кардинальным образом различающихся случаев, в которых переход прав осуществляется без договора. На наш взгляд, такие случаи целесообразно разделить на три категории в зависимости от причин возникновения перехода исключительных прав на произведения и связанных с таким переходом последствий и противоречий между интересами авторов, их наследников, иных правообладателей, кредиторов, реорганизованных юридических лиц и иных физических и юридических лиц:

- 1) наследование исключительных прав на произведение;
- 2) обращение взыскания на имущество автора или иного правообладателя;
- 3) переход исключительных прав при реорганизации юридических лиц.

Как представляется, иные допускаемые законодательством случаи перехода исключительных прав основываются либо непосредственно на заключаемых договорах с авторами или иными правообладателями, либо вытекают из иных существующих правоотношений, например, трудовых отношений между автором и работодателем, что в конечном счете также подразумевает наличие у автора возможности решать на договорном уровне юридическую судьбу возникающих у него исключительных прав на со-

здаваемые им результаты интеллектуальной деятельности. Например, положение о принадлежности работодателю исключительного права на служебное произведение, предусмотренное п. 2 ст. 1295 ГК РФ, является диспозитивным, может изменяться сторонами соответствующих трудовых правоотношений, и соответственно, такой переход может рассматриваться как отвечающий волеизъявлению автора и намерениям сторон при заключении трудового договора.

Переход исключительных прав на произведения по наследству, традиционно признаваемый российским законодательством [6, с. 35–39] и относящийся к первому из указанных выше вариантов бездоговорного перехода таких прав, связан со многими правовыми проблемами, отмечаемыми в научных исследованиях [8; 9; 10; 11; 12; 13] и обусловленными спецификой авторских прав и, в частности, исключительных прав на произведения, правовая природа которых предопределяет особенности их наследования [12, с. 3].

Вместе с тем происходящий при наследовании переход исключительных прав на произведения не может рассматриваться как полностью неподконтрольный автору процесс. Обычно автор имеет возможность влиять на определение круга наследников его исключительных прав и определять иные связанные с таким наследованием условия путем составления завещания или согласия по умолчанию с порядком наследования, установленным законом. Воля автора при наследовании по завещанию в определенной мере может быть ограничена действующими законодательными положениями об обязательной доле в наследстве (ст. 1149 ГК РФ) [14].

Однако в целом наследники могут признаваться, как правило, продолжателями личности автора, способными выразить его намерения и волю, в том числе в отношении необнародованных произведений. Именно в связи с этим законода-

тельство наделяет наследников авторов особыми полномочиями, ограничивает их ответственность и исключает возможность изъятия у них исключительных прав на произведения автора против их воли [15; 16].

Таким образом, переход исключительных прав в порядке наследственного правопреемства, несмотря на его отнесение к числу бездоговорных случаев перехода таких прав и присущую ему специфике, в целом не может рассматриваться как не соответствующий воле и намерениям автора, который не лишен возможности, так же как и при заключении договора, заблаговременно повлиять на такой переход и предопределять связанные с ним последствия, включая определение лиц, уполномоченных принимать решения по вопросам распоряжения исключительными правами на произведения, и распределение вознаграждения от использования произведений.

Обращение взыскания на исключительные права на произведения, относящиеся ко второй группе случаев перехода исключительных прав на произведения без договора, также рассматривается в отечественном гражданском праве как связанное со сложными и нерешенными до настоящего времени на законодательном уровне проблемами [17]. Основная из проблем состоит в противоречии между необходимостью обращения взыскания на имущество должника для удовлетворения законных требований кредиторов, с одной стороны, и особенностями произведения как результата творческой деятельности, неразрывно связанного с личностью автора, продолжением которой в определенной мере являются его наследники.

Отечественное законодательство в целом придерживается концепции недопустимости изъятия у автора и его наследников исключительных прав на произведения без их согласия, несмотря на имущественный характер таких прав. Г. Ф. Шершеневич утверждал, что закон

признает недопустимым принуждение автора к передаче авторского права, в частности взыскание может быть обращено только на выпущенные экземпляры книг, но не на само созданное автором произведение [18, с. 440]. По его мнению, имущественный характер придается авторскому праву «тогда и настолько, когда и насколько сам автор пожелает придать ему имущественный характер» [18, с. 440], на основании чего делался вывод о правильности невключения авторского права в конкурсную массу, поскольку автора нельзя принуждать ни к творчеству, ни к обнародованию его результатов, ни к непредусмотренному ранее заключенным договором изданию даже обнародованных ранее произведений.

Статьей 1284 ГК РФ предусматривается, что взыскание не может быть обращено на исключительное право, принадлежащее автору или его наследникам, кроме случаев, когда ими был заключен договор залога исключительного права, т. е. в явной форме выражено согласие на его отчуждения при наступлении предусмотренных таким договором условий. В судебных решениях ссылки на ст. 1284 ГК РФ приводятся преимущественно в перечне подтверждающих выводы суда статей¹. Аналогичная ситуация складывается также в сфере смежных прав в отношении сходных по своему правовому значению положений п. 1 ст. 1319 ГК РФ².

¹ Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 декабря 2013 г. по делу № А09-5821/201; Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 ноября 2013 г. по делу № А68-5611/2013; Решение Арбитражного суда Московской области от 17 июля 2015 г. по делу № А41-29680/2015; Решение Арбитражного суда Тульской области от 23 сентября 2013 г. по делу № А68-5610/2013 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.06.2023).

² Апелляционное определение Краснодарского краевого суда № 33-23964/2013 от 31 октября 2013 г. по делу № 33-23964/2013 //

Третья группа случаев перехода исключительного права, как отмечено выше, связана с реорганизацией юридических лиц. Согласно ст. 1241 ГК РФ и п. 50 Постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации», в случае реорганизации юридических лиц исключительное право переходит к другому лицу без заключения договора с правообладателем. В судебной практике рассматриваемые положения встречаются преимущественно в случаях перехода прав на товарные знаки³.

Универсальное правопреемство при реорганизации юридических лиц относится ко всему имуществу реорганизуемого юридического лица, следовательно, может приводить к тем же последствиям для автора и его наследников, что и обращение взыскания на принадлежащие третьим лицам, не являющимся авторами или их наследниками, исключительные права, права использования на основании лицензионных договоров и права на получение вознаграждения (дохода) по заключенным с автором или его наследником договорам или иным предусмотренным законом основаниям.

Обращение взыскания на доходы от использования произведения не приводит само по себе к какому-либо дополнительному ограничению возможности распоряжения правами, но может, в зависимости от правопреемника, повлиять на надежность выполнения обязательств по выплате вознаграждения. В то же время принудительный переход прав требова-

Судебные нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации № 304-ЭС17-1054 от 15 марта 2017 г. по делу № А45-27193/2015; Определение Верховного Суда Российской Федерации № 310-ЭС15-4638 от 17 сентября 2015 г. по делу № А36-376/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.06.2023).

ния автора по заключенным им ранее лицензионным договорам требует более детальной регламентации в части соблюдения прав и законных интересов авторов, поскольку такие требования могут быть связаны с определенными договором или сложившейся практикой условиями, имеющими личностный характер и связанными с законными интересами автора как творческой личности, создавшей произведение [19].

Обращение взыскания на переданное автором по договору отчуждения третьему лицу (правообладателю) исключительное право в большинстве случаев не вступает в противоречие с волей и намерениями автора, т. к. по общему правилу отчужденное исключительное право может передаваться далее без согласия автора и распоряжение таким правом осуществляется также без контроля автора. Однако на практике все же возможны случаи, в которых изъятие исключительного права у правообладателя, не являющегося автором, также приводит к нарушению прав автора, в том числе по заключенным с ним договорам.

Например, условиями заключенного лицензионного договора или договора об отчуждении прав могут быть предусмотрены положения о согласовании редактуры, переводов, иллюстраций, доработок, подготовленных сценариев, кандидатур привлекаемых режиссеров, артистов, участия других авторов и т. д. Связанные с такими положениями права требования, особенно в случаях, требующих личного участия автора или принятия им решений неимущественного характера, не должны переходить к иным лицам без согласия автора или его наследников.

Соответственно, положения ст. 1241 и 1284 ГК РФ должны быть уточнены для возможности применения положений о переходе указанных в них прав только в отношении права на получение вознаграждения, выплачиваемого на основании заключенных с автором договоров, и

права требования, непосредственно связанные с взысканием такого вознаграждения, включая взыскание неустоек за его невыплату или несвоевременную выплату. Кроме того, права использования произведения, основанные на заключенном с автором лицензионном договоре, зависят от такого договора.

Кредиторы юридического лица в случае его реорганизации вправе потребовать досрочного исполнения обязательств (п. 2 ст. 60 ГК РФ) или их прекращения и возмещения убытков при невозможности досрочного исполнения принятых на себя обязательств. Однако единообразная судебная практика по связанным с этим вопросам пока не выработана¹.

Осуществляемый без согласия автора переход прав, связанных с произведениями, к другим лицам затрагивает законные интересы автора и может вступать в противоречие с гарантиями, предоставляемыми автору. Даже в случае отчуждения автором исключительного права юридическому лицу оно может находиться под косвенным контролем (опосредованным владением) со стороны автора как одного из участников хозяйственного общества, в том числе на основании заключенного участниками корпоративного договора, акционерного соглашения.

Соответственно, дальнейшее отчуждение исключительного права не должно допускаться, если оно противоречит воле и намерениям автора, выраженным в таком договоре или вытекающим из условий, на которых соответствующее исключительное право на произведение вносилось в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного общества или иным образом отчуждалось юридическому лицу, в отношении которого автор рассчитывал сохранить возможности

¹ Определение ВАС РФ от 24.08.2012 N ВАС-3103/11 по делу № А40-16967/09-51-197 // Кодексы и законы. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/> (дата обращения: 10.06.2023)

контроля и управления при добросовестном соблюдении своих обязательств иными участниками [2].

Выводы

При безоговорочном переходе исключительного права к другим лицам проявляются противоречия между, с одной стороны, интересами авторов и их наследников и, с другой стороны, интересами правообладателей, кредиторов, реорганизованных юридических лиц и иных физических и юридических лиц.

Для решения проблем, связанных с переходом исключительных прав на произведения при реорганизации юридических лиц в порядке универсального правопреемства, а также обращением взыска-

ния на исключительные права и на права использования произведений, требуется дальнейшее развитие законодательства и судебной практики. При этом принцип приоритетного соблюдения прав автора должен применяться как при несостоятельности (банкротстве) лиц, обладающих исключительными правами на произведения или правами на их использование, так и при реорганизации юридических лиц, обладающих такими правами. Интересы кредиторов и реорганизуемых юридических лиц должны учитываться в той мере, в какой это не противоречит волеизъявлению автора, выраженному в заключенном с ним ранее договоре либо в дополнительно заключаемых с ним соглашениях.

Список литературы

1. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. М.: Юрсервитум, 2016. 876 с.
2. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации / Исследовательский центр частного права при Президенте Российской Федерации. М.: Статут, 2005. 416 с.
3. Калятин В. О. Личные неимущественные права автора объекта интеллектуальной деятельности. М.: Роспатент, 2006. 102 с.
4. Матвеев А. Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 460 с.
5. Новоселова Л. А., Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 128 с.
6. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Проспект: ТК Велби, 2007. 752 с.
7. Козлова М. В. Принцип приоритетного соблюдения прав авторов при несостоятельности (банкротстве) юридических и физических лиц // Известия Юго-Западного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 65–73.
8. Наследование интеллектуальных прав по российскому законодательству / Б. А. Булаевский, Л. А. Новоселова, Е. С. Гринь, Е. В. Ульянова. М.: Проспект, 2019. 112 с.
9. Гаврилов Э. П. О наследовании интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2011. № 10(417). С. 45–56.
10. Гаврилов Э. П., Ростовцева Н. В. Лабиринты наследственного права: теоретический анализ // Патенты и лицензии: интеллектуальные права. 2020. № 12. С. 13–21.
11. Косинков В. В. Наследование интеллектуальных прав: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 224 с.
12. Рождественская К. Ю. Особенности наследования авторских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 202 с.
13. Яценко Т. С. Наследственное право в цифровую эпоху: вызовы и тенденции развития // Наследственное право. 2020. № 2. С. 7–10.

14. Набиев С. Р. Положения об обязательной доле в наследстве и особенности их применения при наследовании авторских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 199 с.
15. Козлова М. В. Авторы и их наследники как особые категории правообладателей // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2019. № 6. С. 67–71.
16. Козлова М. В. Особенности реализации и защиты авторских прав наследниками авторов // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9. С. 154–157.
17. Козлова М. В. Правовое регулирование вопросов обращения взыскания на исключительные права на произведения и права на их использование // Евразийская адвокатура. Международный журнал. 2019. № 5. С. 70–74.
18. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Статут, 2005. 461 с.
19. Богдан В. В., Козлова М. В. Охрана исключительных авторских прав авторов и их наследников при несостоятельности (банкротстве): монография. Курск: Юго-Западный гос. ун-т. 2022. 151 с.

References

1. Gavrilov E. P. Pravo intelektual'noj sobstvennosti. Avtorsкое право i smezhnye prava. XXI vek [Intellectual property law. Copyright and related rights. XXI century]. Moscow, Yurservitum Publ., 2016. 876 p.
2. Dozorcev V. A. Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi [Intellectual property rights: The concept. System. Tasks of Codification]. Moscow, Statut Publ., 2005. 416 p.
3. Kalyatin V. O. Lichnye neimushchestvennye prava avtora ob"ekta intelektual'noj deyatel'nosti [Personal non-property rights of the author of the object of intellectual activity]. Moscow, Rospatent Publ., 2006. 102 p.
4. Matveev A. G. Sistema avtorskih prav v Rossii: normativnye i teoreticheskie modeli. Diss. dokt. jurid. nauk [Copyright system in Russia: normative and theoretical models. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2016. 460 p.
5. Novoselova L. A., Rozhkova M. A. Intellektual'naya sobstvennost': nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya [Intellectual property: some aspects of legal regulation]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2014. 128 p.
6. Sergeev A. P. Pravo intelektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii [Intellectual Property law in the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., TK Velbi Publ., 2007. 752 p.
7. Kozlova M. V. Princip prioritetnogo soblyudeniya prav avtorov pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve) yuridicheskikh i fizicheskikh lic [The principle of priority observance of the rights of authors in case of insolvency (bankruptcy) of legal entities and individuals]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 65–73.
8. Bulaevskij B. A., Novoselova L. A., Grin' E. S., Ul'yanova E. V. Nasledovanie intelektual'nyh prav po rossijskomu zakonodatel'stvu [Inheritance of intellectual property rights under Russian law]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 112 p.
9. Gavrilov E. P. O nasledovanii intelektual'nyh prav [On the inheritance of intellectual property rights]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and Law*, 2011, no. 10(417), pp. 45–56.
10. Gavrilov E. P., Rostovceva N. V. Labirinty nasledstvennogo prava: teoreticheskij analiz [Labyrinths of inheritance law: theoretical analysis]. *Patenty i licenzii: intelektual'nye prava = Patents and licenses: intellectual property rights*, 2020, no. 12, pp. 13–21.
11. Kosinkov V.V. Nasledovanie intelektual'nyh prav. Diss. kand. jurid. nauk [Inheritance of intellectual property rights. Cand. legal sci. diss.]. Saratov, 2017. 224 p.

12. Rozhdestvenskaya K. Yu. Osobennosti nasledovaniya avtorskih prav. Diss. kand. jurid. nauk [Features of copyright inheritance. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2013. 202 p.

13. Yacenko T. S. Nasledstvennoe pravo v cifrovuyu epohu: vyzovy i tendencii razvitiya [Inheritance law in the digital age: challenges and development trends]. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2020, no. 2, pp. 7–10.

14. Nabiev S. R. Polozheniya ob obyazatel'noj dole v nasledstve i osobennosti ih primeneniya pri nasledovanii avtorskih prav. Diss. kand. jurid. nauk [The provisions on the mandatory share in the inheritance and the specifics of their application in the inheritance of copyrights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2007. 199 p.

15. Kozlova M. V. Avtory i ih nasledniki kak osobyе kategorii pravoobladatelej [Authors and their heirs as special categories of copyright holders]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal = Gaps in Russian legislation. Law Journal*, 2019, no. 6, pp. 67–71.

16. Kozlova M. V. Osobennosti realizacii i zashchity avtorskih prav naslednikami avtorov [Features of the implementation and protection of copyright by the heirs of authors]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Legal Journal*, 2019, no. 9, pp. 154–157.

17. Kozlova M. V. Pravovoe regulirovanie voprosov obrashcheniya vzyiskaniya na isklyuchitel'nye prava na proizvedeniya i prava na ih ispol'zovanie [Legal regulation of issues of foreclosure on exclusive rights to works and rights to their use]. *Evrazijskaya advokatura. Mezhdunarodnyj zhurnal = Eurasian Advocacy. International Journal*, 2019, no. 5, pp. 70–74.

18. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. T. 1 [Textbook of Russian Civil Law. Vol. 1]. Moscow, Statut Publ., 2005. 461 p.

19. Bogdan V. V., Kozlova M. V. Ohrana isklyuchitel'nyh avtorskih prav avtorov i ih naslednikov pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve) [Protection of exclusive copyrights of authors and their heirs in case of insolvency (bankruptcy)]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2022. 151 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Козлова Мария Вячеславовна, младший научный сотрудник научно-образовательного центра «Цивилист», Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: mano173318@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9413-2191

Maria V. Kozlova, Junior Researcher of the Scientific and Educational Center "Civilist", Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: mano173318@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9413-2191

Информационная среда обитания и её уголовно-правовая охрана

В. Е. Новичков¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Все предшествующие условия обитания человека на земле: природные, техногенные, социальные и иные, обусловили современную «информационную среду обитания» людей. Существующая с начала XXI века «информационная среда обитания» — это новая константа, представляющая организацию, управление и обеспечение жизнедеятельности информационного общества, государства и человека. Увеличение потока информации, а также её объема, сущности и признаков, «информационная среда обитания» постоянно наполняются новыми смыслами и значением, что обуславливает актуальность исследования данного феномена.

Целью исследования является определение понятия, объема и архитектуры современной информационной среды обитания и величины её уголовно-правовой охраны.

Задачи: изучить новое для современного общества понятие и состояние, формулируемое как «информационная среда обитания», а также имеющиеся в арсенале уголовного законодательства возможности её эффективной охраны.

Методология. В процессе написания научной статьи применялись общенаучные и частные методы: диалектический, исторический, системно-структурный, конкретно-юридический, сравнительно-правовой анализ документов, а также методы, обеспечивающие получение единообразного и достоверного эмпирического материала.

Результаты исследования заключаются в формулировании авторского определения понятия «информационная среда обитания» и определении системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих защиту современной информационной среды обитания в Российской Федерации.

Вывод. Результаты исследования позволили автору прийти к выводам о том, что современное российское общество существует в новой материально-виртуальной действительности, именуемой «информационная среда обитания», а весь её объем обеспечивается уголовно-правовой охраной.

Ключевые слова: информация; компьютерная информация; информационная среда обитания; информационно-цифровые услуги; компьютерные преступления.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Новичков В. Е. Информационная среда обитания и её уголовно-правовая охрана // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 93–106. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-93-106>.

Поступила в редакцию 12.06.2023

Принята к публикации 26.07.2023

Опубликована 30.08.2023

Information Habitat and its Criminal Law Protection

Valery E. Novichkov¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Abstract

Relevance. All previous conditions of human habitation on earth: natural, man-made, social and others, have determined the modern "information environment" of people. The "information environment" that has existed since the beginning of the 21st century is a new constant representing the organization, management and life support of the information society, the state and the individual. The increase in the flow of information, as well as its volume, essence and features, the "information habitat" is constantly filled with new meanings and meanings, which determines the relevance of the study of this phenomenon.

Purpose is to determine the concept, volume and architecture of the modern information environment and the magnitude of its criminal law protection.

Objectives: to study a new concept for modern society and a state formulated as an "information environment", as well as the possibilities of its effective protection in the arsenal of criminal law.

Methodology. In the process of writing a scientific article, general scientific and particular methods were used: dialectical, historical, systemic-structural, concrete-legal, comparative-legal analysis of documents, as well as methods that provide a uniform and reliable empirical material.

The results of the study consist in the formulation of the author's definition of the concept of "information environment" and the definition of a system of criminal law norms that ensure the protection of the modern information environment in the Russian Federation.

Conclusion. The results of the study allowed the author to come to the conclusion that modern Russian society exists in a new material-virtual reality called the "information environment", and its entire volume is provided by criminal law protection.

Keywords: information; computer information; information environment; information and digital services; computer crimes.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Novichkov V. E. Information Habitat and its Criminal Law Protection. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 93–106. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-93-106>

Received 12.06.2023

Accepted 26.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

Известно, что информация и источники её воспроизводства, распространения и хранения сопутствуют человечеству на всём протяжении его истории существования. Хронология прогресса и модернизации информации показывает, что со временем она трансформировалась, обретая новые формы, переходя из одной временной «информационной среды обитания» в другую, более совершен-

ную и удобную темпоральную информационную среду обитания. Так, во времена зарождения человечества информация соотносилась и соответствовала так называемой «естественно-природной среде обитания», а в своей архитектуре представляла собой невербальную (коммуникативные жесты, эмблемы и т. п.) фонетическую (звуковую), фактологическую информационную среду, обеспечивающую необходимое взаимодействие и выживание социума. Позднее вследствие

увеличения численности населения и ограниченности природных ресурсов для охоты и собирательства вербальная информационная среда обитания трансформировалась в сознательный человеческий язык¹. Впоследствии информационная среда обитания изменялась под воздействием человека на природную систему, чему способствовали: распространение новых видов хозяйственной деятельности, аграрное производство, изобретение грамматики, книгопечатания и др., а влияние интеллектуальной среды обитания создавало стимулы для развития новых путей информационной поддержки экономических интересов. На смену языческому пониманию мира приходит рациональное понимание архитектуры бытия человека в тесной связи со свойственной тому историческому периоду времени информационной средой обитания. Подобное развитие информационной и иной среды обитания продолжалось до конца прошлого тысячелетия.

Таким образом, констатируем, что каждой стадии развития человечества соответствует и сопутствует своя информационная среда обитания: аграрная при переходе людей к земледелию; индустриальная во время промышленных и научно-технических революций; информационная, в тесном смысле слова, при переходе к цивилизации, основанной на информации, закреплённой в знании; постинформационная, т. е. современная, пронизывающая сферы организации и управления, включающая в себя информационные и телекоммуникационные системы, устройства и искусственный интеллект.

Стоит отметить, что «примитивная», вербальная и иная в прошлом информация и такая же форма её фиксации не утратила своей актуальности и в наши дни. Так, например, «клинопись» или «узель-

ковая письменность» современниками используется в качестве «тайнописи» или двоичного кода; «жесты» применяются в обучении людей с ограниченными возможностями или как «невербальные сигналы» при регулировании, например, дорожного движения либо как «жестовый интерфейс», заменяющий в компьютерных программах меню приложений и др.

Методология

При написании научной статьи применялись три уровня методов: философские или общие принципы познания и категориальная организация, которые позволили сформулировать общее понятие информационной среды обитания; общенаучные методы, которые позволили проанализировать состояние среды обитания и синтезировать результаты анализа в определение современной информационной среды обитания логически увязанной с уголовным законодательством в части охраны анализируемой среды, а с помощью конкретно-юридических методов определиться с противоположными сторонами изучаемого явления и с единством количественного состояния уголовно-правовой охраны информационной среды обитания, а также качественного её изменения за последние 5 лет.

Результаты и их обсуждение

В соответствии с тенденциями развития современных общественных отношений политика развитых государств, в том числе российского государства, направлена на информирование и совершенствование информационного общества, распространение информационных и телекоммуникационных сетей и компьютерных (цифровых) технологий, а также разработку и применение искусственного интеллекта. Для этих целей разработаны системы государственного управления инфраструктурой, критической её части, экономического и банковского секторов, обслуживания общесоциальных нужд

¹ Письмо Маркс – Энгельсу, 25 марта 1868 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. второе. М.: Полит. лит., 1964. Т. 32. С. 45.

населения и безопасности такого обслуживания. Кроме того, взаимодействие органов власти с гражданами посредством компьютерной информации и телекоммуникационных сетей происходит практически во всех областях государственной, общественной и личной сфер жизни. Компьютерные телекоммуникационные сети и цифровые средства связи применяются для: регистрации новорождённых и бракосочетающихся, выдачи и замены паспортов, оформления виз и фиксации граждан по месту жительства или пребывания; поступления в детский сад, школу, вуз, на работу; прохождения диспансеризации; рассмотрения споров в судах; налогового учета, различных сборов, помощи пенсионерам и семьям с детьми; получения кредитов, зарплаты, пенсий, хранения сбережений, оплаты товаров, услуг, продаж, всевозможных электронных платежей; официального голосования на выборах и многого другого.

Распространение всеобщей цифровизации в информационной среде обитания сопровождается популяризацией и использованием компьютерной стационарной, персональной, планшетной и иной техники, телефонов сотовой связи и периферийных устройств, а обществом и гражданами освоением новых современных цифровых устройств и навыков по их рациональному применению. По сути, информационные технологии в современной жизни обеспечивают комфорт и благополучие людей. По данным аналитических IP-компаний, в 2020 г. в России было продано свыше двадцати с половиной миллиона мобильных устройств (смартфонов) [рост по сравнению с 2019 г. составил 5%]. По итогам 2020 г. на российских торговых площадках было продано около 6 млн персональных компьютеров (рост по сравнению с 2019 г. составил 11,6%) и показал в количественном отношении 7,75 млн штук. В 2021 г. в России в сравнении с 2020 г. доля мобильных устройств выросла почти на 13%. Россияне приобрели 24 млн смарт-

фонов, а компании и граждане купили 350 млн стационарных и портативных компьютеров, рост продаж которых составил почти 15%¹.

В 2021 г. комфортность информационной среды обитания выражалась в том, что: россияне пользовались услугами социальных сетей в интернете 2 часа 28 минут в день, тогда как среднемировое значение этого показателя составляло 2 часа 25 минут. «Времяпрепровождение» среднего пользователя в сетях и сайтах интернет в 2021 г. составило около 7 часов в день, больше 48 часов в неделю, т. е. 2 дня в неделю. 42% опрошенных российских интернет-пользователей бывают заняты поиском интересующей их социально-экономической информации; о льготах, сервисах, товарах или услугах и государственно-политической информации, при этом около 98% опрошенных используют две-три социальные сети ежедневно.

В том же 2021 г. интересы старших возрастных групп интернет-пользователей складывались вокруг использования ими сайтов Госуслуг, здравоохранения, юридических консультаций, «удаленных» образовательных услуг, торговых предприятий и предприятий сервисных доставок продуктов питания, лекарств и др.

Пандемия COVID-19 подтолкнула людей в возрасте 65+ к приобретению онлайн-банковских карт, заочным консультациям с врачами посредством цифровых конференц-платформ, покупкам в онлайн-интернет-магазинах, предприятиях общественного питания, аптеках, ритуальных услугах и др. Наиболее востребованными в 2021 г. стали онлайн-продажи и покупки продуктовых и промышленных товаров, которыми пользо-

¹ Компьютеры (Рынок России). URL: <https://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 22.02.2023); IDC: в 2021 году компьютеры покупали в рекордных с 2012 года количествах. URL: <https://habr.com/ru/news/t/645557/> (дата обращения: 11.03.2023).

вались (неоднократно) более 60% российских абонентов интернета в возрасте от 16 до 65 лет и более.

В 2021 г. в онлайн-режиме «стационарно», «на дому», в соответствии с нормативно-правовыми актами органов государственной власти свою профессиональную деятельность осуществляли 98% преподавателей школ, средних учебных заведений и вузов, консультанты медицинских и финансовых учреждений, а также государственных услуг, в сферах международных платежей и страхования, повышения профессиональной квалификации¹.

Наш опрос граждан пенсионного возраста показал, что пожилые люди ассоциируют своё активное участие в компьютерных интернет-сетях, распространенных в современной информационной среде обитания, распределением утилизации свободного времени с отказом, например, от употребления алкоголя и табака в сторону систематического общения между собой, родными и близкими, в том числе и по интересам, в таких социальных сетях, как: «Одноклассники» (28%), «Тик Ток» (23%), «ВКонтакте» (17,3%), «Телеграмм» (12,7%), «Твиттер» (11%) и других (9%).

Такой активной компьютеризации и использования соответствующих технологий в информационной среде обитания способствует государственная политика современной России в сфере развития «цифровизации всех сфер жизнедеятельности» и «искусственного интеллекта». На это указывают принятые в последние годы нормативно-правовые и программные акты в сфере информации, информатизации, информационных технологий и защиты информации, например, такие как: об электронном Правительстве, об

организации предоставления государственных и муниципальных услуг посредством компьютерных технологий; о предоставлении банковских и иных онлайн-услуг гражданам и др.²

В официальном формате понятие «информационная среда обитания» не дается, однако такую дефиницию можно определить из анализа нормативно-правовых документов, формулирующих основные элементы «информационной инфраструктурной среды», которая представляет «совокупность существующих в настоящее время объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети Интернет, а также сетей связи для организации взаимодействия всех объектов инфраструктуры»³. Всё вышеперечисленное, в свою очередь, направлено на реализацию задач по «унификации среды обитания и внедрения информационных технологий, обеспечивающих высокий уровень предоставления государственного, муниципального и юридически значимого содействия гражданам в электронном виде. С помощью использо-

² Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года: [одобрена распоряжением Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р] // Гарант. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/93274/#ixzz4EFUiTA6n> (дата обращения: 16.04.2023); Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ: [ред. от 04.11.2022] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 16.04.2023).

³ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федер. закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации 2017 г. № 31, ч. I, ст. 4736; Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18, ч. II, ст. 2159.

¹ Вся статистика интернета и соцсетей на 2021 год – цифры и тренды в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 11.03.2023).

вания цифровых технологий население страны, в свою очередь, может самостоятельно пользоваться необходимыми услугами и оценивать качество их предоставления через инфраструктуру электронного правительства, которое стремится к сокращению «цифрового неравенства» субъектов Российской Федерации до ликвидации в стране изолированности отдельных граждан и социальных групп в сферах: образования, культуры, охраны здоровья, способности самореализации в пользу личных интересов, дистанционной работы и интеграции в мировую информационную архитектуру посредством информационно-телекоммуникационных систем и сети Интернет.

В отечественной науке, так же как в законодательстве России, определение «информационной среды обитания» не выработано. Есть понимание такой среды, которую исследователи ассоциируют с иными, сходными понятиями. Чаще всего «информационную среду обитания» теоретики соотносят с «информационной инфраструктурой» как комплексом взаимосвязанных видов деятельности в информационных и неинформационных секторах, а также в связи, интернете, дистанционной деятельности, сетевых средах, СМИ, рекламе и др. [1, с. 14–21]

В теории вопроса «информационную среду обитания» позиционируют и с некоторыми иными понятиями, выработанными в информационной, кибернетической, цифровой и иных науках и сферах, например, с такими как: «информационная система» [2, с. 112–120], «информационная инфраструктура» [3, с. 145–150], «информационная архитектура» [4, с. 319–321], «информационные технологии» [5, с. 41–43] и иными.

Проанализировав приводимые учеными определения, корреспондирующие с понятием «информационная среда обитания», установлено, что большинство из них: во-первых, в той или иной мере сочетают точно такие же логико-языковые феномены, установленные законодатель-

ными и иными нормативами (например, «информация», «информационные технологии», «информационная инфраструктура», «среда обитания человека»), дополняя их авторскими словосочетаниями информационной направленности; во-вторых, приводимые дефиниции либо излишне громоздки, либо, напротив, слишком лаконичны и не отражают основные элементы искомого понятия.

Информационная среда обитания включает в себя различные признаки, основными и очевидными из которых можно считать [6; 7, с. 402–406; 8, с. 2775–2790]:

- 1) наличие технологий связи и информационных технологий;
- 2) наличие доступа к информации на различных уровнях: от местной до мировой;
- 3) уровень образования и технической грамотности населения;
- 4) социально-экономический уровень развития территории;
- 5) наличие доступа к средствам массовой информации: телевидению, радио, интернету, газетам и журналам;
- б) качество и количество образовательных учреждений на территории;
- 7) наличие культурно-исторических объектов и музеев;
- 8) наличие специализированных информационных центров и библиотек;
- 9) наличие доступа к медицинской информации и здравоохранению;
- 10) наличие информационных ресурсов для бизнеса и предпринимательства.

Можно утверждать, что: а) в новейшей истории существует новое образование, новая константа, именуемая «информационная среда обитания», которая (б) охватывает все существующие в России государственно-политические, экономические, общественные и иные отношения и она (в) тесно вплетена в отношения между людьми, между человеком и государственно-политическими, экономическими, общественными и иными межтерриториальными (международны-

ми) отношениями; г) «информационная среда обитания», как любая составляющая «среды обитания человека», совершенствуется, самовоспроизводится (например, посредством искусственного интеллекта) и нуждается в сохранении и охране. Последнее достаточно важно в силу того, что «информационная среда обитания», сформировавшаяся для должного обеспечения благосостояния людей и эффективной жизнедеятельности общества, подвержена воздействиям на нее как позитивных, так и негативных факторов. Вследствие этого «информационная среда обитания» нуждается не только в организационной или инженерно-технической защите, но и в юридической охране, которая призвана нейтрализовать и противодействовать негативному воздействию на данную среду. Иными словами, обосновано положение, по которому «информационная среда обитания» должна содержать в себе и вокруг себя юридическую составляющую. Данное утверждение подтверждается и тем, что, во-первых, исторически доказано реальное, прежде всего внешнее вредное воздействие на информационную среду обитания и, следовательно, на благополучие людей, общества и государства; во-вторых, составляющие информационную среду обитания элементы (например, «информация», её формы, отдельные части и обеспечительные средства) уже обеспечиваются юридической охраной; в-третьих, защита информационной среды обитания обусловлена дальнейшим развитием и совершенствованием информационного общества, а также широким потреблением различных информационно-цифровых услуг и ресурсов в будущем.

Таким образом, под общим понятием «информационная среда обитания» следует подразумевать комплекс информационных ресурсов, который окружает человека и определяет его взаимодействие с окружающим миром. Данная среда включает в себя средства коммуникации, Ин-

тернет, СМИ, социальные сети, базы данных, электронные библиотеки и другие информационные ресурсы. Информационная среда обитания играет важную роль в формировании менталитета, общественного мнения, культурного и научного развития, личностного роста и самореализации человека.

Аналитическим анализом и интерпретацией статистических данных, научными и специальными исследованиями показано, что сферы «интересов» злоумышленников в информационной среде обитания чаще всего направлены на: онлайн-торговлю, личные данные и пароли граждан в государственно-общественных сетях, информационные активы банков, номера кредитных карт и банковских счетов; электронные средства платежа; распространение в социальных сетях насильственных и различного рода экстремистских действий, дезинформацию или так называемые фейки; распространение, куплю-продажу вредоносных цифровых программ и личных данных субъектов информационной среды обитания; причинение вреда государственным и общественным интернет-ресурсам, а также критической информационной инфраструктуре страны, материально-финансовые и иные ценности, хранящиеся в информационной среде обитания [9; 10].

Применяя в преступных целях полученную аналоговую или компьютерную информацию, сосредоточенную в информационной среде обитания, преступники трансформируют ее в нападение (покушение) на любой интересующий виновных объект преступления. К таким объектам преступлений уголовный закон относит: насильственные действия сексуального характера, совершенные в информационной сфере в отношении несовершеннолетнего (ст. 132 УК РФ); нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ); нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ);

мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ); мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ); неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ); неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ); распространение противоправной информации: незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ) и другие составы преступлений. Среди выше-названных преступлений до 55% приходится на различные виды хищений: мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (например, ст. 159.6 УК РФ); неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ) [11, с. 23–24].

Нередко, посягая на информационную среду обитания, субъекты совершения общественно опасных деяний в качестве средств и орудий преступлений используют мобильные электронные устройства, а также компактные персональные компьютеры, ноутбуки и планшеты. С помощью этих устройств правонарушители в информационной среде обитания: организуют фиктивные колл-центры, ложные сайты интернета, определяют полноту личных данных пользователей цифровых сетей, их товарно-денежные предпочтения, покупательский спрос, связи с родственникам, банковские

атрибуты, номера платежных карт и денежных счетов для последующего совершения от имени жертв и в их отношении преступных замыслов и действий. Специалисты по кибербезопасности утверждают, что злоумышленники не только лично или через «колл-центры» звонят гражданам с преступными целями, но и используют для этого «боты» – псевдороботов или «роботизированных помощников», имитирующих интонации голосов сотрудников учреждений и цифровых роботов официальных банков и иных материально-финансовых организаций [12, с. 8, 23].

Изучение судебно-следственных данных продемонстрировало следующее: в 2021 г. было зафиксировано 517 722 преступлений, связанных с хищениями, при совершении которых использовались информационные технологии (на 1,44% больше, чем в 2020 г., 510 396 преступлений), а сумма ущерба от действий телефонных и интернет-мошенников, проходящих по возбужденным уголовным делам, составила 45 млрд рублей¹.

По данным антивирусной Лаборатории Касперского и Банка России, в 2021 г. службами безопасности было заблокировано и «сброшено» около 27 тыс. фальшивых «роботизированных» телефонных номеров, а также ложных «бот-звонков» злоумышленников, с которых осуществлялись попытки воздействия на клиентов Банка. Тем не менее в течение каждого трёх месяцев 2021 г. подобных телефонных номеров блокировалось более 42 тыс. раз².

Несмотря на то, что содержание и конструкция статистического учета в нашей стране не в полной мере охватывают регистрацией все виды преступле-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 12.04.2023).

² Голосовые связи: роботы-мошенники стали звонить россиянам в 35 раз чаще // Известия. 2021. 13 дек.

ний, тем не менее общие данные, приведенные в научных исследованиях, показывают, что количество преступлений в информационной среде обитания или совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий в России ежегодно растёт. Так, например, за два года до момента регистрации общественно опасных деяний в компьютерной сфере (2017–2018 гг.) общее количество преступлений с использованием компьютерных и иных цифровых средств выросло до 92% и составило 206 000 деяний [13, с. 4, 17]. С 2012 по 2017 г. преступления в информационной среде обитания возросли в 3,5 раза, а с 2018 по 2021 г. увеличение происходило в среднем на +65% ежегодно [14, с. 53–77; 9, с. 23–29].

Российская статистика и научная аналитика регистрируют несколько видов мошенничества с использованием компьютерных и иных цифровых средств, распространенных в информационной среде обитания: 1) основная норма (состав) мошенничества (ст. 159 УК); мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ); мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК) и 4 состава преступлений в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ), которые также могут совершаться мошенническим образом, но при квалификации учитываются как совокупность совершенных преступлений. Остальные виды мошенничества уголовной статистикой не учитываются [12, с. 23–24].

Метаданные мошенничества в рассматриваемой сфере показывают, что наибольший рост числа этих видов преступлений приходился на пик заболеваемости (пандемии) COVID-19 в России и мире 2019–2021 гг. В 2019 г. таких преступлений было совершено 119 903 (+32,2% по сравнению с допандемийным 2018 г.), из них мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК) в 2019 г. увеличилось на 280,0% (всего

16 119 преступлений), тогда как в последующие 2020 и 2021 гг. данные показатели, хотя и с ростом, но были в 2,5 раза меньше, чем в 2019 г. (2019 г. +3%, в 2020 г. +13%, и в 2021 г. +5,1%) [12, с. 36–37].

Таким образом, научный анализ эмпирических данных трех рассмотренных выше лет показал, что общая динамика преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в информационной среде обитания, характеризуется устойчивым ростом. Так, в 2019 г. таких преступлений было зарегистрировано 294 409 (рост составил +68,5%), в 2020 г. – 510 396 преступлений (рост +73,4%), в 2021 г. статистика зафиксировала 517722 преступлений (рост +1,4%). При этом регистрация мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК) показала рост лишь однажды в 2020 г. на +10,8% (761 преступлений). В 2021 г. данный состав преступления (ст. 159.6 УК) снизился на 43,4% (было зарегистрировано 431 преступление) [12, с. 36–37; 15, с. 76–77].

Известно, что любая охрана осуществляется комплексно, т. е. различными способами, методами и средствами, среди которых выделяют: правовые, организационные и технические меры [16]. Если детализировать данный аспект, то рассматриваемый комплекс будет выглядеть следующим образом: 1) законодательные (нормативно-правовые акты, регулирующие как саму информационно-цифровую среду обитания, так и её защиту); 2) организационно-технические, в том числе инженерно-технические (программные, антивирусные, аппаратные и физические); 3) организационно-правовые (подзаконные нормативные акты, инструкции, правила, стандарты и др.); 4) организационно-управленческие (контроль, координация и взаимодействие структур); 5) узкоотраслевые (уголовно-правовые и административно-правовые).

В число узкоотраслевых правовых средств защиты современной информационной среды обитания входит современное российское уголовное законодательство, нормы которого как непосредственно, так и опосредованно охраняют личные, общественные и государственные интересы в информационной среде обитания Российской Федерации. Речь идет о том, что компьютерная информация и её обеспечительные, коммуникационные, технические механизмы, устройства, средства, в том числе средства связи и системы, выступают: во-первых, как объект преступления; во-вторых, как предмет посягательства; в-третьих, как орудия и средства совершения преступления. Соответственно, при рассмотрении вопроса о защите информационной среды обитания в уголовном праве и криминологии выделяют нормы и преступления, предусматривающие ответственность за совершение преступлений: а) в сфере компьютерной информации; б) преступлений, совершаемых посредством компьютерных и цифровых технологий, используемых как средства и орудия преступления либо как способ совершения «компьютерных преступлений». Иначе говоря, это те общественно опасные деяния, когда компьютер выступает в качестве как предмета преступлений, так и деяния, в которых он является техническим средством или орудием совершения преступления, либо когда компьютерная информация использовалась для совершения иных преступлений, а также когда вычислительная техника и компьютерное оконечное оборудование присваиваются, повреждаются, уничтожаются, применяются для дискредитации личных, общественных и государственных интересов и т. д.

Раскрывая понятие преступлений в сфере информационной среды обитания, ученые предлагают считать таковыми, в первую очередь, преступления, совершенные в отношении и (или) с использованием информации, в том числе и ком-

пьютерной [17, с. 10; 18, с. 250–251], и во вторую очередь, преступления с использованием информации, компьютерных и телекоммуникационных устройств, систем, средств, баз личных и иных данных и др. [13, с. 8; 19, с. 156]

Думается, не следует в определении понятия таких преступлений перечислять все противоправные деяния, направленные на информационную среду обитания, т. к. к ним относят преступные деяния, совершенные с помощью вычислительной техники и средств телекоммуникаций или такие, в которых объектом преступных посягательств выступает компьютерная информация.

Выводы

1. В силу того, что на современном этапе развития мировой цивилизации аналоговая и компьютерная информация пронизывает все сферы жизнедеятельности людей, с полным основанием можно утверждать, что в настоящее время человечество пребывает в информационной среде обитания. Действительно, практически все сферы человеческой жизнедеятельности, все материальные системы вовлечены в информационные процессы, эффективность которых определяется условиями их существования. В то же время современное состояние информационной среды обитания качественно отличается от ее состояния в прошлом. Эта специфика требует дальнейшего анализа, в частности должна быть отражена на понятийном уровне.

2. Причины такой социальной трансформации связаны, в первую очередь, с: а) возникновением, развитием, совершенствованием и распространением цифровых информационных технологий; б) увеличением объемов аналоговой и компьютерной информации; в) ускорением перемен распространения всевозможных информационных данных, их активным содержательным и понятийным изменением и глобальностью значений таких изменений; г) государственным, общественным

и частными предложениями на информационные услуги для населения, распространяемыми в различных областях жизнедеятельности; д) потребностью людей в приобретении знаний и культуры применения современных цифровых технологий, устройств, глобальных информационных сетей и компьютерной информации.

3. Совершенствование структуры информационной архитектуры будет приводить и к негативным тенденциям использования компьютерной информации и цифровых технологий, которые выразятся в причинении вреда субъектам информационной среды обитания. Причем негативные явления в информационной среде обитания со временем в количественном выражении будут уменьшаться, а в качественном – денежно-финансовом и материальном проявлении – увеличиваться. Иными словами, правонарушения в информационной сфере в ближайшее время будут характеризоваться количественным увеличением их динамики, а через довольно короткий период времени количество преступлений уменьшится, но материальный ущерб, причиняемый виновными, будет только увеличиваться.

4. Уголовное законодательство Российской Федерации будет оперативно реагировать на любые изменения и тенденции преступности в информационной среде обитания введением новелл в главу о компьютерных преступлениях и актуальных квалифицирующих признаков иных составов преступлений.

Подводя общий итог исследования, отметим, что наиболее полное определение «социальной среды обитания» можно сформулировать так: «Информационная среда обитания – это комплекс информационных ресурсов, включающий в себя технологии, социальные сети, мультимедийные сообщества, электронные библиотеки и пр., который определяет информационное окружение, а внутри него осуществляется человеческое, общесоциальное взаимодействие и данный комплекс отражает совокупность информационных ресурсов, доступных для потребления и обмена. Основными признаками информационной среды обитания являются: наличие и разнообразие информационных ресурсов, доступность, быстрая передача информации, мультимедийность, взаимодействие и социальный аспект».

Список литературы

1. Горбунова Ю. И., Горбунова О. Н. Информационная инфраструктура: современная сущность, подотрасли и ее составляющие // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9, вып. 2. С. 14–21.
2. Волкова В. Н., Голуб Ю. А. Информационная система: к вопросу определения понятия // Прикладная информатика. 2009. № 5(23). С. 112–120.
3. Новичков В. Е. Понятие и содержание современной информационной инфраструктуры Российской Федерации: уголовно-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. № 4 (29). С. 145–150.
4. Сапрыкина Н. А. Новые подходы к формированию инфопространства будущего как отдельной категории архитектурной среды // Архитектура и современные информационные технологии. 2018. №1 (42). С. 317–340.
5. Володченко В. С., Ланцова Д. С., Миронова Т. А. Понятие и классификация информационных технологий // Достижения науки и образования. 2020. №12 (66). С. 41–43.
6. Современные СМИ в контексте информационных технологий: сборник научных трудов 3-й Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: СПбГУПТД, 2017. 168 с.

7. Шаповалова Г. М. Искусственный интеллект – технологии будущего человечества: «цифровая культура» в контексте «цифровой этики» догмат в решении этических проблем // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 4(29). С. 402–406.

8. Серебрякова Т. А., Давыдова В. Р. Информационные ресурсы как средство поддержки бизнеса и эффективной деятельности предприятия // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11, № 12. С. 2775–2790.

9. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. 86 с.

10. Ищук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология. М.: Акад. управ. МВД России, 2021. 244 с.

11. Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2022. 352 с.

12. Русскевич Е. А., Фролов М. Д. Мошенничество в сфере компьютерной информации: монография. М.: ИНФРА-М, 2020. 146 с.

13. Добровольский Д. В. Актуальные проблемы борьбы с компьютерной преступностью: Уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 218 с.

14. Евдокимов К. Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 557 с.

15. Каримов А. М. Преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: сравнительно-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 1. С. 75–82.

16. Жигулин Г. П. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности. СПб.: СПбНИУИТМО, 2014. 173 с.

17. Бегишев И. Р. Понятие и виды преступлений в сфере распространения цифровой информации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 204 с.

18. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рагога, А. И. Чучаева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Контракт: Инфра-М, 2008. 800 с.

19. Савченко О. А. Совершенствование уголовно-правового законодательства в сфере компьютерной информации на современном этапе развития информационных технологий // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 156–161.

References

1. Gorbunova Yu. I., Gorbunova, O. N. Informacionnaya infrastruktura: sovremennaya sushchnost', podotrasli i ee sostavlyayushchie [Information infrastructure: modern essence, sub-sectors and its components]. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process = Socio-economic phenomena and processes*, 2014, vol. 9, is. 2, pp. 14–21.

2. Volkova V. N., Golub Yu. A. Informacionnaya sistema: k voprosu opredeleniya ponyatiya [Information system: on the issue of definition of the concept]. *Prikladnaya informatika = Applied Computer Science*, 2009, no. 5(23), pp. 112–120.

3. Novichkov V. E. Ponyatie i sodержanie sovremennoj informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii: ugovolno-pravovoj aspect [The concept and content of the modern information infrastructure of the Russian Federation: criminal law aspect]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, no. 4 (29), pp. 145–150.

4. Saprykina N.A. Novye podhody k formirovaniyu infoprostranstva budushchego kak otdel'noj kategorii arhitekturnoj sredy [New approaches to the formation of the information

space of the future as a separate category of architectural environment]. *Arhitektura i sovremennye informacionnye tekhnologii = Architecture and modern information technologies*, 2018, no. 1 (42), pp. 317–340.

5. Volodchenko V. S., Lancova D. S., Mironova T. A. Ponyatie i klassifikaciya informacionnyh tekhnologij [The concept and classification of information technologies]. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya = Achievements of science and education*, 2020, no. 12 (66), pp. 41–43.

6. Sovremennye SMI v kontekste informacionnyh tekhnologij. Sbornik nauchnyh trudov 3-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Modern mass media in the context of information technologies. Collection of scientific papers of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg, SPbGUPTD Publ., 2017. 168 p.

7. Shapovalova G. M. Iskusstvennyj intellekt – tekhnologii budushchego chelovechestva: "cifrovaya kul'tura" v kontekste "cifrovoj etiki" dogmat v reshenii eticheskikh problem [Artificial intelligence – technologies of the future of mankind: "digital culture" in the context of "digital ethics" dogma in solving ethical problems]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2019, vol. 8, no. 4(29), pp. 402–406.

8. Serebryakova T. A., Davydova V. R. Informacionnye resursy kak sredstvo podderzhki biznesa i effektivnoj deyatel'nosti predpriyatiya [Information resources as a means of supporting business and effective enterprise activity]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, entrepreneurship and law*, 2021, vol. 11, no. 12, pp. 2775–2790.

9. Antonyan Yu. M., Brazhnikov D. A., Goncharova M. V., eds. Kompleksnyj analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii i raschetnye varianty ee razvitiya: analiticheskij obzor [Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and estimated options for its development: analytical review]. Moscow, VNII MVD Rossii Publ., 2018. 86 p.

10. Ishchuk Ya. G., Pinkevich T. V., Smol'yaninov E. S. Cifrovaya kriminologiya [Digital Criminology]. Moscow, Akad. uprav. MVD Rossii Publ., 2021. 244 p.

11. Russkevich E. A. Ugolovnoe pravo i "cifrovaya prestupnost'": problemy i resheniya. 2th ed. [Criminal law and "digital crime": problems and solutions]. Moscow, INFRA-M Publ., 2022. 352 p.

12. Russkevich E. A., Frolov M. D. Moshennichestvo v sfere komp'yuternoj informacii [Fraud in the field of computer information]. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 146 p.

13. Dobvol'skij D. V. Aktual'nye problemy bor'by s komp'yuternoj prestupnost'yu: Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy. Diss. kand. jurid. nauk [Actual problems of combating computer crime: Criminal law and criminological problems. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2005. 218 p.

14. Evdokimov K. N. Protivodejstvie komp'yuternoj prestupnosti: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. Diss. dokt. jurid. nauk [Countering computer crime: theory, legislation, practice. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2022. 557 p.

15. Karimov A. M. Prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii i prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij: sravnitel'no-pravovoj aspekt [Crimes in the field of computer information and crimes committed using information and communication technologies: comparative legal aspect]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, vol. 14, no. 1, pp. 75–82.

16. Zhigulin G. P. Organizacionnoe i pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti [Organizational and legal provision of information security]. St. Petersburg, SPbNIUITMO Publ., 2014. 173 p.

17. Begishev I. R. Ponyatie i vidy prestuplenij v sfere rasprostraneniya cifrovoj informacii. Diss. kand. jurid. nauk [The concept and types of crimes in the field of digital information dissemination. Cand. legal sci. diss.]. Kazan', 2017. 204 p.

18. Uголовное право. Osobennaya chast' [Criminal law. The special part]; ed. by L.V. Inogomova-Hegaj, A. I. Rarog, A. I. Chuchayev. 2th ed. Moscow, Kontrakt Publ., Infra-M Publ., 2008. 800 p.

19. Savchenko O. A. Sovershenstvovanie uголовно-правового zakonodatel'stva v sfere komp'yuternoj informacii na sovremennom etape razvitiya informacionnyh tekhnologij [Improvement of criminal law legislation in the field of computer information at the present stage of information technology development]. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve* = *Legality and law and order in modern society*, 2016, no. 29, pp. 156–161.

Информация об авторе / Information about the Author

Новичков Валерий Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: valery.novichkov@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8976-5672

Valery E. Novichkov, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: valery.novichkov@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8976-5672

УДК 327

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-107-118>

Проблема государственного суверенитета в условиях деглобализации

И. Н. Бурганова¹ ✉

¹ Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, д. 19, г. Оренбург 460000, Российская Федерация

✉ e-mail: burganovain@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы исследования обусловлена противоречивостью глобалистских и деглобалистских тенденций в современном мире и их влиянием на суверенитет государственных акторов.

Цель исследования – проанализировать влияние деглобализации на государственный суверенитет.

Задачи исследования: исследование укрепления суверенитета государства на экономическом, политическом и культурных уровнях.

Методология. В ходе написания статьи был использован метод системного анализа для исследования проблематики суверенных полномочий государственных акторов. В работе были применены общенаучные методы исследования. Для валидности исследования были использованы статистические и нормативные источники.

Результаты. Выявлена проблематика феномена государственного суверенитета на уровне деглобалистских тенденций; определены зоны, в которых происходит укрепление государственного суверенитета (торговые войны; политика импортозамещения; изоляционистский подход; принятие законодательных решений, решение глобальных проблем, участие в международных организациях).

Вывод. Процесс укрепления государственного суверенитета в условиях деглобализации международного сообщества является объективным. Расширение суверенных полномочий государства связано с ростом количества глобальных проблем. Вызовы и угрозы международного сообщества заставляют страны принимать коллективные решения, которые ограничивают собственные национальные интересы государства, поэтому государственные акторы вынуждены идти по пути изоляционизма и отказа от коммунитарных мер в выработке решений по нивелированию глобальных рисков. На политическом уровне укрепление суверенитета происходит на уровне участия в многосторонних форматах и решения глобальных проблем. Укрепление суверенитета в экономической сфере детерминруется состоянием мировой экономики. Наличие глобального экономического кризиса толкает страны на применение политики торговых войн, протекционизма, санкционного механизма и импортозамещения. Проблема расширения суверенных полномочий на уровне культурной сферы связана с неконтролируемыми потоками миграции, в этом случае происходит возрастание конфликтов по линии национальной идентичности.

Ключевые слова: деглобализация; государственный суверенитет; глобализация; международные отношения.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бурганова И. Н. Проблема государственного суверенитета в условиях деглобализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 107–118. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-107-118>.

Поступила в редакцию 04.06.2023

Принята к публикации 20.07.2023

Опубликована 30.08.2023

The Problem of State Sovereignty in the Context of Deglobalization

Inna N. Burganova¹ ✉

¹Orenburg State Pedagogical University
19 Sovetskaya Str., Orenburg 460000, Russian Federation

✉ e-mail: burganovain@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research topic is due to the inconsistency of globalist and deglobalist trends in the modern world and their influence on the sovereignty of state actors.

The purpose of the study is to analyze the impact of deglobalization on state sovereignty.

Objectives of the study: the study of strengthening the sovereignty of the state at the economic, political and cultural levels.

Methodology. In the course of writing the article, the method of system analysis was used to study the problems of sovereign powers of state actors. General scientific research methods were applied in the work. Statistical and regulatory sources were used for the validity of the study.

Results. The problems of the phenomenon of state sovereignty at the level of deglobalist tendencies are revealed; the zones in which state sovereignty is being strengthened are identified (trade wars; import substitution policy; isolationist approach; legislative decisions, solving global problems, participation in international organizations).

Conclusion. The process of strengthening State sovereignty in the context of the deglobalization of the international community is objective. The expansion of the sovereign powers of the state is associated with an increase in the number of global problems. Challenges and threats of the international community force countries to make collective decisions that limit the State's own national interests. Therefore, state actors are forced to follow the path of isolationism and rejection of communitarian measures in developing solutions to mitigate global risks. At the political level, sovereignty is strengthened at the level of participation in multilateral formats and solving global problems. The strengthening of sovereignty in the economic sphere is determined by the state of the world economy. The presence of a global economic crisis pushes countries to apply the policy of trade wars, protectionism, sanctions mechanism and import substitution. The problem of expanding sovereign powers at the level of the cultural sphere is associated with uncontrolled migration flows. In this case, there is an increase in conflicts along the lines of national identity.

Keywords: deglobalization; state sovereignty; globalization; international relations; deglobalism.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Burganova I. N. The Problem of State Sovereignty in the Context of Deglobalization. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 107–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-107-118>

Received 04.06.2023

Accepted 20.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

Проблема укрепления государственного суверенитета находится в спектре следующих вопросов:

1. Каковы причины укрепления суверенных полномочий национальных акторов на современном этапе развития?
2. Каковы сильные и слабые стороны укрепления национального суверенитета?

Для рассмотрения феномена государственного суверенитета необходимо рассмотреть категорию «деглобализация», которая стала триггером в возрастании суверенных полномочий государственных акторов на международной арене.

Понятийные аспекты деглобализации рассматривает С. Ф. Шмидт, делая акцент на компаративистском анализе глобалистских и деглобалистских тенденций

[1]. «Серьезные изъяны» глобализации отмечает Ю. К. Князев, говоря о субъективном воздействии идеологии неолиберализма США и Британии. «Нынешняя деглобализация — это не прекращение объективного процесса глобализации, а лишь его временная приостановка по причине порочности ее неолиберальной модели» [2]. Для Ж. Сапира «деглобализацию следует считать позитивным явлением; она подразумевает укрепление суверенитета, который делает возможным истинное, а не формальное народовластие и определяет контекст будущей политической борьбы»¹. Локальные рамки влияния на отдельное государство исследуют А. Н. Воронков, В. С. Чеботарев, С. А. Рудаков [3].

Методология

В ходе написания статьи был использован метод системного анализа для исследования проблематики суверенных полномочий государственных акторов. Анализ суверенных полномочий государственных акторов был осуществлен на политическом, экономическом и культурном уровнях. Историко-сравнительный метод исследования позволил проследить феномен суверенитета от Вестфальской системы до настоящего момента времени. Такая ретроспектива позволила определить трансформацию государственного суверенитета от его нивелирования в условиях возрастания количества конфликтов до его укрепления в условиях деглобализации. Статистические документы (ВТО) позволили проследить применение ограничительных мер в экономической политике стран. Нормативная база выступила подспорьем в исследовании законодательной практики государственных акторов в принятии решений, которые свидетельствуют об

¹ Сапир Ж. Деглобализация уже в пути: новый мир и возрождение демократии // Валдай: сайт. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/deglobalizatsiya-uzhe-v-puti/> (дата обращения: 03.03.2023).

укреплении суверенитета института государства на международной арене (Дублин-III, постановления Правительства РФ, указы Президента РФ, нормативные документы ЕС).

Для валидности исследования были использованы статистические и нормативные источники.

Результаты и их обсуждение

Феномен государственного суверенитета прошел длительный путь от Вестфалия до деглобализации сегодняшнего дня. В свое время можно было увидеть обратный процесс ограничения суверенитета за счет нарастания конфликтной парадигмы в мировом масштабе (Первая и Вторая Мировые войны). Не последнюю роль в сужении рамок национального суверенитета можно найти в наличии международных форматов, которые были призваны решать противоречия между государственными акторами, нивелировать значение глобальных проблем. В рамках мировой политики государство добровольно стало делегировать свои суверенные полномочия на наднациональный уровень с целью принятия коммунарных решений знаковых вопросов международной повестки дня. А во внутренней политике государство инициировало синхронизацию мировых стандартов и практику собственного развития. Особенно это стало заметным на уровне законодательной базы (Всеобщая декларация прав человека, 1948 г.), образовательных стандартов (Болонская декларация, 1999 г.).

Однако за последние десятилетия происходит процесс расширения суверенных полномочий отдельных государств на международной арене. Обстоятельством, детерминирующим феномен государственного суверенитета в этом направлении, является процесс деглобализации.

Государственный суверенитет находится под влиянием двух тенденций: глобализация и деглобализация. «Глобали-

зация – это естественные и искусственные процессы ослабления или уничтожения государственных барьеров, стоящих на путях различных типов обменов» [4], т. е. в мировой политике существует дилемма между добровольной передачей своего суверенитета на общий субсидиарный уровень международных организаций с целью нивелирования глобальных проблем и собственными национальными интересами, заточенными на сохранение своих суверенных полномочий на международной арене [5].

Представляется возможным в данной статье пойти от тех векторов, с которыми связана деглобализация, и определить, как это влияет на укрепление государственного суверенитета.

Деглобализация как явление затрагивает несколько полей, которые ведут к сворачиванию глобализма в принципе, как в политике, так и в экономике [6]. В этих условиях институт государственной власти также трансформируется в пользу защиты собственных интересов на международной арене. Такими уровнями, где происходит нарастание суверенитета государства, являются экономический, политический и культурный.

Воздействие деглобализации на государственный суверенитет на политическом уровне

Международная повестка дня с конца XX в. по настоящее время сигнализирует о наличии деглобалистских тенденций и, как следствие, нарастании государственного суверенитета. Неолиберализм смещается в большую сторону приоритета собственных национальных интересов [7].

Поскольку суверенитет государства во внешнеполитической деятельности подразумевает независимость страны, то практику повышения суверенных полномочий государства в мировой политике можно рассматривать на уровне участия в международных организациях и решения глобальных проблем.

Укрепление государственного суверенитета прослеживается на примере Европейского союза, в частности:

1) множество государственных актов с трудом принимают унифицированные решения [8]. Например, большие сложности в согласовании возникли при введении коммунитарных мер на уровне санкций в отношении Российской Федерации [9]. Дело в том, что практика европейских стран предусматривает единогласие, а если его нет, то происходит затягивание процесса голосования, что в итоге сказывается на продуктивности Европейского союза. В качестве последнего примера можно вспомнить события февраля 2023 г., когда члены ЕС с затруднениями принимали десятый пакет санкций. У европейских участниц возникли противоречия по поводу алмазной и атомной промышленности, запрета на ввоз каучука;

2) наличие «Дублина III» [10]. По данному документу нивелируется эгалитаризм участвующих сторон. В частности, в нем говорится: «Если заявитель пересек границу государства-члена ЕС на непостоянной основе по суше, морю или воздуху, въезжая из третьей страны, ответственным за проверку запроса о предоставлении международной защиты признается государство-член ЕС, границу которого таким образом пересек заявитель»¹.

Процессы деглобализации отразились на государственном суверенитете в рамках решения глобальных рисков и угроз. Например, распространение коронавирусной инфекции решалось государ-

¹ Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person (recast) // EUR-Lex: site. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=celex%3A32013R0604> (дата обращения: 25.02.2023).

ственными акторами зачастую собственным видением актуальной повестки дня [11]. Китай пошел на меры жесткого локдауна, Швеция вырабатывала коллективный иммунитет, не вводя никаких ограничений, остальные страны международного сообщества шли по медианному пути, не беря за основу пекинский или стоковый вектор.

В условиях коронавирусной инфекции страны международного сообщества в массовом порядке вводили ограничительные меры, касаемые санитарных и фитосанитарных мер (транзит экзотических и декоративных животных) [12]. Понятно, что ввод данного ограничительного механизма был детерминирован интересами населения стран. Личная безопасность граждан не может быть ниже неолиберальных объединительных канонов глобализации, когда границы государств находятся в «зеленом коридоре» для всего мира. Государственные акторы пошли на прекращение авиасообщения, экспорта медицинских товаров, запрета на вывоз отдельных видов продовольственных товаров, для того чтобы стабилизировать ситуацию с COVID-19 [13].

Практику укрепления суверенитета можно увидеть в распределении вакцин для защиты от COVID-19. Развивающиеся страны оказались в непрестом положении из-за того, что развитые страны уже проводили ревакцинацию, а более бедные участники международного сообщества еще даже не получили вакцины.

Таким образом, во внешней политике страны все больше действуют в соответствии со своими государственными интересами. В этом случае их поведение становится более эгоистичным, что говорит о расширении рамок суверенных полномочий. Такая практика видна на уровне следующих тенденций:

1) государственные акторы все чаще начинают обмениваться взаимными претензиями и угрозами;

2) страны демонстрируют свою силу не только на уровне словесной риторики,

но и с помощью активизации действий на международной арене;

3) государственные участники включаются в региональные форматы международного сообщества с отходом от многосторонних глобальных объединений. Например, Российской Федерации идет по пути выстраивания региональных связей из-за санкционного механизма со стороны западных стран [14]. В этом случае происходит интенсификация коммуникации на уровне приграничных территорий; активизация сотрудничества ведет к гибкому и быстрому решению общих вопросов; нивелируется проблемная составляющая глобализма, если происходит мировой финансовый кризис;

4) страны имеют серьезные разногласия по международной повестке дня по решению ключевых вопросов международной безопасности (украинский, сирийский, иранский, корейский, косовский вопросы и пр.);

5) государственные акторы применяют новые инструменты в отношении друг друга (гибридные войны) [15];

6) применение принципов изоляционизма, причем такой подход можно заметить в политике стран, выступающих за абсолютное продвижение неолиберальных ценностей. Изоляционистский подход внешней политики США в лице уже бывшего президента Дональда Трампа, обозначенный в Стратегии национальной безопасности в 2017 г., исходил из принципа «Америка прежде всего»¹.

Влияние деглобалистских тенденций на государственный суверенитет на экономическом уровне

Дело в том, что процессы глобализации в XX–XXI вв. связывают с такими организационными структурами, как ГАТТ, а впоследствии с ВТО [16]. Статус

¹ Remarks by President Trump on the Administration's National Security Strategy // The White House: site. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-administrations-national-security-strategy/> (дата обращения: 10.03.2023).

последней исходит из тактики свободно-го передвижения товаров, услуг, людей, что подчеркивает состояние эгалитаризма между экспортерами и импортерами, максимизацию свободной торговли без барьеров и препятствий. Открытая торговая площадка ВТО направлена на «The system's overriding purpose is to help trade flow as freely as possible – provided there are no undesirable side effects – because this stimulates economic growth and employment and supports the integration of developing countries into the international trading system»¹. Такая демократизация и гармонизация торговых потоков является подлинной глобализацией в экономической сфере.

В то же время за последнее время наличие общего спада производства, глобального экономического кризиса, дисбаланса в мировой торговле, обвала рынка, негативных ожиданий инвесторов, что неминуемо влечет количественный рост применения протекционистских мер, а защита собственного производства за счет ограничения ввоза импортной продукции свидетельствует о меньшей значимости инструментов мировой торговли (ВТО) [17]. Например, в опубликованном докладе Секретариата ВТО о торговых мерах стран G-20 в декабре 2020 г. подчеркивается: «В анализируемый период меры, стимулирующие торговлю, охватывали товаропотоки объемом 36,8 млрд долл. США (в предыдущем отчете от 29 июня с.г. – 735,9 млрд долл. США), ограничительные меры – торговлю объемом 42,9 млрд долл. США (по сравнению с 417,5 млрд долл. США в предыдущем отчете). Такое резкое снижение объемов глобальной торговли, затронутых торговыми мерами, объясняется общим сни-

жением объемов мировой торговли, изменением инструментария стран «Группы двадцати» в борьбе с пандемией COVID-19 и постепенной отменой ранее введенных мер»².

Ту же практику ввода торговых барьеров можно связать с распространением COVID-19.

Вектором, направленным на укрепление экономического суверенитета государства на международной арене, является политика импортозамещения, которую проводят отдельные государства, к которым применяется политика санкций (например, Российская Федерация). Импортозамещение выступает как своеобразный ответ на действия со стороны других государственных акторов [18]. В этом случае происходит рост собственного производства, а также потребления и увеличения экспортных позиций отечественной продукции, стимулирования местных производителей. Например, по Указу Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560, когда под запретом находились внешнеторговые операции в отношении тех государств, которые использовали к России санкционный механизм³.

Список таких мер импортозамещения достаточно большой. Его можно дополнить Постановлением Правительства РФ от 14 июля 2014 г. № 656, которое устанавливало запрет на допуск отдельных видов товаров машиностроения, происходящих из иностранных государств...⁴

² Wo we are // World Trade Organization: site. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/who_we_are_e.htm (дата обращения: 06.01.2023).

³ О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 6 авг. 2014 г. № 560 // Президент Рос. Федерации: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38809> (дата обращения: 14.02.2023).

⁴ Об установлении запрета на допуск отдельных видов товаров машиностроения,

¹ Секретариат ВТО опубликовал очередной обзор торговых мер стран G-20 // Министерство экономического развития Рос. Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d11/sekretariat_vto_opublikoval_ocherednoy_obzor_torgovyh_mer_stran_g_20.html (дата обращения: 17.02.2023).

Те же торговые войны выступают градивительным барьером на пути неолиберальных тенденций глобализации. Они берут на себя функционал предотвращения экономического вмешательства в собственную экономику за счет применения импортных пошлин и квот [19]. Торговые войны США и Китая коснулись в том числе ограничений со стороны Белого Дома в отношении китайских компаний Huawei, ZTE.

Воздействие деглобализации на государственный суверенитет на культурном уровне

Проблема укрепления государственного суверенитета затрагивает и культурную сферу. Дело в том, что в условиях роста мигрантских потоков возрастает количество конфликтов, связанных с вопросами национальной идентичности [20].

Деглобализация становится ответом на мигрантские потоки, которые идут со стороны, прежде всего, Ближнего Востока и Африки. Страны пытаются закрыться от нелегалов, поскольку это затрагивает несколько серьезных проблемных зон:

1. Криминализация районов проживания нелегальных мигрантов. Уровень преступности становится выше за счет скученности беженцев на одном пространстве.

2. Сложная демографическая ситуация. Соотношение мусульманских и европейских семейных ценностей демонстрирует разное понимание вопроса рождения детей. Количественная оценка прогнозов по рождаемости семей беженцев и автохтонного населения приводит к неутешительным выводам, что существует проблема перекаса мигрантов по от-

происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Постановление Правительства РФ от 14 июля 2014 г. № 656 // Правительство Рос. Федерации: сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/92149/> (дата обращения: 14.02.2023).

ношению к гражданам, что также станет возможным триггером в разгорании межкультурных конфликтов на европейском пространстве.

3. Аксиологический аспект и правовое поле. Сложная конфликтная ситуация в Европе идет по линии отказа европейцами от собственных традиций и создания нейтральной атмосферы, которая не тяготит беженцев. Однако в этом случае страдает собственная самоидентификация европейских граждан, а отсутствие стремления у мигрантов к знанию европейской культуры, истории и языка приводит к еще более сложным конфликтным ситуациям. Полиэтничность сосредоточения разных культурных групп приводит к ужесточению миграционного законодательства. Это заставляет государственных акторов в законодательной практике использовать решения, так или иначе дискриминирующие пришлое население. Например, во Франции существует практика ношения хиджаба и любых религиозных атрибутов. На уровне региональных властей в Швейцарии и Германии принимаются решения о ношении религиозной атрибутики в образовательных учреждениях [21].

4. Процессы деглобализации отражаются на росте межкультурных конфликтов, что можно связать с межконфессиональными различиями между пришедшим населением (мигрантами) и гражданами. Так, например, исходя из Доклада ICMPD в 2022 г., количество нелегалов, прибывших на территорию Европейского союза, было самым большим и составило 327 000 случаев нелегального пересечения границ ЕС, что на 64% больше, чем в 2021 г.

Выводы

Таким образом, проблематика государственного суверенитета находится в спектре двух категорий «верховенство» и «независимость», т. е. независимость государства на международной арене и верховенство во внутренней политике

страны определяют два полюса пределов суверенитета института государства. Можно говорить, что деглобализация стала вехой в смене содержания понятия «государственный суверенитет».

Каузальный анализ рассмотрения феномена укрепления государственного суверенитета связан с тем, что:

1. Количественный рост глобальных проблем заставляет страны искать собственные «ключи» их решения. Общая платформа международных организаций имеет «подводные камни» в виде пролонгации сроков решения глобальных рисков и угроз, нивелирования собственного суверенитета, поскольку субсидиарная воля наднациональных органов выступает приоритетом по отношению к собственным национальным интересам.

2. Неолиберальная концепта в условиях возрастания национальной идентичности заставляет страны принимать законодательные решения, оберегающие собственные границы от процессов нелегальной миграции.

3. Наличие кризисных явлений в экономике является триггером в использовании принципов изоляционизма в мировой экономической системе. Наличие демпинга толкает страны на использование ограничительных мер и политики импортозамещения.

4. Наличие собственного курса страны, диктуемого международной повесткой дня (на примере РФ). Поскольку Российская Федерация оказалась в сложной ситуации санкционных мер, исключения

из ряда международных форматов, то во внутренней политике она стала руководствоваться приоритетом норм национального права над международным.

5. Существует противоречие между равным и неравным статусом участников международного сообщества, т. е. фактически происходит процесс сужения геополитической карты мира за счет «давления» ключевых акторов на международной арене над периферийными игроками. В этих обстоятельствах менее значимые страны начинают руководствоваться собственными правилами игры в соответствии со своим национальным суверенитетом.

Ответ на вопрос по поводу сильных и слабых сторон укрепления национального суверенитета позволяет сделать выводы, что:

1) преимуществом укрепления собственного государственного суверенитета является наличие собственного «сценария» решения проблем, что не нарушает равновесие своих национальных интересов;

2) минусом укрепления государственного интереса является наличие меньших возможностей при воздействии глобальных проблем;

3) укрепление суверенных полномочий несет в себе проблему демонстрации государством на международной арене собственного эгоизма, в том числе на уровне “hard power” и отказом от политики многостороннего формата.

Список литературы

1. Шмидт С. Ф. Деглобализация и ресуверенизация: двойной мегатренд 2010-х // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 26. С. 5–20. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.26.5>.

2. Князев Ю. К. Деглобализация: временно или навсегда? // Свободная мысль. 2022. № 1(1691). С. 35–42.

3. Воронков А. Н., Чеботарев В. С., Рудаков С. А. Влияние деглобализации мировой экономики на экономическую безопасность России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 3(51). С. 226–234. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-3-22>.

4. Palmer T. Globalization and culture: homogeneity, diversity, identity, liberty. Potsdam, The Liberal Institute of the Friedrich Naumann Foundation, 2004. 30 p.

5. Попанова А. А. Национальные интересы как основание государственного суверенитета // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2019. Т. 35, № 3. С. 175–180.

6. Калугина Т. Н. Внешняя политика и деглобализация // Вестник МГИМО Университета. 2022. Т. 15, № 2. С. 218–225. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-218-225>

7. Джейкобс Г. Политическая экономия неолиберализма и нелиберальная демократия // Мир перемен. 2018. № 1. С. 8–21.

8. Михалева С. С. Суверенитет государств – членов Европейского союза и прямое действие норм Европейского союза // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник материалов X научно-практической конференции / отв. за вып. Е. С. Недосекова. М.: Российская таможенная акад., 2022. С. 445–448.

9. Басов Ф. А. Антироссийские санкции как тест для общей внешней политики Евросоюза // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 10. С. 55–63. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-10-55-63>.

10. Мальцева Ю. В. Регламент «Дублин III»: актуальные вопросы реализации // Актуальные проблемы права: материалы V Международной научной конференции. М.: Буки-Веди, 2016. С. 187–189.

11. Лебедева М. М. Влияние пандемии COVID-19 на мировую политику // Вестник МГИМО Университета. 2022. Т. 15, № 1. С. 92–110. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110>.

12. Баева М. А., Кнобель А. Ю. Ограничительные торговые меры во время пандемии коронавируса и их соответствие нормам ВТО // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27, № 9. С. 32–38.

13. Жильцов С. С. Пандемия COVID-19: глобальная перезагрузка политического и экономического развития // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8, № 4. С. 414–424. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-4-414-424>.

14. Романова В. В., Закиров Б. Б., Рашев Е. М. Внешняя политика современной России по укреплению добрососедских взаимоотношений с государствами-участниками СНГ // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11, № S3. С. 119–121.

15. Glushchenko V. V. Neurotechnologies in geopolitics, management, economics during the global crisis and hybrid wars. Part 1 // Вопросы безопасности. 2022. No. 2. P. 24–40. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2022.2.38194>.

16. Никулин Е. Н., Данельян А. А. Эволюция нормативно-правовых и организационных основ деятельности Всемирной торговой организации // Образование и право. 2017. № 5. С. 118–124.

17. Тимощенко Е. А. Право ВТО как инструмент регулирования международной торговли // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: сборник

статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции. Т. 2 (8), ч. 1. М.: Интернаука, 2018. С. 94–97.

18. Новикова А. В., Кривцова М. В. Особенности и результаты реализации политики импортозамещения основных средств в РФ // Конкуренентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2016. № 9-3(25). С. 237–241.

19. Ососко Я. С., Иванова А. Е. Торговые войны: историко-экономический аспект // Научные записки молодых исследователей. 2019. Т. 7, № 4. С. 5–10.

20. Ivanova A. G., Burganova I. N., Sheshukova G. V. Perspectives on terrorism, culture, and globalization: a comprehensive review of the contemporary scholarship // Journal of History Culture and Art Research. 2020. Vol. 9, no. 1. P. 182–194. <https://doi.org/10.7596/taksad.v9i1.2444>.

21. Дудорова А. С., Маркова Н. М. Запрет ношения хиджаба в российских школах: история развития конфликта // Научный журнал. 2019. №6 (40). С. 58–61.

References

1. Schmidt S. F. Deglobalizaciya i resuverenizaciya: dvojnoj megatrend 2010-h [Deglobalization and resuverenization: a double megatrend of the 2010s]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie = Izvestiya Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*, 2018, vol. 26, pp. 5–20. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.26.5>

2. Knyazev Yu. K. Deglobalizaciya: vremennno ili navsegda? [Deglobalization: temporarily or permanently?]. *Svobodnaya mysl' = Free Thought*, 2022, no. 1(1691), pp. 35–42.

3. Voronkov A. N., Chebotarev V. S., Rudakov S. A. Vliyanie deglobalizacii mirovoj ekonomiki na ekonomicheskuyu bezopasnost' Rossii [The impact of the globalization of the world economy on the economic security of Russia]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki = Izvestiya of higher educational institutions. Volga region. Social sciences*, 2019, no. 3(51), pp. 226–234. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-3-22>

4. Palmer T. Globalization and culture: homogeneity, diversity, identity, liberty. Potsdam, The Liberal Institute of the Friedrich Naumann Foundation, 2004. 30 p.

5. Popanova A. A. Nacional'nye interesy kak osnovanie gosudarstvennogo suvereniteta [National interests as the basis of State sovereignty]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Kadyrova = Bulletin of the Chechen State University named after A. A. Kadyrov*, 2019, vol. 35, no. 3, pp. 175–180.

6. Kalugina T. N. Vneshnyaya politika i deglobalizaciya [Foreign policy and globalization]. *Vestnik MGIMO Universiteta = Bulletin of MGIMO University*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 218–225. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-218-225>

7. Dzhejkobs G. Politicheskaya ekonomiya neoliberalizma i neliberal'naya demokratiya [The political economy of Neoliberalism and illiberal democracy]. *Mir peremen = A world of change*, 2018, no. 1, pp. 8–21.

8. Mihaleva S. S. Suverenitet gosudarstv – chlenov Evropejskogo soyuza i pryamoe dejstvie norm Evropejskogo soyuza [Sovereignty of the member States of the European Union and the direct effect of the norms of the European Union]. *Aktual'nye problemy yuridicheskoy nauki i pravoprimeritel'noj praktiki. Sbornik materialov X nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual problems of legal science and law-applied practice. Collection of materials of the X scientific

and practical conference]; ed. by E. S. Nedosekova. Moscow, Rossijskaya tamozhennaya akad. Publ., 2022, pp. 445–448.

9. Basov F. A. Antirossijskie sankcii kak test dlya obshchej vneshnej politiki Evrosoyuza [Anti-Russian sanctions as a test for the common foreign policy of the European Union]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 10, pp. 55–63. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-10-55-63>

10. Mal'ceva Yu. V. Reglament "Dublin III": aktual'nye voprosy realizacii [Regulations "Dublin III": actual issues of implementation]. *Aktual'nye problemy prava. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Actual problems of law. Materials of the V International Scientific Conference]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2016, pp. 187–189.

11. Lebedeva M. M. Vliyanie pandemii COVID-19 na mirovuyu politiku [The impact of the COVID-19 pandemic on world politics]. *Vestnik MGIMO Universiteta = Bulletin of MGIMO University*, 2022, vol. 15, no 1, pp. 92–110. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110>

12. Baeva M. A., Knobel' A. Yu. Ogranichitel'nye torgovye mery vo vremya pandemii koronavirusa i ih sootvetstvie normam VTO [Restrictive trade measures during the coronavirus pandemic and their compliance with WTO rules]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Economic development of Russia*, 2020, vol. 27, no. 9, pp. 32–38.

13. Zhil'cov S. S. Pandemiya COVID-19: global'naya perezagruzka politicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya [COVID-19 pandemic: Global reset of political and economic development]. *Problemy postsovetskogo prostranstva = Problems of the post-Soviet space*, 2021, vol. 8, no. 4, pp. 414–424. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-4-414-424>

14. Romanova V. V., Zakirov B. B., Rashev E. M. Vneshnyaya politika sovremennoj Rossii po ukrepleniyu dobrososedskih vzaimootnoshenij s gosudarstvami-uchastnikami SNG [The foreign policy of modern Russia on strengthening good-neighborly relations with the CIS member states]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk = Actual problems of humanities and socio-economic sciences*, 2017, vol. 11, no. S3, pp. 119–121.

15. Glushchenko V. V. Neurotechnologies in Geopolitics, Management, Economics during the Global crisis and hybrid Wars. Part 1. *Voprosy bezopasnosti = Security Issues*, 2022, no. 2, pp. 24–40. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2022.2.38194>

16. Nikulin E. N., Danel'yan A. A. Evolyuciya normativno-pravovyh i organizacionnyh osnov deyatelnosti Vsemirnoj torgovoj organizacii [Evolution of the regulatory and organizational foundations of the World Trade Organization]. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2017, no. 5, pp. 118–124.

17. Timoshchenko E. A. Pravo VTO kak instrument regulirovaniya mezhdunarodnoj trgovli [WTO law as an instrument for regulating international trade]. *Teoreticheskie aspekty yurisprudencii i voprosy pravoprimeneniya. Sbornik statej po materialam VIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Theoretical aspects of jurisprudence and law enforcement issues. Collection of articles based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Internauka Publ., 2018, vol. 2 (8), pt. 1, pp. 94–97.

18. Novikova A. V., Krivcova M. V. Osobennosti i rezul'taty realizacii politiki importozameshcheniya osnovnyh sredstv v RF [Features and results of the implementation of the policy of import substitution of fixed assets in the Russian Federation]. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in the global world: economics, science, technology*, 2016, no. 9-3(25), pp. 237–241.

19. Ososko Ya. S., Ivanova A. E. Torgovye vojny: istoriko-ekonomicheskij aspekt [Trade wars: historical and economic aspect]. *Nauchnye zapiski molodyh issledovatelej = Scientific notes of young researchers*, 2019, vol. 7, no. 4, pp. 5–10.

20. Ivanova A. G., Burganova I. N., Sheshukova G. V. Perspectives on terrorism, culture, and globalization: a comprehensive review of the contemporary scholarship. *Journal of History Culture and Art Research*, 2020, vol. 9, no. 1, pp. 182–194. <https://doi.org/10.7596/taksad.v9i1.2444>

21. Dudorova A. S., Markova N. M. Zapret nosheniya hidzhaba v rossijskikh shkolah: istoriya razvitiya konflikta [The ban on wearing the hijab in Russian schools: the history of the conflict]. *Nauchnyj zhurnal = Scientific Journal*, 2019, no. 6 (40), pp. 58–61.

Информация об авторе / Information about the Author

Бурганова Инна Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация,
e-mail: burganovain@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-3634-1141,
Researcher ID: AAW-1004-2020

Inna N. Burganova, Candidate of Sciences (Political), Associate Professor of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Studies, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation,
e-mail: burganovain@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-3634-1141,
Researcher ID: AAW-1004-2020

«Легкомысленные» верующие и «несовременные» уставы: к вопросу о деформации традиционных православных практик в позднесоветский период

А. В. Апанасенок¹ ✉

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы исследования связана с важностью историографического осмысления закономерностей развития традиционной конфессиональной культуры в условиях советской модернизации, а также необходимостью уяснения места православия в жизни советского социума позднесоветского периода.

Цель исследования: анализ изменений, произошедших в обрядовых практиках Руской православной церкви в позднесоветский период

Задачи: рассмотреть социокультурные предпосылки деформации культовой жизни православного сообщества, выявить особенности изменения наиболее распространенных православных практик, охарактеризовать причины этих изменений.

Методология. В процессе формирования фактологической базы статьи автором использовались традиционные методики архивной работы, а также методы полевых исследований – анкетирование, интервьюирование. Для систематизации данных применялись методы описания и исторической индукции, историко-статистический, историко-генетический методы.

Результаты. В работе рассмотрены социокультурные последствия воплощения социалистического проекта обновления общества в позднесоветский период, определившие изменения в отношении православно-ориентированных граждан к культовой жизни, проанализированы изменения в организации наиболее распространенных православных обрядов: крещения, церковного погребения, исповеди, исследованы причины изменения их традиционных форм.

Выводы. В статье делается вывод о том, что основные векторы деформации православных обрядов в позднесоветский период были связаны с приданием им секретного или заочного характера, сокращением, а также профанацией. Соответствующие изменения были обусловлены не только искусственными и естественными ограничениями, с которыми оказалась связана церковная жизнь, но и отсутствием систематических знаний о таинствах и догматике у подавляющего большинства прихожан.

Ключевые слова: история СССР; позднесоветский период; православные обряды; религиозные практики.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Апанасенок А. В. «Легкомысленные» верующие и «несовременные» уставы: к вопросу о деформации традиционных православных практик в позднесоветский период // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 119–132. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-119-132>.

Поступила в редакцию 30.06.2023

Принята к публикации 26.07.2023

Опубликована 30.08.2023

© Апанасенок А. В., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(4): 119–132

"Frivolous" Believers and "Non-Modern" Rules: on the Issue of Traditional Orthodox Practices Deformation in the late Soviet Period

Alexander V. Apanasenok¹ ✉

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/52 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research topic is connected with the importance of historiographical understanding of the patterns of traditional confessional culture development in the conditions of Soviet modernization, as well as the need to clarify the place of Orthodoxy in the life of Soviet society of the late Soviet period.

The purpose of the study: to analyze the changes that occurred in the rites of the Russian Orthodox Church in the late Soviet period

Objectives: to consider the socio-cultural prerequisites for the deformation of the Orthodox community cult life, to identify the features of changes in the most common Orthodox practices, to characterize the causes of these changes.

Methodology. In the process of forming the factual base of the paper the author used traditional methods of archival work, as well as methods of field research - questioning, interviewing. Methods of description and historical induction, historical-statistical, historical-genetic methods were used to systematize the data.

Results. The paper examines the socio-cultural consequences of the socialist project of the renewal of society implementation in the late Soviet period, which determined the changes in the attitude of Orthodox-oriented citizens to religious life, analyzes the changes in the organization of the most common Orthodox rites – baptism, church burial, confession, investigates the causes of changes in their traditional forms.

Conclusions. The author concludes that the main vectors of deformation of Orthodox rites in the late Soviet period were associated with giving them a secret or correspondence character, reduction, as well as profanation. The corresponding changes were caused not only by the artificial and natural limitations with which church life was connected, but also by the lack of systematic knowledge about the mysteries and dogmatics of the overwhelming majority of parishioners.

Keywords: history of the USSR; late Soviet period; Orthodox rites; religious practices.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Apanasenok A. V. "Frivolous" Believers and "Non-Modern" Rules: on the Issue of Traditional Orthodox Practices Deformation in the late Soviet period. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 119–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-119-132>

Received 30.06.2023

Accepted 26.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

Традиционная конфессиональная культура в советскую эпоху столкнулась со множеством вызовов. Один из них – самый очевидный – оказался связан с ярко выраженной антирелигиозной позицией власти. Непосредственная борьба последней с «религиозными пережитками»

(которая в довоенный период выражалась в «воинствующем безбожии» и принудительном свертывании вероисповедных практик, а в послевоенное время – в системном ограничении прав церкви и верующих, а также массовом атеистическом воспитании) обстоятельно описана в научной литературе [1; 2; 3]. Однако имелись и другие факторы, несшие угро-

зу для конфессионального уклада, они были связаны с модернизационными процессами.

Еще с 1960-х гг. в научном мире под модернизацией принято понимать целенаправленную политику государства и сознательные усилия общества по обновлению и осовремениванию экономической, политической и социокультурной практики [4, р. 2]. Обычно она сопровождается урбанизацией и экспансией «городской» культуры, рационализацией картины мира, растущим доверием к науке, секуляризацией общественной жизни и уменьшением роли религиозных организаций. Это процесс, через который прошли в XIX–XX вв. Европа и Северная Америка, а также (хотя и в меньшей степени) некоторые другие регионы и страны мира [5; 6]. Независимо от отношения к религии со стороны власти модернизационные процессы в конечном итоге ограничивали место конфессиональной культуры в повседневной жизни граждан (подданных) той или иной страны, постепенно редуцируя общепринятые конфессиональные практики, оттесняя их на обочину повседневной жизни [7]. Модернизационные процессы влияют на традиционную культуру медленнее, чем адресные репрессивно-ограничительные меры государства, однако это влияние, как правило, более фундаментально.

Отечественная модернизация, с одной стороны, соответствовала вышеперечисленным признакам, а с другой – сознательно направлялась архитекторами советского проекта как сила, призванная разрушить традиционный конфессионально-бытовой уклад. Например, городская застройка в Советском Союзе преследовала цель не только разместить максимально возможное количество граждан в новых многоэтажных домах, но и сформировать для них совершенно новую культурную среду, в которой уже ничего не напоминало бы о традиционном, основанном на конфессиональных ценностях образе жизни. Впрочем, попытки вытес-

нить последний предпринимались и на уровне уже существовавших районов малых и средних городов, а также поселков. В 1960–1980-е гг. населенные пункты СССР активно застраивались новыми советскими сооружениями. Во многих случаях перестраивался исторический центр города или поселка, где прежде архитектурными доминантами выступали православные церкви. Теперь такими доминантами становились дворцы культуры, дворцы пионеров, дома советов, мемориальные комплексы и т. п. [8, с. 104–106] Новый городской ландшафт – продукт и в то же время фактор советской модернизации – часто не оставлял видимого места конфессиональным традициям.

Распространение современной нуклеарной семьи (которая постепенно начала доминировать над традиционной большой семьей и предполагала ослабление межпоколенческих связей), научно-атеистический характер образования и аналогичная ориентация учреждений культуры также явились вызовами модернизации по отношению к традиционному конфессионально-бытовому укладу. Последний мог поддерживаться с помощью семейного воспитания, однако для этого требовался достаточно высокий уровень «конфессиональной грамотности» у старших членов семей. У многих таковой отсутствовал: комментируя влияние модернизационных процессов на состояние православной культуры в позднем СССР, Д. В. Поспеловский говорит о фактической капитуляции значительной части старшего поколения в деле ретрансляции конфессиональных традиций [1, с. 397].

Все эти явления, наряду с нехваткой церквей и давлением власти, препятствовали воспроизводству религиозных практик в их «классической», принятой в предыдущие столетия форме. Неудивительно, что даже те граждане среднего и молодого возраста, которые в позднесоветский период продолжали считать себя верующими, уже не имели достаточной

«квалификации» в качестве прихожан. «Настольная книга священнослужителя» в 1983 г. указывала, что духовенство РПЦ постоянно сталкивается с такими «печальными фактами, как незнание основных молитв и Символа веры, непонимание смысла молитвенных таинств», а также с отсутствием церковной дисциплины, которое выражается в нерегулярном посещении служб, молчании во время общей молитвы [9, с. 268].

Естественно, что в изменившихся условиях не могли оставаться неизменными сложившиеся в предыдущие столетия формы церковной жизни, в том числе наиболее распространенные обряды. Процесс их изменения пока что слабо отражен в научной литературе. Между тем осмысление этого феномена довольно важно с точки зрения выявления закономерностей эволюции церковной жизни в Советском Союзе. В данной статье автор поставил перед собой цель проанализировать изменения, произошедшие в обрядовых практиках Руской православной церкви в позднесоветский период. Этот период оказался отмечен относительной стабильностью в государственно-церковных взаимоотношениях, что делает анализ информативным с точки зрения выявления естественных векторов эволюции внутрицерковной жизни. При этом предполагается рассмотреть социокультурные предпосылки деформации культовой жизни православного сообщества страны, выявить особенности изменения наиболее распространенных православных практик, охарактеризовать причины этих изменений.

Методология

В ходе формирования источниковой базы автором использовались документы Совета по делам религий (СДР) при Совете Министров СССР, содержащие разнообразные сведения о конфессиональных явлениях в жизни страны в 1960–1980-е гг. Архивные материалы были дополнены работами отечественных социо-

логов, в период позднего СССР отслеживавших пути эволюции православного сообщества, а также обширным трудом представителей Русской православной церкви – «Настольной книги священнослужителя». Последняя издавалась Московской патриархией в конце 1970-х – 1980-е гг. и является очень информативным источником по истории внутрицерковной жизни (в нашем случае весьма полезен оказался четвертый том указанного издания, изданный в 1983 г.). Значительный массив данных о функционировании православной культуры в Советском Союзе 1960–1980-х гг. был получен с использованием метода опросов (анкетирование, интервьюирование) представителей старшего поколения граждан России (в прошлом – граждан СССР), проживающих на территории Курской, Белгородской и Орловской областей. В 2021 г. автором статьи было организовано анкетирование на тему «Православные традиции в СССР», в ходе которого соответствующие анкеты заполнили 144 человека в возрасте от 52 до 88 лет. В анкету было включено 20 вопросов, ориентированных на выяснение особенностей бытования православной культуры в жизни «обычных» граждан СССР. Среди них были вопросы: «Сохранялись ли в Вашей семье православные традиции? Какие именно?», «Когда Вас крестили? По чьей инициативе? Каковы были мотивы крещения?», «Знаете ли (помните ли), как был организован процесс крещения?» и т. д. Семь граждан, заполнивших анкету в 2021 г., дополнительно дали интервью с целью предоставления более развернутых ответов на сформулированные вопросы. Эти ответы также были учтены при подготовке статьи.

Для обработки и интерпретации полученных сведений автором использовались методы описания и исторической индукции, а также историко-статистический и историко-генетический методы.

Результаты и их обсуждение

«Какие бы составляющие современного православного культа, используемого Московской патриархией, мы ни рассмотрели, практически везде можно обнаружить сочетание старого и нового», – писал в 1988 г. автор книги «Современное русское православие» Н. С. Гордиенко [10, с. 275]. Действительно, в позднесоветский период стало очевидно, что многие традиционные религиозные практики деформировались под влиянием тех изменений, которые произошли в обществе.

Весьма информативной с точки зрения исследования эволюции культовой жизни православно ориентированных граждан СССР является история обряда крещения. Общеизвестно, что в христианском мире этот обряд является первым и при этом важнейшим для приобщения к церкви таинством. Совершение его над ребенком проявляет если не веру, то как минимум сохраняющуюся культурную связь родителей с православием. В Советском Союзе этот обряд проводился чаще, чем любой другой [11, с. 179]. Например, в аналитической справке Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1967 г. говорилось, что на него приходится около половины всех религиозных обрядов, совершаемых в стране, а также что крещение «по своему религиозному воздействию... оказывает наиболее вредное влияние» на молодежь с точки зрения ее атеистического воспитания, т. к. создает предпосылки для последующей церковной жизни [12, л. 105]. Даже если представители СДР несколько преувеличивали долю крещений в структуре всех обрядов, трудно поспорить с самым утверждением об исключительной значимости этого христианского таинства.

Крещение, будучи самым распространенным обрядом, совершавшимся в отношении большинства проживавших в традиционно православных регионах СССР граждан, не могло не отразить осо-

бенности эволюции религиозной жизни масс. Н. Шлихта, анализируя изменения, произошедшие в хрущевский период в практике крещения в СССР, указывает на стремительный рост количества секретных (т. е. не регистрировавшихся официально) обрядов, распространение практик крещения не-младенцев и коллективного введения в Церковь [13, с. 384–386]. Эти явления неплохо отражены в анкетах, собранных в ходе наших полевых исследований. Так, из 95 информантов, что-либо знавших и написавших об обстоятельствах первого таинства в своей жизни, 34 указали, что были крещены в домашних условиях. 17 человек заметили, что были крещены не сразу, а «в детстве» (указывался возраст от 1 года до 8 лет). Некоторые особо подчеркнули секретность обряда. Как написала выпускница института марксизма-ленинизма, в конце 80-х годов сжегшая свой диплом и ставшая примерной прихожанкой одного из курских храмов, «крещена была в 7 лет. Крещение было проведено... с помощью тетушек. Все было покрыто тайной, отец был парторгом в колхозе»¹. Слова «тайно» и «секретно» («тайное», «в тайне», «в секрете») при описании этого обряда встретились в 29 анкетах. В некоторых случаях говорится о том, что в тайне сохранялись имена восприемников. «Крестили на дому у подруги бабушки, так как она открыто ходила в храм, и священник приходил к ней домой. Кто был восприемниками – не знаю. Были “названные” крестные – моя тетья и первый тренер отца»².

Про коллективное крещение упоминается в шести анкетах, причем описаны случаи такового как в домашних условиях, так и в храме. Например, уроженка

¹ Анкета Н. Я. Надеиной, 1942 г.р. // Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940 – 1980-е гг.» 2021 (анкеты) (далее – АП СИПР, 2021 (а)).

² Анкета С. В. Пискаревой, 1964 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

г. Орла вспомнила, что была крещена в возрасте шести лет (в 1967 г.) в деревне у родственников. Там не было действующей церкви, но периодически приезжал священник. «Он останавливался в каком-либо доме, а люди привозили туда детей покрестить. Нас было несколько во время крещения»¹. Курянин 1970 г.р. (крещеный примерно в таком же возрасте во время поездки на Украину) во время интервью в 2021 г. вспомнил, что его крестили одновременно с довольно большим количеством людей («несколько младенцев, еще пара рябят примерно моего возраста и один пожилой мужчина»)².

Серьезные деформации, которые переживал обряд крещения из-за нехватки священнослужителей и стремления граждан к секретности, лаконично описаны в информационном отчете СДР 1972 г. В частности, тут можно обнаружить такие строки: «В некоторых местах еще имеют место случаи совершения тайных обрядов заштатными священниками, монашескими и просто верующими фанатиками. В Архангельском соборе одна женщина поинтересовалась, как окрестить ребенка, не являясь в храм. Старушка, продававшая свечи, объясняла: пусть окрестит бабушка, а потом привезете ребенка, и священник сделает только миропомазание. Для крещения на дому нужно взять в церкви "святой" воды. Так давно делаем» [14, л. 222].

Описанные явления – секретность обряда, крещение не-младенцев, распространившиеся в рассматриваемый период, были в значительной мере обусловлены государственной антирелигиозной политикой. Коллективный характер некоторых таинств, вероятно, также вытекал из

искусственного ограничения количества священнослужителей, а также позволял гражданам не привлекать к себе особого внимания. Если говорить о деформациях, не связанных непосредственно с наличием государственного прессы, нужно отметить сокращение процедуры крещения и явное снижение требований, предъявляемых к крестным родителям. «Процесс крещения очень отличался от наших времен (современных): батюшка совершил помазание церковным маслом, прочитал буквально несколько молитв, надел крестик и все», – написала в анкете женщина 1971 г. р., крестившаяся в сознательном возрасте незадолго до распада СССР³. Судя по имеющимся данным, этот случай не был исключительным: процесс крещения представителей ее поколения часто оказывался довольно коротким. В той части «Настольной книги священнослужителя» (1983 г.), где описывается это таинство, можно найти подтверждение распространившегося сокращения священниками чина из-за «несовременности». В частности, здесь говорится: «Чинопоследование оглашения включает в себя обряд запрещения и изгнания нечистых духов (экзорцизм), следующий непосредственно за первой молитвой. Некоторые священники полагают, что эти запрещения являются “перезжитком” темного Средневековья, чуждым нашему просвещенному времени, и поэтому опускают большую часть запрещений». Заключается сетование категорическим предписанием: «Пропускать чин запрещения нечистых духов не следует не только при крещении взрослых, но и младенцев» [9, с. 218–219].

Вероятно, сокращение чина было связано не столько с подходом самих священнослужителей, сколько с уровнем церковного образования прихожан. Большинство из обратившихся за крещением своих детей, не будучи с детства приобщены к приходской жизни, не были

¹ Анкета Н. В. Зориной, 1961 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

² Запись беседы с Александром Васильевичем Т., 1970 г.р. // Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940 – 1980-е гг.» 2021 (интервью) (далее – АП СИПР, 2021 (и)).

³ Анкета А. В. Бугаковой, 1971 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

готовы к участию в длинных непонятных обрядах, содержание которых (например, в части отречения от злых духов) казалось им нелепым. Составители информационного отчета СДР за 1974 г. приводят в этом документе жалобы священников, сетовавших не только на духовную неподготовленность множества граждан к таинству, но и на незнание последними правил поведения в церкви [15, л. 104]. Распространенными были указания и на «легкомысленное» отношение к обряду со стороны людей, не являвшихся регулярными посетителями церковных служб, их жалобы на то, что церковные уставы «устарели» (т. е. не соответствуют требованиям современной жизни, в которой человек ведет светский образ жизни). «Они не прочь торжественно зарегистрировать своего ребенка, чтобы получить подарки от коллектива и после этого по совету верующих родственников понести ребенка в церковь», – читаем в аналитической справке СДР за 1968 г. характеристику распространенного типажа граждан, комбинируя советские и православные ритуалы в отношении новорожденных [16, л. 80]. Описания такой модели поведения можно прочесть в публикациях советских социологов и религиоведов последующих лет [17; 18; 19]. Составляя значительную часть тех, кто обращался к священникам, люди с таким образом мысли вольно или невольно влияли на постепенную деформацию обряда.

Очевидно, те же самые причины определили и фактическое снижение уровня требований к восприимчивым (кумовьям), а также сказались на взаимодействии клириков с ними. Как известно, в соответствии с каноническими предписаниями восприимчивыми могут выступать верующие люди православного исповедания, сознательно вникающие в смысл Священного Писания, таинств и священнодействий церкви и понимающие смысл крещения в соответствии с церковным учением. Однако в 1983 г. автор соответствующего раздела «Настольной книги

священнослужителя» ограничивался предписанием клирикам выяснить, крещены ли будущие крестные родители и верят ли они в Бога [9, с. 235]. «На практике священнослужители никаких проверок на религиозность восприимчивым не устраивают, так как им заранее известно, что большинство крестных родителей ни с содержанием Библии не знакомы, ни Символа веры не знают, а некоторые вообще являются людьми неверующими и, следовательно, не будут осуществлять последующее религиозное воспитание своего крестника или крестницы», – писал по этому поводу уже упоминавшийся Н. С. Гордиенко [10, с. 289]. Не исключено, что, будучи автором-атеистом, он несколько сгустил краски, но в принципе отвергнуть справедливость его замечания трудно. Кроме уполномоченных СДР, регулярно отмечавших нетребовательность большинства граждан в деле подбора «кумовьев» (среди которых порой оказывались и далекие от церкви коммунисты) [12, л. 106–09], фактически подтвердили падение традиционной значимости фигур восприимчивых и опрошенные нами граждане. Характерно, что из множества респондентов, заполнивших нашу анкету в 2021 г., лишь один указал на значительную роль крестных родителей в деле его приобщения к православной культуре.

Другим обрядом жизненного цикла, испытывавшим существенное влияние модернизационных процессов, стали церковные похороны. Традиционные (очные) похороны стали сокращаться. Согласно канонам, при панихиде и погребении положено петь псалом 118, состоящий из разбитых на три части 176 стихов. На практике же во время панихиды в позднесоветский период этот псалом чаще всего не воспроизводился вообще, а на погребении исполнялись по 2-3 стиха из каждой части. Такого рода сокращения имели место и при прощании с умершим (во время «последнего целования») [10, с. 281].

Еще более значительный разрыв с традицией православной организации похорон произошел в силу распространения заочных отпеваний. Ритуал заупокойного богослужения составлен исходя из ситуации, когда священнослужитель совершает отпевание над покойником, находящимся в храме. Однако еще в 1930 г. Русской православной церкви пришлось пойти на исключительную меру: местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) и Св. Синод приняли постановление, разрешавшее приходскому духовенству совершать заочное отпевание «если этого требуют обстоятельства» [20, с. 1]. Обстоятельства требовали таких мер прежде всего тогда, когда у верующих не было возможности оперативно обратиться к священнослужителю либо они не хотели открыто демонстрировать такого рода обращения. В рассматриваемый нами период условия для резкого увеличения количества заочных отпеваний создала хрущевская антирелигиозная кампания, в ходе которой количество действующих церквей резко сократилось, а контроль за религиозной жизнью многих категорий граждан усилился. Видимо, в результате хрущевской антирелигиозной кампании количество заочных отпеваний стало превышать количество очных. По крайней мере, в 1970-е гг. это превышение было зафиксировано всесоюзной статистикой. Так, по данным СДР, в 1972 г. по церковному обряду было похоронено 48,6% умерших граждан, из них 15,9% были отпеты очно, а 32,7% – заочно. В 1977 г. очно было отпето 14,3%, заочно – 30% умерших [21, л. 12]. Здесь обращает на себя внимание весьма серьезная (более чем двукратная) разница между количеством заочных и очных отпеваний.

Популярность заочной церемонии отпевания в позднем СССР можно объяснить тем, что ее нельзя было контролировать. Кроме того, нужно вспомнить, что современной городской культуре (которая начала доминировать в СССР как раз

в рассматриваемый период) присуще стремление «отодвигать проблему смерти», а ее представителям – по возможности избегать вида мертвых и мыслей о них [22]. Думается, что многие граждане (особенно горожане), обращаясь к священникам для заочного отпевания умерших родственников, вольно или невольно исходили из такого рода мотивов. Это предположение подтверждается и «Настольной книгой священнослужителя», в 1980-е гг. фиксировавшей нежелание прихожан соприкасаться со смертью, но призывавшей все равно совершать чин погребения по уставу: «Мы стремимся поскорее уйти от гроба как неприятного зрелища смерти. По маловерию своему и духовной лени мы забываем, что нет ничего более утешительного для души усопшего, как теплое моление о нем близких и любящих его людей... Чин погребения, совершенный по уставу, без сокращений и искажений, облегчает скорбь близких...» [9, с. 281].

Еще одним характерным проявлением деформации православных практик в позднесоветский период стало распространение коллективной исповеди. Традиционное индивидуальное таинство покаяния во множестве случаев оказалось заменено массовыми актами, в ходе которых священник читал специальный текст, перечисляя вслух наиболее распространенные грехи, а верующие, пришедшие на исповедь, должны были в них каяться. В завершение обряда произносилась разрешительная молитва. В четвертом томе «Настольной книги священнослужителя» это явление представлено как данность [9, с. 244].

Говоря о генезисе этой деформации, надо отметить, что коллективная исповедь появилась достаточно давно. Она периодически практиковалась в дореволюционной России, однако рассматривалась как неординарное, обусловленное необычными обстоятельствами явление. Так, ввиду большого количества желавших попасть на исповедь к о. Иоанну

Кронштадтскому, Св. Синод разрешил знаменитому проповеднику проводить ее коллективно. Общая исповедь практиковалась во время массовых крестных ходов, а также у солдат во время боевых действий [23, с. 598–602]. Но о том, чтобы сделать общее исповедание повседневной нормой, подавляющее большинство священнослужителей в начале XX в. не думали. Например, из более полусотни членов Богослужебного отдела Поместного собора 1917–1918 гг. лишь четверо высказались за то, чтобы «узаконить» коллективную исповедь в таком качестве [24, с. 16]. Будущий патриарх Алексий на одном из заседаний Св. Синода в 1944 г. выражал обеспокоенность участвовавшими случаями коллективной исповеди, утверждая, что такое искажение чина опасно для церковной жизни. В частности, владыка говорил, что «небрежное отношение к исповеди влечет за собой такое же отношение к таинству причастия» [25, л. 100]. Против такого отступления от литургических традиций без крайней нужды выступали православные архиереи «старого закала» и в послевоенный период, что видно из документов весьма авторитетного митрополита Ленинградского Григория (Чукова) [26, л. 57].

Несмотря на обеспокоенность архиереев, масштабы коллективной исповеди в советский период росли, а во второй половине 1960-х гг. представители СДР стали указывать на широкое распространение этой практики. Такая деформация рассматривалась Советом как выражение стремления православного духовенства увеличить силу воздействия на прихожан, а также охватить максимальное количество людей. Чтобы подтвердить эти соображения, составители информационного отчета о состоянии православия в 1967 г. цитируют настоятеля церкви г. Майкоп, рассказывавшего, что на общую исповедь, особенно в первую неделю Великого поста, «ставится по 500–800 человек, которых священник призывает каяться в грехах и просить прощения. Такое обще-

ственное участие в покаянии оказывает на верующих более сильное воздействие, чем при индивидуальной исповеди. С другой стороны, общая исповедь достигает поголовного охвата верующих и дает большой доход церкви» [27, л. 35].

Помимо этого грубовато-наивного объяснения можно привести как минимум еще две причины, заставлявшие священников обращаться к общему исповедованию. Во-первых, в условиях дефицита храмов и нехватки клириков (которая стала ощущаться особенно остро по итогам хрущевской антирелигиозной кампании) оно порой оказывалось единственно возможной формой организации исповеди для большого количества прихожан. Во-вторых, эта форма давала возможность одновременно проводить своеобразный церковный «кликбиз» для людей, бывавших на богослужениях редко. Религиозное просвещение граждан в стенах храма приветствовалось церковным руководством: было понятно, что наряду с глубоко верующими людьми сюда приходят и люди, мало приобщенные к церковной жизни, в том числе собравшиеся совершить свою первую в жизни исповедь. В пособии для священнослужителей подчеркивалось, что большинство прихожан относится к категории мало- или среднеквалифицированных рабочих, служащих и крестьян, не искушенных в тонкостях христианского учения, «совершенно лишенных систематических знаний о Церкви, таинствах и догматике». В таких условиях пастырь в первую очередь должен был «за каждой исповедью стараться хотя бы в минимальной степени разъяснять основные истины христианства» [9, с. 249].

Возвращение к традиционным практикам исповеди зависело не только от церковных кругов, но и от самих прихожан. Последние, видимо, в большинстве своем не были к этому готовы, на что указывают и результаты наших полевых исследований. В текстах анкет, обработанных нами в 2021 г., слова «исповедь»

и «покаяние» встретились всего 11 раз. Возможно, такая статистика свидетельствует о том, что соответствующее таинство (несмотря на свою неразрывную связь с таинством причастия) обычно не рассматривалось заполнявшими анкеты людьми как один из центральных элементов в их церковной жизни. При этом в четырех случаях информантами была отмечена их неготовность исповедоваться в советское время («к исповеди ходить стеснялась», «ходили на службу без исповеди», «бабушка звала на исповедь, но я не решалась», «исповедоваться не знал как»). Видимо, следует отчасти согласиться с автором изданной в 1989 г. книги «Современное русское православие», написавшим, что общая исповедь практикуется не только по инициативе приходского духовенства, стремящегося сэкономить время, но и по настоянию прихожан, не умеющих или не желающих исповедоваться поодиночке» [10, с. 291].

«Дух времени» отразился не только на форме исповеди, но и на ее содержании. Судя по текстам пособия для священнослужителей, в позднесоветский период священнослужителям предлагалось во время исповеди обстоятельно обсуждать с прихожанами вопросы, ставшие актуальными именно в советский период. Среди них значились проблемы отношения к коллективной (или государственной) собственности, спекуляции, разводов, аборт [9, с. 272–280].

Впрочем, трансформация православных практик в позднесоветский период не всегда выражалась в их редукции или «осовременивании». Стремление верующих защитить свое право на конфессиональную жизнь порой выражалось в проведении богослужебных церемоний мирянами. Чаще всего эти церемонии организовывались подпольно в закрытых церквях (многие из которых, будучи конфискованными во время хрущевской антирелигиозной кампании, никак не использовались) [13, с. 391]. Количество «захватов» пустующих церквей (в основ-

ном сельских) возрастало во время церковных праздников, прежде всего Рождества и Пасхи. Богослужения в этих случаях проводились мирянами из-за отсутствия духовенства или неготовности священников совершать незаконные (с точки зрения власти) действия. Указания на такие действия все чаще появляются в документах СДР в 1960–70-е гг. и к началу 1980-х гг. становятся нормой. Например, в информационной справке для ЦК КПСС, характеризующей празднование верующими Пасхи в 1983 г., можно прочитать, что «в ряде областей страны... наблюдались попытки верующих провести коллективные моления в закрытых церквях». Больше всего нелегальных молений было на Украине – судя по справке, такие факты на тот момент имели место в двадцати населенных пунктах республики [28, л. 85].

Естественно, такие «беспоповские» (по форме) практики мало соответствовали уставным требованиям, основываясь преимущественно на имеющихся у церковного актива представлениях о том, как должны проходить службы, а также на знании мирянами какого-то количества молитв. По существу, они означали профанацию богослужения – явление нежелательное, но вынужденное с точки зрения тех, кто оказывался его акторами.

Выводы

Итак, взгляд на бытование православной культуры в позднем СССР городе через призму наблюдений современников – исследователей, священнослужителей, обычных прихожан – убеждает, что традиционные конфессиональные практики были обречены на деформацию и/или редукцию. Социалистический проект обновления общества привел к формированию «безрелигиозных» городских ландшафтов, дефициту общения с представителями церкви и утверждению моделей секулярного поведения, падению уровня церковной грамотности даже у тех граждан, которые не переставали

считать себя верующими. Искусственные и естественные ограничения, с которыми оказалась связана церковная жизнь, отсутствие систематических знаний о таинствах и догматике у подавляющего большинства прихожан обусловили изменения в организации наиболее распространенных православных обрядов. Эти изменения ярко отразились в практиках православного крещения, погребения, исповеди.

Нехватка священнослужителей, а также нежелание граждан афишировать свое участие в церковной жизни обусловили стремительный рост количества секретных (т. е. не регистрировавшихся официально) обрядов, распространение практик крещения не-младенцев, коллективного крещения и коллективной исповеди, а также заочного отпевания.

Падение уровня церковного образования большинства прихожан, их стремление выглядеть «современными» людьми привело к сокращению процедуры крещения и явному снижению требова-

ний, предъявляемых к крестным родителям. Большинство граждан, обратившихся в церковь для крещения своих детей, родителей и их будущих «кумовьев», не будучи с детства приобщены к приходской жизни, оказывались не готовы к участию в длинных обрядах, содержание которых местами казалось им нелепым. В силу той же причины стали сокращаться и традиционные (очные) церковные похороны.

Впрочем, трансформация православных практик в позднесоветский период не всегда выражалась в их редукции или «современивании». Стремление верующих защитить свое право на свободу вероисповедания при нехватке действующих храмов порой выражалось в проведении богослужебных церемоний мирянами. Такие факты указывали, с одной стороны, на нереализованную тягу какой-то части граждан к православной культуре, а с другой – на разрушительные процессы в традиционной церковной жизни, приводившие в том числе к профанации.

Список литературы

1. Пospelовский Д. В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
2. Одинцов М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: ЦИНО, 2002. 310 с.
3. Шкаровский М. В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 478 с.
4. Eisenstadt S. Modernization: protest and change. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1966. 166 p.
5. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. М.: АСТ, 2004. 1237 с.
6. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
7. Кокс Х. Мирской Град. Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: Слово, 1995. 263 с.
8. Купцова И. А. Советский проект модернизации провинциальной культуры: достижения и издержки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 617. С. 104–106.
9. Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М.: Изд-во Московской патриархии, 1983. 824 с.
10. Гордиенко Н. С. Современное русское православие. Л.: Лениздат, 1988. 302 с.

11. Апанасенок А. В., Пудякова И. С. «Записывайте и в книгу, я не боюсь»: обряд православного крещения и советская культура в 1940–1980-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 177–190.
12. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. (Совет по делам религий при Совете Министров СССР).
13. Шлихта Н. В. «От традиции к современности»: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах УССР, 1950–1960-е гг.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. №3–4 (30). С. 380–407.
14. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801.
15. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305.
16. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 154.
17. Кобецкий В. Д. Обряд крещения как проявление религиозности // Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 161–173.
18. Серебряков Ю. Г. Религиозность сельского населения и задачи атеистической пропаганды. Чебоксары: ЧКИ, 1972. 39 с.
19. Филимонов Э. Беседы по вашей просьбе: что происходит с религией, ее обрядами и традициями в наши дни? // Известия. 1981. 8 октября.
20. О «заочном» отпевании умерших // Журнал Московской патриархии. 1931. № 4. С. 1.
21. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1828.
22. Вангородская С. А. Отношение к смерти в современном обществе: культурно-исторические особенности и влияние на самосохранительное поведение // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019, №3. С. 386–395.
23. Шавельский Г., протопресвитер. Православное пастырство. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1996. 679 с.
24. Киценко Н. Исповедь в советское время // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 10–33.
25. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2а.
26. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 34а.
27. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 152.
28. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2494.

References

1. Pospelovskij D. V. *Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke*. [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 511 p.
2. Odincov M. I. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom* [The Russian Orthodox Church in the XX Century: History, relations with the state and society]. Moscow, CINO Publ., 2002. 310 p.
3. Shkarovskij M. V. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Veche Publ., 2010. 478 p.

4. Eisenstadt S. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall Publ., 1966. 166 p.

5. Travin D., Marganiya O. *Evropejskaya modernizaciya* [European modernization]. Moscow, AST Publ., 2004. 1237 p.

6. Poberezhnikov I.V. *Perekhod ot tradicionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizacii* [Transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 240 p.

7. Koks X. *Mirskoj Grad. Sekulyarizaciya i urbanizaciya v teologicheskom aspekte* [Mirskoj Grad. Secularization and urbanization in the theological aspect]. Moscow, Slovo Publ., 1995. 263 p.

8. Kupcova I. A. *Sovetskij proekt modernizacii provincial'noj kul'tury: dostizheniya i izderzhki* [The Soviet project of modernization of provincial culture: achievements and costs]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Series: Humanities*, 2011, no. 617, pp. 104–106.

9. *Nastol'naya kniga svyashchennosluzhitelya* [The Clergyman's Handbook]. Vol. 4. Moscow, Izd-vo Moskovskoj Patriarii Publ., 1983. 824 p.

10. Gordienko N.S. *Sovremennoe russkoe pravoslavie* [Modern Russian Orthodoxy]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1988. 302 p.

11. Апанасенок А. В., Пудякова И. С. "Write it Down in the Book, I'm Not Afraid": The Rite of Orthodox Baptism and Soviet Culture in the 1940s – 1980s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, no. 12(3), pp. 177–190.

12. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. 6991, op. 5, g. 152.

13. Shlihta N. V. "Ot tradicii k sovremennosti": pravoslavnaya obryadnost' i prazdniki v usloviyah antireligioznoj bor'by (na materialah USSR, 1950-e – 1960-e gg.) ["From Tradition to Modernity": Orthodox Rites and celebrations in the conditions of anti-religious struggle (based on the materials of the Ukrainian SSR, 1950s – 1960s)]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom = State, religion, Church in Russia and abroad*, 2012, no. 3-4 (30), pp. 380–407.

14. GARF, f. 6991, op. 5, d. 801.

15. GARF, f. 6991, op. 5, d. 1305.

16. GARF, f. 6991, op. 5, d. 154.

17. Kobeckij V. D. *Obryad kreshcheniya kak proyavlenie religioznosti* [The rite of baptism as a manifestation of religiosity]. *Konkretno-sociologicheskoe izuchenie sostoyaniya religioznosti i opyta ateisticheskogo vospitaniya* [A concrete sociological study of the state of religiosity and the experience of atheistic education]. Moscow, MGU Publ., 1969, pp. 161–173.

18. Serebryakov Y. G. *Religioznost' sel'skogo naseleniya i zadachi ateisticheskoy propagandy* [The religiosity of the rural population and the tasks of atheistic propaganda]. Cheboksary, CHKI Publ., 1972. 39 p.

19. Filimonov E. *Besedy po vashej pros'be: chto proiskhodit s religiej, ee obryadami i tradiciyami v nashi dni?* [Conversations at your request: what is happening with religion, its rituals and traditions these days?]. *Izvestiya = News*, 1981, October 8.

20. О "zaochnom" otepevanii umershih [About the "correspondence" funeral service of the deceased]. *Zhurnal Moskovskoj patriarii = Journal of the Moscow Patriarchate*, 1931, no. 4, p. 1.

21. GARF, f. 6991, op. 5, d. 1828.
22. Vangorodskaya S. A. Otnoshenie k smerti v sovremennom obshchestve: kul'turno-istoricheskie osobennosti i vliyanie na samosohranitel'noe povedenie [Attitude to death in modern society: cultural and historical features and influence on self-preservation behavior]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo = Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 2019, no. 3, pp. 386–395.
23. Shavel'skij G., protopresviter. Pravoslavnoe pastyrstvo [Orthodox Pastoral care]. St. Petersburg, Izd-vo Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 1996. 679 p.
24. Kicenko N. Ispoved' v sovetskoe vremya [Confession in Soviet times]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom = State, religion, Church in Russia and abroad*, 2012, no. 3-4 (30), pp. 10–33.
25. GARF, f. 6991, op. 2, d. 2a.
26. GARF, f. 6991, op. 2, d. 34a.
27. GARF, f. 6991, op. 3, d. 152.
28. GARF, f. 6991, op. 6, d. 2494.

Информация об авторе / Information about the Author

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Sciences (Historical), Professor, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-133-148>

Электрификация оренбургского села в 1959–1965 годы

И. Н. Лопаткин, Р. Р. Хисамутдинова ✉

¹Оренбургское президентское кадетское училище
ул. Пушкинская, д. 63, г. Оренбург 460000, Российская Федерация

✉ e-mail: ivan-lopatkin1988@mail.ru,

Резюме

Актуальность. Огромная научная значимость обозначенной темы вызвана корреляцией процессов электрификации и модернизации советской деревни: широкое использование электричества позволило не только улучшить бытовые условия жизни крестьян, но и повысить производительность труда. Все это в совокупности оказывало влияние на общий уровень развития экономики и способствовало научно-техническому прогрессу. 1950–1960-е годы стали переломными применительно к рассматриваемой теме, поскольку именно тогда в сравнении с предыдущим периодом произошли количественные и качественные изменения: началась сплошная электрификация села за счет подключения колхозов и совхозов к высоковольтным централизованным электростанциям. Наиболее активно данный процесс шел в период осуществления семилетнего плана развития народного хозяйства, что обуславливает выбор хронологических рамок.

Цель исследования: изучить процесс электрификации оренбургского села в 1959–1965 годы. Под электрификацией села в данной работе понимается процесс распространения и использования электроэнергии в сельской местности: в производственных нуждах, в домовладениях, хозяйственно-бытовых помещениях, культурно-образовательных и медицинских учреждениях.

Задачи: составить периодизацию процесса электрификации оренбургского села в эпоху «оттепели»; выявить динамику обеспеченности колхозов и совхозов Оренбургской области электроэнергией; проследить развитие централизованного электроснабжения оренбургского села в 1959–1965 годы и увеличение протяженности линий электропередач; определить изменения суммарной выработки электроэнергии по Оренбургской области в рассматриваемый период.

Методология. В работе использовался комплекс общенаучных и специальных методов и принципов: принцип объективности, историзма, историко-сравнительный, хронологический, статистический и иные методы.

Результаты. В ходе исследования был всесторонне изучен процесс электрификации оренбургского села в 1959–1965 годы, выявлены его особенности, итоги и трудности.

Вывод. Сплошная электрификация оренбургского села, несмотря на ряд сложностей, позволила Оренбургской области не только преодолеть отставание от других административно-территориальных субъектов Южного Урала, но и полностью обеспечить колхозы и совхозы электроэнергией.

Ключевые слова: электрификация; сельское хозяйство; «оттепель»; колхозы; Оренбургская область.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Лопаткин И. Н., Хисамутдинова Р. Р. Электрификация оренбургского села в 1959–1965 годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 133–148. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-133-148>.

Поступила в редакцию 29.06.2023

Принята к публикации 26.07.2023

Опубликована 30.08.2023

Electrification of the Orenburg village in 1959-1965

Ivan N. Lopatkin, Ravilya R. Khisamutdinova¹ ✉

¹Orenburg Presidential Cadet School
Pushkinskaya Str., 63, Orenburg, 460000, Russian Federation

✉ e-mail: ivan-lopatkin1988@mail.ru

Abstract

Relevance. The enormous scientific significance of this topic is caused by the correlation of the processes of electrification and modernization of the Soviet village: the widespread use of electricity allowed not only to improve the living conditions of peasants, but also to increase labor productivity. All this together had an impact on the overall level of economic development and contributed to scientific and technological progress. The 1950s and 1960s. They became crucial in relation to the topic under consideration, because it was then that quantitative and qualitative changes took place in comparison with the previous period: the continuous electrification of the village began by connecting collective farms and state farms to high-voltage centralized power plants. This process was most active during the implementation of the seven-year plan for the development of the national economy, which determines the choice of chronological framework.

The purpose of the study: to study the process of electrification of the Orenburg village in 1959-1965. Rural electrification in this work is understood as the process of distribution and use of electricity in rural areas: in industrial needs, in households, household premises, cultural, educational and medical institutions.

Objectives: to make a periodization of the electrification process of the Orenburg village in the era of the "thaw"; to identify the dynamics of the provision of collective farms and state farms of the Orenburg region with electricity; to trace the development of centralized power supply of the Orenburg village in 1959-1965 and the increase in the length of power transmission lines; to determine changes in the total electricity generation in the Orenburg region during the period under review.

Methodology. The work used a set of general scientific and special methods and principles: the principle of objectivity, historicism, historical-comparative, chronological, statistical and other methods.

Results. In the course of the study, the process of electrification of the Orenburg village in 1959-1965 was comprehensively studied, its features, results and difficulties were revealed.

Conclusion. The continuous electrification of the Orenburg village, despite a number of difficulties, allowed the Orenburg Region not only to overcome the lag behind other administrative-territorial subjects of the Southern Urals, but also to fully provide collective farms and state farms with electricity.

Keywords: electrification of agriculture; "thaw"; continuous electrification; collective farms; Orenburg region.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Lopatkin I. N., Khisamutdinova R. R. Electrification of the Orenburg village in 1959-1965. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 133–148. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-133-148>

Received 29.06.2023

Accepted 26.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

Историографию обозначенной проблемы следует разделить на два периода: советский и современный. В рамках первого периода были созданы первые обобщающие работы, позволившие заложить основы научного исследования процесса электрификации [1; 2; 3]. Однако в данных работах имелись существенные недостатки: узкая источниковая база, однобокое изображение процесса элек-

трификации как череды непрерывных успехов и достижений, обусловленных продуманной политикой КПСС.

Современный период изучения обозначенной проблемы связан с расширением источниковой базы (из-за свободного доступа к архивным материалам) и критическим переосмыслением наследия советской историографии. Большую роль в изучение данного процесса внесли историки-аграрники и специалисты по ис-

тории «оттепели», которые создали обобщающие работы [4; 5; 6; 7]. Существенное развитие получила региональная история, в рамках которой развиваются такие важные аспекты аграрной истории Южного Урала, как освоение целины [8], материально-техническое обеспечение колхозов [9], уровень продовольственного обеспечения сельского населения [10], электрификация Южного Урала в послевоенное десятилетие [11; 12; 13]. Однако до сих пор отсутствуют работы, посвященные процессу электрификации оренбургского села эпохи «оттепели». Данная публикация, на наш взгляд, позволит заполнить этот пробел.

Методология

Исследование основано на комплексе принципов и методов (как общенаучных, так и специальных). Принципы историзма и объективности позволили на основе анализа совокупности источников непредвзято выявить исторические закономерности и факты в контексте конкретной эпохи. Историко-сравнительный метод позволил увидеть сходства и отличия в темпах электрификации Оренбургской области и иных субъектов, экономически и территориально принадлежащих к Южному Уралу. Хронологический метод дал возможность выделить ряд качественно отличающихся друг от друга периодов электрификации внутри обозначенных нами хронологических рамок. Также использовались статистический и иные методы.

Основой источниковой базы данного исследования стали, в первую очередь, неопубликованные источники, хранящиеся в Объединенном государственном архиве Оренбургской области: фонд Р-1014 (Исполнительный комитет Оренбургского областного Совета народных депутатов, г. Оренбург), Р-846 (Главное планово-экономическое управление исполнительного комитета Оренбургского областного Совета народных депутатов, г. Оренбург), Р-2600 (Оренбургский Совнархоз), Р-2258 (Районное энергетическое

управление «Оренбургэнерго» Министерства энергетики и электрификации СССР, г. Оренбург). Кроме того, были использованы опубликованные в советский период статистические материалы: «Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: Статистический сборник»; «Народное хозяйство Башкирской АССР. Статистический сборник. 1917–1967»; «Оренбургская область в цифрах. Статистический сборник»; «Оренбургская область за 50 лет советской власти. Статистический сборник». Сопоставление сведений из двух типов источников, представленных выше, позволило определить степень соответствия официальной информации реальному положению дел.

Результаты и их обсуждение

К 1950 г. в СССР электроэнергию получили 15% колхозов, 80% МТС, 76% совхозов. На Урале данные показатели составляли 28%, 64% и 86% соответственно [11, с. 69], т. е. в целом были выше общесоюзных [14, л. 8, 47]. Во второй половине 1950-х гг. потребление энергии в сельском хозяйстве возросло в 2,5–3 раза. Особенно массово этот процесс охватил уральские совхозы, более 93% из которых к 1960 г. стали электрифицированными. Показатели колхозов были более скромными и составляли 77%. Однако подобная картина была характерна, прежде всего, для Свердловской, Челябинской, Молотовской областей и Удмуртии. Оренбургская область по объемам электрификации заметно отставала. Кроме того, свыше 50% совхозов и 60% колхозов пользовались своими маломощными электростанциями, которые могли применяться только для освещения.

По показателям электрификации Оренбургская область отставала не только от промышленно развитых Свердловской, Челябинской областей и Удмуртии, но и от сельскохозяйственной Курганской. Так, в Курганской области к 1960 г. было электрифицировано 85,8% колхо-

зов, что на 2,6% больше, чем в Оренбуржье. Кроме того, курганские коллективные хозяйства были полностью подключены к источникам электроэнергии уже в 1965 г. (в Оренбургской области данный показатель составлял 98,5%) [15, с. 233–250]. При этом необходимо отметить, что к концу 1950-х гг. Оренбуржье перегнало Молотовскую область по показателям электрификации колхозов: 83,2% против 77% в 1960 г.; 98,5% против 96% в 1965 г. [16, с. 145] Отставание сохранялось только по обеспечению электроэнергией совхозов. В то же время Оренбургская область по электрификации колхозов сильно опережала Башкирию: более чем на 20% в 1960 г. и на 2,5% в 1965 г. [17, с. 56–57]

Можно выделить ряд проблем, оформившихся к началу 1950-х гг. и затруднявших процесс электрификации (часть из них не удалось преодолеть и к середине 1960-х гг.):

1) некачественная проектировка электростанций;

2) сдача в эксплуатацию энергетических объектов с существенными недочетами и неоправданное завышение стоимости электромонтажных работ для колхозов [18, с. 297];

3) отсутствие возможности использовать в полном объеме электроэнергию в производственных целях из-за маломощности электростанций (даже в 1965 г. свыше 70% электроэнергии колхозы получали от собственных электростанций) [19, с. 55; 20, с. 57];

4) отсутствие у колхозов, совхозов и МТС достаточного количества запчастей для ремонта и обслуживания электростанций;

5) нехватка квалифицированных специалистов;

6) обязанность колхозов осуществлять электрификацию за счет собственных средств, которых часто не хватало [21, л. 378–380];

7) наличие ограничений на строительство в колхозах электростанций, работающих на жидком топливе, и исполь-

зование централизованных государственных энергоисточников. Кроме того, вплоть до середины 1955 г. Областной Совет депутатов трудящихся не имел права выдавать разрешение колхозам осуществлять порубку деревьев под строительство ЛЭП, что очень сильно затягивало процесс электрификации. И только в июле 1955 г. Совет Министров РСФСР издал постановление № 910, наделявшее высшие исполнительные органы субъектов данным правом [22, л. 80–82].

Обозначенные выше проблемы требовали оперативного решения, поскольку от этого напрямую зависели темпы электрификации села.

Анализ архивных источников позволяет выделить два периода электрификации оренбургского села в эпоху «оттепели».

Первый – 1953–1959 гг. В 1953 г. было издано Постановление Совета Министров СССР «О проведении работ по электрификации колхозов путем присоединения к государственным энергосистемам, промышленным и коммунальным электростанциям», положившее начало процессу присоединения сельскохозяйственных потребителей к централизованным электросетям.

Второй – 1960–1965 гг. Данный период связан с реализацией семилетки, в рамках чего в 1960 г. началось составление плана сплошной электрификации Оренбургской области, в связи с этим Облплан запрашивал схематические карты районов с нанесенными на них электростанциями, трансформаторными подстанциями и линиями электропередач. Маломощные дизельные электростанции и коммунальные станции райцентров области были заменены высоковольтными централизованными, что позволяло использовать электроэнергию в производственных нуждах. В этот период полностью завершается электрификация оренбургского села. В данной публикации мы остановимся на рассмотрении второго этапа.

В июне 1959 г. Госплан СССР и Министрство сельского хозяйства СССР разработали и представили в ЦК КПСС предложения «О мерах по обеспечению выполнения плана электрификации сельского хозяйства на 1959–1965 гг.». В представленном проекте намечалось завершить электрификацию колхозов к 1965 г. Одновременно предполагалось провести работы по улучшению электроэнергетической базы хозяйств, электрифицированных ранее [3, с. 228].

В Оренбургской области после принятия мер по обеспечению выполнения плана электрификации сельского хозяйства в области механизации полеводства были достигнуты значительные успехи. Только за пять лет (1959–1965 гг.) энергетическая мощность сельского хозяйства увеличилась в 1,5 раза. Вместе с тем такая отрасль сельского хозяйства, как животноводство, занимающая большой удельный вес в затратах труда, по уровню и темпам механизации являлась наиболее отстающей отраслью сельскохозяйственного производства. Не была решена проблема механизации погрузочно-разгрузочных и транспортных работ на фермах, мало механизировано доение коров, подача воды на ферме, раздача кормов и другие трудоемкие процессы производства. Электрическая энергия, на базе которой должна была осуществляться механизация и автоматизация трудоемких работ на животноводческих фермах, применялась для этих целей в колхозах и совхозах недостаточно [23, л. 124].

Так, в Мустаевском районе вопросы механизации трудоемких процессов в животноводстве решались крайне медленно. В колхозах и совхозах района имелось 56 доильных агрегатов, а работало только 20 [23, л. 83].

К началу 1960 г. электрической энергией пользовались 93% совхозов и 40% колхозов страны. Около 17% электрифицированных колхозов не применяли электроэнергию в сельскохозяйственном производстве. На один колхоз, пользующийся электроэнергией, в среднем приходи-

лось только 9 электродвигателей, а свыше половины электрифицированных колхозов имели по 5 и менее электродвигателей. Между тем во многих передовых электрифицированных колхозах их уже работало по 40–54 штуки [24, л. 83]. Подобное положение, как отмечалось выше, было характерно и для Оренбургской области.

Задачи электрификации, решение которых отводилось на **второй выделенный нами период**, были сформулированы в перспективном плане потребностей сельского хозяйства Оренбургской области в электроэнергии на 1959–1965 гг., составленном Оренбургским Совнархозом в 1958 г.

В 1960 г. началось составление плана сплошной электрификации области, в связи с чем Облплан запрашивал схематические карты районов с нанесенными на них электростанциями, трансформаторными подстанциями и линиями электропередач [25, л. 4, 6].

Однако не все районы отреагировали на это требование оперативно. Так, например, у главы Домбаровского района такую карту пришлось запрашивать дважды [25, л. 4]. Но несмотря на подобные случаи уже к началу 1960 г. проект плана сплошной электрификации был отправлен в Оренбургское областное управление сельского хозяйства. План не был утвержден с первого раза, поскольку требовал ряд корректировок. Управление заявило о необходимости к 1963 г. завершить строительство Шильдинской и Айдерлинской трансформаторных подстанций, которые позволили снабжать электричеством целинные совхозы Адамовского, Кваркенского и Новоорского районов [25, л. 12]. Для завершения электрификации колхозов и совхозов Тепловского (Первомайского) и Ташлинского районов требовалось к 1964 г. завершить строительство ЛЭП и опорного пункта в с. Озерное, что изначально не входило в семилетний план. Все остальные пункты проекта были одобрены.

В 1960 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР было предложено определить наиболее экономичные источники электроснабжения для каждого колхоза и совхоза. Было намечено осуществить путем присоединения к существующим и вновь сооружаемым электросетям, а также к тяговым подстанциям электрифицированных участков и железных дорог.

В связи с письмом ЦК КПСС «О рациональном использовании электроэнергии в народном хозяйстве» в области была проведена определенная работа. На всех промышленных предприятиях разработаны конкретные мероприятия, направленные на экономию расходования электроэнергии. Их выполнение взяли под контроль партийные организации. Осуществлялся учет и нормирование электроэнергии по цехам и участкам. В принятых на 1960 г. социалистических обязательствах включены пункты по экономии электроэнергии. Инициаторами в этом соревновании выступали коллективы заводов: регенераторного, ремонтно-механического им. Красных партизан, инструментального [26, л. 1]. На регенераторном заводе решили добиться в 1960 г. экономии электроэнергии не менее 350 тыс. киловатт и поднять коэффициент мощности до 0,9%. На ремонтном заводе сэкономили не менее 10% электроэнергии.

Разработаны мероприятия, направленные на правильное расходование электроэнергии: было создано 28 комиссий по контролю за расходованием электроэнергии, в которых входило 140 человек [26, л. 2]. Комиссия установила, что в колхозе им. Калинина жилые дома электрифицированы на 50% из-за недостатка электропроводки. В колхозе «Путь Октября» сэкономили свет путем своевременного его выключения, правильно подобрали электромоторы по мощности и не допускали их работы вхолостую [26, л. 2]. На улице вместо фонарей были установлены прожектора.

Выполнение намеченных мероприятий позволило сэкономить в 1960 г. около 4 млн киловатт-часов (кВт-ч) электроэнергии.

Показательно, что по количеству выработанной энергии в 1956 г. сельское хозяйство отставало от черной металлургии в 31 раз. К 1960 г., в связи с массовым строительством высоковольтных линий электропередач, это отставание сократилось в 10 раз; сельское хозяйство по количеству выработанной энергии превзошло химическую, легкую, пищевую промышленности и производство стройматериалов. К 1965 г. сохранилось такое же положение.

Исходя из архивных источников, можно сделать вывод, что ключевыми в процессе сплошной электрификации Оренбургской области стали 1959–1960 гг. (1960 г. превосходит 1956 г. по количеству выработанной электроэнергии на 2200%) [27, л. 3–4]. Это обусловливается тем, что в 1960 г. маломощные дизельные электростанции Бузулука, Сорочинска, Кимперсайского рудника и ряда коммунальных станций райцентров области были заменены высоковольтными централизованными [27, л. 2]. К 1965 г. количество выработанной электроэнергии планировалось увеличить еще примерно в два раза по сравнению с 1960 г.

Насколько данный план соответствовал действительности, можно определить, обратившись к статистическим данным (табл. 1, 2), согласно которым к 1960 г. план был выполнен только на 81% (планировалось выработать 136001 тыс. кВт-ч, выработано – 110100 тыс. кВт-ч). Но это не меняет положение дел, поскольку была проделана колоссальная работа, и свыше 83% колхозов получили электроэнергию, а вот к 1965 г. удалось перевыполнить план на 2% (планировалось получить 251428 тыс. кВт-ч, получено 255300 тыс. кВт-ч).

Таблица 1. Процесс электрификации колхозов в 1950–1965 гг. [19; 20]**Table 1.** The process of electrification of collective farms in 1950–1965 [19; 20]

Параметр Criterion	1950 г.	1960 г.	1965 г.
Количество колхозов, пользовавшихся электроэнергией Number of collective farms using electricity	146 (10,9%)	364 (83,2%)	398 (98,5%)
Количество колхозов, потреблявших электроэнергию на производственные нужды The number of collective farms that consumed electricity for production needs	56 (38,4%)	358 (98,4%)	398 (100%)
Произведено электроэнергии на колхозных электростанциях, млн кВт-ч Electricity produced at collective farm power plants, million kW-h	2,0	50,0	96,8
Получено электроэнергии от государственных электростанций, млн кВт-ч Received electricity from state power plants, million kW-h	-	7,5	35
Число электродвигателей, тыс. шт. Number of electric motors, thousand units	0,3	5,1	12,6
Число дворов колхозников, пользующихся электроэнергией, к общему числу колхозных дворов, % The number of households of collective farmers using electricity to the total number of collective farm yards, %	0,1 (1,3 тыс.)	55,6 (79 тыс.)	95,2 (126,4 тыс.)

Таблица 2. Процесс электрификации совхозов в 1950–1965 гг. [19; 20]**Table 2.** The process of electrification of state farms in 1950–1965 [19; 20]

Параметр Criterion	1950 г.	1960 г.	1965 г.
Количество совхозов, пользовавшихся электроэнергией Number of state farms using electricity	77 (83,7%)	121 (98,4%)	148 (100%)
Количество совхозов, потреблявших электроэнергию на производственные нужды The number of state farms that consumed electricity for production needs	69 (89,6%)	121 (100%)	148 (100%)
Произведено электроэнергии на совхозных электростанциях, млн кВт-ч Electricity produced at state farm power plants, million kW-h	-	45,3	77,9
Получено электроэнергии от государственных электростанций, млн кВт-ч Received electricity from state power plants, million kW-h	-	7,3	45,6
Число электродвигателей, тыс. шт. Number of electric motors, thousand units	1,0	4,6	12,7
Число дворов, пользующихся электроэнергией, к общему числу совхозных дворов, % The number of households using electricity to the total number of farm yards, %	-	-	96

Из приведенных выше таблиц мы видим, что с 1960 по 1965 г. общий показатель электрификации колхозов увеличился на 15%, совхозов – на 1,6% (такая низкая динамика объясняется тем, что уже к 1960 гг. практически все совхозы пользовались электричеством). Но при этом по-прежнему оставалась высокой доля использования маломощных колхозных и совхозных электростанций: 73,6% и 63,1% соответственно. На практике (вопреки сведениям официальных статистических отчетов) это означало, что данные хозяйства не могли в полном

объеме использовать электроэнергию в производственных нуждах.

Качественные изменения в электрификации можно проследить, изучив динамику энергобаланса электрических нагрузок (табл. 3). Так, по четырем энергорайонам Оренбуржья (Орско-Актыбинскому, Чкаловскому, Бузулукскому и Бугурусланскому) данные показатели с 1957 по 1965 г. выросли в 20,6 раза (с 8 до 165 тыс. кВт). Если в 1957 г. доля энергобаланса электрических нагрузок по сельскому хозяйству составляла 2,3%, то в 1965 г. этот показатель составил 19,6% [28, л. 14–15].

Таблица 3. Энергобаланс электрических нагрузок, предназначенных для сельской местности, по энергорайонам Оренбуржья, тыс. кВт [28, л. 14–19]

Table 3. Energy balance of electric loads intended for rural areas, by energy districts of Orenburg region, thousands Kw [28, л. 14–19]

Энергорайон Energydistrict	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1965 г.
Чкаловский – Всего Chkalovsky – Total	60	76	105	126	174
В том числе для села For the village	4	9	20	26	59
Орско-Актыбинский – Всего Orsko-Aktyubinsky – Total	278	339	435	503	545
В том числе для села For the village	2	5	7	9	21
Бузулукский – Всего Buzuluksky – Total	13	17	32	42	96
В том числе для села For the village	–	–	12	17	58
Бугурусланский – Всего Buguruslansky – Total	2	6	9	12	27
В том числе для села For the village	2	6	9	12	27

Начиная с 1960 г. изменилось качество электрификации, поскольку резко возросла доля электроэнергии, полученной сельским хозяйством за счет централизованного электроснабжения, к которому за период с 1960 по 1965 г. было присоединено 38 колхозов и 116 совхозов [29, л. 67] (при помощи ЛЭП-6-10 кВт и ЛЭП-110-35 кВт). Все это позволяло лик-

видировать маломощные электростанции и использовать электроэнергию в производственных целях. Переломными в данном процессе являлись 1960–1961 гг. Так, в 1960 г. за счет централизованного электроснабжения было выработано почти в 5 раз больше электроэнергии, чем в 1959 г., а за 1961 г. – столько же, сколько за 1958, 1959 и 1960 вместе взятые [29, л. 67].

Состоявшийся в октябре 1961 г. XXII съезд КПСС принял решение по дальнейшему развитию в стране государственной электроэнергетики. Съезд утвердил Генеральную перспективу энергетического строительства в СССР, выдвинул проблему овладения новыми способами ее получения, определил курс на сплошную электрификацию СССР. В резолюции было записано: «Съезд считает неотложной задачей усиление механизации и электрификации сельского хозяйства, полное удовлетворение потребностей колхозов и совхозов в современной технике» [3, с. 230].

Выдвинутые съездом проблемы сплошной электрификации СССР и ускорения этой работы потребовали принятия целого ряда новых мер. Для улучшения руководства и организации в стране более планомерного и быстрого наращивания электроэнергетических мощностей в 1962 г. был создан Государственный производственный комитет по энергетике и электрификации. На него возлагалась задача обеспечить снабжение электроэнергией всех отраслей народного хозяйства на равных началах.

В 1962 г. приступил к работе созданный на базе бывшего «Гипросельэлектро» Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт по электроснабжению объектов сельского хозяйства и других потребителей в сельских районах. Во Всесоюзном объединении «Союза сельхозтехника» было организовано Главное управление по механизации животноводческих ферм и внедрению электроэнергии в сельскохозяйственное производство. Всесоюзному научно-исследовательскому институту по электрификации сельского хозяйства поручалось вести разработку новых электрифицированных сельскохозяйственных машин. Вновь созданный Всесоюзный научно-исследовательский институт по автома-

тизированному электропроводу в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте приступил к разработке автоматизированных электрических приводов для сельскохозяйственных машин [1, с.68].

Важную роль в рассматриваемом процессе сыграло Постановление Совета Министров СССР от 18 января 1963 г. «О мерах по ускорению электрификации сельского хозяйства СССР», в котором отмечалось, что задания по электрификации сельского хозяйства, установленные Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 февраля 1961 г. «Об электрификации сельского хозяйства СССР в 1961–1965 гг.», выполняются неудовлетворительно, в связи с чем потребность колхозов и совхозов в электрической энергии для сельскохозяйственного производства, а также культурных и бытовых нужд сельского населения обеспечивается недостаточно. Поэтому Совет Министров СССР постановил: принять предложение Госплана СССР, Совета народного хозяйства СССР, советов министров союзных республик, Министерства энергетики и электрификации СССР и Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» о повышении начиная с 1963 г. темпов строительства сельских линий электропередачи, районных и трансформаторных подстанций и других электроустановок, обеспечивающих создание наиболее экономичной и надежной базы электроснабжения сельскохозяйственного производства в колхозах и совхозах [30, с. 281].

Начиная с 1963 г. улучшилась подготовка инженерных кадров широкого профиля, обладающих знаниями электросилового оборудования, электросетей и сельскохозяйственных электрифицированных машин, способных обслуживать все сельское хозяйство и обеспечивать

внедрение электроэнергии в сельскохозяйственное производство.

За период с 1961 по 1965 г. в стране было создано более 80 механизированных колонн для строительства сельских электростанций и линий электропередачи напряжением 35 киловольт и ниже. Село стало больше получать электроматериалов и оборудования. Промышленность увеличила выпуск машин для электрификации сельскохозяйственного производства.

Обозначенные выше меры способствовали тому, что к 1965 г. по сравнению с 1959 г. общая протяженность ЛЭП в Оренбургской области увеличилась в 7 раз [29, л. 62–64]: с 1960–1965 гг. среднегодовой прирост протяженности ЛЭП составил 42,4%, что является самым высоким показателем за весь советский период. За этот же период для колхозов и совхозов Оренбургским энергоуправлением было введено 2132,5 км ЛЭП-110-35 кВ и ЛЭП-6-10 кВ, что составляло 79,6% от протяженности всех линий электропередач, созданных за семилетку [29, л. 62–64]. Так, введение в эксплуатацию ЛЭП-110-35 кВ «Оренбург – Сол – Илецк – Акбулак» (протяженность 124 км) позволило решить вопрос с электроснабжением сел и деревень южного Оренбуржья. Строительство ЛЭП-110-35 кВ «Кинель – Бузулук» (протяженность 112 км) сделало доступной электроэнергию для населенных пунктов запада области. Ну и решить острый вопрос со снабжением электричеством целинных совхозов восточного Оренбуржья удалось за счет ЛЭП-110-35 кВ «Орск – Киембай – Буруктал» (198 км).

Общая мощность трансформаторов, обслуживающих село, составила 22,2 тыс. кВт. Однако необходимо отметить, что существенная часть обозначенных выше объектов была введена в эксплуатацию только в 1965 г. [29, л. 62–64]

Подобные масштабные мероприятия требовали увеличения финансирования. 21 февраля 1961 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об электрификации сельского хозяйства СССР в 1961–1965 гг.», согласно которому планировалось увеличить объем капитальных вложений в электрификацию сельского хозяйства СССР на 22 млн руб. (в том числе объем строительно-монтажных работ на 18 млн руб.). На 1962–1965 гг. Госэкономсовету и Госплану СССР поручалось предусмотреть увеличение объема капитальных вложений для электрификации сельского хозяйства на 375 млн руб. (в том числе объем строительно-монтажных работ на 320 млн, сверх объемов, предусмотренных на эти годы в расчетах к контрольным цифрам развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг.) [30, с. 720, 722].

Предпринятые меры позволили существенно изменить стоимость основных фондов электроэнергетики Оренбуржья с 1959 по 1965 гг., суммарный объем которых составил 52596 тыс. руб. Этот показатель за 1965 г. более чем в 3,5 раза превосходил показатель за 1959 г. [31, л. 64]

Конкретное выражение данная стоимость нашла, например, во введении в эксплуатацию гидрогенераторов Ириклинской ГЭС и турбогенераторов Орской, «ОХМК» и Гайской ТЭЦ (табл.4).

Суммарная мощность турбо- и гидрогенераторов, введенных в эксплуатацию в период семилетки, составила 295 тыс. кВт, что позволило увеличить почти в 2 раза установленную мощность по Оренбургской энергосистеме (с 342,3 тыс. кВт в 1959 г. до 621 тыс. кВт в 1965 г.) [29, л. 62]. Это дало возможность к 1965 г. в 2 раза увеличить выработку электроэнергии (табл. 5) и сэкономить на ее себестоимости 7650 тыс. руб. [29, л. 65]

Таблица 4. Введение в эксплуатацию электроэнергетических мощностей в Оренбургской области в 1959–1965 гг. [29, л. 62]**Table 4.** Commissioning of electric power facilities in the Orenburg region in 1959–1965 [29, l. 62]

Год Year	Наименование Name	Мощность, тыс. кВт Power, thousand kW
1959	2 гидрогенератора на Ириклинской ГЭС 2 hydro generators at the Iriklinskaya HPP	15
1960	Турбогенератор на ТЭЦ «ОХМК» Turbogenerator at the CHPP "OHMK"	12
1962	Турбогенератор № 9 на Орской ТЭЦ Turbogenerator No. 9 at Orskaya CHPP	50
1963	Турбогенератор №10 на Орской ТЭЦ Turbogenerator No. 10 at Orskaya CHPP	50
1964	Турбогенератор №11 на Орской ТЭЦ Turbogenerator No. 11 at Orskaya CHPP	50
1964	Турбогенератор на ТЭЦ «ОХМК» Turbogenerator at the CHPP "OHMK"	50
1964	3 турбогенератора на Гайской ТЭЦ 3 turbo generators at the Kansk CHPP	18
1965	Турбогенератор № 12 на Орской ТЭЦ Turbogenerator No. 12 at Orskaya CHPP	50

Таблица 5. Показатели суммарной выработки электроэнергии по Оренбургской области за 1959–1965 гг. [29, л. 64]**Table 5.** Indicators of total electricity generation in the Orenburg region for 1959–1965 [29, l. 64]

Показатель Criterion on	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Количество выработанной электроэнергии, млн кВт-ч The amount of electricity generated, million kW-h	1661	1933	2176	2361	2633	2908	3196
Прирост показателя к предыдущему году, % Growth of the indicator compared to the previous year, %	11,6	16,5	12,6	8,6	11,5	10,5	10

Также в мае 1960 г. главным инженером Оренбургской СМК «Сельэлектрострой» было разработано задание по проектированию Шарлыкской подстанции 35/10 кВ, предназначенной для электроснабжения сельскохозяйственных потребителей Шарлыкского района [31, л. 1–13]. Данный проект был разработан в 1961 г. В результате ее строительства

электричество получили 2 совхоза и 9 колхозов (в общей сложности 5194 двора), не считая промышленных объектов и райцентра – п. Шарлык.

В результате обозначенных выше мероприятий объем работ по электрификации сельского хозяйства увеличивался по сравнению с предыдущим семилетием в 2,5 раза, потребление электроэнергии в

сельском хозяйстве – вчетверо. Электрификация села прочно встала на индустриальную основу, а ее дальнейшее развитие способствовало положительному изменению ряда социально-экономических показателей в сельских районах области. Наиболее непосредственное влияние электрификация оказала на повышение уровня культуры и улучшение быта сельских жителей. Широкое распространение радио и точечное появление телевидения способствовали расширению кругозора сельских жителей. Внедрение электричества на животноводческих фермах втрое уменьшило к концу 1965 г. затраты труда на водоснабжение ферм, на 2/3 – затраты труда на дойку коров, вдвое – на раздачу кормов, на 20–30% – на орошение полей [3, с. 234].

Подобные успехи позволили понизить себестоимость электроэнергии, что сказалось на изменении тарифов. Так, в Постановлении Совета Министров СССР от 17 декабря 1965 г. «О снижении тарифа на электрическую энергию, отпускаемую государственными энергосистемами и электростанциями на производственные нужды колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям» говорилось, что в целях создания необходимых условий для более широкого внедрения электрической энергии в сельскохозяйственное производство с 1 января 1966 г. будет осуществлено снижение тарифов «на электрическую энергию, отпускаемую государственными энергосистемами и электростанциями на производственные нужды колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям, независимо от ведомственной подчиненности энергосистем и электростанций, установив на указанную электроэнергию тариф в размере одной копейки за киловатт-час» [32, с. 738].

Однако электрификация сельского хозяйства в Оренбургской области имела свои крупные недостатки, которые заключались в том, что в силу технически безграмотного проектирования ГЭС, не-

хватки специалистов многие построенные станции или совсем бездействовали, или работали с повышенной нагрузкой. Огромные средства, затрачиваемые и без того нищими колхозами на строительство этих станций, растранижировались, чем наносился значительный ущерб региону. Оставалась проблема с нехваткой кадров. Она отмечалась даже в промышленных районах области, где электрификация развернулась быстрыми темпами, тем более в сельском хозяйстве.

Электрификация трудовых процессов в сельском хозяйстве к концу исследуемого периода не была еще всеобъемлющей и стопроцентной. Она находилась в процессе бурного развития, вершины которого были впереди. Часть тяжелых работ в колхозном земледелии и животноводстве и к началу 60-х годов выполнялись вручную. Да и для проведения в лучшие агротехнические сроки пахоты, сева, уборки техники не хватало.

Выводы

Таким образом, необходимо отметить, что к 1965 г. практически все выделенные нами проблемы, затрудняющие процесс электрификации оренбургского села, удалось преодолеть. Фундамент этим качественным изменениям закладывался в 1953–1955 гг., когда возникли необходимые предпосылки (в виде соответствующей нормативной базы и материальных условий) для осуществления сплошной электрификации Оренбургского села, вследствие присоединения объектов сельского хозяйства к высоковольтным централизованным электростанциям. В 1960 г. началась реализация плана сплошной электрификации Оренбургской области, в результате чего уже в этом году сельское хозяйство по количеству выработанной энергии превзошло химическую, легкую, пищевую промышленности и производство стройматериалов. Исходя из статистических данных, можно сделать вывод, что ключевыми в процессе сплошной коллективизации Оренбург-

ской области стали 1959–1960 гг. Это обусловливается тем, что в 1960 г. маломощные дизельные электростанции райцентров области были заменены высоковольтными централизованными. Увеличение финансирования и введение в эксплуатацию новых электростанций позволило к 1965 г. в 2 раза увеличить выработку электроэнергии и сэкономить на ее себестоимости 7650 тыс. руб. С 1960 по 1965 г. общий показатель электрификации колхозов увеличился на 15%, совхозов – на 1,6. Но при этом по-прежнему оставалась высокой доля использования

маломощных колхозных и совхозных электростанций. На практике это означало, что данные хозяйства не могли в полном объеме использовать электроэнергию в производственных нуждах. Однако несмотря на ряд трудностей, можно констатировать, что благодаря политике сплошной электрификации села Оренбургской области по данному показателю удалось преодолеть отставание от других административно-территориальных образований Южного Урала и полностью обеспечить колхозы и совхозы электроэнергией.

Список литературы

1. Богдашкин П. И. Электрификация сельского хозяйства СССР. М.: Сельхозгиз, 1960. 280 с.
2. Рыженко И. Я. Развитие сельской электрификации в СССР. М.: Экономика, 1965. 231 с.
3. Некрасова И. М. Развитие электрификации СССР в (40–60-е годы). М.: Наука, 1974. 247 с.
4. Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 394–425.
5. Мотревич В. П. Аграрная политика Н. С. Хрущева: основные направления и результаты // Аграрное образование и наука. 2019. №1. С. 4.
6. Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 гг.) Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. 608 с.
7. Лопаткин И. Н. Аграрная политика советского государства в период «оттепели» // АПК России: образование, наука, производство : сборник статей IV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Пенза: Пензенский гос. аграрный ун-т, 2022. С. 122–126.
8. Хисамутдинова Р. Р. Актуальные вопросы аграрной истории Оренбуржья // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2012. №5 (141). С. 60–66.
9. Хисамутдинова Р. Р. Состояние материально-технической базы колхозов Южного Урала (1953-1958 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 4(24). С. 170–184.
10. Мамяченков В. Н. Потребление продуктов питания семьями колхозников Молотовской области в первом послевоенном пятилетии (1946–1950 годы) // Научный диалог. 2021. № 2. С. 344–355.
11. Мотревич В. П. Электрификация сельского хозяйства Урала в 1940–50-е гг. // Летопись уральских деревень: тезисы докладов региональной научно-практической конференции. Екатеринбург: УрГСХА, 1995. С. 68–70.

12. Хисамутдинова Р. Р. Электрификация сельского хозяйства Урала в 40-е годы // История Отечества на рубеже веков. Опыт, проблемы, пути решения: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Оренбург: ОГПУ, 2001. Ч. 2. С. 139–147.
13. Хисамутдинова Р. Р. Электрификация сельского хозяйства Чкаловской области в 40-е годы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 1998. № 2(8). С. 107–112.
14. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 374. Оп. 14. Д. 4401. Л. 8, 47.
15. Подливалов В. В. Экономика Курганской области в 1953–1964 годах: поиск новых путей развития // История Курганской области (с древнейших времен до 1991 года) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко. Курган: Курганский гос. ун-т, 2017. С. 233–250.
16. Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: стат. сборник / под ред. М. И. Тумурова. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1967. 269 с.
17. Народное хозяйство Башкирской АССР: стат. сборник. 1917–1967 / под ред. В. Н. Комарова. Уфа : Статистика, 1967. 278 с.
18. Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации (вторая половина XIX–XX в.): региональное измерение. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 471 с.
19. Оренбургская область в цифрах: стат. сборник / общ. ред. О. М. Туля. Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1974. 184 с.
20. Оренбургская область за 50 лет советской власти: стат. сборник / под ред. Д. А. Коляко. Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1967. 138 с.
21. ОГАОО (Объединенный государственный архив Оренбургской области). Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1200.
22. ОГАОО. Ф. 846. Оп. 3. Д. 798.
23. ОГАОО. Ф. 846. Оп. 3. Д. 1530.
24. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1800.
25. ОГАОО. Ф. Р-836. Оп. 3. Д. 1052.
26. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 875.
27. ОГАОО. Ф. Р-2600. Оп. 1. Д. 923.
28. ОГАОО. Ф. Р-2258. Оп. 2. Д. 17.
29. ОГАОО. Ф. Р-2258. Оп. 2. Д. 353.
30. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.): в 5 т. Т. 5: 1962–1965 годы. М.: Политиздат, 1968. 750 с.
31. ОГАОО. Ф. Р-2258. Оп. 2. Д. 501.

References

1. Bogdashkin P. I. Elektrifikaciya sel'skogo hozyajstva SSSR [Electrification of agriculture of the USSR]. Moscow, Sel'hozgiz Publ., 1960. 280 p.
2. Ryzhenko I. Ya. Razvitie sel'skoj elektrifikacii v SSSR [Development of rural electrification in the USSR]. Moscow, Ekonomika Publ., 1965. 231 p.
3. Nekrasova I. M. Razvitie elektrifikacii SSSR v (40–60-e gody) [Development of electrification of the USSR in the (40-60s)]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 247 p.
4. Zelenin I. E. Agrarnaya politika N. S. Hrushcheva i sel'skoe hozyajstvo [Agrarian policy of N. S. Khrushchev and agriculture]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN. 1997–1998 gg.*

Вып. 2 [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 1997-1998. Issue 2]; ed. by A. N. Saharov. Moscow, IRI RAN Publ., 2000, pp. 394–425.

5. Motrevich V. P. Agrarnaya politika N. S. Hrushcheva: osnovnye napravleniya i rezul'taty [N. S. Khrushchev's agrarian policy: main directions and results]. *Agrarnoe obrazovanie i nauka = Agricultural education and science*, 2019, no. 1, pp. 4.

6. Hisamutdinova R. R. Agrarnaya politika Sovetskogo gosudarstva na Urale posle okonchaniya Velikoj Otechestvennoj vojny (iyun' 1945 – mart 1953 gg) [Agrarian policy of the Soviet state in the Urals after the end of the Great Patriotic War (June 1945 – March 1953 Orenburg)]. Orenburg, OGPU Publ., 2003. 608 p.

7. Lopatkin I. N. Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva v period "ottepeli" [Agrarian policy of the Soviet state during the "thaw"]. *APK Rossii: obrazovanie, nauka, proizvodstvo. Sbornik statej IV Vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-prakticheskoy konferencii* [Agro-industrial Complex of Russia: education, science, production. Collection of articles of the IV All-Russian (national) Scientific and Practical conference]. Penza, Penza St. Agrarian Univ. Publ., 2022, pp. 122–126.

8. Hisamutdinova R. R. Aktual'nye voprosy agrarnoj istorii Orenburzh'ya [Topical issues of the agrarian history of Orenburg region]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*, 2012, no. 5 (141), pp. 60–66.

9. Hisamutdinova R. R. Sostoyanie material'no-tekhnicheskoy bazy kolhozov Yuzhnogo Urala (1953–1958 gg.) [The state of the material and technical base of the collective farms of the Southern Urals (1953–1958)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal*, 2017, no. 4(24), pp. 170–184.

10. Mamyachenkov V. N. Potreblenie produktov pitaniya sem'yami kolhoznikov Molotovskoj oblasti v pervom poslevoennom pyatiletii (1946–1950 gody) [Food consumption by families of collective farmers of the Molotov region in the first post-war five-year period (1946–1950)]. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2021, no. 2, pp. 344–355.

11. Motrevich V. P. Elektrifikaciya sel'skogo hozyajstva Urala v 1940–50-e gg. [Electrification of agriculture in the Urals in the 1940s–50s]. *Letopis' ural'skih dereven'. Tezisy dokladov regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Chronicle of Ural villages: abstracts of reports of the regional scientific and practical conference]. Ekaterinburg, UrGSKHA Publ, 1995, pp. 68–70.

12. Hisamutdinova R. R. Elektrifikaciya sel'skogo hozyajstva Urala v 40-e gody [Electrification of agriculture in the Urals in the 40s]. *Istoriya Otechestva na rubezhe vekov. Opyt, problemy, puti resheniya. Materialy mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii* [The history of the Fatherland at the turn of the century. Experience, problems, solutions. Materials of the interregional scientific and practical conference]. Orenburg, OGPU Publ., 2001, pt. 2, pp. 139–147.

13. Hisamutdinova R. R. Elektrifikaciya sel'skogo hozyajstva Chkalovskoj oblasti v 40-e gody [Electrification of agriculture in the Chkalov region in the 40s]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*, 1998, no. 2(8), pp. 107–112.

14. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 374, op. 14, d. 4401, l. 8, 47.

15. Podlivalov V. V. Ekonomika Kurganskoj oblasti v 1953–1964 godah: poisk novyh putej razvitiya [The economy of the Kurgan region in 1953–1964: the search for new ways of development]. *Istoriya Kurganskoj oblasti (s drevnejshih vremen do 1991 goda)* [The history of the

Kurgan region (from ancient times to 1991)]; ed. by D. N. Maslyuzhenko. Kurgan, Kurgan. St. Univ. Publ., 2017, pp. 233–250.

16. Narodnoe hozyajstvo Permskoj oblasti za gody Sovetskoj vlasti. Stat. sbornik [The national economy of the Perm region during the years of Soviet power. Stat. collection]; ed. by M. I. Tumurova. Perm', Permskoe kn. izd-vo, 1967. 269 p.

17. Narodnoe hozyajstvo Bashkirskoj ASSR. Stat. sbornik. 1917–1967 [The national economy of the Bashkir ASSR. Stat. collection. 1917–1967]; ed. by V. N. Komarova. Ufa, Statistika Publ., 1967. 278 p.

18. Mazur L. N. Rossijskaya derevnya v usloviyah urbanizacii (vtoraya polovina XIX–XX v.): regional'noe izmerenie [The Russian village in the conditions of urbanization (the second half of the XIX–XX centuries): regional dimension]. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2012. 471 p.

19. Orenburgskaya oblast' v cifrah. Stat. sbornik [Orenburg region in numbers. Stat. collection]; ed. by O. M. Tulya. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural. kn. izd-vo, 1974. 184 p.

20. Orenburgskaya oblast' za 50 let sovetskoj vlasti. Stat. sbornik [Orenburg region for 50 years of Soviet power. Stat. collection]; ed. by D. A. Kolyako. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural. Kni. izd-vo, 1967. 138 p.

21. OGAOO (Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti) [United State Archive of the Orenburg Region], f. R-1014, op. 4, d. 1200.

22. OGAOO, f. 846, op. 3, d. 798.

23. OGAOO, f. 846, op. 3, d. 1530.

24. OGAOO, f. 371, op. 20, d. 1800.

25. OGAOO, f. R-836, op. 3, d. 1052.

26. OGAOO, f. 371, op. 20, d. 875.

27. OGAOO, f. R-2600, op. 1, d. 923.

28. OGAOO, f. R-2258, op. 2, d. 17.

29. OGAOO, f. R-2258, op. 2, d. 353.

30. Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam (1917–1967 gg.) T. 5: 1962–1965 gody [Decisions of the Party and the government on economic issues (1917–1967). Vol. 5. 1962–1965]. Moscow, Politizdat Publ., 1968. 750 p.

31. OGAOO, f. R-2258, op. 2, d. 501.

Информация об авторах / Information about the Authors

Лопаткин Иван Николаевич, кандидат исторических наук, преподаватель истории и обществознания кафедры истории и искусства, Оренбургское президентское кадетское училище, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: ivan-lopatkin1988@mail.ru

Ivan N. Lopatkin, Candidate of Science (Historical), Lecturer in History and Social Studies of the Department of History and Art, Orenburg Presidential Cadet School, Orenburg, Russian Federation, e-mail: ivan-lopatkin1988@mail.ru

Хисамудинова Равиля Рахмяновна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: hisamutdinova@inbox.ru.

Ravilya R. Khisamutdinova, Doctor of Sciences (Historical), Professor Head of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Science, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation, e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

УДК 94(47).084.8

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-149-162>

Особенности функционирования транспортного здравоохранения в 1945-1950 годах (по материалам Юго-Восточной железной дороги)

Е. А. Головин¹✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: golovin007@mail.ru

Резюме

Актуальность заявленной темы определяется социальной значимостью успешного функционирования системы медицинского обслуживания граждан для сохранения и восстановления их здоровья. Опыт деятельности ведомственных лечебных учреждений в предшествующие периоды отечественной истории позволяет рационально использовать его в современных условиях наряду с услугами государственной и коммерческой медицины. В научном плане история врачебно-санитарной службы железнодорожного транспорта до сих пор не получила должной разработки, в результате чего исследование заявленной темы может способствовать конкретизации знаний об эволюции и проблемах развития отечественного здравоохранения.

Цель. На основе архивных документов и материалов периодической печати раскрыть особенности послевоенного восстановления деятельности лечебно-санитарных учреждений Юго-Восточной железной дороги.

Задачи: охарактеризовать динамику развития сети лечебно-санитарных учреждений на Юго-Восточной железной дороге в 1945–1950 годах; выявить основные направления деятельности железнодорожной медицины в исследуемый период; рассмотреть актуальные проблемы функционирования отрасли и пути их решения.

Методология. В основу исследования были положены принципы объективности и историзма. Для решения поставленных задач автором использовались методы: историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, типологический, ретроспективный.

Результаты. Исследование основных направлений деятельности лечебно-санитарных учреждений на железнодорожном транспорте позволило представить в исторической ретроспективе особенности оказания медицинской помощи средствами отраслевой системы здравоохранения, обладавшей определенной автономностью и мобильностью при обслуживании вверенного контингента работников и членов их семей.

Выводы. В течение пяти послевоенных лет система транспортного здравоохранения, функционировавшая на Юго-Восточной железной дороге, восстановила полную работоспособность, сумев в тяжелых условиях усовершенствовать материально-техническую оснащенность лечебных учреждений и укрепить их кадровый потенциал, что позитивно сказывалось на качестве оказания медицинской помощи.

Ключевые слова: Юго-Восточная железная дорога; лечебное учреждение; транспортная медицина; врачебно-санитарная служба; инфекционные заболевания.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Головин Е. А. Особенности функционирования транспортного здравоохранения в 1945-1950 годах (по материалам юго-восточной железной дороги) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 149–162. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-149-162>.

Поступила в редакцию 29.06.2023

Принята к публикации 31.07.2023

Опубликована 30.08.2023

Features of the Functioning of Transport Healthcare in 1945–1950 (Based on the Materials of the South-Eastern Railway)

Evgeny A. Golovin¹ ✉

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: golovin007@mail.ru

Abstract

The relevance of the stated topic is determined by the social significance of the successful functioning of the system of medical care for citizens to preserve and restore their health. The experience of departmental medical institutions in the previous periods of national history makes it possible to use it rationally in modern conditions along with the services of state and commercial medicine. In scientific terms, the history of the medical and sanitary service of railway transport has not yet been properly developed, as a result of which the study of the declared topic can contribute to the concretization of knowledge about the evolution and problems of the development of domestic healthcare.

The purpose of the study is to reveal the features of the post-war restoration of the activities of medical and sanitary institutions of the South-Eastern Railway on the basis of archival documents and periodical press materials.

Objectives: to characterize the dynamics of the development of the network of medical and sanitary institutions on the South-Eastern Railway in 1945–1950; to identify the main activities of railway medicine in the period under study; to consider the current problems of the functioning of the industry and ways to solve them.

Methodology. The research was based on the principles of objectivity and historicism. To solve the tasks set by the author, the methods of historical-genetic, historical-systemic, historical-comparative, typological, retrospective were used.

Results. The study of the main activities of medical and sanitary institutions on railway transport made it possible to present in historical retrospect the features of providing medical care by means of the sectoral healthcare system, which had a certain autonomy and mobility in servicing the entrusted contingent of employees and their family members.

Conclusions. During the five post-war years, the transport healthcare system that operated on the South-Eastern Railway restored full efficiency, having managed to improve the material and technical equipment of medical institutions in difficult conditions and strengthen their personnel potential, which positively affected the quality of medical care.

Keywords: South-Eastern railway; medical institution; transport medicine; medical and sanitary service; infectious diseases.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Golovin E. A. Features of the Functioning of Transport Healthcare in 1945–1950 (Based on the Materials of the South-Eastern Railway). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 149–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-149-162>

Received 29.06.2023

Accepted 31.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

Современная геополитическая ситуация указывает на исключительную значимость оказания своевременной медицинской помощи, особенно в экстремальных условиях. Не менее важным предназначением системы здравоохране-

ния является оперативное обслуживание отдельных категорий населения, в том числе по профессионально-производственному принципу. На железных дорогах страны был накоплен значительный опыт сохранения здоровья работников отрасли, который мог бы успешно использоваться

в современных условиях. К сожалению, в условиях рыночных отношений в экономике многие руководители и владельцы крупных корпораций отказываются от содержания социальных объектов, не приносящих сиюминутной прибыли. Подобный подход может характеризоваться как недальновидный, особенно когда речь идет о здоровье работников, являющихся основными производителями материальных благ.

Обращение к истории железнодорожной медицины ориентирует на более взвешенный подход в оценках значимости отраслевого здравоохранения. Отечественная историография послевоенного восстановления железнодорожного транспорта представлена рядом обобщающих трудов, изданных как в советский [1–3], так и постсоветский периоды [4–8], в которых заявленная тема не получила специального рассмотрения. Тот же подход сохраняется в работах по истории Юго-Восточной железной дороги [9–11], носящих в большей степени публицистический характер. Публикации по истории и проблематике железнодорожной медицины [12–16] подготовлены, как правило, работниками отрасли и раскрывают общие вопросы организации транспортного здравоохранения. К его истории в территориальных рамках Курского региона обращались исследователи А. Н. Манжосов [17; 18] и Е. А. Масуфранова [19], тогда как в масштабах конкретной железной дороги проблема функционирования ведомственной медицины не рассматривалась. Подготовленная статья призвана ликвидировать указанный пробел в исторической науке.

Методология

В основу исследования были положены принципы объективности и историзма, предполагающие беспристрастный анализ разностороннего комплекса источников, выявление как позитивных, так и негативных аспектов рассматриваемого в развитии явления. Для решения постав-

ленных задач автором использовались методы: историко-генетический, который позволил последовательно выявить изменения в медицинском обслуживании железнодорожников; историко-системный, представляющий исследуемую проблему как часть исторического процесса, взаимосвязанную с другими социальными явлениями и тенденциями; историко-сравнительный, способствующий сопоставлению различных аспектов изучаемого явления во времени и в пространстве; типологический, позволяющий классифицировать характерные черты системы транспортного здравоохранения; ретроспективный, предполагающий восстановление картины повседневной жизни прошлого.

Результаты и их обсуждение

В 1945 г. в ведении Врачебно-санитарной службы Юго-Восточной железной дороги находились 9 больниц, персонал которых насчитывал 292 специалиста, а фонд заработной платы составлял 927 тыс. рублей. Количество больничных коек в течение года увеличилось с 510 до 637. В штатных расписаниях 11 железнодорожных поликлиник, 9 специализированных и 14 линейных врачебных амбулаторий и здравпунктов значилось 265 врачебных должностей. На вокзалах функционировало 8 медицинских пунктов, 5 комнат матери и ребенка. 5 здравпунктов и 20 фельдшерских пунктов действовали на предприятиях дороги. Вспомогательные функции выполняли 5 станций и пунктов переливания крови, 8 санитарно-гигиенических лабораторий и 8 малярных станций, 11 санитарно-контрольных пунктов и 5 санитарных пропускников. Поезда дальнего следования обслуживали 17 фельдшеров и медицинских сестер. Одновременно проявлялась забота о здоровье членов семей железнодорожников. На Юго-Восточной дороге были открыты линейные родильные дома на 73 койки, детские больницы и противотуберкулезные санатории на

100 коек, ясли на 805 мест, 10 молочных кухонь. В детских садах, поликлиниках, амбулаториях и школах работали 38 врачей и 35 медсестер [20, л. 10 об. – 12 об., 47–48].

Публикации в дорожной газете «Вперед» расширяют представление о специфике работы отраслевых лечебно-санитарных учреждений в победном 1945 г. Уже летом, в связи с возросшим потоком перевозок граждан, Воронежским пассажирским отделением было организовано 11 поездных санитарных постов, которые оказывали первую помощь пассажирам в пути и следили за санитарным состоянием поездов. Об этом сообщалось в публикации председателя дорожного комитета Российского общества Красного Креста В. Емельянова [21].

Готовясь к встрече демобилизованных военнослужащих, лечебно-санитарная служба Юго-Восточной железной дороги установила во всех поликлиниках и больницах порядок внеочередного приема возвращавшихся с фронта воинов. Пунктам первой медицинской помощи, находившимся на вокзалах, был выдан дополнительный перевязочный материал и медикаменты. В буфетах, ресторанах, на пищевых предприятиях усиливался санитарный надзор. Все железнодорожные бани и санитарные пропускники приводились в полную готовность для обслуживания демобилизованных [22].

Важной проблемой, требовавшей незамедлительного решения, являлась подготовка кадров среднего медицинского персонала. В июле 1945 г. был объявлен прием на фельдшерское и акушерско-фельдшерское отделения дорожной медицинской школы. Выпускники, окончившие неполные общеобразовательные школы на отличные оценки, зачислялись для получения среднего медицинского образования без вступительных испытаний. Преимущественным правом поступления в медшколу пользовались дети железнодорожников и военнослужащих [23]. Осенью 1945 г. Поворинский рай-

ком РОКК открыл курсы медицинских сестер, на которых прошли обучение без отрыва от производства 35 женщин [24].

Одновременно на Юго-Восточной дороге продолжалось восстановление пострадавшей в годы войны сети медицинских учреждений. Например, на Поворинском узле были восстановлены родильный дом на 8 коек, женская и детская консультации, молочная кухня [25]. 1 августа 1945 г. в Воронеже открылась дорожная детская больница. В просторных помещениях разместились две палаты на 26 коек, физиотерапевтический кабинет и лаборатория [26]. Воронежской железнодорожной больнице был передан освободившийся по соседству флигель. Коллектив медучреждения собственными силами за несколько дней отремонтировал новые помещения, произведя их побелку, остекление и другие работы. В переданной больнице флигелю было открыто отделение на 18 коек для пациентов, нуждавшихся в хирургической помощи. В целом, вместимость больницы увеличилась до 80 коек [27].

Осенью 1945 г. было открыто кожно-туберкулезное отделение в Отрожской железнодорожной больнице, оборудованы рентгеновские кабинеты в Грязинской и Воронежской детских поликлиниках [28]. В Воронежской железнодорожной поликлинике начал работать онкологический кабинет, призванный распознавать злокачественные опухоли на ранних стадиях. При выявлении заболевания пациенты направлялись на специализированное лечение, а специалисты кабинета вели наблюдение за его ходом [29].

Забота о здоровье работников транспорта проявлялась и в выделении путевок на санаторно-курортное лечение. Например, уже летом 1945 г., по информации председателя дорпрофсоюза В. Пчелинцева, было выделено 74 путевки в местные санатории и на курорты Кавказских Минеральных Вод. Перед ВЦСПС был поставлен вопрос о передаче в ведение железнодорожников Икорецкого дома от-

дыха, расположенного в одном из живописных природных уголков Лискинского района Воронежской области.

Врачебный труд высоко оценивался государством. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР начальник врачебно-санитарной службы Юго-Восточной железной дороги Н. А. Благовещенский был награжден орденом Трудового Красного Знамени в числе 3239 медицинских работников, отмеченных государственными наградами за образцовое выполнение заданий правительства по лечению бойцов и командиров Красной армии, раненых в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, успешному проведению противоэпидемических мероприятий, медицинскому обслуживанию населения и подготовке медицинских кадров [30].

Руководство Главного врачебно-санитарного управления (ГВСУ) НКПС критически оценивало работу фельдшерских пунктов на железных дорогах страны. В ноябре 1945 г. заместитель начальника ГВСУ НКПС генерал-директор административной службы Захарченко направил письмо начальникам врачебно-санитарных служб дорог о неудовлетворительной работе ряда фельдшерских пунктов. Они подверглись критике за допускаявшиеся нарушения и просчеты, в числе которых: непринятие должных мер к ранней госпитализации инфекционных больных; отказ от врачебных консультаций для установления точного диагноза в случаях сложных заболеваний; отсутствие контроля за своевременным лечением туберкулезом, трахомой, чесоткой; необеспечение своевременной изоляции венерических больных, принудительного лечения и установления источников их заражения; некачественное проведение учета и патронажа беременных женщин и грудных детей; слабая организация плановой профилактической работы и недостаточное внимание внедрению санитарно-гигиенических навыков среди населения. При этом основной причиной выяв-

ленных недостатков, по мнению руководства ГВСУ НКПС, являлась не чрезмерная загруженность фельдшерских пунктов, а отсутствие регулярного административного контроля за их работой. С целью исправления создавшегося положения предполагалось ежемесячно направлять в фельдшерские пункты инспекторов лечебно-профилактических отделов для выполнения контрольных функций и оказания практической помощи, а также регулярного направления участковых врачей для приема и консультирования наиболее сложных больных и инструктирования медперсонала в его лечебно-профилактической работе [31, л. 50].

Одновременно врачебно-санитарным службам железных дорог были направлены инструктивные указания по работе фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов [31, л. 52–54].

Ряд замечаний по организации медицинского обслуживания железнодорожников был высказан начальнику Врачебно-санитарного управления Юго-Восточной железной дороги А. И. Благовещенскому руководством Главного врачебно-санитарного управления МПС в январе 1946 г. В числе озвученных претензий отмечались: невыполнение плана развертывания больничных коек; относительно высокая смертность от заболевания дизентерией и аппендицита, причиной чего являлась поздняя госпитализация больных; низкий уровень организации консультационной помощи в больницах. Подобные нарекания вызывала и работа амбулаторно-поликлинических учреждений, где явно не хватало квалифицированных медицинских кадров. При устранении выявленных недостатков предлагалось обращать внимание на снижение заболеваемости работников предприятий железнодорожного транспорта [31, л. 184–186].

К 1 марта 1946 г. на Юго-Восточной железной дороге, имевшей протяженность 2540 км, трудилось 106 853 работника. Сеть медицинских учреждений до-

роги разделялась на 8 врачебно-санитарных отделений. Они объединяли: 10 санитарно-эпидемических станций; 34 врачебных участка; 10 больниц на 689 коек; 8 родильных домов на 65 коек; 11 поликлиник; 25 специализированных и линейных амбулаторий; 51 фельдшерский и врачебный пункт; 7 пунктов первой помощи на вокзалах; 16 детских яслей на 717 коек; 14 консультаций; 10 молочных кухонь; 4 комнаты матери и ребенка; 8 противотуберкулезных и 11 венерологических учреждений; онкологический, 31 зубо врачебный, 3 неврологические, 4 рентгенологические, 14 малярийных, 9 физиотерапевтических кабинетов; 10 клинично-диагностических лабораторий; 6 пунктов переливания крови; 36 аптек и др. [32, л. 35–35 об.]

О востребованности и загруженности отраслевых медицинских учреждений свидетельствуют отчетные показатели за 1946 г. Так, Дорожную поликлинику станции Воронеж I, в которой работали 42 штатных врача, в течение года посетили 318 999 пациентов. По четырем врачебным участкам специалисты посетили 6670 больных на дому, включая 86 посещений на линии. Консультации специалистов на дому у больного получили 533 человека. 7508 пациентов получили освидетельствование Врачебно-консультационной комиссии. Профилактический осмотр прошли 35 642 работника ж.д. транспорта. За год было выписано 5900 листов временной нетрудоспособности [33, л. 6–6 об.]

Важную роль в предотвращении распространения инфекционных заболеваний среди работников и пассажиров железнодорожного транспорта играли специалисты-эпидемиологи. Воронежская санитарно-эпидемическая станция в 1946 г. насчитывала 41 сотрудника, включая 8 врачей и 22 средних медицинских работника, в обязанности которых в том числе входило сопровождение пассажирских поездов. Зона обслуживания санэпидстанции включала не только тер-

риторию города, но и линию до станции Касторная. В течение года ими было обследовано 637 эпидемических очагов, из них 169 – с диагнозом лихорадочное состояние. В ходе обследования эпидемических очагов проверялось качество их дезинфекционной обработки, осуществлявшейся городской дезинфекционной станцией и дезинфекционным отрядом Юго-Восточной железной дороги.

Эпидемические очаги обслуживались врачом-эпидемиологом и помощником санитарного врача. Из-за отсутствия транспорта медицинским работникам приходилось преодолевать пешком по 7-8 километров ежедневно. Сотрудники СЭС контролировали выявление лиц, контактировавших с инфицированными больными, оказывали помощь лечебным учреждениям в госпитализации больных; проводили профилактические мероприятия. Один из крупных очагов заболевания сыпным тифом был выявлен ими в общежитии Железнодорожного училища [32, л. 24]. Штрафные санкции возлагались на медицинских работников и граждан, по вине которых инфекционные заболевания продолжали распространяться [32, л. 25].

Одним из серьезных эпидемических заболеваний, с которым пришлось бороться специалистам Воронежской СЭС в 1945–1946 гг., стала туляремия – зооантропонозная инфекция, имеющая природную очаговость. Заболевание характеризуется интоксикацией, лихорадкой, поражением лимфатических узлов. Для борьбы с ним было организовано 19 специализированных бригад, контролируемых ход дератизации (мероприятий по уничтожению грызунов, являвшихся переносчиками инфекционных заболеваний). Только за 1946 г. дезотрядами было обработано 971,3 тыс. кв. метров вместо 350 тыс. кв. метров, запланированных изначально.

Туляремия, выявленная в Сталинском районе Воронежа с 1945 г., распространилась и среди железнодорожного

населения города. Благодаря принятым мерам к марту 1946 г. заболеваемость резко снизилась, а в мае того же года уже не было выявлено ни одного случая. Вспышки сыпного и брюшного тифа в течение 1946 г. происходили скачкообразно, как правило, их источниками становились приехавшие из других районов инфицированные работники. Причиной вспышек дизентерии являлись приобретенные на рынках продукты питания. На предмет выявления малярии в 1946 г. было обследовано более 23 тыс. человек, 1080 из которых подлежали лечению [32, л. 27–27]

Особое внимание уделялось профилактике распространения инфекционных заболеваний среди детей. На учете в Воронежской СЭС состояли 6792 ребенка. Высокая заболеваемость фиксировалась в железнодорожных школах Воронежа с сентября 1946 г., что было связано с возвращением детей из загородных пионерских лагерей и от сельских родственников. В течение четырех месяцев в образовательных учреждениях были выявлены: 14 случаев заболевания скарлатиной, 1 – дифтерией, 70 – корью, 8 – ветрянкой, 5 – брюшным тифом. Во всех школах проводились карантинные мероприятия. Почти полторы тысячи воронежских школьников прошли вакцинацию и ревакцинацию [32, л. 28].

В зоне обслуживания Воронежской СЭС находился ряд объектов коммунальной инфраструктуры, включавшей 75 общежитий, 150 жилых домов и юрт, 17 казарм и полуказарм, 20 будок, 28 стрелочных постов, 45 колодцев и 4 водокачки. В течение года силами санитарных инспекторов было проведено 1016 обследований указанных объектов, 6 из них пришлось закрыть, 18 домов площадью 4704 кв. метра были отремонтированы по предписанию санитарных врачей. По остальным составлялись акты и заключения о соответствии или нарушениях санитарных требований. Было оформлено 775 предложений, вынесено 2 предупре-

ждения, одно дело передано в суд, 2 дела – в прокуратуру. На 45 человек был наложен административный штраф на общую сумму 2685 рублей. Обследованию подверглись и 249 объектов водоснабжения, в отношении которых принимались те же меры санитарного контроля [32, л. 29].

Санитарному надзору со стороны Воронежской СЭС подлежали пищевые предприятия транспорта: 14 столовых, 14 магазинов, 48 ларьков, 5 продовольственных и овощных баз, 2 хлебопекарни, 2 колбасных цеха, ресторан-буфет, 4 ресторана на станциях, цех фруктовых вод, 5 овощехранилищ, 5 детских столовых, 4 больничных кухонь, 2 вагона-лавки, 5 буфетов в поездах Москва – Киев. За 1946 г. было проведено 2687 обследований, по результатам которых внесены 386 предложений, выписано 58 штрафов на сумму 2250 руб., наложено 14 административных взысканий. На подведомственных предприятиях промышленности (19 объектов, включая паровозоремонтный завод, паровозное и два вагонных депо) контролировалось соблюдение санитарных норм при их восстановлении, а также выполнение требований производственной санитарии и гигиены в отношении работников. По результатам 244 обследований были выписаны 460 санитарных требований, закрыты 8 объектов, 6 из которых после устранения нарушений возобновили работу [32, л. 30–31].

Как и во всех транспортных организациях, в лечебно-санитарных учреждениях Юго-Восточной железной дороги регулярно осуществлялась подготовка к работе в зимних условиях. 2 июля 1946 г. начальником дороги был издан специальный приказ № 500, предусматривавший проведение строительно-восстановительных работ на сумму 1,9 млн руб. и 797,8 тыс. руб. на капитальный ремонт зданий и строительство подсобных помещений. В числе объектов, подлежавших восстановлению, значились больни-

ца ст. Лихая, амбулатории на станциях Глубокая и Графская, поликлиника ст. Воронеж, родильный дом на ст. Воронеж II, детские ясли № 1 на ст. Лиски. Планировалось к ноябрю 1946 г. построить детские ясли, женскую и детскую консультации на ст. Россошь. Капитальному ремонту подлежали здания 24 лечебно-санитарных учреждений дороги. Приказ обязывал к 1 октября 1946 г. обеспечить лечебно-профилактические учреждения запасами топлива на весь отопительный сезон, а также провести дополнительные работы по утеплению зданий и помещений [32, л. 30–31].

Но из выделенной на капитальный ремонт суммы вовремя было отпущено лишь 200 тыс. руб., остальные средства отпускались дополнительно по мере расходования кредитов. Восстановление объектов происходило крайне медленными темпами. Так, на 1 июля 1946 г. объем выполненных работ исчислялся суммой 126 тыс. рублей (или 5,5% от запланированного).

10 июля 1946 г. был издан приказ начальника дороги № 527 «Об улучшении медицинского обслуживания на ЮВЖД», обязывавший строительные организации безоговорочно соблюдать утвержденный план восстановления и капитального ремонта лечебных учреждений. 7 августа 1946 г. приказом начальника дороги № 637 «О неудовлетворительных темпах восстановительных работ на Юго-Восточной дороге» намечались конкретные меры по исправлению ситуации и устанавливался срок завершения работ до 30 сентября. Но на 21 августа годовой план был выполнен лишь на 12,26 %. Строительно-восстановительное управление Юго-Восточной ж.д. выполняло работы только по двум запланированным объектам. В то же время к восстановлению дорожной поликлиники ст. Воронеж, детских яслей ст. Лиски и амбулатории ст. Графская ж.д. строители даже не приступали. Это происходило, несмотря на включение Воронежской по-

ликлиники в перечень восстанавливаемых объектов Постановлением СНК СССР от 1 ноября 1945 № 2722 и приказом НКПС от 19 ноября 1945 г. № 1070/Ц. Поликлиника являлась одним из самых крупных медицинских учреждений на Юго-Восточной дороге, осуществлявшим консультационную помощь всем больным, направляемым с линии. Кроме этого здесь размещались дорожная санитарно-гигиеническая лаборатория, дорожный аптечный склад, а также планировалось размещение фельдшерско-акушерской школы, которая при отсутствии помещений оказалась под угрозой закрытия.

Не меньше проблем создавала задержка ремонта здания детских яслей на ст. Лиски, поскольку в нем располагались станционная поликлиника и больница, не функционировавшая из-за возможного обвала перекрытия. В целом отсутствие ремонта в здании вело к прекращению медицинского обслуживания работников всего Лискинского узла. Необходимость срочного строительства амбулатории на станции Графская была вызвана возвращением занимаемого ею помещения вернувшемуся с фронта хозяину. В течение года здесь не удавалось возвести новое здание амбулатории из-за отсутствия необходимых строительных материалов. Когда Врачебно-санитарная служба дороги смогла получить наряд на 280 кубометров строительной древесины, оказалось, что заготовленный лес непригоден для строительства, хотя его отбором занимался представитель Управления строительно-восстановительных работ дороги [32, л. 33 об.]

Врачебно-санитарная служба неоднократно сигнализировала руководству дороги и МПС о неудовлетворительном ходе работ по восстановлению и строительству медицинских учреждений. К сожалению, многочисленная переписка и издание распорядительных актов не способствовали своевременному решению проблемы.

В 1947 г. 255 врачей и 330 специалистов среднего медперсонала из 36 амбулаторно-поликлинических учреждений Юго-Восточной железной дороги обслужили 2 542 790 посетителей. В 19 стационарных учреждениях, рассчитанных на 817 больничных коек, включая родильные дома и детские больницы, была оказана помощь 17 292 пациентам. Их лечением занимались 46 врачей, 212 представителей среднего и 256 – младшего медицинского персонала. Физиотерапевтическую помощь в лечебных учреждениях дороги получили 133 076 человека. В 14 клиничко-диагностических лабораториях были выполнены 172 041 анализ. На дороге работали 18 ясельных учреждений для детей железнодорожников на 790 мест, противотуберкулезный санаторий на 40 коек, принявший 421 больного. Посетителями 5 комнат матери и ребенка общей вместимостью 92 койки, функционировавших при вокзалах ЮВЖД, стали 110 874 человека, в том числе 25 883 ребенка в возрасте до трех лет, у 30 детей были выявлены инфекционные заболевания с их последующей госпитализацией. Десятью ведомственными молочными кухнями за год было отпущено 558 912 порций продукции, ежедневно они обеспечивали потребности до 1000 детей [34, л. 1–3].

В соответствии с постановлениями Совета Министров СССР № 5036 от 31 октября 1949 г. и № 3513 от 14 августа 1950 г. «Об упорядочении сети и установлении единой номенклатуры учреждений здравоохранения» в целях дальнейшего улучшения лечебно-профилактического обслуживания и санитарно-противоэпидемической деятельности происходило объединение больничных стационаров с амбулаторно-поликлиническими структурами. Для реорганизации транспортной системы здравоохранения требовались дополнительное время и ресурсы. Поэтому приказом МПС СССР № 703/цз от 23 октября 1950 г. разрешалось временно (в срок до 1 января

1953 г.) самостоятельное существование лечебно-профилактических учреждений ж.д. транспорта, не соответствующих единой номенклатуре и типовым категориям. В прилагаемом к приказу перечне таких организаций оказались Воронежская дорожная больница и специализированная амбулатория при Воронежском паровозоремонтном заводе, а также несколько амбулаторий, поликлиник и ряд ведомственных детских яслей ЮВЖД [35, л. 1, 6, 10].

12 мая 1950 г. начальником Донецкого округа железных дорог был издан приказ №93/ОН «О мероприятиях по улучшению медико-санитарного обслуживания железнодорожного населения Донецкого округа». По результатам проведенного окружного совещания медицинских работников лечебно-профилактических и санитарно-противоэпидемических учреждений дорог округа, а также анализа обзоров деятельности медико-санитарных учреждений округа за 1949 г., руководство округа констатировало, что в вопросах медицинского обслуживания железнодорожников и членов их семей сохранилось немало проблем. В частности, отмечались высокие показатели заболеваемости с временной утратой трудоспособности и травматизма в паровозном депо Ртищево П. В числе других недочетов в приказе были названы: недостаточный охват врачебными посещениями больных на дому, особенно живущих на линейных станциях; слабо развитая лабораторная и рентгенологическая база; поздние сроки госпитализации больных; необеспеченность отдельных поликлиник и больниц специализированными видами медицинской помощи; низкая активность работ по борьбе с венерическими и туберкулезными заболеваниями; серьезные просчеты в обслуживании онкологических и акушерско-гинекологических больных; медлительность в процессе объединения больничных и амбулаторно-поликлинических учреждений. Особой критике подверглась сани-

тарно-противоэпидемическая служба ЮВЖД за отсутствие должных результатов в работе по ликвидации паразитарных тифов и распространения кишечных инфекций [35, л. 24].

В распорядительной части приказа был намечен комплекс мер по исправлению выявленных недостатков, включая ежеквартальное заслушивание докладов руководителей предприятий, имевших большое количество заболевших работников; выделение помещений под здравпункты на предприятиях и вокзалах, а также под пансионаты при больницах, для лечения прибывающих с линии онкологических больных; своевременное завершение капитального и текущего ремонта в лечебных учреждениях. Ответственность за подбор, расстановку и компетентность медицинских кадров, повышение эффективности работы ведомственных структур здравоохранения и оказания помощи железнодорожникам возлагалась на начальников Врачебно-санитарных служб дорог [35, л. 25].

С 23 мая по 4 июня 1950 г. заместитель начальника Врачебно-санитарного отдела Донецкого округа железных дорог М. И. Свечников провел обследование работы лечебно-профилактических и санитарных учреждений ряда узлов Юго-Восточной железной дороги, по итогам которого был издан приказ № 11 от 10 июня 1950 г. «О мероприятиях по улучшению медико-санитарного обслуживания на Юго-Восточной ж.д.» начальником ВСО Донецкого округа. Одним из серьезных недостатков, выявленных в ходе проверки, стало обслуживание больных на линейных станциях, в казармах и будках преимущественно фельдшерами. Например, за первые 5 месяцев 1950 г. по поликлинике ст. Поворино из 200 выездов на линию обслужено врачами было только 25; по поликлинике ст. Борисоглебск из 275 выездов посещено врачами только 14. Подобное положение с выездами на линию наблюдалось по станциям Лиски и Ртищево.

Неблагополучным признавалось совмещение медицинского обслуживания железнодорожников с одновременным оказанием медпомощи пассажирам силами персонала вокзальных медпунктов на станциях Лиски и Балашов. В результате во время обслуживания работников транспорта на дому медпомощь пассажирам на вокзалах этих станций не оказывалась.

Негативно сказывалась ситуация с обеспечением лечебных учреждений транспортными средствами. Например, в поликлинике ст. Борисоглебск они вовсе отсутствовали. Вызывали нарекания и факты отзыва врачей из производственных здравпунктов, из-за чего работники паровозных и вагонного депо ст. Ртищево остались без квалифицированной медицинской помощи.

Отсутствие врачебного контроля за деятельностью противоэпидемических бригад приводило к снижению эффективности борьбы с инфекционными заболеваниями, поскольку на некоторых станциях практически не велся учет детского населения, нарушались сроки вакцинации и ревакцинации работников, не осуществлялся контроль за качеством питьевой воды. Не отвечали санитарным требованиям помещения, а также нарушался общий санитарный режим в лечебных учреждениях на станциях Лиски, Ртищево, Балашов. Все выявленные нарушения, согласно приказу, предписывалось устранить в 20-дневный срок [35, л. 29–33].

В 1950 г. на Юго-Восточной железной дороге количество больниц и родильных домов не изменилось, но их вместимость по сравнению с показателями 1947 г. возросла на 12% (достигла 927 коек). Число больных, прошедших стационарное лечение за год, увеличилось до 21 964 человек, что на 22% больше, чем тремя годами ранее. С 46 до 67 единиц выросли штаты врачей, с 212 до 254 – штаты среднего медицинского персонала. Из 19 действовавших больничных учреждений 12 прошли стадию реоргани-

зации, объединившись с амбулаторно-поликлиническими структурами. В семи ведомственных родильных домах за год появилось на свет 2797 младенцев. В 37 амбулаториях и поликлиниках дороги (21 из которых находилась на территории Воронежской области) было зафиксировано 2 069 709 посещений за год, что на 19% меньше, чем в 1947 г. При этом численность врачей в них возросла с 255 до 316, а специалистов среднего медперсонала – с 330 до 460. Стоматологическую помощь в 37 специализированных кабинетах и отделениях оказывали 58 врачей. Их посетили за год 251 933 пациента. На предприятиях ЮВЖД действовало 35, а на вокзалах 7 здравоохранительных и медицинских пунктов. В течение года их услугами воспользовались 266 893 человека. Помощь им оказывали 27 врачей и 102 фельдшера. В 19 ведомственных яслях состояло 746 детей, 105 из которых в летний период находились на дачном режиме. О здоровье малышей заботились 285 штатных сотрудников, включая врачей, работников среднего и младшего медицинского персонала. При вокзалах по-прежнему работало 5 комнат матери и ребенка, но количество их посещений по

сравнению с 1947 г. сократилось почти в два раза и составило 66 903. В пять раз сократилось и количество детей, у которых в период пребывания здесь были выявлены инфекционные заболевания, а число оставленных детей – почти в 15 раз (с 73 до 5), что может свидетельствовать о стабилизации санитарно-эпидемиологической и социально-бытовой обстановки. Санитарными службами ЮВЖД за год была проведена дезобработка помещений площадью около 17 млн кв. метров (включая школы, общежития, бригадные дома, вокзалы), обработано 51 589 железнодорожных вагонов [36, л. 2–7].

Выводы

В целом в течение пяти послевоенных лет система транспортного здравоохранения, функционировавшая на Юго-Восточной железной дороге, восстановила полную работоспособность, сумев в тяжелых условиях усовершенствовать материально-техническую оснащенность лечебных учреждений и укрепить их кадровый потенциал, что позитивно сказывалось на качестве оказания медицинской помощи.

Список литературы

1. Ковалев И. В. Советский железнодорожный транспорт. 1917-1947. М.: Трансжелдориздат, 1947. 96 с.
2. Хачатуров Т. С. Железнодорожный транспорт СССР. М.: Трансжелдориздат, 1952. 264 с.
3. Мушруб А. Г., Гусаров Б. П., Залужная Д. В. Развитие советского железнодорожного транспорта. М.: Транспорт, 1984. 255 с.
4. Аксененко Н. Е., Лapidус Б. М., Мишарин А. С. Железные дороги России от реформы к реформе. М.: Транспорт, 2001. 335 с.
5. Железнодорожный транспорт: XX век / ред. совет: С. А. Пашинин, А. А. Поликарпов, И. В. Харланович. М.: Железнодорожное дело, 2001. 188 с.
6. История железнодорожного транспорта Советского Союза. Т. 3: 1945–1991 гг. / ред. кол.: Г. М. Фадеев (пред.) [и др.]. М.: Академкнига, 2004. 631 с.
7. История железнодорожного транспорта России XIX–XXI вв. / под ред. Е. И. Пивовара. М.: Изд. дом Мещерякова, 2012. 736 с.
8. Люди дела. Вклад железнодорожников в социально-экономическое развитие России / В. В. Агафонов, А. А. Голубев, И. П. Киселев [и др.]; под ред. В. В. Фортунатова. М.: Учебно-метод. центр по образованию на ж.д. транспорте, 2007. 289 с.
9. Юго-Восточная за 40 лет. Воронеж: Кн. изд-во, 1957. 60 с.

10. Попов В. М. Стальной меридиан: История Юго-Восточной железной дороги. Воронеж: Центр обществ. связей Юго-Вост. ж.д., 2001. 247 с.
11. Азбука нашей магистрали / под общ. ред. А. И. Володько. Воронеж: Юго-Восточная ж.д., 2013. 344 с.
12. Здравоохранение на железнодорожном транспорте и в транспортном строительстве / В. М. Сибилев, О. Н. Сорокин, А. А. Прохоров [и др.]. М.: Транспорт, 1992. 223 с.
13. Вопросы истории железнодорожной медицины / под ред. О. Н. Сорокина [и др.]. М.: РАПС, 2000. 324 с.
14. Сорокин О. Н., Кривуля С. Д., Цфасман А. З. Вопросы истории железнодорожной медицины. М.: РАПС, 2000. 324 с.
15. Сорокин О. Н., Кудрин В. Л., Прохоров А. А. История здравоохранения на железнодорожном транспорте в России // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 2000. № 6. С. 55–56.
16. Карпова О. А. Советский период железнодорожной медицины (1917–1990) // Сибирский медицинский вестник. 2016. Т. 31, № 3. С. 96–99.
17. Этапы большого пути. Кн. 3: Из истории трудовых традиций железнодорожников Курского отделения Московской железной дороги. 1945–1995 / А. Н. Манжосов, В. К. Гладких, Н. П. Манжосов [и др.]. Курск: Курскинформпечать, 1996. 272 с.
18. Манжосов А. Н., Минаева Е. С. Роль врачей-фронтовиков в становлении медицинских учреждений послевоенных лет: (о деятельности главного врача отделенческой больницы на ст. Курск Сергея Николаевича Поликарпова (1900–1963)) // Научные труды молодежной секции Курского отделения РОИА / под ред. В. Л. Богданова. Вып. 4. Курск: ЮМЭКС, 2013. С. 31–36.
19. Социально-политические факторы развития отечественного железнодорожного транспорта в 1940–1960-е годы (по материалам Курской области): монография / В. В. Коровин, Е. А. Масуфранова, А. В. Величко [и др.]; Юго-Западный гос. ун-т. Курск, 2017. 298 с.
20. ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. Р-1978. Оп. 28. Д. 36.
21. Емельянов В. Санпосты в поездах // Вперед. 1945. 5 июл.
22. Благовещенский Н. Медицинское обслуживание // Вперед. 1945. 10 июл.
23. Бабайцев Медицинская школа // Вперед. 1945. 14 июл.
24. Курсы медсестер // Вперед. 1945. 13 нояб.
25. Благовещенский Н. Новый родильный дом // Вперед. 1945. 19 июл.
26. Никитина М. Детская больница // Вперед. 1945. 2 авг.
27. Расширение больницы // Вперед. 1945. 6 сент.
28. Свидаерский М. Расширение лечебных учреждений // Вперед. 1945. 13 окт.
29. Свидаерский М. Онкологический кабинет // Вперед. 1945. 3 нояб.
30. Награждение медицинских работников // Вперед. 1945. 11 сент.
31. ГАВО. Ф. Р-1978. Оп. 28. Д. 55.
32. ГАВО. Ф. Р-1978. Оп. 28. Д. 41.
33. ГАВО. Ф. Р-1978. Оп. 28. Д. 60.
34. ГАВО. Ф. Р-1978. Оп. 28. Д. 67.
35. ГАВО. Ф. Р-1978. Оп. 28. Д. 137.
36. ГАВО. Ф. Р-1978. Оп. 28. Д. 138.

Reference

1. Kovalev I. V. Sovetskij zheleznodorozhnyj transport. 1917-1947 [Soviet railway transport. 1917-1947]. Moscow, Transzheldorizdat, Publ., 1947. 96 p.

2. Hachaturov T. S. Zheleznodorozhnyj transport SSSR [Railway transport of the USSR]. Moscow, Transzheldorizdat Publ., 1952. 264 p.

3. Mushrub A. G., Gusarov B. P., Zaluzhnaya D. V. Razvitie sovetskogo zheleznodorozhnogo transporta [Development of Soviet railway transport]. Moscow, Transport Publ., 1984. 255 p.

4. Aksenenko N. E., Lapidus B. M., Misharin A. S. Zheleznye dorogi Rossii ot reformy k reforme [Russian Railways from reform to reform]. Moscow, Transport Publ., 2001. 335 p.

5. Zheleznodorozhnyj transport: XX vek [Railway transport: XX century]; ed. by S. A. Pashinin, A. A. Polikarpov, I. V. Harlanovich. Moscow, Zheleznodorozhnoe delo Publ., 2001. 188 p.

6. Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Sovetskogo Soyuza. T. 3. 1945-1991 gg. [History of railway transport of the Soviet Union. Vol. 3. 1945-1991]; ed. by G. M. Fadeev. Moscow: Akademkniga Publ., 2004. 631 p.

7. Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii XIX-XXI vv. [History of railway transport in Russia XIX-XXI centuries]; ed. by E. I. Pivovar. Moscow, Izd. dom Meshcheryakova, 2012. 736 p.

8. Agafonov V. V., Golubev A. A., Kiselev I. P., eds. Lyudi dela. Vklad zheleznodorozhnikov v social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii [People of business. Contribution of railway workers to the socioeconomic development of Russia]; ed. by V. V. Fortunatov. Moscow, Uchebno-metod. centr po obrazovaniyu na zh.d. transporte, 2007. 289 p.

9. Yugo-Vostochnaya za 40 let [South-Eastern for 40 years]. Voronezh, Knizhnoe izd-vo, 1957. 60 p.

10. Popov V. M. Stal'noj meridian: Istoriya Yugo-Vostochnoj zheleznoj dorogi [Steel Meridian: The History of the Southeastern Railway]. Voronezh, Centr obshchestvennyh svyazej Yugo-Vost. zheleznoj dorogi, 2001. 247 p.

11. Azbuka nashej magistrali [The alphabet of our highway]; ed. by A. I. Volod'ko. Voronezh, Yugo-Vostochnaya zheleznyaya doroga Publ., 2013. 344 p.

12. Sibilev V. M., Sorokin O. N., Prohorov A. A., eds. Zdravooхранenie na zheleznodorozhnom transporte i v transportnom stroitel'stve [Healthcare in railway transport and transport construction]. Moscow, Transport Publ., 1992. 223 p.

13. Voprosy istorii zheleznodorozhnoj mediciny [Questions of the history of railway medicine]; ed. by O. N. Sorokin. Moscow, RAPS Publ., 2000. 324 p.

14. Sorokin O. N., Krivulya S. D., Cfasman A. Z. Voprosy istorii zheleznodorozhnoj mediciny [Questions of the history of railway medicine]. Moscow, RAPS Publ., 2000. 324 p.

15. Sorokin O. N., Kudrin V. L., Prohorov A. A., Istoriya zdravooхранeniya na zheleznodorozhnom transporte v Rossii [History of Railway Transport Healthcare in Russia]. *Problemy social'noj gigieny i istoriya mediciny = Problems of social hygiene and the history of medicine*, 2000, no. 6, pp. 55–56.

16. Karpova O.A. Sovetskij period zheleznodorozhnoj mediciny (1917–1990) [Soviet period of Railway Medicine (1917-1990)]. *Sibirskij medicinskij vestnik = Siberian Medical Bulletin*, 2016, vol. 31, no. 3, pp. 96–99.

17. Manzhosov A. N., Gladkikh V. K., Manzhosov N. P., eds. Etapy bol'shogo puti. Kn. 3. Iz istorii trudovyh tradicij zheleznodorozhnikov Kurskogo otdeleniya Moskovskoj zheleznoj dorogi. 1945–1995. [Stages of a long journey. Book 3. From the history of labor traditions of railway workers of the Kursk branch of the Moscow Railway. 1945-1995]. Kursk, Kursk-inforpechat' Publ., 1996. 272 p.

18. Manzhosov A. N. Minaeva E. S. Rol' vrachej-frontovikov v stanovlenii medicinskih uchrezhdenij poslevoennyh let: (o deyatelnosti glavnogo vracha otdel'noy bol'nicy na st. Kursk Sergeya Nikolaevicha Polikarpova (1900-1963) [The role of front-line doctors in the formation of medical institutions in the post-war years: (about the activities of the chief physician of

the department hospital at Kursk station Sergey Nikolaevich Polikarpov (1900–1963)]. *Nauchnye trudy molodezhnoj sekcii Kurskogo otdeleniya ROIA* [Scientific works of the youth section of the Kursk branch of the ROIA]; ed. by V. L. Bogdanov. Is. 4. Kursk, YUMEKS Publ., 2013, pp. 31–36.

19. Korovin V. V., Masufranova E. A., Velichko A. V., eds. *Social'no-politicheskie faktory razvitiya otechestvennogo zheleznodorozhnogo transporta v 1940–1960-e gody (po materialam Kurskoj oblasti)* [Socio-political factors of the development of domestic railway transport in the 1940s–1960s (based on the materials of the Kursk region)]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2017. 298 p.

20. Emel'yanov V. Sanposty v poezdah [Sanposts on trains]. *Vpered = Forward*, 1945, July 5.

21. Blagoveshchenskij N. Medicinskoe obsluzhivanie [Sanposts on trains]. *Vpered = Forward*, 1945, July 10.

22. Babajcev. Medicinskaya shkola [Medical School]. *Vpered = Forward*, 1945, July 14.

23. Kursy medsester [Nursing courses]. *Vpered = Forward*, 1945, November 13.

24. Blagoveshchenskij N. Novyj rodil'nyj dom [New maternity hospital]. *Vpered = Forward*, 1945, July 19.

25. Nikitina M. Detskaya bol'nica [Children's Hospital]. *Vpered = Forward*, 1945, August 2.

26. Rasshirenie bol'nicy [Hospital expansion]. *Vpered = Forward*, 1945, September 6.

27. Sviderskij M. Rasshirenie leчебных uchrezhdenij [Expansion of medical institutions]. *Vpered = Forward*, 1945, October 13.

28. Sviderskij M. Onkologicheskij kabinet [Oncology office]. *Vpered = Forward*, 1945, November 3.

29. Nagrazhdenie medicinskih rabotnikov [Awarding of medical workers]. *Vpered = Forward*, 1945, September 11.

30. GAVO, f. R-1978, op. 28, d. 55.

31. GAVO, f. R-1978, op. 28, d. 41.

32. GAVO, f. R-1978, op. 28, d. 60.

33. GAVO, f. R-1978, op. 28, d. 67.

34. GAVO, f. R-1978, op. 28, d. 137.

35. GAVO, f. R-1978, op. 28, d. 138.

Информация об авторе / Information about the Author

Головин Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: golovin007@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0199-7423

Evgeny A. Golovin, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: golovin007@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0199-7423

Оригинальная статья / Original article

УДК 93

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-163-177>

Реконструкция Южно-Уральского этапа карательного похода войск Тамерлана на Золотую Орду 1391 года

И. Н. Лопаткин¹ ✉

¹Оренбургское президентское кадетское училище
ул. Пушкинская, д. 63, г. Оренбург 460000, Российская Федерация

✉ e-mail: ivan-lopatkin1988@mail.ru

Резюме

Актуальность. Огромная научная значимость обозначенной темы обусловливается принадлежностью России к миру Евразийских цивилизаций, роль которых на фоне исторических событий в Европе прижилась. Между тем на Южном Урале в XIV веке произошло масштабное событие, заложившее предпосылки для окончательного распада Улуса Джучи и ускорившее процесс освобождения Руси от ордынской зависимости, – поход тимуридских войск на Золотую Орду 1391 года. Ключевая часть данной военной кампании непосредственно связана с Южным Уралом, однако основные события этого этапа похода до сих пор остаются неизученными.

Цель: реконструировать Южно-Уральский этап карательного похода войск Тамерлана на Золотую Орду 1391 года.

Задачи: составить периодизацию похода; определить принадлежность гидронимов «Самур» и «Иик» для определения ключевых точек похода; рассчитать среднюю возможную скорость движения армии Тамерлана для выявления возможной протяженности маршрута его войск; выяснить локализацию авангардного сражения противоборствующих сторон; рассчитать примерную численность армии Тамерлана.

Методология. Использовался комплекс общенаучных и специальных методов и принципов: принцип объективности, анализ топографических элементов местности, историзма, историко-сравнительный, исторических аналогий и иные методы.

Результаты. Удалось установить, что основные события исследуемого похода происходили на территории современной Оренбургской области, составлена периодизация похода, установлено примерное место крупного авангардного сражения противоборствующих сторон и определена примерная численность армии Тамерлана.

Вывод. Общая протяженность Южно-Уральского маршрута карательного похода тимуридских войск 1391 года на Золотую Орду составляет около 700 км, преодоленных за 21 день. Средняя скорость движения войск не превышала 33 км/сутки, что соответствует реальным возможностям средневековых армий. Крупнейшее авангардное сражение рассматриваемой военной кампании произошло на западе Оренбуржья, на границе современных Асекеевского, Грачевского, Матвеевского и Красногвардейского районов. Численность войск, задействованных в походе, находится в границах 50–80 тысяч.

Ключевые слова: Золотая Орда; Империя Тимуридов; улус Джучи; Южный Урал; Оренбуржье.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Лопаткин И. Н. Реконструкция Южно-Уральского этапа карательного похода войск Тамерлана на Золотую Орду 1391 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 163–177. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-163-177>.

Поступила в редакцию 26.06.2023

Принята к публикации 31.07.2023

Опубликована 30.08.2023

Reconstruction of the South Ural Stage of the Punitive Campaign of Tamerlane's Troops Against the Golden Horde in 1391

Ivan N. Lopatkin¹ ✉

¹Orenburg Presidential Cadet School
63 Pushkinskaya Str., Orenburg 460000, Russian Federation

✉ e-mail: ivan-lopatkin1988@mail.ru

Abstract

Relevance. The enormous scientific significance of this topic is due to Russia's belonging to the world of Eurasian civilizations, whose role has been belittled against the background of historical events in Europe. Meanwhile, large-scale processes took place in the Southern Urals in the XIV century, about which there is too little information not only in the educational literature, but also in specialized publications. These include the campaign of the Timurid troops against the Golden Horde in 1391 and its culmination – the Battle of Kondurcha. It was these events that laid the prerequisites for the final collapse of the Jochi Ulus, which in turn accelerated the process of liberating Russian lands from the Horde dependence. The key part of this military campaign is directly connected with the Southern Urals, but the main events of this stage of the campaign (first of all, a major vanguard battle in the west of Orenburg region) still remain unexplored.

The purpose: to reconstruct the South Ural stage of the punitive campaign of Tamerlane's troops against the Golden Horde in 1391.

Objectives: to make a periodization of the campaign; to determine the affiliation of the hydronyms "Samur" and "Ilik" to determine the key points of the campaign; to calculate the average possible speed of movement of Tamerlane's army to identify the possible length of the route of his troops; to find out the approximate localization of the vanguard battle of the opposing sides; to calculate the approximate size of Tamerlane's army.

Methodology. The work used a set of general scientific and special methods and principles: the principle of objectivity, the analysis of topographic elements of the terrain, historicism, historical-comparative, chronological, historical analogies and other methods.

Results. It was established that the main events of the investigated campaign took place on the territory of the modern Orenburg region, and not Bashkortostan, as indicated in a number of studies. A periodization of the campaign has been compiled, within which two stages of the South Ural stage of this military campaign have been identified. Thanks to the determination of the average speed of movement of troops, it was possible to interpret such hydronyms as "Samur" and "Ilik" and establish the approximate location of a major vanguard battle of the opposing armies. With the help of a set of methods, the approximate number of Tamerlane's army was determined.

Conclusion. The total length of the South Ural route of the punitive campaign of the Timurid troops in 1391 to the Golden Horde is 700 km, overcome in 21 days. This means that the average speed of movement of troops did not exceed 33 km, which fully fits into the calculations we have given and corresponds to the real capabilities of medieval armies. The presented route is confirmed by archaeological sources, including a unique metal helmet found in the Orenburg region, in the paradise of the Kargalki river. The largest vanguard battle of the considered military campaign took place in the west of Orenburg, on the border of modern Asekeyevsky, Grachevsky, Matveevsky and Krasnogvardeysky districts. The number of troops involved in the campaign is in the range of 50-80 thousand.

Keywords: Golden Horde; Timurid Empire; Jochi ulus; Southern Urals; Orenburg region.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Lopatkin I. N. Reconstruction of the South Ural Stage of the Punitive Campaign of Tamerlane's Troops Against the Golden Horde in 1391. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 163–177. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-163-177>

Received 26.06.2023

Accepted 31.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

В 1388–1395 гг. произошел крупный военный конфликт между Золотой Ордой, во главе которой был хан Тохтамыш,

и мощным молодым государством – Империей Тимуридов (Мавераннахром), созданной Тамерланом. Данный конфликт обуславливался комплексом социально-

экономических и политических причин (предпосылок):

1) заинтересованность широких слоев населения обоих государств в грабительских завоевательных походах;

2) убежденность большинства золотоордынских ханов в том, что они являются носителями завоевательных идей Чингисхана, что побуждало их рассматривать Мавераннахр как составную часть своего улуса;

3) стремление Тохтамыша вернуть Хорезм и Азербайджан, утраченные Золотой Ордой в период «великой замятни»;

4) желание обоих государств взять под свой контроль южную ветку Великого шелкового пути [1, с. 222];

5) недовольство Тохтамыша, обладавшего политическими и полководческими способностями, вмешательством Тамерлана во внутривосточные дела Улуса Джучи, привыкшего рассматривать марионеточных ханов (а Тохтамыш таковым не являлся) Золотой Орды как своих ставленников.

Одним из ключевых событий данного военного конфликта являлся карательный поход войск Тамерлана на Золотую Орду 1391 г., имеющий непосредственное отношение к истории Оренбуржья, поскольку ключевой его этап разворачивался на территории Южного Урала.

Отдельные моменты похода уже являлись объектом исследования историков [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Однако в данной статье мы бы хотели остановиться на менее изученной его части – Южно-Уральском этапе похода, который непосредственно предшествовал кульминации всей военной кампании Тамерлана – Кондурчинской битве и в рамках которого происходили крупные авангардные сражения противоборствующих сторон.

Методология

В работе использовался комплекс общенаучных и специальных методов и принципов: принцип объективности, ана-

лиз топографических элементов местности, историзма, историко-сравнительный, хронологический, исторических аналогий и иные методы.

Исследование базируется на комплексе письменных, археологических и топонимических источников. Хотелось бы отметить, что в большинстве современных работ по истории Империи Тимуридов и Золотой Орды прослеживается стремление авторов привлечь как можно больше источников, при этом их критика отходит на второй план. Именно поэтому в монографиях и научных статьях приводятся сведения о фантастической численности армии Тамерлана в 300–400 тыс. воинов и т. д. Чтобы избежать подобных ситуаций, нами был применен иной метод: представленные выше источники мы разбили на две группы – первостепенные (основные) и второстепенные (дополнительные). Среди основных письменных источников следует отметить произведения персидских [10; 11; 12; 13; 14; 15] и арабских авторов [16], а также политико-правовые документы [17].

В качестве дополнительных письменных источников использовались сведения из русских летописей [18, с. 152] и башкирских народных преданий [19; 20].

Археологические источники представлены предметами вооружения, относящимися к рубежу XIV–XV вв.: сабли, обнаруженные в Ново-Кумакском могильнике (в нескольких километрах от современного Орска) и на территории западного Оренбуржья [21]; шлем, обнаруженный на берегу р. Каргалки в Оренбургском районе. Также к данной категории относится предполагаемый укрепленный лагерь Тамерлана, обнаруженный в Самарской области, недалеко от места слияния р. Сок и р. Кондурча [22].

Топонимические источники, включающие в себя названия населенных пунктов, водных и горных объектов, позволили нам определить маршрут движения тимуридских войск и предполагаемое место Кондурчинского сражения.

Результаты и их обсуждение

Для детального изучения военной кампании 1391 г. мы выделили три ее этапа, первые два из которых достаточно подробно изучены, поэтому мы раскроем их только схематично.

1. Подготовительный этап (8 декабря 1390 г. – 20 февраля 1391 г.). Тамерлан лично проверил готовность армии к длительному походу [13, с. 294] и провел переговоры с послами Тохтамыша в местности Карасеман (современная Туркестанская область Казахстана). Не удовлетворившись итогами переговоров, правитель Мавераннахра захватил послов и объявил о начале похода.

2. Среднеазиатский этап (21 февраля – мая 1391 г.). Войска Тамерлана преодолели примерно 1,5 тыс. км (от Ташкента до р. Тобол). Это была самая продолжительная стадия похода, связанная с серьезными затруднениями в снабжении армии водой и продовольствием, которые удалось разрешить после охоты в местности Атакарагуй [13, с. 295], которую, по нашему мнению, следует отождествлять с местностью близ посёлков Амангельды и Амантогай Костанайской области Казахстана. Подобное беспрецедентное мероприятие, связанное с преодолением безводных казахстанских степей, потребовало от Тамерлана огромных организаторских способностей. Для сравнения, В. А. Перовскому во время Хивинского похода 1839–1840 гг., проходившего по аналогичному маршруту (только с севера на юг, а не с юга на север), не удалось обеспечить 6-тысячный Отдельный Оренбургский корпус всем необходимым, и это притом, что численность войск Тамерлана была в 10–15 раз больше. Возникает вопрос: почему Тамерлан для вторжения в Золотую Орду не выбрал более короткий и в продовольственном плане менее опасный маршрут «Закавказье – Северный Кавказ – Нижнее Поволжье», а предпочел ему южно-уральское направление, сопряженное с

опасностью лишиться армии вследствие небоевых потерь?

На наш взгляд, это обуславливалось в том числе и целями похода: Тамерлан не стремился присоединить золотоордынские улусы к Мавераннахру, его задача была покарать «непослушного» хана и добиться лояльности Улуса Джучи. Это доказывается тем, что, разгромив Тохтамыша в Кондурчинской битве и рассеяв его войска, Тамерлан не стал занимать Сарай, не разрушил Сарайчик на Яике, приносивший золотоордынским ханам существенные доходы от торговли. Эти действия явно диссонируют с действиями Тимуридов после их победы в битве на Тереке 1395 г., когда Тамерлан приказал разрушить многие золотоордынские города, в том числе и столицу. Данные факты подтверждают, что поход 1391 г. носил карательный характер, а для осуществления его целей большое значение имеет фактор внезапности, что не позволит Тохтамышу оперативно собрать боеспособную армию. В то время мало кто мог ожидать, что Тамерлану удастся преодолеть засушливые казахстанские степи и выйти к верховьям Урала (описанный выше неудачный опыт Перовского подтверждает это).

Другой причиной выбора данного направления является переход на сторону Тамерлана золотоордынского военачальника Едигея, кочевья которого как раз располагались на Южном Урале, следовательно, он мог показать Тамерлану наиболее оптимальный маршрут передвижения и обеспечить определенную лояльность со стороны местного населения.

3. Южно-Уральский этап (май – июнь 1391 г.). Эта стадия связана с движением армии Тамерлана от верховьев Тобола до места Кондурчинской битвы, в ходе которого тимуридские войска преодолели примерно 1 тыс. км.

В рамках обозначенного выше этапа мы выделили две стадии и составили карту рассматриваемого похода (рис.).

Рис. Карта Южно-Уральского этапа карательного похода войск Тамерлана на Золотую Орду (май – июнь 1391 г.)

Fig. Map of the South Ural stage of the punitive campaign of Tamerlane's troops against the Golden Horde (May – June 1391)

Первая – форсированная стадия (конец мая – 4 июля 1391 г.). Войско Тамерлана впервые достигло предполагаемых кочевий неприятеля в районе Тобола и за счет форсированного марша стремились разбить вражеские отряды по отдельности. Здесь один из командующих тимуридским авангардом – Мухаммад-Салтан узнал от местных жителей, что в ближайшем лесу прячутся 10 конных золотоордынских латников. На их поимку Тамерлан отправил 20 нукеров. Численное превосходство позволило Тимуридам одержать победу и выяснить у пленных, что Тохтамыш находится где-то за Яиком. После получения данной информации Тамерлан развернул свои войска на запад и 29 мая его авангард достиг Яика (Урала) в районе современного Орска. Чтобы избежать возможной засады в местах известных бродов, Тимуриды форсировали Яик северней Орска и через

6 дней дошли до р. Самур, которую, по нашему мнению, следует отождествлять с Сакмарой.

В. Л. Егоров связывал данный гидроним с р. Самара, но, на наш взгляд, это некорректно, поскольку в источниках сказано, что армия Тамерлана достигла р. Самур через 6 дней после переправы через Яик [13, с. 296], от места которой до р. Самара минимум 280 км. Такое огромное расстояние невозможно пройти за указанное в источниках время, а вот расстояние до Сакмары составляет примерно 180 км, преодоление которого выглядит вполне вероятным. Кроме того, Шараф-ад-Дин в «Книге побед» указал, что, перейдя через р. Самур, Тамерлан приказал остановиться и ждать остальные отряды в районе р. Иик, которую, по нашему мнению, следует отождествлять с Большим Иком [10, с. 344]. Представленная информация позволяет нам сде-

лать предположение, что лагерь Тимуридов был разбит в районе впадения Большого Ика в Сакмару, недалеко от современного п. Саракташ.

Для аргументации данной позиции мы можем привести не только факт отсутствия в этой местности других гидронимов с подобными названиями, но и полное ее соответствие временным рамкам и направлению похода. Это единственное место, где войско могло последовательно, с разницей в несколько дней перейти обе реки.

4 июня недалеко от места впадения Большого Ика в Сакмару удалось взять пленного, сообщившего, что Тохтамыш принялся собирать огромное войско. После этого правитель Мавераннахра отдал приказ форсировать Большой Ик.

Вторая – стадия авангардных столкновений (4 – 18 июня 1391 г.). За этот промежуток времени Тимуриды преодолели расстояние от места впадения р. Большой Ик в р. Сакмара до Кондурчинского поля. На этой стадии произошло авангардное сражение, где героически погиб один из военачальников Тимура.

Средняя скорость движения войск была ниже, чем в предыдущей стадии, поскольку, опасаясь внезапного нападения войск Тохтамыша, Тамерлан приказал на каждой остановке разбивать укрепленный лагерь. Движение войск осуществлялось компактно (армия больше не растягивалась, как на предыдущих этапах) и только в боевом порядке.

Данный факт доказывает, что Тамерлан не мог в этот период направить свои войска на север для покорения народов, населявших в то время территорию современного Башкортостана. Кроме того, выбор маршрута похода обуславливался и физико-географическими характеристиками Южного Урала. Так, наиболее оптимальным ландшафтом для 60–90-тысячной армии, в которой преобладает конница, является степь. Ландшафт северной Башкирии представлен холмистой лесостепью (буквально в 100 км к

северу от Оренбурга расположена Богуминско-Белебеевская возвышенность, протянувшаяся от города Кумертау до р. Камы на 400 км и богатая лесами). Ее особенности могли быть использованы Тохтамышем для многочисленных засад, а местным населением – для организации партизанской войны. Будучи талантливым полководцем, Тамерлан не мог не учесть эти обстоятельства. Следовательно, описываемые в башкирских преданиях столкновения местного населения с отрядами Тимура имели место уже после Кондурчинского сражения.

После переправы через Большой Ик передовым отрядам Тамерлана удалось захватить в плен несколько воинов, которые сообщили, что Тохтамыш в курсе всех планов неприятеля, поскольку ему их сообщили беглые нукеры Едигея – союзника Тамерлана. Пленные рассказали, что золотоордынский хан готовил засады на переправах, а сам он сейчас находится в Кырк-куле и проверяет там боеспособность своего войска [13, с. 296]. Данная информация заставила Тамерлана принять дополнительные меры предосторожности для отражения внезапного нападения неприятеля. Он приказал на ночь делать укрепления из туров (большие деревянные щиты) и рвов, т. е. соорудить подобие военного лагеря.

Шараф-ад-Дин Йезди в «Книге побед» сообщает, что спустя несколько дней после переправы через Большой Ик армия Тамерлана оказалась в районе неких болот и топей [10, с. 345]. Они, вероятнее всего, находились на территории Западного Оренбуржья, богатой мелкими реками и озерами, которые после обильных дождей и в период половодья способствовали заболачиванию местности. Этот факт подтверждается еще и тем, что в других районах Оренбургской области крупные болота отсутствуют.

На этих территориях состоялись первые крупные авангардные сражения противоборствующих сторон. Сторожевые отряды Тимуридов обнаружили 3 кошуна

(один кошун мог состоять из 100–300 воинов), в погоню за которыми был отправлен отряд Мубашшира. Ему удалось разбить неприятеля и взять 40 пленных, которые подтвердили, что Тохтамыш приказал своим войскам собираться в Кырк-куле. Мы соотнесли данный топоним с современным с. Куркуль Алексеевского района Республики Татарстан, которое в атласах XVIII в. именовалось как «Каракуль» («Черное озеро») или «Кыркуль» («Степное озеро») [23]. Эта местность находится на левом берегу Камы, хорошо подходит для сбора войск из разных частей Золотой Орды и Руси и находится неподалеку от места летних кочевков ордынских ханов. Других каких-либо топонимов и гидронимов с похожим названием в районе боевых действий 1391 г. нам найти не удалось.

В этой же местности вскоре состоялось самое крупное авангардное сражение военной кампании 1391 г. Тамерлан назначил на сторожевую службу несколько военачальников, дав им указание настичь многочисленный отряд неприятеля и, совершив притворное отступление, заманить их в засаду. Но получилось все наоборот: небольшой золотоордынский отряд заманил часть тимуридского авангарда к оврагу, где скрывалось 30 кошунов хорошо вооруженных конных латников. Не желая вступать в бой с численно превосходящим соперником, командующие тимуридским авангардом послали гонца за подмогой и начали отступление, для осуществления которого им нужно было последовательно преодолеть две реки и болото. Прикрывал отход войск отряд из 7–8 человек эмира Ику-Тимура, которому удалось справиться с поставленной задачей. Однако сам он с несколькими знатными воинами погиб в сражении. Через некоторое время на место битвы прибыл сам Тамерлан. Он приказал воинам спешиться для переправы через реки и вступить в бой, который закончился победой Тимуридов. О важности и кровопролитности данного сраже-

ния говорит тот факт, что Тамерлан щедро вознаграждал его участников: освободил от повинностей, разрешил беспрепятственно приходить к себе на аудиенцию, освободил от юридической ответственности до девяти проступков, некоторым пожаловал личную печать [13, с. 298].

Остается неразрешенной проблема локализации данного сражения. В одной из своих публикаций [6] мы выдвинули предположение, что оно состоялось недалеко от современного села Троицкое Асекеевского района Оренбургской области. Однако дальнейший анализ источников показал, что данная версия недостаточно аргументирована. В частности, мы не располагаем археологическими источниками, которые бы ее подтвердили. Но используя анализ топографических элементов местности и рассчитав среднюю скорость движения войск, можно определить примерную локализацию битвы.

Используя письменные исторические источники и простые арифметические расчеты, мы установили примерную скорость движения войск Тамерлана. В «Книге Побед» Шараф-ад-Дина указано, что 28 апреля войско Тамерлана достигло местности Улук-таг (горы Улытау, Казахстан), преодолев 350 км за 12 дней, т. е. $350/12 \approx 35$ км/день. Через восемь дней войско достигло местности Атакарагуй (близ Амантогай и Амангельды, Казахстан), преодолев ещё около 280 км, или $280/8 \approx 35$ км/день. 29 мая, т. е. через 30 дней, войско достигло берегов Яика (Урала), преодолев около 550 км, соответственно, скорость войска насчитывала $550/30 \approx 18$ км/день. Средняя скорость, исходя из приведенных выше расчетов, составила 28 км/день.

Также благодаря сведениям Шараф-ад-Дина нам удалось рассчитать среднюю скорость передвижения войск в других походах Тамерлана. Автор сообщает, что от Самарканда до местности Юлдуз (район истока р. Кунгесс) 61 день пути [13, с. 175–178]. Мы определили, что

между этими пунктами примерно 1500–1700 км, следовательно, средняя скорость составляет 25–28 км/день. Чтобы проверить корректность этих данных, мы использовали еще один подобный пример из «Книги побед», в которой сообщается, что «между кара Ходжой и Самаркандом 3 месяца пути», расстояние составляет около 2300–2500 км [13, с. 176], т. е. скорость также получается равной 25–28 км/день.

А. А. Шейхумеров в одной из своих научных публикаций рассчитал скорость марша войска Крымского ханства в XVI–XVIII вв. Автор пришёл к выводу, что обычные переходы во время завоевательных походов армия могла совершать со скоростью в 20–30 км/сутки. На отдельных участках, «стремясь добиться стратегических или тактических выгод, они совершали впечатляющие марш-броски, пробегая до 80–100 км/день, поддерживая такой темп считанные дни» [15, с. 124]. Поскольку тип армий Тимуридов и крымских татар схожий, то и скорость передвижения у них должна быть примерно одинаковой и составлять около 30 км/сутки. Это почти полностью соотносится с приведенными нами выше расчетами.

Теперь, используя даты, указанные в источниках, мы можем проверить корректность представленного нами маршрута и определить примерное место авангардного сражения. И арабские, и персидские авторы указывают, что через 6 дней после форсирования Яика чуть севернее современного Орска войско Тамерлана находилось в районе рек Самур и Иик, которые, по нашему предположению, следует соотносить с Сакмарой и Большим Иком, перейти которые Тамерлан мог в районе современного Саракташа. От Орска до этого места около 180–190 км, следовательно, скорость движения воинов составляла 30–32 км/сутки. Низам-ад-Дин Шами пишет, что между авангардным сражением и Кондурчинской битвой (она состоялась 18 июня) прошло 6 дней, значит, первое крупное

столкновение противоборствующих сторон состоялось 12 июня. С учетом средней скорости в 25–35 км можно установить, что оно произошло в 225–315 км западнее от места впадения Большого Ика в Сакмару, т. е. на границе современных Асекеевского, Грачевского, Матвеевского и Красногвардейского районов Оренбуржья. Учитывая то обстоятельство, что до Кондурчинской битвы, состоявшейся на границе Елховского и Сергиевского районов современной Самарской области [6, с. 3], оставалось 6 дней (или 150–210 км при средней скорости в 25–35 км/сутки), можно предположить, что авангардное сражение произошло в Асекеевском районе Оренбуржья.

Для аргументации мы учитывали не только скорость передвижения войск, но и топографические элементы местности. Так, персидские авторы сообщают, что перед обозначенным выше сражением авангард Тамерлана преодолел болото и две реки, после чего наткнулся на многочисленный отряд золотоордынцев, прятанный в глубоком овраге. Не решившись вступить в сражение с численно превосходящим соперником, тимуридский авангард начал быстрое отступление, переходя в обратной последовательности через данные водные объекты. Подобная быстрота перехода через реки свидетельствует об их небольшом размере. Кроме того, большую помощь в интерпретации места битвы оказывает упоминание болота, которое можно соотносить с Большим и Малым Лебединым озерами, которые после обильных дождей превращаются в крупное болото, а реки – с р. Малый Кинель и р. Солянка. Эти водные объекты обладают пологими берегами, находятся в 3 км друг от друга, их ширина не превышает 20 м, а средняя глубина 1,5 м, т. е. не являются серьезным препятствием для конных воинов. Однако данная версия требует еще и подтверждения археологическими источниками, которых на данный момент нет.

Для полной реконструкции исследуемого похода необходимо установить примерную численность войск Тамерлана. В исследованиях приводятся колоссальные цифры в 200–250 тыс. воинов с обеих сторон [8, с. 20], на наш взгляд, крайне завышенные и не имеющие отношения к реальному положению дел. Подобная ситуация обусловлена некритическим отношением к источникам. Так, на Карсакпайской надписи указано, что войско Тамерлана состояло из 300 тыс. воинов, а русские летописи повышают численность обеих армий до 400 тысяч [18, с. 152]. Предложенный нами метод деления источников по данной проблеме на основные и дополнительные позволит более объективно решить поставленную задачу. Здесь важным является понимание, в каких обстоятельствах и для чего создавались те или иные источники. Так, Карсакпайская надпись, сделанная по приказу Тамерлана на арабском и тюркском языках, преследовала, на наш взгляд, пропагандистские цели: вселить в кочевников, населявших Улус Шибана, страх и заставить их отказаться от сопротивления. А Никоновская летопись создавалась автором, который родился как минимум через 100 лет после описываемых событий и вряд ли мог использовать надежные первоисточники.

В арабских и персидских источниках нет прямого ответа на вопрос о численности противоборствующих армий, но в них имеются отрывочные сведения, которые позволяют ее определить. Так, в «Уложении Тимура» и «Книге побед» Шараф-ад-Дина приводятся важные сведения, благодаря которым нам удалось высчитать примерную численность 1 полка армии Тамерлана: она варьируется от 1330 до 2850 человек [17, с. 189]. В этом же документе сообщается, что в самых крупных битвах Тимуриды использовали 40 полков [17, с. 194], следовательно, в этом случае армия состояла из 53,2 – 114 тыс. воинов. Эти цифры явно ниже 200–400 тысяч.

В своих публикациях, посвященных Кондурчинской битве [6; 7], мы определили диспозицию армии Тимуридов, ее деление на корпуса и численность, которая не превышала 80 тыс. человек, что вписывается в рамки приведенных нами выше расчетов.

Приведенные нами теоретические построения необходимо скорректировать применительно к реальным обстоятельствам похода. Для этого нужно рассмотреть особенности снабжения армии. Тимуридские и золотоордынские воины брали в поход 2-3 лошади [3, с. 582]. В обеих армиях конница являлась преобладающим родом войск, следовательно, исходя из простых арифметических расчетов становится очевидным, что (без учета обозных) 200-тысячная армия должна была располагать не менее чем 500 тыс. лошадей. На одну лошадь для нормального выпаса требуется минимум 0,25 га пашни в день [6, с. 11]. Если умножить эту сумму на 500 000, то мы получим 1250 кв. км. Следовательно, армия Тимура должна была в день преодолевать как минимум 35 км в длину, с учётом того, что она растянута в ширину на 35–40 км. Теоретически это возможно осуществить, но возникают другие трудности. Во-первых, на протяжении всего маршрута армия не может быть растянута на такое огромное расстояние по фронту, поскольку возникает угроза нападения противника абсолютно на любом направлении. К тому же управляемость войсками в таком случае будет крайне затруднена. Во-вторых, армия не может постоянно заниматься выпасом лошадей и фуражировкой, поскольку ей нужно решать и другие задачи. Особую трудность составляет организация водопоя. Лошадь в среднем в день выпивает 60–80 литров воды, т. е. на армию численностью 200 тыс. воинов при наличии 500 тыс. лошадей потребуется 30–40 млн литров воды [6, с. 11]. Получать ежедневно такой огромный ее запас (с учетом организации

засад в местах возможных водопоев) крайне затруднительно.

Кроме того, сложность представляет не только снабжение лошадей фуражом, но и обеспечение воинов продовольствием. Чтобы поддерживать жизнедеятельность, взрослому мужчине в тяжелых походных условиях требуется 2200–2800 кКал. Этому соответствует 2,5 кг куриного мяса, 0,8 кг пшеницы или 1 кг ячменя. При численности армии 200 тыс. человек потребуется примерно 200 т еды в день (это соответствует четырем современным грузовым вагонам). Средняя обозная телега весом в 200 кг могла перевозить груз массой 250 кг [6, с. 11], т. е. для транспортировки продовольствия, необходимого армии только на 1 день, без учета всех остальных грузов, понадобится 1200 телег. Все это требует огромного количества лошадей (на одну телегу требовалось примерно 3 лошади, на армию – 3600 лошадей, требующих особого ухода и фуражного довольствия). Эти издержки необходимы для обеспечения только однодневного довольствия 200-тысячной армии. Приведенные нами аргументы позволяют сделать вывод, что сведения о 200–400-тысячных армиях с обеих сторон не могут соответствовать реальному положению дел.

Источники указывают на примерное численное равенство противоборствующих сторон, следовательно, в этом вопросе нам также поможет анализ мобилизационных возможностей Золотой Орды. На момент Кундурчинского сражения под контролем Тохтамышша находились территории от Дуная до Волги (но территория за Волгой фактически отложилась от Золотой Орды), что сопоставимо с владениями Мамаю на момент его похода 1380 г. на Русь. Тогда он смог выставить до 30 тыс. воинов. Но Тохтамышу было необходимо собрать большее войско, т. к. для него военная кампания 1391 г. носила оборонительный характер. Стояла угроза потери государственности Золотой Орды, поэтому следует полагать, что

Тохтамыш смог собрать войско численностью 50–60 тыс. человек. Отметим, что вся империя Чингисхана накануне западного похода располагала армией в 150–200 тыс. воинов. При этом она значительно превосходила по своим масштабам государство, находившееся под контролем Тохтамышша.

Нам удалось определить примерную численность населения империи Тамерлана: 4 687 500 человек [6, с. 13]. Учёными была подсчитана численность населения империи Чингисхана (1 500 000 чел.) и численность его армии (130 000 воинов) [24, с. 49–64], что составляло 8,6% от общего числа населения. В отличие от кочевой империи Чингисхана государство Тимуридов, где преобладало оседлое население, не могло мобилизовать такое количество воинов, т. к. была необходима рабочая сила для скотоводства, земледелия и ремесла, а, по мнению историков, основу войска Тамерлана составляло именно оседлое население. Кроме того, частые войны, которые практически непрерывно вел Мавераннахр, приводили к огромной смертности населения, которая, на наш взгляд, не могла компенсироваться присоединением новых территорий. Дело в том, что в источниках содержится много фактов практически поголовного истребления воинов покоренных территорий [14, с. 201], это требовалось для предотвращения возможных восстаний.

Таким образом, мобилизационный максимум империи Тимура составлял не более 3–4% от общего числа населения. Получаем 140–187 тыс. воинов, из которых треть, согласно «Уложению Тимура», необходимо было выставлять для охраны границ. Для гарнизонной службы было необходимо содержать минимум по 500–1000 воинов в каждом крупном городе, которых в империи Тамерлана насчитывалось порядка 40 (судя по найденным там монетам с изображением Тамерлана).

Важно также отметить, что часть воинов требовалась для обеспечения функционирования торговых путей, приносящих значительный доход Тимуридам. По нашим подсчетам, длина торговых путей на территории государства Тамерлана составляла примерно 3 тыс. км; для их охраны и обслуживания требовалось около 5 тыс. воинов. Получаем, что осталось 48–80 тыс. воинов, готовых к походу. Обратим внимание на то, что полученная цифра составляет абсолютный возможный максимум. Необходимо подчеркнуть, что данный метод в силу своей относительности только в качестве вспомогательного, однако он в целом подтверждает полученные другими способами данные.

Также для уточнения численности войск нами был использован метод исторических аналогий: было проведено сравнение данных о численности армий в сражениях XIV–XV вв., приведённых в источниках того времени, с данными, полученными современными историками в ходе исследований. Мы обнаружили, что численность армий в первоисточниках завышена в среднем в 6,5 раз (табл. 1). Разделив 400 тысяч (это максимальная численность армии Тамерлана, представленная в источниках) на данное значение, мы получим 61,5 тысяч. Это число полностью соотносится с данными, полученными другими способами, что позволяет определить численность армии Тамерлана в 50–80 тыс. воинов.

Таблица 1. Численность войск в ключевых сражениях рубежа XIV–XV вв., представленная в источниках и современных исследованиях

Table 1. The number of troops in the key battles of the turn of the XIV–XV centuries, presented in sources and modern research

Сражение, год Battle, year	Источник Source	Современные исследования Modern research	Преувеличение в n раз(a) Exaggeration by ×times(es)
Битва у Анкары, 1402 Battle of Ankara, 1402	200 тыс. воинов в армии Тимура против 250-тысячной армии Баязида 200 thousand soldiers in Timur's army against Bayezid's 250 thousand army	20 тыс. воинов армии Тимура против 35-тысячной армии Баязида 20 thousand soldiers in Timur's army against Bayezid's 35 thousand army	8
Куликовская битва, 1380 Battle of Kulikovo, 1380	По 150 тыс. воинов с каждой стороны 150 thousand soldiers on each side	15 тыс. воинов у русских против 30 тыс. у Мамая 15 thousand soldiers from the Russians against 30 thousand from Mamai	6
Битва при Креси, 1346 Battle of Crecy, 1346	100 тыс. французов против 30 тыс. англичан 100 thousand Frenchmen against 30 thousand Englishmen	Около 25 тыс. французов против 12 тыс. англичан About 25 thousand Frenchmen against 12 thousand Englishmen	4
Битва при Никополе, 1396 Battle of Nikopol, 1396	70 тыс. рыцарей против 200 тыс. османов 70 thousand knights against 200 thousand Ottomans	16 тыс. крестоносцев против 17 тыс. османов 16 thousand crusaders against 17 thousand Ottomans	8

Выводы

Таким образом, общая протяженность Южно-Уральского маршрута карательного похода Тимуридских войск 1391 г. на Золотую Орду составляет 700 км, преодоленных за 21 день. Это означает, что средняя скорость движения войск не превышала 33 км, что полностью вписывается в приведенные нами расчеты и соответствует реальным возможностям средневековых армий. Представленный маршрут подтверждается археологическими источниками, в том числе уникальным металлическим шлемом, обнаруженным в Оренбургской области в районе р. Каргалки, и саблями, обнаруженными в восточном и западном Оренбуржье на пути следования войск. Все

эти находки соотносятся с эпохой Тамерлана. Это доказывает корректность реконструированного нами маршрута и исключает возможность глубоких рейдов Тимуридов на территорию современной Башкирии, поскольку в таком случае их войска не смогли бы за столь короткое время добраться до места Кондурчинской битвы. Кроме того, выбор маршрута похода обуславливался и физико-географической характеристикой Южного Урала: преобладанием оптимального для огромной конной армии степного ландшафта в Оренбуржье, а не в Башкирии. Примененный комплекс методов позволил скорректировать численность армии Тамерлана, которая не могла превышать 60–80 тыс. воинов.

Список литературы

1. Иванов В. А., Злыгостев В. А. Башкирский юрт Золотой Орды (1236–1437). Уфа: Китап, 2021. 272 с.
2. Бобров Л. А. Военачальники чагатайской армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // Тюркологические исследования. 2018. № 3. С. 25–62.
3. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Айрис-пресс, 2014. 736 с.
4. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. М.: ЛЕНАНД, 2018. 246 с.
5. Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов, при Чингис-хане и Тамерлане. Улан-Удэ : Республиканская тип, 2007. 254 с.
6. Лопаткин И. Н. Поход тимуридских войск на Золотую Орду 1391 г.: реконструкция маршрута движения армии Тамерлана к месту Кондурчинской битвы и определение численности противоборствующих сторон // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 3–31.
7. Лопаткин И. Н., Ларионов К. Реконструкция хода Кондурчинского сражения 1391 г. на базе письменных источников // Право, история, педагогика и современность: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Пенза : Пензен. гос. аграр. ун-т, 2023. С. 139–143.
8. Миргалеев И. М. Войны Токтамыш-хана с Аксак-Тимуром. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 88 с.
9. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М. : Книга по требованию, 2013. 180 с.
10. Из сочинения Шереф-ад-дина Йезди «Книга побед» (Зафар-намэ) // Золотая Орда в источниках. Т. 1: Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003. С. 328–372.
11. Из сочинения Муин-ад-дина Натанзи «Аноним Искендера» // Золотая Орда в источниках. Т. 1. : Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003. С. 310–322.
12. Из сочинения Абд-ар-раззака Самарканди «Места восхода двух счастливых звезд и места слияния двух морей» // Золотая Орда в источниках. Т. 1: Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003. С. 373–385.

13. Из сочинения Низам-ад-дина Шами «Книга побед» (Зафар-намэ) // Золотая Орда в источниках. Т. 1.: Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003. С. 288–309.
14. Мелехин А. В. Шараф-ад-Дин Али Йазди. Книга побед // Тимерлан. М. : АСТ, 2019. С. 327–348.
15. Шейхумеров А. А. Скорость марша крымско-татарских армий в XVI-XVIII вв. // *Novogardia*. 2020. №3 (7). С. 114–131.
16. Из сочинения Ибн Арабшаха «Чудеса предопределения в судьбах Тимура» // Золотая Орда в источниках. Т. 1.: Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003. С. 205–216.
17. Мелехин А. В. Уложение Тимура // Тимерлан. М. : АСТ, 2019. С. 83–325.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.
19. Идукай и Мурадым // Башкирское народное творчество. Т. 10. Уфа: Китап, 1999. С. 45–187.
20. Последний из Сартаева рода // Башкирское народное творчество. Т. 2. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1987. С. 173–180.
21. Харламов П. В. Уникальные предметы вооружения эпохи средневековья из Оренбургской области // *Археология Евразийских степей*. 2022. № 3. С. 114–124.
22. Мухамадиева А. Р. Объекты Ново-Закамской оборонительной линии как экспонаты музейной выставки // *Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы*. 2020. Т. 17, № 2. С. 301–305.
23. Арсентьева С. Куркульцы – люди особого склада // Республика Татарстан. Общественно-политическая газета. 2009. 12 сент.
24. Храпачевский Р. П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Язуз-пресс, 2022. 288 с.

References

1. Ivanov V. A., Zlygostev V. A. *Bashkirskij yurt Zolotoj Ordy (1236–1437)* [Bashkir Yurt of the Golden Horde (1236-1437)]. Ufa, Kitap Publ., 2021. 272 p.
2. Bobrov L. A. *Voенachal'niki chagatajskoj armii Amira Timura v Kondurchinskoj bitve 1391 g.* [Commanders of the Chagatai army of Amir Timur in the Battle of Kondurchinsk in 1391]. *Tyurkologicheskie issledovaniya = Turkological studies*, 2018, no. 3, pp. 25–62.
3. Gumilev L. N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Russia and the Great Steppe]. Moscow, Ajris-press Publ., 2014. 736 p.
4. Egorov V. L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoj Ordy* [Historical geography of the Golden Horde]. Moscow, LENAND Publ., 2018. 246 p.
5. Ivanin M. I. *O voennom iskusstve i zavoevaniyah mongolo-tatar i sredneaziatskih narodov pri Chingishane i Tamerlane* [About the military art and conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian peoples, under Genghis Khan and Tamerlane]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tip., 2007. 254 p.
6. Lopatkin I. N. *Pohod timuridskih vojsk na Zolotuyu Ordu 1391 g.: rekonstrukciya marshruta dvizheniya armii Tamerlana k mestu Kondurchinskoj bitvy i opredelenie chislennosti protivoborstvuyushchih storon* [The march of the Timurid troops to the Golden Horde in 1391: reconstruction of the route of Tamerlane's army to the place of the Battle of Kondurchinsk and determination of the number of opposing sides]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki = Izvestiya of Higher educational institutions. Volga region. Humanities*, 2023, no. 3, pp. 3–31.

7. Lopatkin I. N., Larionov K. Rekonstrukciya hoda Kondurchinskogo srazheniya 1391 g. na baze pis'mennyh istochnikov [Reconstruction of the course of the Battle of Kondurchinsky in 1391 on the basis of written sources]. *Pravo, istoriya, pedagogika i sovremennost'. Sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Law, history, pedagogy and modernity. Collection of articles of the IV International Scientific and Practical Conference]. Penza, Penza St. Agrarian Univ. Publ., 2023, pp. 139–143.

8. Mirgaleev I. M. Vojny Toktamys-hana s Aksak-Timurom [Toktamys Khan's Wars with Aksak-Timur]. Kazan', Institut istorii AN RT Publ., 2003. 88 p.

9. Fedorov-Davydov G. A. Obshchestvennyj stroj Zolotoj Ordy [The social system of the Golden Horde]. Moscow, Kniga potrebovaniyu Publ., 2013. 180 p.

10. Iz sochineniya Sheref-ad-dina Jezdi "Kniga pobed" (Zafar-name) [From the essay of Sheref-ad-din Yazdi "The Book of Victories" (Zafar-nameh)]. *Zolotaya Orda v istochnikah*. T. 1. Arabskie i persidskie sochineniya [The Golden Horde in Sources. Vol. 1. Arabic and Persian writings]. Moscow, Nauka Publ., 2003. P. 328–372.

11. Iz sochineniya Muin-ad-dina Natanzi "Anonim Iskendera" [From the work of Muin-ad-din Natanzi "Anonymous Iskender"]. *Zolotaya Orda v istochnikah*. T. 1. Arabskie i persidskie sochineniya [The Golden Horde in sources. Vol. 1. Arabic and Persian writings]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 310–322.

12. Iz sochineniya Abd-ar-razzaka Samarkandi "Mesta voskhoda dvuh schastlivyh zvezd i mesta sliyaniya dvuh morej" [From the work of Abd-ar-razzak Samarqandi "Places of the rising of two lucky stars and the confluence of two seas"]. *Zolotaya Orda v istochnikah*. T. 1. Arabskie i persidskie sochineniya [Golden Horde in sources. Vol. 1. Arabic and Persian writings]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 373–385.

13. Iz sochineniya Nizam-ad-dina Shami "Kniga pobed" (Zafar-name) [From the work of Nizam-ad-din Shami "The Book of Victories" (Zafar-nameh)]. *Zolotaya Orda v istochnikah*. T. 1. Arabskie i persidskie sochineniya [The Golden Horde in sources. Vol. 1. Arabic and Persian writings]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 288–309.

14. Melekhin A. V. Sharaf-ad-Din Ali Jazdi. Kniga pobed [Sharaf al-Din Ali Yazdi. The Book of Victories]. Tamerlan [Tamerlane]. Moscow, AST Publ., 2019. 351 p.

15. Shejhumerov A. A. Skorost' marsha krymsko-tatarskih armij v XVI-XVIII vv. [The speed of the march of the Crimean Tatar armies in the XVI-XVIII centuries]. *Novogardia = Novogardia*, 2020, no. 3 (7), pp. 114–131.

16. Iz sochineniya Ibn Arabshaha "Chudesa predopredeleniya v sud'bah Ti-mura" [From the work of Ibn Arabshah "Miracles of predestination in the destinies of Timur"]. *Zolotaya Orda v istochnikah*. T. 1. Arabskie i persidskie sochineniya [Golden Horde in sources. Vol. 1. Arabic and Persian writings]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 205–216.

17. Melekhin A. V. Ulozhenie Timura [Code of Timur]. Tamerlan [Tamerlane]. Moscow, AST Publ., 2019. 351 p.

18. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 9. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu [The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 9. The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, 544 p.

19. Idukaj i Muradym [Idukai and Muradim]. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [Bashkir folk art]. Ufa, Kitap Publ., 1999, vol. 10. pp. 45–187.

20. Poslednij iz Sartaeva roda [The last of the Sartaev family]. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [Bashkir folk art]. Ufa, Bashkirskoe kn. izd-vo Publ., 1987, vol. 2, pp. 173–180.

21. Harlamov P. V. Unikal'nye predmety vooruzheniya epohi srednevekov'ya iz Orenburgskoj oblasti [Unique items of medieval weapons from the Orenburg region]. *Arheologiya Evrazijskih stepej = Archeology of the Eurasian steppes*, 2022, no. 3, pp. 114–124.

22. Muhamadieva A. R. Ob"ekty Novo-Zakamskoj oboronitel'noj linii kak eksponaty muzejnoj vystavki [Objects of the Novo-Zakamskaya defensive line as exhibits of a museum exhibition]. *Industriya turizma: vozmozhnosti, prioritety, problemy i perspektivy = Tourism industry: opportunities, priorities, problems and prospects*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 301–305.

23. Arsent'eva S. Kurkul'cy – lyudi osobogo sklada [Kurkultsy – people of a special warehouse]. Respublika Tatarstan. Obshchestvenno-politicheskaya gazeta [Republic of Tatarstan. Socio-political newspaper], 2009, September 12.

24. Hrapachevskij R. P. Armiya mongolov perioda zavoevaniya Drevnej Rusi [The Mongol army of the period of the conquest of Ancient Russia]. Moscow, Yauza-press Publ., 2022. 288 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Лопаткин Иван Николаевич, кандидат исторических наук, преподаватель истории и обществознания кафедры истории и искусства, Оренбургское президентское кадетское училище, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: ivan-lopatkin1988@mail.ru

Ivan N. Lopatkin, Candidate of Science (Historical), Lecturer in History and Social Studies of the Department of History and Art, Orenburg Presidential Cadet School, Orenburg, Russian Federation, e-mail: ivan-lopatkin1988@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-178-188>

Использование спирта для химических и технических нужд в акцизной России (1863–1896 годы)

Н. Е. Горюшкина¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Статья освещает процесс использования спирта для производства химической и технической продукции. Актуальность исследования обусловлена слабым представлением данного аспекта в научной литературе, а также его безусловной значимостью при формировании общей концепции развития российской экономики.

Цель – осветить перемены в применении спирта для химических и технических нужд, произошедшие в период действия акцизной системы в России.

Задачи исследования определены поставленной целью и заключаются в том, чтобы обосновать развитие законодательства по безакцизному применению спирта для химических и технических нужд, установить взаимосвязь и взаимообусловленность введенных правительством льгот и размеров производства соответствующей продукции, оценить успешность предпринятых в целях расширения области применения спирта.

Методология. Методологической основой статьи стали принципы историзма, системности, научной объективности, дополненные такими специальными методами, как метод интерпретации, метод контент-анализа и статистический метод.

Результаты. В акцизный период спирт стал использоваться не только как напиток, но и как основной или вспомогательный компонент при изготовлении химических и технических изделий. Акцизное законодательство в этой связи изменилось. Временные законоположения, освобождавшие от акциза спирт, направляемый на химические и технические заводы, в конце концов были обобщены в Законе 18 марта 1896 года. Под его влиянием размеры производства в России выросли, что позволило российским производителям конкурировать с иностранцами.

Вывод. Применение спирта для химических заводов и технических производств в акцизной России выглядело как динамичный процесс. Решающую роль в успехе сыграли правительственные акты, расширившие область применения безакцизного спирта.

Ключевые слова: акцизная система; спирт; акцизная пошлина; винокуренное производство; химическая продукция; техническая продукция.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. Использование спирта для химических и технических нужд в акцизной России (1863–1896 гг.) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 178–188. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-178-188>.

Поступила в редакцию 19.06.2023

Принята к публикации 26.07.2023

Опубликована 30.08.2023

© Горюшкина Н. Е., 2023

The Use of Alcohol for Chemical and Technical Needs in Excise Russia (1863 – 1896)

Natalia E. Goryushkina¹ ✉

¹ Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article highlights the process of using alcohol for the production of chemical and technical products. The relevance of the study is due to the weak representation of this aspect in the scientific literature, as well as its unconditional significance in the formation of the general concept of the development of the Russian economy.

The purpose is to highlight the changes in the use of alcohol for chemical and technical needs that occurred during the period of the excise system in Russia.

The objectives of the study are determined by the goal and are to substantiate the development of legislation on the exciseless use of alcohol for chemical and technical needs, to establish the relationship and interdependence of the benefits introduced by the government and the size of the production of relevant products, to assess the success of the measures taken to expand the scope of alcohol.

Methodology. The methodological basis of the article is the principles of historicism, consistency, scientific objectivity, supplemented by such special methods as the method of interpretation, the method of content analysis and the statistical method.

Results. During the excise period, alcohol began to be used not only as a drink, but also as a main or auxiliary component in the manufacture of chemical and technical products. Excise legislation has changed in this regard. Temporary legal provisions exempting alcohol from excise duty sent to chemical and technical plants were finally summarized in the Law of March 18, 1896. Under his influence, the size of production in Russia increased, which allowed Russian manufacturers to compete with foreigners.

Conclusion. The use of alcohol for chemical plants and technical productions in excise Russia looked like a dynamic process. A decisive role in the success was played by government acts that expanded the scope of application of exciseless alcohol.

Keywords: excise system; alcohol; excise duty; distillery; chemical products; technical products.

Funding. The publication was carried out within the framework of the state task for 2023 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Goryushkina N. E. The Use of Alcohol for Chemical and Technical Needs in Excise Russia (1863 – 1896). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 178–188. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-178-188>

Received 19.06.2023

Accepted 26.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

Коренное реформирование экономики России, ее промышленного сектора ставит на повестку дня историко-экономическое исследование бывшего во второй половине XIX в. одним из наиболее

развитых секторов отечественной индустрии – винокуренной промышленности. Примечательно, что именно в акцизный период, начало которому положила винная реформа 1863 г., винокуренная промышленность стала поставлять на рынок не только спирт, который исполь-

зовался как пищевой продукт, но и так называемой технической спирт. С ростом в России химического и технического производства потребность в техническом спирте увеличивалась.

Министерство финансов, отвечая на запрос времени, совершенствовало правила отпуска безакцизного спирта для химических и технических «надобностей». Вводимые правительственные льготы стимулировали развитие нуждавшихся в спирте производств, отечественные химические и технические изделия год от года становились более конкурентоспособными на российском и европейском рынках.

О переменах в использовании спирта для химических и технических нужд, произошедших в период действия акцизной системы в России, рассказывает данная статья.

Методология

Статья подготовлена на основе документов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации. Особого внимания удостоилась недавно введенная в научный оборот переписка между Департаментом неокладных сборов Министерства финансов, курировавшим отпуск спирта для химических и технических нужд, и заводчиками, занимавшимися производством соответственной продукции. С ее помощью удалось рассмотреть смену в правительственном взгляде на необходимость поддержки новых для России отраслей народного хозяйства. Государственные шаги, направленные на расширение области применения спирта, явственно отразили законодательные акты, которые были почерпнуты из Полного собрания законов Российской империи и перечислены в данной статье. Динамику использования безакцизного спирта для химических и технических нужд проиллюстрировали привлеченные к исследованию статистические сборники «Статистика производств,

облагаемых акцизом» и «Фабрично-заводская промышленность и торговля России». Представленные в них цифры хорошо верифицированы, систематизированы и представляют объективную информацию.

Базовыми принципами работы над статьей стали принципы историзма, научной объективности и системности. Принцип историзма дал основу для выяснения мотивов в действиях правительства по освобождению спирта от акцизной пошлины; принцип научной объективности нацелил на непредвзятую оценку роли спирта в развитии химической и технической отраслей; принцип системности определил взаимосвязь и взаимобусловленность введенных правительством льгот и объемов производства соответствующей продукции в России. Кроме того, в статье нашли применение специальные методы. Метод интерпретации был использован автором при изучении содержания законодательных актов о безакцизном спирте; метод контент-анализа содействовал преобразованию и структурированию данных об использовании спирта, освобожденного от акциза и направленного для производства химических и технических изделий; с помощью статистического метода была сделана оценка развития химического и технического производства в России в численном выражении.

Результаты и их обсуждение

Спирт и приготовленное из него вино, согласно Положению о питейном сборе, представляли собой продукт, обложенный акцизом. Заводчики, осуществляя производство спирта, отделяли в пользу казны почти 9/10 его ценности и оставляли себе не более 1/10 цены. Высокий спрос на спирт, являвшийся основой для пьянящих напитков, обеспечивал расходы на сырье, оправдывал затраты на производство и приносил производителям достаточно высокую прибыль. Вместе с тем в акцизный период винокурен-

ная промышленность стала готовить спирт для использования в качестве основного или вспомогательного элемента химической и технической продукции.

Новые задачи винокурения нашли отражение в книге С. А. Пахомова «Взгляд на прошедшее и настоящее состояние винокурения в России» [1]. О расширении сферы применения спирта говорилось в «Обзоре различных отраслей мануфактурной промышленности России», составленном историком А. К. Корсаком [2]. Качественную характеристику спирту, производимому в акцизный период, дал К. С. Кропоткин, автор «Исторического очерка производства охмеляющих напитков» [3]. Ценные данные о спирте, предназначенном «для технических и химических надобностей», привел ревизор Департамента неокладных сборов Министерства финансов Н. С. Терский в «Питейных сборах и акцизной системе в России» [4]. В 1893 г. вышла в свет монография Я. Я. Никитинского «Винокурение и торговля спиртом» с оценкой перспектив использования данного продукта [5]. Начальник Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей М. И. Фридман в знаменитом двухтомнике «Винная монополия» подвел итог действия акцизной системы взимания налога с алкоголя. Относительно отпуска спирта для химических и технических производств он писал: «Безакцизный отпуск спирта на эти нужды при соблюдении известных условий не представлял никакой опасности для интересов казны» [6, с. 424].

В советское время специальных работ о производстве спирта при акцизе не было. Тема освещалась попутно в работах общего характера по истории промышленности и финансов. К примеру, выдающийся советский историк П. Г. Рынзюнский, изучая процесс развития капитализма во второй половине XIX в., сделал заключение, что винокурение, будучи передовой отраслью промышленности в России, оказало влияние на становление

других отраслей народного хозяйства [7, с. 186–187].

В постсоветский период появилось немало работ о производстве спирта при акцизе. Наиболее квалифицированно по теме высказались региональные историки А. М. Мариупольский [8], С. В. Богданов [9].

Отдельные сюжеты использования спирта в химических и технических целях затронуты в монографии Н. Е. Горюшкиной «Винокуренное производство в акцизной России (1863 – 1894 гг.)» [10].

Однако безусловная фрагментарность в изложении материала, связанного с использованием безакцизного спирта в период действия акцизной системы в России, обуславливает необходимость его освещения.

Подчеркнем, что Положение о питейном сборе, высочайше утвержденное 4 июля 1861 г., будучи главным законодательным актом акцизной системы взимания налога с алкоголя, не обошло вниманием процесс использования «непитейного» спирта. Относительно применения его для химических и технических нужд Положение устанавливало следующий порядок: «Спирт, употребляемый для выделки осветительной жидкости, может быть отпускаем из заводских подвалов или оптовых складов без оплаты акцизом, когда такой спирт, в присутствии должностного лица Акцизного Управления и депутата от полиции, будет измерен и сделан негодным для питья примесью скипидара» [11, с. 59].

На химические и технические цели отпускался денатурированный спирт. В качестве сырья для получения технического спирта применялись, как правило, картофель, патока, древесина, яблоки, зёрна и другие винокуренные материалы. Денатурация – «порча» спирта – проводилась, согласно предписаниям Министерства финансов, двумя способами: общим и специальным (особым, частным). Общим порядком денатурировался спирт, предназначенный для освещения,

приведения в действие паровых двигателей и т.д. В этом случае для денатурации применялись древесный спирт или кетонное масло, представляющее собой смесь кетонов и раствор фиолетовой краски. Для осветительной жидкости требовался спирт крепостью не ниже 92% по спиртометру Траллеса с содержанием сивушного масла не более 0,8% по объему на абсолютный алкоголь, для «согревания» крепость спирта должна была содержать не менее 85% по Траллесу. Специальным порядком денатурировались небольшие партии спирта, которые использовались для изготовления медицинских препаратов, парфюмерных средств, уксуса и т.п. Так, при приготовлении уксуса к спирту прибавлялась вода и уксусная кислота, при этом крепость спирта для уксуса не превышала 12% по Траллесу. Денатурация должна была привести спирт в такое состояние, при котором бы исключалась всякая возможность обращения его во вновь пригодное для питья состояние. Спирт приобретал отталкивающий запах, горький вкус, «ядовитый» цвет [6, с. 426].

Надо признать, что в 1860–1870-е гг. потребность в техническом спирте была незначительной. Осветительная жидкость на основе спирта использовалась для освещения немногих жилых помещений, а также главных городских улиц в столицах и крупных городах. Но с годами сфера применения технического спирта ширилась. Он нашел свое применение при производстве силиконов и пластмасс, при изготовлении консервантов, лаков и красок, при создании медицинских препаратов, парфюмерной продукции. Рос спрос на спирт в качестве растворителя масел, жиров и смол. Ширились закупки спирта как дезинфектора. Однако действовавшее законодательство не позволяло профильным отечественным заводам конкурировать с зарубежными фирмами.

Министерство финансов не могло игнорировать общественный запрос, и 31 октября 1866 г. имевшееся указание,

касавшееся производства химических и технических изделий из спирта, было дополнено, изменено и уточнено. В частности, безакцизный отпуск спирта для изготовления осветительной жидкости разрешался только при наличии у винокурного завода специального контракта на его поставку. Спирт, поставляемый на «осветительные» заводы, должен был приводиться в негодное для питья состояние. При «порче» спирта требовалось присутствие должностных лиц акцизного управления и полиции. Они были обязаны составить специальный акт, который, в свою очередь, служил для производителя осветительной жидкости квитанцией в уплате акциза [12].

В целях дальнейшего стимулирования технических производств 5 декабря 1880 г. высочайше утвержденным положением Комитета министров был санкционирован, в виде опыта, на три года отпуск безакцизного спирта в размере 15 тыс. ведер ежегодно на «Русский химический завод», устроенный в с. Новоселки Владимирской губернии. Спирт этот денатурировался животным маслом в присутствии акцизного надзора и должен был стать основой этилового эфира [6, с. 423]. Установленная льгота была распространена и на другие заводы, выпускавшие этиловый эфир [13, л. 115 об.]. Установленный порядок был продлен еще несколько раз – 30 декабря 1883 г. [14], 1 января 1887 г. [15], 20 декабря 1889 г. [16], 24 декабря 1892 г. [17]

Вместе с тем Комитет министров считал возможным освободить от акциза спирт, который направлялся «на извлечение с помощью элюционного способа сахара из патоки». Данное разрешение было зафиксировано в постановлении Комитета министров от 27 февраля 1881 г. [18, л. 112 об.] О продлении срока отпуска безакцизного спирта на элюционные заводы и об уточнении правил его отпуска было объявлено 30 марта 1884 г. [19], а также 10 июля 1887 г. [20, 147 об.] и 23 июня 1890 г. [21]

Постановлением Комитета министров от 14 декабря 1884 г. в виде опыта был разрешен отпуск безакцизного спирта на химический завод, расположенный в г. Чемкент, ранее он использовался при фабрикации сантонина [22]. Правом приобретения спирта, не обложенного акцизом, вслед за Чемкентским заводом стали пользоваться и другие заводы, производившие сантонин, а также коллодий, хлороформу, хлоралгидрат, резинит, ксилит, бездымный порох. 27 октября 1887 г. [23], 14 декабря 1890 г. [24] и 17 декабря 1893 г. [25] вышли постановления, которые продлили первоначально установленный порядок.

Комитет министров 4 мая 1890 г. допустил отпуск спирта без акциза, если он предназначался для использования на технических предприятиях. 28 мая 1894 г. срок разрешения был продлен [18, л. 113].

14 декабря 1896 г. министр финансов утвердил правила безакцизного отпуска спирта и отбросов спиртоочистительного производства на выделку лака и политуры.

Под действием названных постановлений сфера применения спирта в России расширились. Использование безакцизного продукта «для химической и технической фабрикации» стимулировало производительность отечественных заводов, улучшило качество готовой продукции. К примеру, до введения льгот этиловый (серый) эфир ввозился в Россию из-за рубежа по цене 17–20 руб. за пуд. К середине 1890-х гг. химические заводы страны смогли полностью удовлетворить растущие год от года потребности в этиловом эфире, причем стоимость готового продукта снизилась до 5–6,5 руб. за пуд. С 60 руб. до 39 руб. за пуд уменьшилась цена на эфирный танин, с 250 руб. до 140 руб. за пуд – цена сантонина, его в возрастающих объемах стали вывозить за рубеж [26, с. 73].

На рынок были выпущены изделия, которые получили возможность конкурировать с иностранной продукцией. Если в 1879 г. в Россию было привезено из-за границы 4907 пуд. эфира, хлороформа и коллодия, то в 1893 г. привоз этих изделий выразился цифрой в 1914 пудов. Более того, российский сантонин пользовался спросом на рынках Европы [27, с. 140].

Чтобы не допустить потерь казны, регламентация безакцизного спирта не переставала совершенствоваться. Во-первых, желавший приобрести спирт для технических или химических нужд был обязан подать в акцизное управление особое заявление с указанием, с какой целью производится покупка, в каком количестве, каким денатурирующим веществом спирт «обработан». О времени отпуска спирта для осветительной жидкости заводчик обязан был заранее уведомить надзирателя акцизного сбора или его помощника, чтобы они имели возможность своевременно прибыть на завод. Во-вторых, лица, осуществлявшие акцизный надзор, должны были засвидетельствовать процесс денатурации спирта. В их присутствии спирт измерялся, смешивался с надлежащим количеством скипидара (на одно ведро спирта расходовалось не менее 1/10 ведра скипидара). В-третьих, денатураты хранились на винокурных и спиртоочистительных заводах в опечатанной посуде, отпуск их находился под неусыпным контролем акцизных управлений. В-четвертых, безакцизный спирт отпускался только заводам, которые находились в местах постоянного пребывания акцизного надзирателя или его помощника [28, с. 236–237].

Признавая действенность введенных в акцизный период правил, Министерство финансов вошло с представлением об издании закона о безакцизном отпуске спирта на химические и технические надобности. 18 марта 1896 г. действо-

вавшие ранее временные постановления были высочайше утверждены и опубликованы во всех центральных изданиях [29].

Уже в 1897 г. льготой воспользовались 87 заводов. Распределение заводов, пользовавшихся безакцизным спиртом, по территории России было неравномерным. В северных губерниях располагалось 12 заводов, изготавливавших химическую и техническую продукцию, 9 из них производили лак и политуру, 2 – уксус, 1 завод занимался изготовлением эфира, коллодия и танина. В среднепромышленных губерниях действовало 11 заводов, выпускавших лак и политуру. Значительная часть заводов (14) располагалась в северо-западных губерниях, 9 из них готовили лак и политуру, а 5 – производили уксус. 17 заводов химической и технической направленности открылось в тот год в привислинских губерниях, причем 9 заводов изготавливали лак и политуру, а 5 – уксус. Получалось, что к окончанию действия акцизной системы взимания налога с алкоголя безакцизным спиртом для технических и химических надобностей пользовались преимущественно лаковые, политурные и уксусные заводы, а также Санкт-Петербургский завод, производящий эфир, коллодий и спиртовой танин, 2 завода Киевской губернии, применявшие спирт при извлечении сахара из черной патоки путем элюции, и, наконец, завод в Туркестане, который занимался очисткой сантонина для использования в медицинских целях [26, с. 131].

Как видим, в период действия акцизной системы спирт стал применяться не только в качестве напитка, но и как основной или вспомогательный элемент химических или технических изделий. Стремясь стимулировать развитие отечественных промышленных отраслей, употреблявших спирт, государство пошло на освобождение его от акциза. Поскольку

освобожденный от акциза спирт стоил недорого, он мог быть использован для получения выгод при продаже в качестве напитка. Чтобы избежать этого, проводилась денатурация спирта, размеры которой с каждым годом росли. Установление продажных цен на денатурированный спирт, определение порядка общей и специальной денатурации, указание условий продажи денатурированного спирта – все это находилось под строгим контролем акцизных служащих. Безакцизный отпуск спирта при соблюдении известных условий стимулировал развитие химического и технического производства в России.

Заключение

Во время действия акцизной системы сфера употребления технического спирта расширилась – он стал использоваться не только в качестве основы для крепких напитков, но и в качестве компонента разного рода химической и технической продукции. Чтобы удешевить производство, Министерство финансов пошло на освобождение «химического» и «технического» спирта от акциза. С этой целью проводилась его денатурация, представлявшая собой введение специальных добавок, которые делали спирт непригодным для питей. Цены на денатурированный спирт, способы денатурации, условия поставки на химические и технические предприятия на начальном этапе регулировались постановлениями Комитета министров, которые в конце действия акцизной системы взимания налога с алкоголя были объединены в Закон 18 марта 1896 г.

Предпринятые правительством шаги в отношении технического спирта стимулировали производство химической и технической отраслей в России, что позволило создать качественную и конкурентоспособную продукцию.

Список литературы

1. Пахомов С. А. Взгляд на прошедшее и настоящее состояние винокурения в России. Одесса: Тип. П. Францова, 1866. 52 с.
2. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России: в 3-х т. Т. 3. СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865. 655 с.
3. Кропоткин К. С. Исторический очерк производства охмеляющих напитков: Винокурение по новейшим способам. СПб.: Т-во пар. скоропеч. Яблонского и Перотт, 1889. 575 с.
4. Терский Н. С. Питейные сборы и акцизная система в России: Исторический очерк и настоящее положение: Опыт сравнительного исследования главнейших результатов акцизной системы и ее значения для государства, казны и населения. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1890. 252 с.
5. Никитинский Я. Я. Винокурение и торговля спиртом: технические успехи винокурения, выкурка спирта и положение торговли спиртом в России и главнейших государствах. СПб.: Тип. Киршбаума, 1893. 145 с.
6. Фридман М. И. Винная монополия: в 2-х т. Т. 2: Винная монополия в России. СПб.: Тип. «Правда», 1916. 627 с.
7. Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России 1850–1880 гг. М.: Наука, 1978. 295 с.
8. Мариупольский А. М. Частное и казенное винокурение в Западной Сибири во второй половине XIX в.: отдельные аспекты проблемы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. № 4. С. 59–62.
9. Богданов С. В. Винокуренное производство как одно из направлений предпринимательства помещиков Тверской губернии (1860-е – конец 1880-х годов) // Из архива тверских историков: сборник научных трудов. Вып. 3. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 93–109.
10. Горюшкина Н. Е. Винокуренное производство в акцизной России (1863–1894 гг.): монография / Юго-Западный гос. ун-т. Курск, 2022. 127 с.
11. Положение о питейном сборе, высочайше утвержденное 4-го июля 1861 года. М.: В Тип. А. Семена, 1862 г. 160 с.
12. Об изменении и дополнении некоторых постановлений о питейном сборе по винокурению, выделке питей и изделий из вина и спирта и рассрочке акциза за вино // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 41, ч. 2. № 43801.
13. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1838. Оп. 1. Д. 1722.
14. Об отпуске безакцизного спирта для приготовления серноокислого эфира // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 3, № 1928.
15. О продлении срока отпуска безакцизного спирта на некоторые химические заводы // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 3. Т. 7, № 4138.
16. О продлении срока отпуска безакцизного спирта на некоторые химические заводы // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 3. Т. 9, № 6471.
17. О продлении срока отпуска безакцизного спирта для приготовления серноокислого эфира // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 3. Т. 12, № 9186.
18. ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 1723.

19. О продлении срока отпуска безакцизного спирта на элюционные заводы и об изменении существующих на сей счет правил // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 3. Т. 4, №2131
20. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 574. Оп. 2. Д. 325.
21. О продлении срока для безакцизного отпуска спирта на элюционные заводы // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 3. Т. 10, ч. 1, № 6997.
22. Об отпуске безакцизного спирта для выделки сантонина и разных химических продуктов // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 3. Т. 4, № 2596.
23. О продлении срока отпуска безакцизного спирта на некоторые химические заводы // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 3. Т. 7, № 4757.
24. Об отпуске безакцизного спирта для выделки химических продуктов // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 3. Т. 10, ч. 2, №7281.
25. Об отпуске безакцизного спирта для выделки химических продуктов // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 3. Т. 15, № 10159.
26. Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. 1863–1913. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1913. 295 с.
27. Статистика производств, облагаемых акцизом, и гербовых знаков за 1897 и 1898 гг. СПб.: Тип. Санкт-Петерб. акц. общ. печат. дела в России Е. Евдокимов, 1900, ч. 7. 1039 с.
28. Фабрично-заводская промышленность и торговля России: с приложением общей карты фабрично-заводской промышленности Российской империи. СПб.: Тип. И. А. Ефрона, 1896. 636 с.
29. Об отпуске спирта и отбросов спиртоочистительного производства для химических и технических надобностей заводских предприятий, без оплаты акциза // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 3. Т. 16, ч. 2, № 12658.

References

1. Pahomov S. A. *Vzglyad na proshedshee i nastoyashchee sostoyanie vinokureniya v Rossii* [A look at the past and present state of distilling in Russia]. Odessa, Tip. P. Francova, 1866. 52 p.
2. *Obzor razlichnyh otraslej manufakturnoj promyshlennosti Rossii. T. 3* [Overview of various branches of the Russian manufacturing industry. Vol. 3]. St. Petersburg, Tip. V. N. Majkova, 1865. 655 p.
3. Kropotkin K. S. *Istoricheskij ocherk proizvodstva ohmelyayushchih napitkov: Vinokurenje po novejsim sposobam* [Historical sketch of the production of hopping drinks: Distilling according to the latest methods]. St. Petersburg, T-vo par. skoropech. Yablonskogo i Perott, 1889. 575 p.
4. Terskij N. S. *Pitejnye sbory i akciznaya sistema v Rossii: Istoricheskij ocherk i nastoyashchee polozhenie: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya glavnejshih rezul'tatov akciznoj sistemy i ee znachenija dlya gosudarstva, kazny i naseleniya* [Drinking fees and the excise system in Russia: A historical sketch and the present situation: The experience of a comparative study of the main results of the excise system and its significance for the state, the treasury and the population]. St. Petersburg, Tip. V. Kirshbauma, 1890. 252 p.
5. Nikitinskij Ya. Ya. *Vinokurenje i trgovlya spirtom: tekhnicheskie uspekhi vinokureniya, vykurka spirta i polozhenie trgovli spirtom v Rossii i glavnejshih gosudastvah* [Distil-

ling and alcohol trade: technical successes of distilling, alcohol smoking and the situation of alcohol trade in Russia and the main states]. St. Petersburg, Tip. Kirshbauma, 1893. 145 p.

6. Fridman M. I. Vinnaya monopoliya. T. 2. Vinnaya monopoliya v Rossii [Wine Monopoly. Vol. 2. Wine monopoly in Russia]. St. Petersburg, Tip. "Pravda", 1916. 627 p.

7. Ryndzyunskij P. G. Utverzhdenie kapitalizma v Rossii 1850–1880 gg. [The establishment of capitalism in Russia 1850–1880]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 295 p.

8. Mariupol'skij A. M. Chastnoe i kazennoe vinokurenje v Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX v.: ot del'nye aspekty problemy [Private and state-owned distilling in Western Siberia in the second half of the XIX century: some aspects of the problem]. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2012, no. 4, pp. 59–62.

9. Bogdanov S. V. Vinokurennoe proizvodstvo kak odno iz napravlenij predprinimatel'stva pomeshchikov Tverskoj gubernii (1860-e – konec 1880-h godov) [Distillery production as one of the directions of entrepreneurship of landowners of Tver province (1860s – late 1880s)]. *Iz arhiva tverskih istorikov. Sbornik nauchnyh trudov* [From the archive of Tver historians. Collection of scientific papers]. Is. 3. Tver', Tver. St. Univ. Publ., 2002, pp. 93–109.

10. Goryushkina N. E. Vinokurennoe proizvodstvo v akciznoj Rossii (1863–1894 gg.) [Distillery production in excise Russia (1863–1894)]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2022. 127 p.

11. Polozhenie o pitejnom sbore, vysochajshe utverzhdennoe 4-go iyulya 1861 goda [The regulations on the drinking collection, most highly approved on July 4, 1861]. Moscow, V Tip. A. Semena, 1862 g. 160 p.

12. Ob izmenenii i dopolnenii nekotoryh postanovlenij o pitejnom sbore po vinokureniju, vydelke pitej i izdelij iz vina i spirta i rassrochke akciza za vino [On the amendment and addition of some regulations on the drinking collection for distilling, the manufacture of bottles and products from wine and alcohol and the installment of excise duty for wine]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire*. Sobr. 2, vol. 41, pt. 2, no. 43801.

13. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 1838, op. 1, d. 1722, l. 115 ob.

14. Ob otpuske bezakciznogo spirta dlya prigotovleniya sernokislogo efira [On the release of exciseless alcohol for the preparation of sulfuric acid ether]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire*. Sobr. 2, vol. 3, no. 1928.

15. O prodlenii sroka otpuska bezakciznogo spirta na nekotorye himicheskie zavody [On the extension of the period of release of exciseless alcohol to some chemical plants]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire*. Sobr. 3, vol. 7, no. 4138.

16. O prodlenii sroka otpuska bezakciznogo spirta na nekotorye himicheskie zavody [On the extension of the period of release of exciseless alcohol to some chemical plants]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire*. Sobr. 3, vol. 9, no. 6471.

17. O prodlenii sroka otpuska bezakciznogo spirta dlya prigotovleniya sernokislogo efira [On the extension of the release period of exciseless alcohol for the preparation of sulfuric acid ether]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire*. Sobr. 3, vol. 12, no. 9186.

18. GARF, f. 1838, op. 1, d. 1723.

19. O prodlenii sroka otpuska bezakciznogo otpuska spirta na elyucionnye zavody i ob izmenenii sushchestvuyushchih na sej schet pravil [On the extension of the period of exciseless alcohol release to elution plants and on the change of the rules existing in this regard]. *Polnoe*

sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 3, vol. 4, no. 2131

20. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Russian State Historical Archive], f. 574, op. 2, d. 325.

21. O prodlenii sroka dlya bezakciznogo otpuska spirta na elyucionnyye zavody [On the extension of the period for the excise-free release of alcohol to elution plants]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 3, vol. 10, pt. 1, no. 6997.*

22. Ob otpuske bezakciznogo spirta dlya vydelki santonina i raznyh himicheskikh produktov [On the release of exciseless alcohol for the manufacture of santonin and various chemical products]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 3, vol. 4, no. 2596.*

23. O prodlenii sroka otpuska bezakciznogo spirta na nekotorye himicheskie zavody [On the extension of the period of release of exciseless alcohol to some chemical plants]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 3, vol. 7, no. 4757.*

24. Ob otpuske bezakciznogo spirta dlya vydelki himicheskikh produktov [On the release of exciseless alcohol for the manufacture of chemical products]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 3, vol. 10, pt. 2, no. 7281.*

25. Ob otpuske bezakciznogo spirta dlya vydelki himicheskikh produktov [On the release of exciseless alcohol for the manufacture of chemical products]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 3, vol. 15, no. 10159.*

26. Kratkij ocherk 50-letiya akciznoj sistemy vzimaniya naloga s krepkih napitkov i 50-letiya deyatelnosti uchrezhdenij, zavedyvyayushchih neokladnymi sborami. 1863–1913 [A brief sketch of the 50th anniversary of the excise tax system on spirits and the 50th anniversary of the activities of institutions in charge of non-tax collections. 1863-1913]. St. Petersburg, Tip. V. F. Kirshbauma Publ., 1913. 295 p.

27. Statistika proizvodstv, obлагаemyh akcizom, i gerbovyh znakov za 1897 i 1898 gg. [Statistics of excise-taxed productions and stamp marks for 1897 and 1898]. St. Petersburg, Tip. Sankt-Peterb. akc. obshch. pechat. dela v Rossii E. Evdokimov, 1900, pt. 7. 1039 p.

28. Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii: s prilozheniem obshchej karty fabrichno-zavodskoj promyshlennosti Rossijskoj imperii [The factory industry and trade of Russia: with the application of a general map of the factory industry of the Russian Empire]. St. Petersburg, Tip. I. A. Efrona, 1896. 636 p.

29. Ob otpuske spirta i otbrosov spirtoochistitel'nogo proizvodstva dlya himicheskikh i tekhnicheskikh nadobnostej zavodskih predpriyatij, bez oplaty akciza [On the release of alcohol and waste from alcohol purification production for chemical and technical needs of factory enterprises, without payment of excise duty]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 3, vol. 16, pt. 2, no. 12658.*

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: gor046@ya.ru, ORCID: 0000-0003-4042-3529

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Sciences (Historical), Associate Professor, Head of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: gor046@ya.ru, ORCID: 0000-0003-4042-3529

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.3

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-189-201>

Укрепление советской власти Воронежской губернии во второй половине 1918 года

Н. А. Заяц¹ ✉

¹ Средняя образовательная школа №1430
ул. Новгородская, д. 21А, г. Москва 127572, Российская Федерация

✉ e-mail: nikza91@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Создание системы органов власти Советской России является одной из хорошо разработанных тем советской и современной историографии. Однако данная проблематика исследуется в основном общегосударственном контексте эволюции Советского государства. Между тем эта тема требует исследований на региональном материале, показывающем местную специфику этого процесса. Трудов, показывающих процесс создания большевиками системы Советов в 1918 году, в историографии ранее практически не было.

Целью статьи является изучение становления Советов Воронежской губернии во второй половине 1918 года и развития большевиками их организационной структуры.

Задачи: определить деятельность большевиков по развитию системы советской власти, эффективность этой работы и местные особенности данного процесса.

Методология. В основу исследования положены принципы объективности и историзма. Для решения поставленных задач использовались методы: историко-генетический и историко-системный.

Результаты научного исследования позволили сделать определенные выводы, связанные с организацией Советов во второй половине 1918 года.

Выводы. Во второй половине 1918 года начинается развитие работы местных Советов, проходившее в основном благодаря помощи губернского центра. На селе этот процесс шел тяжелее, так как у большевиков там почти не было классовой опоры. Для ее получения формировались партийные ячейки и комитеты бедноты, которые к концу 1918 года приступили к реорганизации сельских советов для формирования их лояльного властям состава. В этот период советские органы страдали от слабой поддержки населения, недостатка кадров и финансов, инструкций и опыта работы, нелояльного состава в деревне. Однако к концу 1918 года им удалось удовлетворительно наладить работу, закрепить свою власть в Воронеже и уездных центрах и начать масштабную работу по созданию лояльных Советов на селе.

Ключевые слова: Воронежская губерния; государственное строительство; гражданская война; Советы; революция.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Заяц Н. А. Укрепление советской власти Воронежской губернии во второй половине 1918 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 189–201. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-189-201>.

Поступила в редакцию 01.07.2023

Принята к публикации 31.07.2023

Опубликована 30.08.2023

Strengthening of Soviet Power in the Voronezh Province in the Second Half of 1918

Nikolai A. Zayats¹✉

¹State Secondary School №1430
21A Novgorodskaya Str., Moscow 127572, Russian Federation

✉ e-mail: nikza91@yandex.ru

Abstract

The relevance of this article is determined by the fact that the creation of a system of authorities in Soviet Russia is one of the popular topics of Soviet and modern historiography. However, this issue is being studied in the main national context of the evolution of the Soviet state. Meanwhile, this topic requires research on regional material, showing both general patterns on a national scale of this process, and local specifics.

The purpose of the article is to study the formation of the Soviets of the Voronezh province in the second half of 1918 and the development of their organizational structure by the Bolsheviks.

Objectives: to determine the activities of the Bolsheviks in the development of the system of Soviet power, the effectiveness of this work and the local features of this process.

Methodology. The research is based on the principles of objectivity and historicism. To solve the tasks set, methods were used: historical-genetic and historical-systemic.

The results of the scientific research made it possible to draw certain conclusions related to the organization of the Soviets in the second half of 1918.

Conclusions. Only in the second half of 1918 did the development of the work of local Soviets begin, which took place mainly thanks to the help of the provincial center. In the countryside, this process was even more difficult, since the Bolsheviks had almost no class support there. To receive it, party cells and committees of the poor were formed, which by the end of 1918 began to reorganize the village councils to form their composition loyal to the authorities. During this period, the Soviet authorities suffered from weak support from the population, lack of personnel and finances, instructions and work experience, and disloyal composition in the countryside. However, but by the end of 1918 they managed to satisfactorily organize their work, consolidate their power in Voronezh and county centers, and begin large-scale work to create loyal Soviets in the countryside.

Keywords: Voronezh province; state building; civil war; Soviets; revolution.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zayats N. A. Strengthening of Soviet Power in the Voronezh Province in the Second Half of 1918. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 189–201. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-189-201>

Received 01.07.2023

Accepted 31.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

История революционных органов власти в Воронежской губернии хорошо изучалась еще в советские времена [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Однако большинство таких трудов сосредоточены на отдельных аспектах их деятельности (хозяйственный, продовольственный и т. д.), либо носят обзорный и поверхностный характер и в основном исследуют период 1917 г. или период Гражданской войны в целом [8;

9]. Из таких работ нельзя вынести четкое представление о том, каковы были закономерности создания советской власти и ее развития. Между тем утверждение советской власти в губернии было организованным процессом, который прошел ряд конкретных этапов. С октября 1917 г. по апрель 1918 г. шло утверждение власти Советов в губернии, а после боев с немецкими интервентами во второй половине 1918 г. началось укрепление и

развитие их работы. И если первый этап достаточно рассмотрен еще в советское время, то второй почти не изучен, как и политика большевиков по закреплению власти в губернии. Данная работа призвана закрыть этот пробел. Для этого поставлены следующие задачи: определить политику губернского центра по укреплению советской власти в губернии, выявить основные проблемы этой деятельности и ее местные особенности, оценить ее эффективность и результаты. Для этого использованы материалы воронежских архивов и историография по данному периоду.

Методология

В ходе исследования данные изучались на основе объективного и научного подхода. На основе принципа историзма в данной работе применялся историко-генетический метод исследования. С его помощью был определен характер и суть большевистской политики по организации советской власти в Воронежской губернии. Также использовался историко-сравнительный метод, который заключался в сопоставлении информации из различных источников, в основном документов фондов Воронежских архивов: Государственного архива и Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области.

Результаты и их обсуждение

Новая советская власть утверждалась в Воронежской губернии долго и нелегко. Хотя Военно-революционный комитет взял власть в Воронеже еще 29 октября 1917 г., ему пришлось потратить много времени на слом саботажа, реорганизацию органов управления и распространение Советов по губернии, что заняло время вплоть до марта 1918 г. Весна – лето 1918 г. – это время организации и развития советской власти в губернии. В связи с немецким наступлением, сопротивлением оппозиции и старых органов власти, экономическим и военным кризисом этот процесс развернулся преимуще-

ственно после мая 1918 г. Лишь с лета губернский исполком становится на ноги, что было закреплено на 4-м губернском съезде Советов 28–31 августа. Немало помог этому разрыв с левыми эсерами после восстания их ЦК в Москве. Изгнание левых эсеров из Воронежского Совета и большинства уездных исполкомов позволило большевикам укрепить монополию на власть и обратить внимание на укрепление Советов на местах.

К тому времени они были во всех уездах, но их работа велась слабо. На то был ряд причин, важнейшими из которых были финансовый кризис, недостаток работников, плохо налаженный аппарат управления, противодействие местной оппозиции и прифронтовые условия. Последнее особо касалось южных уездов: Бирюченского, Валуйского, Богучарского, Калачеевского, Павловского, Острогжского. Ряд их волостей был занят в ходе боевых действий. Некоторые уездные Советы оказались вынуждены несколько раз эвакуироваться в связи с наступлением противника.

В соответствии с политикой РКП(б) власть на местах сосредотачивалась в руках местных партийных органов, которые проводили ее через Советы. В связи с этим весной – летом 1918 г. на местах происходила регулярная борьба за «реорганизацию» Советов с завоеванием в них главенства коммунистами. 21 июля отдел управления губисполкома отправил на места циркуляр, в котором прямо требовал укрепить положение партии в Советах и исключить всех лиц, лишенных избирательных прав согласно Конституции [10, л. 73].

Между тем в подготовленных партийных кадрах в уездах отмечался огромный недостаток. Занявшийся проверкой состояния своих рядов партгубком со второй половины 1918 г. начал проводить регулярные ревизии местных парторганизаций. Как оказалось, их организация шла очень плохо и медленно, гораздо позже организации Советов. Подавляющее количество их было сформиро-

ровано лишь в середине 1918 г. Так, Богучарская организация была создана на партконференции 12 мая 1918 г., в Задонске – 13 августа. Бирюченский партком образовался 6 июня 1918 г., но действовать стал более чем через месяц, т. к. его работа была направлена на «переорганизацию Совета» [11, л. 42, 92, 13]. Алексеевская организация была создана 13 июня инициативной группой из 7 чел., Коротоякская – в июле 1918 г., Землянская – 10 сентября [12, л. 1–10].

В Павловске парторганизация возникла 30 августа 1918 г. при помощи коммунистов Москвы и Петрограда. Тогда же был переорганизован и исполком – во главе всех отделов встали коммунисты. Также в августе была зарегистрирована Коротоякская организация, хотя возникла она еще в декабре 1917 г. [13, л. 99, 17] Все эти организации были достаточно слабы и весьма немногочисленны. Численность их демонстрирует таблица, составленная по материалам губкома партии [14, л. 4а] (табл. 1).

Таблица 1. Число организаций РКП(б) в уездах Воронежской области на 1 декабря 1918 г.

Table 1. The number of organizations of the Russian Communist Party in the districts of the Voronezh region on December 1, 1918

Уезд Uezd	Число парторганизаций The number of party organizations	
	Всего Total	В том числе в городе In the town
Воронежский	11	
Бобровский	10	1
Землянский	4	1
Новохоперский	7	1
Нижнедевицкий	2	
Богучарский	3	1
Задонский	3	1
Острогожский	2	1
Валуйский	1	
Бирюченский	2	
Усманский	1	
Коротоякский	1	
Всего	47	7

По этим причинам местные Советы, лишённые твердого руководства, начали всерьёз работать только с лета 1918 г. Это показывают отдельные документы с проверками. Все они отмечали в целом слабую работу Советов и небольшую опору большевиков на местах, т. к. в уездах было мало пролетариата, население было в основном из обывателей и мелкой буржуазии.

Так, Бирюченский Совет смог относительно наладить свою работу лишь к июлю 1918 г. К тому моменту он имел 5 отделов: продовольственный, труда, фи-

нансов, просвещения и культурно-просветительский отдел «с подотделами по внешкольному образованию, театральным и т. п.». К сентябрю отделы финансов и культурно-просветительский были, очевидно, переорганизованы в муниципальный, отдел местного управления и отдел народного образования. Самым большим отделом был муниципальный, деятельность которого велась без всякого плана. Работа образовательного отдела была интенсивнее благодаря наличию училищ в городе, работа же остальных учреждений почти не ощуща-

лась. Из центра работники ничего не получали [11, л. 13–17 об.].

О состоянии дел в Коротояке сообщает отчет от 13 октября. Исполком здесь насчитывал 15 человек, все коммунисты, причем «почти все члены партии приезжие». Отделы были: военный, управления, муниципальный и редколлегия местной газеты. Мнение ревизора: «Общее мое впечатление, что работа в Коротояке запущена и без опытного ответственного работника (партийного организатора) Комитет не справится со стоящими перед ним великими задачами текущего момента» [13, л. 17–18]. Лишь с октября начинается организация отделов по инструкциям губисполкома. 1 декабря совещание членов исполкома показало, что в наиболее запущенном состоянии находился продотдел из-за злоупотреблений прежнего комиссара. Остальные заведующие показали, что их отделы стоят на таком же уровне. Дисциплина в исполкоме была на крайне низком уровне [11, л. 23–25 об.].

В Задонске весной 1918 г. функционировали 10 отделов: труда, юстиции, земледелия, продовольствия, вооруженных сил, финансов и др. [15] К осени исполком состоял из 12 коммунистов, причем в отчете отмечалось: «Комитет партии не проявляет диктатуры к выдвинутым из своей среды работникам в советских учреждениях» [16, л. 5 об.]. 7 октября было решено реорганизовать отдел управления, фактически бездействовавший, т. к. его заведующий одновременно был главой ЧК. В новый отдел управления вошли, согласно декрету, глава милиции, председатель ЧК и председатель информационного отдела. Также в декабре 1918 г. вместо совнархоза организован экономический отдел [17, л. 5, 2]. Лучше обстояло дело в соседнем Землянске. Уже к 17 апреля исполком был организован согласно основным инструкциям и состоял из 12 отделов [18].

С ревизией в Нижнедевицк в конце ноября 1918 г. ездил член губкома С. И. Ерман. Согласно его докладу, в ис-

полкоме было 16 членов: коммунистов – 7, левых эсеров – 3, остальные беспартийные, также «один из военных комиссаров – максималист». В ведении исполкома были отдел управления, муниципальный отдел, отдел образования, социального обеспечения, медицинский, военный комиссариат, продуправа, земельный отдел, ЧК и др. Отдел управления в деревне работы почти не вел. Муниципальный отдел был запущен, его работа состояла в основном в снабжении советских учреждений и населения, хозяйством не занимался. В состав отдела входили два беспартийных, и «о недопустимости этого было сказано на собрании населения». Остальные учреждения работали удовлетворительно. На собрании 26 ноября было также указано, что исполком и отделы работают фактически без указаний. Благодаря работе Ермана было решено реорганизовать исполком и переизбрать партком [19, л. 11 об. – 13]. Вскоре была создана местная ЧК, которая сосредоточилась на спекуляции, разоружении и реквизициях.

Относительно неплохо был налажен Алексеевский исполком, перестроившийся в конце октября. На 5 ноября в нем было 10 отделов: отдел управления с подотделом милиции, соцобеспечения, финансовый, продуправа, отдел образования, военный, труда, юстиции, земледелия, а также совнархоз и ЧК. По протоколам Совета видно, что Совет держал себя очень активно и старался организовать надлежащую работу как в городе, так и на фронте. Им были взяты на учет товары, мобилизованы граждане на очистку города, усилена работа всех отделов, была проведена мобилизация на фронт людей и подвод и т. д. Однако он успел провести лишь 7 заседаний и проработать 25 дней. 23 ноября в связи с наступлением белых ему пришлось эвакуироваться, а его функции перешли выделенному из исполкома ВРК. Деятельность исполкома смогла возобновиться только 3 января 1919 г. [17, л. 1–37]

Для улучшения состояния исполкомов Воронежский Совет и его отдел управления предприняли ряд мер, как-то: высылка инструкций по организации работы, посылка ревизоров, укрепление местных партийных организаций, денежные субсидии. Занималась этим и Воронежская учетно-контрольная коллегия, в чьи функции входило установление «единообразия в действиях и инструктирование» отделов Советов [20, л. 70]. Созданная еще в апреле 1918 г., она по настоящему развернула работу только осенью. В частности, ее трудами губисполком наладил финансовую отчетность и послал на места четкие правила и сметы по налогообложению [21, л. 124–124 об., 139]. Также 18–19 октября был проведен губернский съезд заведующих отделами управления, который принял план мероприятий по налаживанию советской работы на местах [22]. Однако эта работа проходила с большим трудом, в том числе из-за наступления белых осенью 1918 г. Из-за него лишь 25 ноября отдел управления смог разослать по местам циркуляры с инструкциями и провести анкетирование [23, л. 42–42 об.].

В деревне же процесс укрепления Советов затянулся надолго. Окончательно волостные советы появились к апрелю-маю 1918 г. Из зарегистрированных 85 волсоветов 29 были рабоче-крестьянскими и 56 – только крестьянскими. Все они имели разное число отделов, отличавшихся только названием (земельный, сельскохозяйственный, лесной, дорожный, продовольственный, финансовый, военный, административный, военно-административный и т. п.). Волсоветы, как правило, представляли собой исполком от 2 до 7 человек под руководством председателя и в количестве 1–5 отделов – обычно земельного, продовольственного и административного. Все исполкомы сильно страдали от безденежья. 29 из них в анкетах указали, что школы и больницы живут за счет уездного Совета, 27 – за счет бывшего земства, 1 – государства, 2 – за счет уездного и волостного совета,

8 – только волостного [24, с. 108–111, 113]. Это состояние затянулось надолго. Даже в конце 1918 г. работа велась плохо. Так, в декабре 1918 г. председатель Воронежского уездного исполкома Поздоровкин сообщал: «...во многих волостных советах дела запущены. Денежная отчетность ведется неправильно и крайне небрежно, срочные бумаги с июня месяца найдены неисполненными, к делам не подшиваются, а валяются в разбросанном виде, вообще делопроизводство запутано в особенности...» [25, л. 50].

Это во многом объяснялось политическими причинами. Несмотря на старания большевиков, деревня политизировалась очень слабо, и соответственно, в ней работа проводилась как прежде – волостными сходами или через прежних членов волостных земств, фактически переименовавших себя в волсоветы. Избранные в советы лица обычно были настроены пассивно, а то и враждебно к новому строю. Характерной является корреспонденция из Нижнедевицкого уезда. Когда местный председатель волисполкома получил анкеты уездного Совета, он искренне испугался: «Долго судили да рядили наши советские “работнички” о том, как бы поаккуратнее обойти прямые вопросы анкеты, и наконец решили написать: что, мол, люди мы беспартийные, состояния бедного, советской власти сочувствуем. Напрасно не добавили, потому, мол, сочувствуем, что исправно жалование платят...» [26].

В связи с этим губком взялся за реорганизацию советов в деревне путем оформления опоры новой власти – партячеек и комбедов. Первые партячейки начали формироваться в деревнях сразу после революции. К маю 1918 г. насчитывалась уже 41 волостная организация [27], что было значительной цифрой: в губернии до 1918 г. было 244 волости. Однако они были в основном наскоро созданы заезжими инструкторами и фронтовиками и в связи со слабостью фактически не вели работы. Связи с губерн-

ской и даже уездными организациями они тоже почти не держали.

По-настоящему организация ячеек началась лишь со второй половины 1918 г., в основном после 2-й губернской партийной конференции от 24 июня. Ячейки должны были перестроить местные органы и передать власть в руки представителей РКП(б). Однако процесс продвигался медленно и плохо. Помимо того, что формирование партячеек зависело от уездных органов, которые сами поздно наладили свою деятельность, препятствием было слабое классовое разделение Воронежской губернии, ее середняцкий состав. По этой причине опора коммунистов в деревне была очень слабая. По данным 3-й губернской партконференции, к декабрю 1918 г. две трети членов партии падало на Воронеж. Оставшиеся 48 уездных организаций объединяли 500–600 чел., из которых на долю деревни падала ничтожная доля: «хлебопашцы представляют сравнительно ничтожную величину в организации: на 100 членов в городе – 1 (очевидно, случайный), в уездном городе – 5 и даже в сельских ячейках всего 19» [28, л. 24–25]. Всего численность партячеек, по предоставленным на 3-й губернской партконференции сведениям, составляла 127 по семи уездам. Объединяли они 3620 чел. [1, с. 160]

В качестве примера стоит привести результат обследования одним из ревизоров Нижнедевицкого уезда, где в ноябре 1918 г. было 6 сел с партячейками численностью в 150–200 чел. Состояние их было удручающим и на политику местных советов они мало влияли. В д. Синие Липяги был «кулацкий волсовет», комбед слаб. В с. Роговатое председатель волсовета не был коммунистом, комбед состоял из сочувствующих с 2 коммунистами. В Чижовке коммунисты были лишь «на бумаге», председатель совета беспартийный. Комбед избирался сельским сходом. Лишь в с. Семидесятское во главе исполкома стоял коммунист. Но это произошло

лишь после того, как «кулацкая активность» в селе озаботила уездную парторганизацию, и она направила все свободные силы в деревню: «Вообще партийная работа по уезду стоит и если дальше не будет партийных работников, то революции в деревне не представляется произвести никакой возможности» [19, л. 13 об.–14; 29, л. 8].

Действия большевиков, в свою очередь, провоцировали противоборство крестьян. В 1918 г. в Воронежской губернии произошло до 45 крупных волнений и восстаний: «Около 30% этих выступлений падало на борьбу против советов: убийство членов Советов, срыв избирательных собраний, разгон исполкомов, поджоги зданий советов и попытки захвата советов в руки кулаков» [2, с. 23]. Считая необходимым ввести в селе классовый контроль, правящая коммунистическая партия развернула борьбу за формирование комбедов. Первоначально они должны были помогать органам власти в сборе продовольствия. Согласно постановлению губисполкома от 11 июня, на них возлагались обязанности упраздненных продовольственных управ, и они подчинялись губернскому продкомитету, для чего уже 20 июня было решено организовать комбеды по всей губернии [22, с. 176]. Но вскоре они стали инструментом выделения из крестьянской среды бедноты и проведения классовой политики большевиков в деревне. В связи с этим 28 июля на губернском съезде информационно-инструкторских отделов было решено срочно начать борьбу за организацию комбедов и перестройку волсоветов [24, с. 164].

Как показывает ряд сообщений с мест, этот процесс шел тяжело, особенно в южных, более зажиточных уездах [30]. Часто он выливался в борьбу с деревенскими советами при враждебности основного населения. Например, председатель ячейки с. Новомеловатское Богучарского уезда вспоминал: «...было с великим трудом набрано 52 члена по всей во-

лости, а на меня в то время населения смотрело, как на самого враждебного элемента» [31, л. 95]. В с. Гудовском Землянского уезда бедняки в результате спора с кулаками покинули сельсовет. Оставшиеся члены вернули старого волостного старшину и писаря. В ответ бедняки под руководством губернского инструктора устроили общее собрание, на котором решили переизбрать совет с введением в него коммунистов, а также ходатайствовали о присылке вооруженного отряда [32]. В с. Тишанка Бобровского уезда в июне 1918 г. партийная ячейка вооружилась и стала проводить продразверстку и конфискации, силой задавив «кулацкий» Совет. После поднятого крестьянами бунта прибывший продотряд арестовал зачинщиков и ликвидировал сельсовет [33, л. 4]. Докладчик из Веселовской волости Алексеевского уезда сообщал в ноябре 1918 г.: «Настроение населения: не весьма сочувственное, отношение к комитетам бедноты и к советской власти, волостной же Веселовский совет состоит почти из местных ку-

лаков, зачастую идет против комитета бедноты, одним словом почти контрреволюционный и должен быть немедленно реорганизован» [34, л. 11 об.].

Но даже в сами комбеды благодаря отсутствию контроля коммунистов и традиционным выборам органов крестьянскими сходами часто входили нелояльные революции лица: бывшие члены волуправ, старшины, урядники, полицейские, просто «кулаки». Так, в октябре из Нижнедевицкого уезда сообщали: «Сельские комитеты бедноты организованы, но в них вошло много кулацкого сброда» [35]. Подобные оценки в прессе и документах широко распространены, и посланники центра были вынуждены регулярно «реорганизовать» комбеды, выделяя в них лояльных власти людей.

Все же на 27 августа в губернии начитывалось уже 145 комбедов (очевидно, в основном волостных) [3, с. 117], а уже в октябре – ноябре число комбедов значительно выросло, что показывает таблица [3, с. 141; 5, с. 403].

Таблица 2. Число комитетов бедноты Воронежской губернии

Table 2. The number of committees of the poor in the Voronezh province

Название уезда Name of uезд	На 19 октября 1918 г. October 19, 1918		На 4 ноября 1918 г. November 4, 1918	
	Число волостных комбедов The number of volost committees of the poors	Число сельских комбедов The number of village committees of the poors	Число волостных комбедов The number of volost committees of the poors	Число сельских комбедов The number of village committees of the poors
Павловский	34	11	34	11
Калачеевский	18	3	18	3
Задонский	12	174	12	175
Воронежский	18	81	25	193
Землянский	17	137	20	159
Алексеевский	13	29	27	181
Новохоперский	20	42	20	42
Нижнедевицкий	17	–	17	63
Бобровский	22	50	32	66
Валуйский	6	–	6	40
Острогожский	–	–	35	122
Всего	177	527	246	1055

Несмотря на это, количество комбедов отставало от соседних губерний. К лету 1918 г. в Курской губернии комбеды охватили 84,3% волостей, а в Воронежской – лишь 43% [36, с. 75]. Однако если учесть, что к концу 1918 г. насчитывалось 315 волостей, процент охвата к 4 ноября вырастает до 78% [37, с. 41]. К декабрю же насчитывалось 1609 комбедов [38, с. 39]. Историк А. Я. Переверзев считал, что это число достигнуто «за счет освобождаемых от белогвардейцев уездов» [1, с. 149].

На комбеды был возложен ряд административных и политических функций: учет и распределение реквизированного хлеба, передел земли в соответствии с установленной трудовой или потребительской нормой, реорганизация враждебных Советов, политическая и культурная работа и т. д. Часто комбеды оказывали отстающим военным частям помощь в мобилизации подвод и продснабжении. Так, эвакуированный из Боброва партработник писал: «Снабжение поставлено из рук вон плохо, и наша армия добывает себе средства питания через комитеты бедноты...» [11, л. 33 об.].

В ряде мест вопреки инструкциям центра даже возникали уездные комбеды. Так, 6 сентября Алексеевский исполком постановил: «Вопрос об организации комитетов бедноты [это задача] членов исполкома и членов организации партии коммунистов, последние должны выработать общий план работы, переписав в первую очередь беднейших крестьян, а затем уже на волостных и сельских собраниях выделять комитеты. На собраниях продкома должны обязательно присутствовать Председатель уездного к[омите]та бедноты». Позднее уездный комбед стал получать содержание от упродкома [34, л. 17 об., 27 об.].

Широта деятельности комбедов требовала урегулирования. 4-й губернский съезд Советов (28 августа – 31 августа 1918 г.) возложил на них следующие

функции: учет продуктов; распределение предметов первой необходимости; контроль за недопущением в советы кулаков; пропаганда за подвоз продуктов; содействие заградотрядам и продбригадам; помощь реквизиционным отрядам в уборке и охране хлеба [24, с. 179]. 17 ноября в помощь комитетам была опубликована статья «Новые задачи комбедов», в которой на них возлагались функции контроля Советов, чтобы в них не прошли кулаки [39].

В целом в губернии проявилось пространенное в стране противоборство политически инертных сельских советов и комбедов. Так как это подрывало политику партии в деревне и грозило переходом крестьян в лагерь противников власти, на VI Всероссийском съезде Советов было решено распустить комбеды как дублирующие функции Советов организации, декрет о чем был опубликован 2 декабря. В связи с этим 28 декабря 3-я Воронежская губернская партконференция постановила, что основные задачи комбедов выполнены, и Советы должны объединять «вокруг себя все трудовое крестьянство – беднейшее и среднее». В качестве ближайших задач губком постановил направить в деревни партработников и провести реорганизацию советов при тесном участии комбедов. Фактически власть на это время переходила напрямую партии: «Отмечая, что после упразднения комитетов бедноты контроль над Советами перейдет исключительно к коммунистическим ячейкам... конференция призывает все партийные организации губернии к проявлению максимума самодеятельности» [40, л. 18–19].

По этому плану в конце 1918 г. начинается кампания по реорганизации Советов в деревне. Губпартконференция и губисполком составили инструкцию по перевыборам и слиянию советов с комбедами. Был утвержден и план – к 1 января 1919 г. предполагалось переизбрать сель-

ские советы, к 3 января – волостные и к 10 – уездные. Разумеется, нереалистичные сроки не были выполнены ни в одном уезде, тем более что борьба протекала при частом сопротивлении деревни вплоть до вооруженных восстаний [24, с. 189]. Непереизбранные советы и комбеды просуществовали в Воронежской губернии до самой весны 1919 г. Это во многом объяснялось исключительностью прифронтового положения Воронежской губернии, а также слабостью партработы в деревне.

Выводы

Несмотря на то, что советская власть в уездах и волостях победила к весне 1918 г., на пути ее организации стоял ряд трудностей: недостаток необходимых кадров и четких инструкций, отсутствие политической опоры и финансирования, близость к фронту. Перестройка Советов благодаря укреплению губисполкома началась только во второй половине 1918 г. и протекала с большим трудом, часто через насильственные методы. Попытка большевиков возместить отсутствие партийного влияния с помощью комбедов, несмотря на некоторые успехи, вносила фактическое

двоевластие в деревню и в связи с указаниями центра комбеды были использованы для перестройки советов на местах в начале 1919 г. Процесс реорганизации даже после направления всех свободных партийных сил занял несколько месяцев. Наиболее успешно процесс проходил в местах, где изначально было наиболее сильно влияние большевиков и Советов: в Воронеже, Новохоперске и Острогожске. В ряде волостей, особенно в северо-восточных (Землянский, Задонский, Воронежский уезды) и юго-западных (Новохоперский, Нижнедевицкий, Коротоякский) реорганизация встречала значительные трудности, связанные с отсутствием здесь классовой опоры для партийной работы. Кроме того, деятельность Советов регулярно прерывалась из-за близости к фронту, который временами захватывал ряд южных волостей и уездных центров. Эти местные особенности сильно затрудняли работу большевиков. Все же к концу 1918 г. они смогли закрепить свою власть в губернском и уездных центрах, наладили их работу и начали масштабную работу по созданию лояльных Советов на селе.

Список литературы

1. Переверзев А. Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917 – 1918 гг.). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976. 190 с.
2. Шестаков А. Деревня ЦЧО от Октября до НЭПа // Краеведческий альманах. Исторический сборник. Кн. 1. Воронеж: Коммуна, 1931. С. 13–30.
3. Комаров А., Крошицкий П. Революционное движение. Хроника 1918. Т. 1: Губернии Воронежская и Тамбовская / под ред. В. Алексеева. Воронеж: Коммуна, 1930. 187 с.
4. Алексеев В. Гражданская война в ЦЧО. Воронеж: Коммуна, 1930. 210 с.
5. Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917–1918 / сост.: З. П. Ереснева, Е. М. Серета, М. Г. Чечуро. Воронеж: Кн. изд-во, 1957. 477 с.
6. Воронков И. Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж: Воронеж. обл. книгоизд., 1952. 196 с.
7. Фефелов В. М. Из истории установления власти Советов в волостях и селах Воронежской губернии в 1917–1918 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1967. Т. 63. С. 208–229.
8. Алексанян Н. А., Филоненко Т. В. Становление и деятельность власти Советов Воронежской губернии с октября 1917 г. до нашествия белых летом 1919 г. // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (67). С. 26–33.

9. Петришина И. Д. Большевистские Советы в Центральном Черноземье: к вопросу о «триумфальном шествии советской власти» // Актуальные проблемы общественных наук: материалы региональной научной конференции, посвященной 100-летию Февральской и Октябрьской революций 1917 года: в 2-х ч. Липецк: Липецк. гос. пед. ун-т им. Семенова-Тянь-Шанского, 2017. С. 14–19.

10. ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. 4. Оп. 2. Д. 1.

11. ГАОПИВО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.

12. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20.

13. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.

14. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.

15. Советская газета (Задонск). 1918. 7 апреля.

16. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22.

17. ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 7.

18. Известия Землянского Совета. 1918. 26 сентября.

19. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23.

20. ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2.

21. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 9.

22. Воронежский Красный листок. 1918. 14 августа.

23. ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3.

24. Сиволов Д. В. Борьба Воронежской губернской большевистской организации за создание и укрепление советского и государственного аппарата (1917–1920 гг.): дис. ... канд ист. наук. Воронеж, 1968. 319 с.

25. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 18.

26. Известия Нижнедевицкого Совета. 1918. 20 ноября.

27. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.

28. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8.

29. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26.

30. Воронежский Красный листок. 1918. 17 июля.

31. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 543.

32. Воронежский Красный листок. 1918. 10 июля. №15.

33. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 540.

34. ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6.

35. Известия Нижнедевицкого Совета. 1918. 16 октября.

36. Ямпольская Г. А. «Военный коммунизм» на территории Воронежской и Курской губерний: складывание и функционирование военно-хозяйственной диктатуры: дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 2011.

37. Гришаев В. В. Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции. М.: Мысль, 1967. 88 с.

38. Герасимюк В. Р. Некоторые новые статистические данные о комбедах РСФСР // Вопросы истории. 1963. № 6. С. 208–211.

39. Воронежский Красный листок. 1918. 17 ноября.

40. ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.

References

1. Pereverzev A. Ya. Socialisticheskaya revolyuciya v derevne Chernozemnogo centra Rossii (oktyabr 1917 – 1918 gg.). [Socialist revolution in the village of the Chernozem center of Russia (October 1917 – 1918)]. Voronezh, VGU Publ., 1976. 190 p.
2. Shestakov A. Derevnya CCHO ot Oktyabrya do NEPa [The village of the Central Chernozem region from October to the NEP]. Kraevedcheskij al'manah. Istoricheskij sbornik. Kn. 1. [Local Lore Almanac. Historical collection]. Voronezh, Kommuna Publ., 1931, vol. 1, pp. 13–30.
3. Komarov A., Kroshickij P. Revolyucionnoe dvizhenie. Hronika 1918. T. 1. Gubernii Voronezhskaya i Tambovskaya [Revolutionary movement. Chronicle 1918. Vol. 2. Voronezh and Tambov provinces]; ed. by V. Alekseev. Voronezh, Kommuna Publ., 1930. 187 p.
4. Alekseev V. Grazhdanskaya vojna v CCHO [Civil War in the Central Chernozem]. Voronezh, Kommuna Publ., 1930. 210 p.
5. Borba za Sovetskuyu vlast' v Voronezhskoj gubernii 1917–1918 [The struggle for Soviet power in the Voronezh province. 1917–1918] ; ed. by Z. P. Eresneva, E. M. Sereda, M. G. Chechuro. Voronezh, Kn. izd-vo, 1957. 477 p.
6. Voronkov I. G. Voronezhskie bol'sheviki v bor'be za pobedu Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii [Voronezh Bolsheviks in the struggle for the victory of the October Socialist Revolution]. Voronezh, Voronezh obl. knigoizg, 1952. 196 p.
7. Fefelov V. M. Iz istorii ustanovleniya vlasti Sovetov v volostyah i selah Voronezhskoj gubernii v 1917-1918 gg. [From the history of the establishment of the power of the Soviets in the volosts and villages of the Voronezh province in 1917-1918]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta = Proceedings of the Voronezh State Pedagogical Institute*, 1967, t. 63, pp. 208–229.
8. Aleksanyan N. A., Filonenko T. V. Stanovlenie i deyatelnost vlasti Sovetov Voronezhskoj gubernii s oktyabrya 1917 g. do nashestviya belyh letom 1919 g. [Formation and activity of the power of the Soviets of the Voronezh province from October 1917 to the invasion of the Whites in the summer of 1919]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2016, no. 5 (67), pp. 26–33.
9. Petrishina I. D. Bolshevistskie Sovety v Centralnom Chernozeme: k voprosu o "triumfnom shestvii sovetsoj vlasti" [Bolshevik Soviets in the Central Chernozem region: on the issue of the "triumphant march of Soviet power"]. *Aktualnye problemy obshchestvennyh nauk. Materialy Regionalnoj nauchnoj konferencii, posvyashchenoj 100-letiyu Fevral'skoj i Oktyabrskoj revolyucij 1917 goda* [Actual problems of social sciences. Materials of the Regional scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the February and October revolutions of 1917]. Lipetsk, Lipetsk, St. Pedagogical Univ. named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky Publ., 2017, pp. 14–19.
10. GAVO (Gosudarstvenny arhyv Voronezhskoi oblasti) [State archive of the Voronezh region], f. 4, op. 2, d. 1.
11. GAOPIVO (Gosudarstvenny arhyv obschestvenno-politicheskoi istorii Voronezhskoi oblasti) [The State archive of socio-political history of the Voronezh region], f. 1, op. 1, d. 2.
12. GAOPIVO, f. 1, op. 1, d. 20.
13. GAOPIVO, f. 1, op. 1, d. 3.
14. GAOPIVO, f. 1, op. 1, d. 4.
15. *Sovetskaya gazeta = Soviet newspaper* (Zadonsk), 1918, April 7.
16. GAOPIVO, f. 1, op. 1, d. 22.
17. GAVO, f. 13, op. 1, d. 7.

18. *Izvestiya Zemlyanskogo Soveta = Proceedings of the Zemlyansky Soviet*, 1918, September 26.
19. GAOPIVO, f. 1, op. 1, d. 23.
20. GAVO, f. R-2393, op. 1, d. 2.
21. GAVO, f. R-10, op. 1, d. 9.
22. *Voronezhski Krasnyi Listok = Voronezh Red List*, 1918, August 14.
23. GAVO, f. 13, op. 1, d. 3.
24. Sivovolov D. V. *Bor'ba Voronezhskoj gubernskoj bol'shevistskoj organizacii za sozdanie i ukreplenie sovetskogo i gosudarstvennogo apparata (1917–1920 gg.)*. Diss. kand. ist. nauk [The struggle of the Voronezh Provincial Bolshevik Organization for the creation and strengthening of the Soviet and state apparatus (1917–1920). Cand. hist. sci. diss.]. Voronezh, 1968. 319 p.
25. GAVO, f. R-10, op. 1, d. 18.
26. *Izvestiya Nizhnedevitskogo Soveta = Proceedings of the Nizhnedevitsky Soviet*, 1918, November 20.
27. GAOPIVO, f. 1, op. 1, d. 1.
28. GAOPIVO, f. 1, op. 1, d. 8.
29. GAOPIVO, f. 1, op. 1, d. 26.
30. *Voronezhski Krasnyi Listok = Voronezh Red List*, 1918, July 17.
31. GAOPIVO, f. 5, op. 1, d. 543.
32. *Voronezhski Krasnyi Listok = Voronezh Red List*, 1918, no. 15, July 10.
33. GAOPIVO, f. 5, op. 1, d. 540.
34. GAVO, f. 13, op. 1, d. 6.
35. *Izvestiya Nizhnedevitskogo Soveta = Proceedings of the Nizhnedevitsky Soviet*, 1918, October 16.
36. Yampol'skaya G. A. "Voennyj kommunizm" na territorii Voronezhskoj i Kurskoj gubernij: skladyvanie i funkcionirovanie voenno-hozyajstvennoj diktatury. Diss. kand. ist. nauk [War communism" on the territory of the Voronezh and Kursk provinces: the formation and functioning of a military-economic dictatorship. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Belgorod, 2011. 326 p.
37. Grishaev V. V. *Stroitelstvo Sovetov v derevne v pervyj god socialisticheskoy revolyucii* [Construction of Soviets in the countryside in the first year of the socialist revolution]. Moscow, Mysl Publ., 1967. 88 p.
38. Gerasimyuk V. R. *Nekotorye novye statisticheskie dannye o kombedah RSFSR* [Some new statistics about committees of the poor of the RSFSR]. *Voprosy istorii = Questions of history*, 1963, no. 6, p. 208–211.
39. *Voronezhski Krasnyi Listok = Voronezh Red List*, 1918, November 17.
40. GAOPIVO, f. 1, op. 1, d. 6.

Информация об авторе / Information about the Author

Заяц Николай Алексеевич, кандидат исторических наук, учитель истории, Средняя общеобразовательная школа № 1430, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: nikza91@yandex.ru, ORCID: 0009-0008-3265-2456

Nikolai A. Zayats, Candidate of Sciences (Historical), Teacher, History State Secondary School №1430, Moscow, Russian Federation, e-mail: nikza91@yandex.ru, ORCID: 0009-0008-3265-2456

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).05/.07/.08

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-202-216>**«Не надо барыша, была бы слава хороша»: род курских купцов Гнучевых в XVIII – начале XX века****С. А. Никифоров¹ ✉, М. К. Яковлева²**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Курский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права
ул. Радищева, д. 116, г. Курск 305004, Российская Федерация

✉ e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru

Резюме

Актуальность. В советский период деятельность купечества подвергалась критике по идеологическим причинам. Между тем именно предпринимательские способности российских купцов являлись важнейшим фактором развития экономики российского государства. Сегодня государство прикладывает значительные усилия для развития предпринимательства. Представляет интерес изучение опыта развития предпринимательства в дореволюционный период.

Цель – изучение становления и развития курской купеческой династии Гнучевых.

Задачи. В рамках статьи решаются следующие задачи: проследить происхождение купеческой династии Гнучевых; выявить вклад деятельности купцов Гнучевых в экономику г. Курска, изучить общественную деятельность представителей купеческой династии Гнучевых.

Методология. В статье проведен разносторонний анализ архивных источников и публикаций, использованы методы статистики и сопоставления данных, анализа, синтеза, персонально-биографический метод.

Результаты. В XVIII – первой половине XIX века происходило развитие династии купцов Гнучевых. К середине XIX века роль купцов Гнучевых в экономической жизни Курска достигла максимума. Во второй половине XIX – начале XX века происходило снижение значимости торговой и производственной деятельности представителей династии.

Выводы. Успех купеческой династии Гнучевых обеспечивался целеустремленностью и трудолюбием нескольких ее ключевых представителей, сумевших достичь успеха на предпринимательском поприще. В роду Гнучевых к их числу можно отнести родоначальника – Ивана, который благодаря собственным усилиям смог переместиться из захудалого рода служилых людей в купеческое сословие, Фому Афанасьевича, который решил на переезд из небольшого городка Обояни в центр Курской губернии, и Афанасия Фомича, сумевшего сосредоточить в своих руках контроль над целым рядом важных торговых и промышленных предприятий Курска.

Никто из купеческой династии Гнучевых не посрамил честного имени семьи. Никто из них не привлекался к ответственности за совершение проступков, связанных с предпринимательской деятельностью. И сегодня в Курске живут потомки купеческой династии Гнучевых.

Ключевые слова: купеческое сословие; купец; Гнучевы; Курск; Обоянь, генеалогия.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Никифоров С. А., Яковлева М. К. «Не надо барыша, была бы слава хороша»: род курских купцов Гнучевых в XVIII – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 202–216. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-202-216>.

Поступила в редакцию 28.06.2023

Принята к публикации 26.07.2023

Опубликована 30.08.2023

© Никифоров С. А., Яковлева М. К., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2023; 13(4): 202–216

"No Profit Needed, Glory Would be Good": the Family of Kursk Merchants Gnuchevs in the 18th – early 20th

Sergey A. Nikiforov¹ ✉, Majya K. Yakovleva²

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Kursk Institute of Cooperation (branch) Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
116 Radishcheva Str., Kursk 305004, Russian Federation

✉ e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru

Abstract

Relevance. During the Soviet period, the activities of the merchant class were criticized for ideological reasons. Meanwhile, it was the entrepreneurial abilities of Russian merchants that were the most important factor in the development of the economy of the Russian state. Today, the state is making significant efforts to develop entrepreneurship. It is of interest to study the experience of developing entrepreneurship in the pre-revolutionary period.

The Purpose. The study of the formation and development of the Kursk merchant dynasty of the Gnuchevs.

Objectives. Within the framework of the article, the following tasks are solved: to trace the origin of the Gnuchev merchant dynasty, to identify the contribution of the Gnuchev merchants to the economy of the city of Kursk, to study the social activities of representatives of the Gnuchev merchant dynasty.

Methodology. The article carried out a comprehensive analysis of archival sources and publications, used the methods of statistics and data comparison, analysis, synthesis, personal biographical method.

Results. In the 18th - the first half of the 19th century, the Gnuchev dynasty of merchants developed. By the middle of the 19th century, the role of the Gnuchev merchants in the economic life of Kursk reached its maximum. In the second half of the XIX - early XX centuries. there was a decrease in the importance of trade and production activities of representatives of the dynasty.

Conclusion. The success of the Gnuchev merchant dynasty was ensured by the determination and hard work of several of its key representatives who managed to achieve success in the entrepreneurial field. In the Gnuchev family, they include the ancestor - Ivan, who, thanks to his own efforts, was able to move from a seedy family of service people to the merchant class, Foma Afanasyevich, who decided to move from the small town of Oboyan to the center of the Kursk province, and Afanasy Fomich, who managed to concentrate in their hands control over a number of important commercial and industrial enterprises of Kursk. None of the merchant dynasty of the Gnuchevs disgraced the honest name of the family. None of them were held accountable for misconduct related to entrepreneurial activities. And today the descendants of the Gnuchev merchant dynasty live in Kursk.

Keywords: merchant class; merchant; Gnuchevs; Kursk; Oboyan; genealogy.

Funding: The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2023 "Transformation of private and public law in an evolving individual, society and state" (No. 0851-20200033).

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Nikiforov S. A., Yakovleva M. K. "No Profit Needed, Glory Would be Good": the Family of Kursk Merchants Gnuchevs in the 18th – early 20th. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 202–216. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-202-216>

Received 28.06.2023

Accepted 26.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

В России столетиями производство и торговля находились в руках купеческого сословия. Помимо решения собственно

экономических задач, купечество на собственные средства строило храмы, приюты, школы и больницы. Таким образом, купеческое сословие можно охарактери-

зовать как недооцененное советскими историками. Вместе с тем купечество представляло собой довольно консервативную и закрытую для проникновения чужаков социальную группу. Даже создание семьи являлось для отпрысков купеческих семей в большинстве случаев внутрисловным делом – заключать браки дети купцов предпочитали исключительно с представителями своего сословия. История становления и развития русских купеческих династий представляет несомненный интерес для современной исторической науки.

Наиболее состоятельные купеческие семьи предпочитали проживать в столицах российских губерний. Конечно, отдельно стоит выделить купцов, обосновавшихся в Москве и Санкт-Петербурге. Провинциальное купечество значительно уступало по размеру капитала столичным купцам, однако его роль в жизни губерний, несомненно, была велика. Жизнь и деятельность курского купечества стала предметом изучения историков и краеведов лишь в последние десятилетия. Так, В. В. Захаров в своей кандидатской диссертации изучил состав и численность курского купечества в конце XIX – начале XX вв., особенности социального положения купцов, важнейшие направления хозяйственной деятельности купеческого сословия, участие купцов в общественной жизни и городском самоуправлении [1]. Значительный вклад в изучение курского купечества сделал Ю. В. Озеров [2]. Исследование внешнеторговых связей курского купечества в XVIII – начале XIX в. провел А. В. Зорин [3]. Были изучены происхождение и генеалогия некоторых купеческих династий Курска [4]. Частная жизнь, особенности быта и семейной жизни курских купцов были рассмотрены в диссертации Л. А. Лернер [5].

В XVIII – начале XX в. Курск представлял собой типичный относительно крупный провинциальный город средней полосы России, являвшийся центром сельскохозяйственной губернии. В Кур-

ске в состав купеческого сословия входило значительное число горожан. Среди купеческих фамилий выделяется семейство Гнучевых. В середине XIX в. Гнучевы являлись многочисленным и влиятельным в городе торговым кланом. Так, в 1847 г. в Курске купеческая династия Гнучевых насчитывала 32 человека, из них 8 человек являлись представителями купечества 3-й гильдии, 24 – 2-й гильдии [6, л. 18 об. – 20, 21 об. – 22, 24 об. – 25]. Таким образом, 2% от численности всего купеческого сословия Курска (1565 человек, включая членов семей [7]) и около 22% от купечества 2-й гильдии (всего 2-я гильдия, включая членов семей купцов, насчитывала 108 человек [2]) составляли купцы Гнучевы. Из 14 глав купеческих семей 2-й гильдии, как тогда говорили «начальников семей», в 1847 г. четверо являлись родными братьями Гнучевыми.

Таким образом, происхождение и деятельность представителей династии курских купцов Гнучевых заслуживает отдельного изучения.

Методология

Методология исследования опирается на принципы историзма, детерминизма и объективности. В статье проведен разносторонний анализ архивных документов и опубликованных источников, использованы методы статистики и сопоставления данных, проведено интервьюирование потомков купцов Гнучевых. В ходе исследования активно применялся персонально-биографический метод – была собрана разносторонняя информация о представителях купеческой династии, которая позволила не только восстановить отдельные факты из их жизни, но и проанализировать устремления, настроения, жизненные ориентиры. Полученные результаты опираются на исторические источники. Так, в ходе написания статьи был проведен анализ всех доступных ревизских сказок купцов и мещан г. Курска и Обояни, метрических

книг, исповедальных ведомостей церковей, дел о возведении Николая и Александра Афанасьевичей Гнучевых с семействами в потомственное почетное гражданство, ведомостей городских дум, голов и городских общественных управлений о числе купцов, объявивших и не объявивших свои капиталы за разные годы, описей наследственных дел за вторую половину XIX в., алфавитных книг учета купцов 1–3 гильдии г. Курска и их недвижимого имущества за 1847 и 1852 гг., обывательской книги г. Обояни за 1785 г., ряда других архивных источников, в которых могли отложиться сведения о представителях купеческого рода Гнучевых.

Результаты и их обсуждение

Род Гнучевых известен в Курском крае с конца XVII – начала XVIII в. Согласно данным обывательской книги г. Обояни, составленной на основании Городового положения 1785 г. в том же году, Афанасий Иванов сын Гнучей «был обоянским купцом и жительство издавна по предкам имел, а равно и по сказкам еще с первой ревизии в купечестве состоял» [7, л. 29–29 об.]. Таким образом, Афанасий Гнучей и его отец Иван Гнучей проживали в городе Обояни на рубеже XVII–XVIII вв.

Город Обоянь был основан в середине XVII в. Через Боянский холм к тому времени уже проходила дорога из Курска в Белгород. Однако местность подвергалась регулярным набегам крымских и ногайских татар и проживание там, а тем более ведение хозяйства было сопряжено с большим риском. Для защиты присоединяемых к российскому государству южных земель царь Алексей Михайлович в 1649 г. подписал указ об устройстве на Обоянском городище жилого острога. Обоянская крепость была построена в рамках строительства Белгородской оборонительной черты. Город и ближайшие окрестности были заселены служилыми

людьми, которые переселялись на новое место вместе с семьями.

Заселение новых городов по Белгородской черте планировалось производить путем отбора наиболее достойных, «лутчих» людей, которые могли после переселения на новое место возделывать землю и защищать ее от набегов татар и черкас (так именовали украинцев). Отбор кандидатов производили по распоряжению царя воеводы близрасположенных городов. Переселенцами становились служилые люди относительно высокого социального положения – дети боярские и казаки. При этом отбирались только семейные люди, имеющие сыновей и других родственников мужского пола – братьев, племянников, зятьев. Они должны были уметь обрабатывать землю и строить. Переселение в Обоянь было сопряжено с тяжелой работой по строительству крепости, многочисленными лишениями (голод, болезни и др.). Часть детей боярских самовольно вернулись на прежнее место жительства – в Курский и Орловский уезды. Дело дошло до силового переселения детей боярских в Обоянь. Несмотря на трудности Обоянская крепость была достроена в 1650 г. [8, с. 34–35, 41–42, 44].

В XVII в. служилые люди Обояни жили довольно бедно. Крестьянское население в окрестностях города практически отсутствовало. Местные помещики – дети боярские вследствие отсутствия крепостных сами занимались сельскохозяйственным трудом. Их наделы были небольшими. Служилые люди явно нуждались в дополнительном заработке. Некоторые из них стали заниматься торговлей.

По данным А. И. Раздорского, именно служилые люди городов курской округи стали основателями местных купеческих династий [9].

Через Обоянь проходила важная сухопутная дорога – «Московская», или «Посольская». Эта дорога связывала Москву с Крымом, проходя через Тулу,

Орел, Кромы, Курск, Обоянь, Белгород, Харьков [9, с. 97].

Возможно, что купеческий род Гнучевых ведет свое происхождение именно от представителей военно-служилого сословия допетровской эпохи – детей боярских.

В труде А. А. Танкова «Историческая летопись курского дворянства» опубликована «Подлинная писцовая и межевая книга города Обояни и его посада и поместных земель в станах Залесском, Салотинском и Рудовском письма, меры и межеванья», составленная писцом стольником Авраамом Богдановичем Мантуровым и подьячим Григорием Жеребцовым в 1684 г. В этом документе содержится упоминание о древнейшем из известных представителей рода обоянских Гнучевых – Иване Трофимове сыне Гнучеве. Он был помещен «со товарищи» в деревне Нагольный Колодезь Обоянского уезда, расположенной на правой стороне речки Пселицы (расстояние от Обояни составляет около 20 км по прямой) [10, с. 65].

Семейство Ивана Гнучего прослеживается в деревне Нагольный Колодезь Рудавского стана в 1697 и 1719 гг. Так, в 1697 г. по указанию нового обоянского воеводы стольника князя Семена Федоровича Брятинского была составлена росписная книга («роспись») служилых людей Обоянского уезда. В список заносили служилых людей, с указанием чина и примерного возраста. Также перечислялись сыновья и родственники, зачастую не все, а лишь помогающие по службе. Иван Гнучей записан как несущий городовую службу, указан его возраст – «лет в тридцат». У Ивана имелся совершеннолетний («в возрасте») сын Ефан (Епифан) и два несовершеннолетних внука – Филипп и Иван. Поместье Гнучих находилось в Нагольном Колодезе и насчитывало 40 четей земли (почти 22 га). Глава семейства Гнучих, очевидно, был неграмотным – сказку подписал по его просьбе некий Ивашка Колосов

[11, л. 369]. В 1719 г. в Обоянском уезде была проведена 1-я ревизия. По данным ревизии, семья однодворца городской службы Ивана Трофимовича Гнучего, по-прежнему проживавшая в Нагольном Колодезе, насчитывала более десятка мужчин [12, л. 33]. Вероятно, что обоянские купцы Гнучие имели тесные родственные связи с семейством мелкопоместных детей боярских Гнучих из Нагольного Колодезя.

В Ревизских сказках 3-й ревизии 1762 г. содержатся сведения о проживавшей в г. Обоянь семье купца Афанасия Ивановича Гнучего. Афанасию Ивановичу на момент проведения ревизии было 69 лет, совместно с ним жили его сыновья Дмитрий (37 лет) и Фома (18 лет). У Дмитрия имелась собственная семья, в том числе шестилетний сын Николай. Также в дворе Афанасия Гнучего проживали его внуки: Игнат (15 лет) – сын Григория Афанасьевича, отданного в рекруты, а также дети умершего Гаврилы Афанасьевича – Антон (18 лет), Иван (16 лет) и Архип (8 лет) [13, л. 15 об.]. Таким образом, купеческая семья имела в своем составе 8 мужчин. К сожалению, в материалах 3-й ревизии не фиксировались сведения о членах семьи женского пола.

Ко времени следующей, 4-й ревизии 1782 г., Афанасий Иванович Гнучей умер, а его потомки утратили купеческий статус, перейдя в разряд мещан. Дети и внуки Афанасия Гнучего проживали отдельными дворами. На момент переписи в Обояни насчитывалось 3 семьи Гнучех:

1. Семья Дмитрия Афанасьевича Гнучего (56 лет), в том числе его жена Дарья Ивановна (69 лет), их единственный сын Николай (25 лет), его жена Татьяна Асеевна (25 лет) и дочери Анна (4 года) и Ефимия (2 года) [14, л. 35 об.].

2. Семья Фомы Афанасьевича Гнучего (37 лет), в том числе его вторая жена Ефимия Ивановна (25 лет), дети от первого брака (первая жена Фомы Афанасьевича – Пелагея – умерла в 1778 г. в возрасте 36 лет): Афанасий (19 лет), Сафон

(15 лет), Елена (12 лет), Яков (10 лет) и Ефим (4 лет) [14, л. 96].

3. Семья Ивана Гавриловича Гнучего, умершего в 1769 г. в возрасте 32 лет, в том числе его вдова Наталья Терентьевна (35 лет) и сын Фирс (17 лет) [14, л. 44].

Иван Гаврилович Гнучей стал единственным сыном Гаврилы Гнучего, оставившим потомство. Его родной брат Антон «сшел безвесно» в 1765 г., а Архип умер в 1767 г. в пятнадцатилетнем возрасте. Единственный сын Григория Афанасьевича Гнучего, Игнат, был отдан в рекруты в 1767 г. [14, л. 44]

Таким образом, к началу 1780-х гг. в Обояни среди потомков Афанасия Гнучего единственным представителем, имевшим многочисленное потомство мужского пола, был его сын Фома. Семья Фомы Афанасьевича насчитывала 7 человек, в том числе 5 мужчин и 2 женщины.

Документы свидетельствуют о том, что Фома Афанасьевич Гнучей был довольно предприимчивым человеком: в 1791 г. он восстановил купеческий статус [15, л. 228 об.]. К сожалению, не сохранилось документов, которые содержали бы прямые указания на то, чем именно торговал купец Фома Гнучей. Однако косвенные сведения, содержащиеся в обывательской книге города Обояни 1785 г., позволяют предположить, что он имел дело с торговлей солью. В документе отмечается добропорядочное поведение Фомы Афанасьевича, а также указываются должности, которые он занимал в местном самоуправлении: «в 777 при Обоянской ратуше ходоком, в 778 в Обояни у солевой продаже целовальником, в 784 – в Обоянском городском магистрате ходоком» [7, л. 29]. Весьма вероятно, что целовальником в городском учреждении, контролировавшем торговлю солью, был назначен человек, который сам хорошо знал особенности торговли этим стратегически важным для российского государства в XVIII в. товаром.

Примечательно, что старший брат Фомы, Дмитрий Афанасьевич, также не-

однократно оказывался на должностях, связанных с надзором за торговлей солью: «...на выбор гражданства (горожан) находился в службах – в 1756 в городе Харькове у солевой продаже ларечным, в 1761 в бывшей Обоянской ратуше старостою, в 1764 у положения подушного окладу окладчиком, в 1766 в Обоянской солевой продаже ларечным, в 1771 в городе Обояни при питейном доме выборным, в 1784 при Обоянском соляном магазине при поверке весов и мер, в 1786 при полиции десятником, да его же сын при нем – Николай, в 1776 при солевой продаже целовальником, в 1780 в городе Старом Осколе при солевой продаже целовальником» [7, л. 29 об.].

Скорее всего, обоянские Гнучие вели оптовую торговлю именно солью. Документы также указывают на города, с которыми у них имелись тесные торговые связи: Харьков, Старый Оскол. Как видим, Дмитрий Афанасьевич был весьма честным и ответственным человеком. Он пользовался полным доверием, не только со стороны общественности Обояни, но и жителей городов, с которыми вел торговлю. Должности, которые занимал Дмитрий Гнучей (ларечный целовальник, выборный при питейном доме, окладчик, контролер за поверкой весовых мер), подразумевали сбор и хранение казенных денег – крупных сумм, собираемых в доход государства. По информации о сфере властных полномочий можно также предположить, что Дмитрий Афанасьевич также имел отношение к торговле вином.

Проживали братья Дмитрий и Фома Гнучие недалеко друг от друга в домах № 11 и 13 28-го квартала Обояни, были приписаны к приходу Георгиевского храма города. Георгиевский храм был деревянным, до настоящего времени не сохранился. Точное расположение этого храма неизвестно, есть предположение, что он находился на месте современного храма Смоленской иконы Божией Матери, практически в центре города.

В XVIII–XIX вв. представители купеческого сословия были обязаны служить на различных должностях в городских учреждениях, отказаться от выполнения обязанностей было затруднительно. Вероятно, что желание продолжить занятие торговлей побудило Фому Гнучего сменить место жительства. В 1791 г. он переехал вместе с семьей в г. Курск, с этого времени стал курским купцом 3-й гильдии (по решению Курской казенной палаты) [15, л. 288 об. – 289].

Семья Гнучих после переезда в Курск, вероятно, проживала в окрестностях Смоленской церкви, к приходу которой она была приписана в конце XVIII – начале XIX в. Смоленская (Георгиевская) церковь располагалась на бывшей Георгиевской площади, находившейся на пересечении улиц Херсонской (ныне – Дзержинского) и Золотаревской (ныне – Гайдара) и была снесена в 1936 г. Имеются свидетельства, что именно в Смоленской церкви были крещены по крайней мере трое из семи сыновей Афанасия Фомича Гнучего (за период с 1798 по 1811 г.) [16, л. 20].

На момент проведения 5-й ревизии у Фомы Афанасьевича имелось 4 взрослых сына от первой жены (Афанасий, 34 лет; Сафон, 30 лет; Яков, 23 лет; Ефим, 20 лет), а также два несовершеннолетних сына (Федор, 7 лет; Михаил, 6 лет) и дочь (Аграфена, 10 лет) от второй жены Ефимии, дочери обоянского мещанина Ивана Третьякова. Все дети были рождены еще в Обояни, они переехали в столицу Курской губернии вместе с отцом. Переехав в Курск, старшие сыновья Фомы Гнучего вскоре женились. Так, старший сын Афанасий женился на дочери курского купца Василия Фатеева Пелагее (родилась ок. 1770 г.). В 1794 г. у пары родилась дочь Анна [15, л. 288 об.–289]. Сафон взял в жены дочь курского мещанина Алексея Кавелина Дарью (родилась ок. 1776 г.) [15, л. 289 об.].

После 1795 г. в официальных документах (ревизских сказках, метрических

записях) вместо фамилии *Гнучей* стало использоваться известное сегодня название *Гнучев*. Под этой фамилией были зарегистрированы все сыновья Афанасия Фомича Гнучева.

Судя по архивным документам, после переезда в Курск Фома Гнучев прожил недолго. Уже в 1800 г. его сыновья (Афанасий и Сафон) выступают в качестве самостоятельных купцов. Они решили расширить семейное дело и, помимо торговли, заняться производственной деятельностью. В 1800 г. братья обратились к курскому гражданскому губернатору с просьбой о выделении земли под постройку мыловаренных заводов. Курский землемер внес изменения в план города, обозначив земли купцов Гнучевых. Однако на решение губернатора и подготовку плана была подана жалоба – курский купец С. Н. Голиков обратился к императору Павлу с прошением, в котором указал, что упомянутый земельный участок был ранее куплен им у мещанки Зыковой, а рядом находятся его сальные заводы и скотобойни. Решение о выделении земли Гнучевым было отменено [17, л. 1–6 об.]. Видимо, столкнувшись с трудностями, Сафон Гнучев отошел от купеческого дела. В материалах 6-й ревизии (1811 г.) Сафон Фомич Гнучев отнесен к числу мещан [18, л. 120]. Между тем Афанасий Фомич Гнучев записан в качестве купца 3-й гильдии [18, л. 77]. Таким образом, купеческий род продолжил лишь Афанасий Фомич Гнучев. Именно его сыновья стали известными и влиятельными курскими купцами. Другие потомки Фомы Гнучего (Яков, Ефим, Федор и Михаил) либо умерли, не оставив наследников мужского пола, либо покинули Курск в начале XIX в. [18]

Скорее всего, наследство, доставшееся сыновьям Фомы Гнучего, было не очень большим. Косвенно это подтверждается изменениями в сословной принадлежности его старшего сына – Афанасия Гнучева. Так, из метрики о рождении его сына Василия (3 марта 1798 г.) следу-

ет, что Афанасий Гнучев принадлежал к купеческому сословию [16, л. 20], в метрической записи о рождении сына Николая (26 января 1806 г.) Афанасий Гнучев именуется мещанином [19, л. 23 об.], в 1811 г. в метрической записи о рождении сына Александра (24 ноября 1811 г.) Афанасий вновь предстает в статусе купца [16, л. 20]. Ход событий подсказывает, что именно Афанасий Гнучев заработал состояние, которое передал по наследству своим сыновьям. Афанасию принадлежали водочный, мыловаренный, пивоваренный, солодовый, свечной заводы. При этом капитал, доставшийся детям, позволил каждому из них обрести статус купца 2-й гильдии. Умер Афанасий Фомич в 1827 г.

После смерти отца главой семейства стал его старший сын Василий, который вел коммерческую деятельность совместно с братьями. Именно Василий Афанасьевич ежегодно объявлял купеческий капитал, необходимый для причисления к купечеству 2-й гильдии, платил от собственного лица все установленные платежи. Другие братья являлись представителями купеческого сословия по праву членов семьи Василия. Потомственный почетный гражданин Василий Гнучев жил в доме, доставшемся по наследству от отца – на ул. Гнучева гора (совр.: участок ул. Мирная от пересечения с ул. Володарского до пересечения с ул. Лысая гора). Очевидно, что название улицы связано с проживанием на ней значимой для Курска купеческой семьи. Василий Гнучев был гласным в думе, бургомистром в магистрате [6, л. 20 об. – 21], церковным старостой Благовещенского храма (до 1850 г. включительно) [20, л. 3–14].

Со временем большинство братьев Василия женились, приобрели собственное жилье, переехали на новое место жительства (в ближайшей округе) и выделили собственный капитал из семейного. Совместно с Василием Афанасьевичем до самой его смерти в 1851 г. проживала лишь семья второго по старшинству бра-

та – Николая Афанасьевича. В «Алфавитной книге № 2 учета купцов 1-3 гильдии г. Курска и их недвижимого имущества за 1847 г.» содержится описание имущества курских купцов. Недвижимость Василия и Николая Гнучевых описана как «дом каменный с надворным строением и при оном мыльный и свечной заводы 1 части 3 квартала под № 89, ихнее садовое место 4 части, доставшиеся им от отца их купца Афанасия Гнучева по наследству, 2-й дом деревянный с надворным строением 3 части, доставшийся им по купчей от помещика Праведникова» [6, л. 20 об. – 21].

В 1852 г., после смерти брата, Николай Гнучев, как старший мужчина в семье, объявил капитал и был лично в качестве главы семейства причислен к курскому купечеству 2-й гильдии. Помимо собственных жены и детей, в состав семьи Николая входили вдова Василия Афанасьевича и его дети. Они по-прежнему проживали в одном доме с Николаем Афанасьевичем [16, л. 6–11 об.]. Николай Гнучев, занимаясь производством мыла, открыл для курян общественные бани. Одну из таких бань в 1860-х гг. Николай Афанасьевич построил на правом берегу реки Тускарь рядом с мостом, связывавшим город с Ямской слободой. Сохранился проект (с точным указанием расположения) «*деревянной торговой бани*» почетного гражданина Николая Гнучева на берегу реки Тускарь в 1-й части г. Курска от 1865 г. [21]

Курские краеведы описывают деятельность шести сыновей Афанасия Фомича Гнучева – Василия, Николая, Бориса, Александра, Семена и Гавриила. Однако братьев было семеро. Третий по старшинству – Петр Афанасьевич – умер в 1830 г. в возрасте 21 года [22, л. 15 об.; 23, л. 99 об.], еще при жизни отца.

Борис Афанасьевич Гнучев родился в 1810 г. Он, на наш взгляд, был наиболее успешным предпринимателем из братьев. Борис Гнучев принадлежал к 2-й купеческой гильдии. Жил он в приобретенном

им двухэтажном каменном доме, находившемся на углу Большой Московской площади и ул. Московской (не сохранился, сегодня на его месте стоит жилой дом по адресу: ул. Ленина, 108). При доме имелись надворное строение и флигель, а также располагался кафельный завод, принадлежавший купцу. Борис Афанасьевич вел торговлю кафелем [6, л. 24 об. – 25]. Рост числа зданий, их реконструкция требовали оснащения их отоплением, что обуславливало спрос на продукцию печных изразцов. Кафельное производство достаточно успешно развивалось [2]. Борис Гнучев стал церковным старостой Благовещенского храма после смерти своего брата Василия (с 1851 г.) [20, л. 29 об. – 30]. Кроме того, Борису Афанасьевичу довелось занимать должность ратмана в квартирной комиссии [6, л. 24 об. – 25]. Умер Борис Гнучев не ранее 1867 г.

Александр Афанасьевич Гнучев с 1832 по 1842 г. состоял вместе со своей семьей во 2-й гильдии купечества по городу Курску при старшем брате Василии, он участвовал в управлении общим неразделенным семейным капиталом. В 1842 г. Александр Афанасьевич объявил капитал от собственного лица и подтвердил статус курского купца 2-й гильдии [16, л. 4–4 об.]. Он переехал на новое место жительства – в деревянный дом на каменном фундаменте (дом не сохранился, на его месте в настоящее время стоит дом по адресу: ул. Мирная, 68). Помимо участка под домом, Александру Гнучеву принадлежали два места, расположенных рядом, доставшиеся ему по купчим от государственной крестьянки Татьяны Кудрявцевой, мещан Николая и Евдокии Демехиных. Рядом стоял его же водочный каменный завод, доставшийся ему от отца – купца Афанасия Гнучева [6, л. 19 об. – 20]. Фактически в собственности купца был единый большой участок на пересечении ул. Лысой горы и ул. Гнучева гора, где находились дом, несколько больших сараев, солодовня, помещение

для перегонного куба [24]. Скончался Александр Афанасьевич в 1865 г. [25, л. 245 об.].

Весной 1852 г. Николай и Александр Афанасьевичи Гнучевы направили в Департамент герольдии Правительствующего сената прошения о возведении их с семействами в потомственное почетное гражданство. Они претендовали на возведение в почетные граждане на основании п. 4 ст. 603 раздела III «О городских обывателях» книги I «О разного рода состояниях и различии прав, им присвоенных» тома «О состояниях» Свода законов Российской империи [26, с. 116]. В законе оговаривались условия вступления в почетное гражданство для представителей купечества: «В купеческом сословии почетное гражданство даруется потомственно... купеческим семействам, которые, состоя с платежом установленных повинностей сряду десять лет в первой, или двадцать лет во второй гильдиях, не попадали в течение сего времени несостоятельности и не были опорочены судебным приговором».

Документы, поданные курскими купцами, рассматривались на протяжении нескольких месяцев. Чиновники Сената запрашивали дополнительные письменные свидетельства, необходимые для удовлетворения прошений (в том числе справки о принадлежности к православному вероисповеданию, об отсутствии судимости, о «неподпадении» под торговую несостоятельность, о местожительстве; выписки из метрических книг, подтверждавшие законное происхождение просителей) [16; 19].

Документы, имеющиеся в архивных делах, засвидетельствовали факт того, что Николай и Александр Гнучевы были грамотны – записи, сделанные ими собственноручно, имеются в материалах дела [16, л. 18 об.; 19, л. 12 об.]. Обращает на себя внимание ровный, разборчивый почерк курских купцов, грамотность написания текстов, свидетельствующие о

том, что их авторы наверняка регулярно практиковались в письме.

В 1852 г. Николаю и Александру Гнучевым было отказано в причислении к числу почетных граждан. Требовалось предоставить дополнительные документы. Оба купца смогли добиться утверждения в новом высоком статусе несколько позже.

Семен Афанасьевич Гнучев родился в 1813 г., умер не ранее 1867 г. Он после выделения наследственного капитала жил в деревянном доме, построенном на каменном фундаменте, на Сергиевской улице (совр.: левая сторона ул. М. Горького, между ул. Можаявской и ул. К. Зеленко). Этот дом Семен приобрел у купца Кондратия Ахтырцева [6, л. 19 об. – 20]. Борис Афанасьевич состоял в купеческом сословии до 1864 г. С 1865 г. он перестал вносить платежи, обязательные для купечества, и перешел в разряд мещанин [25, л. 197 об.]. Купец Семен Гнучев вел торговлю различными «съестными» товарами: колбасами, соленьями, горохом, грибами, черносливом, маслинами, халвой и др. [2]

Гавриил Афанасьевич Гнучев родился в 1814 г. Жил купец в каменном доме на ул. Подгородней, вблизи р. Тускарь. Ему принадлежал 2-й дом – деревянный с надворным строением, доставшийся ему по купчей от мещанина Матвея Коптева. Гавриил имел в собственности заводы пивной и солодовый, доставшиеся ему от отца [6, л. 19 об. – 20]. Заводы находились на углу ул. Подгородней и ул. Луговой (совр. парк «Боева дача» – ул. Тускарная, угол ул. Дачной). Г. А. Гнучев вел дела вполне успешно. В середине XIX в. он состоял во 2-й гильдии, был монополистом в торговле пивом. Впоследствии Гавриил Гнучев занимался и вываркой меда. В 1851 г. он открыл «завод дубленой овчины». В «Курских губернских ведомостях» за 1851 г. упоминается магазин Гнучева (располагался на полугоре,

напротив Николаевской церкви), где продавались овчина и полушубки. Гавриил Гнучев был монополистом в торговле мыловаренным товаром. Успешную торговлю мылом он сочетал с содержанием общественных бань. Баня Г. Гнучева располагалась на правом берегу р. Тускарь в районе современной Боевой дачи (близ его дома и пивоваренного завода). Купец также арендовал баню, принадлежавшую городскому обществу. До 1852 г. Гавриил Гнучев принадлежал к 2-й гильдии. К 1852 г. он значился уже в 3-й гильдии как торговец мыльным товаром [2]. Гавриил Афанасьевич Гнучев был городовой старостой и ратманом в магистрате [27, л. 21 об. – 22]. Гавриил Гнучев скончался 17 июня 1868 г. на 55 году жизни.

Таким образом, расцвет купеческой династии Гнучевых пришелся на период жизни Афанасия Фомича Гнучева и его сыновей. С течением времени сыновья Афанасия Гнучева, получившие значительные капиталы в наследство от отца, постепенно утрачивали позиции среди предпринимательского сообщества Курска. Если на 1847 г. четверо из них имели статус купцов 2-й гильдии, а двое – купцов 3-й гильдии [6, л. 18–25], то в 1852 г. уже четверо перешли в 3-ю гильдию [27, л. 20–24]. (Борис вскоре вернулся из 3-й во 2-ю гильдию). Один из братьев, Семен, потерял статус купца еще за несколько лет до смерти, остальные предпочли до конца жизни платить взносы ради сохранения принадлежности к купечеству. Наследники купеческой династии отказались от принадлежности к купеческому сословию, перестав платить соответствующие взносы. Вероятно, это было вызвано дроблением наследственного капитала. Кроме того, трое из сыновей Афанасия Гнучева (Василий, Николай и Александр) были удостоены статуса потомственных почетных граждан, который мог быть утрачен только по причине совершения ими неблагоприятных поступков.

Их дети и внуки продолжали занимать довольно высокое общественное положение, имея значительные привилегии (например, они не подлежали призыву в армию, были освобождены от телесных наказаний).

Семьи купцов Гнучевых были многодетными. Так, старший, Василий Афанасьевич, имел двоих сыновей и семь дочерей. Отметим, что в семьях сыновей Василия Афанасьевича (Ивана Васильевича и Василия Васильевича) родились лишь дочери, поэтому по мужской линии старшая ветвь купеческой династии вскоре пресеклась. В семье Николая Афанасьевича родилось четыре дочери и сын. Борис Афанасьевич стал отцом четырех дочерей (одна умерла в младенчестве) и одного сына (умер молодым в 26 лет, не был женат). Александр Афанасьевич был женат дважды. В первом браке было рождено пятеро сыновей и две дочери, во втором браке – один сын и одна дочь. У Александра Гнучева известны внуки и правнуки как женского, так и мужского пола. Семен Афанасьевич имел наибольшее число детей – 11 сыновей и две дочери. Он, как и Александр, вступал в брак два раза. Гавриил Афанасьевич, младший из братьев Гнучевых, нажил двух дочерей и двух сыновей. Сыновья Бориса Афанасьевича умерли в довольно молодом возрасте – в 11 и 21 год, династию по мужской линии они не продолжили [18, л. 77; 22, л. 15 об. – 16; 23, л. 98–101; 25, л. 6 об., 19, 37–37 об., 49 об.–50, 65, 79–79 об., 98 об., 111–111 об., 124 об., 137, 150 об. – 152, 164, 173 об., 189 об., 197, 197 об., 218, 221, 224, 243, 245 об.–246 об.; 28, л. 20 об.–21; 29, л. 2 об. – 3; 30, л. 7 об. 23 об. – 24, 26 об.; 31, л. 6, 17–17 об., 20–21 об.; 32, л. 46 об. – 47, 98 об. – 99, 267 об. – 268; 33, л. 136 об. – 137; 34, л. 423 об. – 424; 35, л. 118 об. – 119; 36, л. 125 об. – 126; 37, л. 109 об. – 110, 146 об. – 147]. Таким образом, до начала двадцатого века можно проследить потомков по муж-

ской линии лишь у Николая, Александра и Семена Гнучевых.

Наследники известного в Курске по сей день купеческого рода Гнучевых, даже утратив статус купцов, во второй половине XIX – начале XX в. продолжили заниматься торговлей. По свидетельству живущих ныне потомков Афанасия Фомича Гнучева, его внуки и правнуки владели торговыми лавками в Курске, занимаясь торговлей мясом, ювелирными изделиями и другими товарами. В постреволюционный период многие представители старинной купеческой династии подверглись преследованию новыми властями – они были лишены избирательных прав за занятие торговлей [38, л. 23, 47, 70; 39, л. 35 об.; 40, л. 3, 15, 25, 31; 41, л. 12–13 об.]. Несмотря на преследования со стороны советской власти, потомки купцов Гнучевых приняли участие в защите своего Отечества в годы Великой Отечественной войны.

Выводы

Таким образом, успех одной из известнейших в Курске купеческих династий обеспечивался целеустремленностью и трудолюбием нескольких ее ключевых представителей, сумевших достичь успеха на предпринимательском поприще. В роду Гнучевых к их числу можно отнести: родоначальника – Ивана, который благодаря собственным усилиям смог переместиться из захудалого рода служилых людей в купеческое сословие, Фому Афанасьевича, который решил на переезд из небольшого городка Обояни в центр Курской губернии, и Афанасия Фомича, сумевшего сосредоточить в своих руках контроль над целым рядом важных торговых и промышленных предприятий Курска. Капитал, передаваемый по наследству этими представителями рода Гнучевых своим детям, далеко не всегда давал возможность последним сохранить верность семейному делу. Мно-

гие из них отказывались от усилий в предпринимательской сфере, предпочитая провести свою жизнь в спокойствии и сытости и без заключения рискованных торговых сделок. Лишь часть потомков Ивана Гнучего сохранила предпринимательскую жилку и добилась успеха.

Отметим, что никто из купеческой династии Гнучевых не посрамил честного имени семьи. Никто из них не привлекался к ответственности за совершение про-

ступков, связанных с предпринимательской деятельностью. В дошедших до наших времен документах подчеркивается «добропорядочное поведение» купцов Гнучевых – в «несостоятельности не попадали и судебным приговором опорочены не были».

Особо отметим, что и сегодня в Курске живут потомки обоянского купца Ивана Гнучего в 11–13 колена, некоторые из них – предприниматели.

Список литературы

1. Захаров В. В. Купечество Курской губернии в конце XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1996. 194 с.
2. Озеров Ю. В. Курское купечество в середине XIX века. Курск: Маэстро-Принт, 2001. 80 с.
3. Зорин А. В. Курский купец на Аляске // Бартеневские чтения: тезисы докладов и сообщений. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 2000. С. 107–111.
4. Курские купцы Голиковы. От монастырских бобылей до потомственных дворян: материалы к истории и генеалогии рода / сост.: А. В. Зорин, М. Д. Карпачев, В. А. Могильников [и др.]. СПб.: Изд-во ВИРД, 2003. 103 с.
5. Лернер Л. А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в.: на примере Курской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003. 212 с.
6. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 95. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 1.
8. Бабин И. П., Озеров М. М. Об основании и строительстве Обояни // Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре: сборник материалов межрегиональной научной конференции. Обоянь: [Б. и], 2013. С. 32–46.
9. Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 762 с.
10. Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства. Т. 1. М.: Изд. Курск. дворянства, 1913. 476, 156 с.
11. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 210. Оп. 12. Д. 1481.
12. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2347.
13. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 59.
14. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 132.
15. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 191.
16. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1343. Оп. 39. Д. 1100.
17. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 198.
18. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 356.
19. РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 1101
20. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 183.
21. ГАКО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 147.

22. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 409.
23. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 533.
24. ГАКО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 149.
25. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 190.
26. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. Т. 9: Свод законов о состояниях. СПб.: в тип. Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1842. 405 л.
27. ГАКО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 9.
28. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 170.
29. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 171.
30. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 175.
31. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 184.
32. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 12.
33. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 21.
34. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 22.
35. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 412.
36. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 416.
37. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 417.
38. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 4. Д. 1.
39. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 4. Д. 2.
40. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 4. Д. 5.
41. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 4. Д. 6.

References

1. Zaharov V. V. Kupechestvo Kurskoj gubernii v konce XIX – nachale XXI vekov. Diss. kand. ist. nauk [Merchants of Kursk province in the late XIX – early XX centuries. Cand. hist. sci. diss.]. Kursk, 1996. 194 p.
2. Ozerov Yu. V. Kurskoe kupechestvo v seredine XIX veka [Kursk merchants in the middle of the XIX century]. Kursk, Maestro-Print, 2001. 80 p.
3. Zorin A. V. Kurskij kupec na Alyaske [Kursk merchant in Alaska]. *Bartenevskie chteniya. Tezisy dokladov i soobshchenij* [Bartenev readings. Abstracts of reports and messages]. Lipetsk, Lipetsk St. Pedagogical Univ. Publ., 2000, pp. 107–111.
4. Zorin A. V., Karpachev M. D., Mogil'nikov V. A., eds. Kurskie kupcy Golikovy. Ot monastyrskih bobylej do potomstvennyh dvoryan: materialy k istorii i genealogii roda [Kursk merchants Golikov. From monastic bobyli to hereditary nobles: materials for the history and genealogy of the family]. St. Petersburg, VIRI Publ., 2003. 103 p.
5. Lerner L. A. Chastnaya zhizn' russkogo provincial'nogo kupechestva v XIX v.: na primere Kurskoj gubernii. Diss. kand. ist. nauk [Private life of the Russian provincial merchants in the XIX century: on the example of the Kursk province. Cand. hist. sci. diss.]. Kursk, 2003. 212 p.
6. ГАКО, f. 95, op. 1, d. 3.
7. ГАКО, f. 228, op. 1, d. 1.
8. Babin I. P., Ozerov M. M. Ob osnovanii i stroitel'stve Oboyani [About the foundation and construction of Oboyan]. Oboyan' i oboyancy v otechestvennoj i zarubezhnoj istorii i kul'ture. Sbornik materialov mezhregional'noj nauchnoj konferencii [Oboyan and Oboyants in domestic

and foreign history and culture. Collection of materials of the interregional scientific conference]. *Oboyan'*, 2013, pp. 32–46.

9. Razdorskij A. I. *Torgovlya Kurska v XVII veke (po materialam tamozhennyh i obrochnyh knig goroda)* [Kursk trade in the XVII century (based on the materials of the customs and toll books of the city)]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2001. 762 p.

10. Tankov A. A. *Istoricheskaya letopis' kurskogo dvoryanstva. T. 1* [Historical Chronicle of the Kursk nobility. Vol. 1]. Moscow, Izd. Kursk. dvoryanstva Publ., 1913. 476, 156 p.

11. RGADA (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, op. 12, d. 1481.

12. RGADA, f. 350, op. 2, d. 2347.

13. GAKO, f. 184, op. 2, d. 59.

14. GAKO, f. 184, op. 2, d. 132.

15. GAKO, f. 184, op. 2, d. 191.

16. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Russian State Historical Archive], f. 1343, op. 39, d. 1100.

17. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. 33, op. 2, d. 198.

18. GAKO, f. 184, op. 2, d. 356.

19. RGIA, f. 1343, op. 39, d. 1101.

20. GAKO, f. 217, op. 1, d. 183.

21. GAKO, f. 325, op. 1, d. 147.

22. GAKO, f. 184, op. 2, d. 409.

23. GAKO, f. 184, op. 2, d. 533.

24. GAKO, f. 325, op. 1, d. 149.

25. GAKO, f. 217, op. 1, d. 190.

26. *Svod zakonov Rossijskoj imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyj. T. 9. Svod zakonov o sostoyaniyah* [The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of the Sovereign Emperor Nikolai Pavlovich. Vol. 9. Code of laws on states]. St. Petersburg, Tip. Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1842. 405 l.

27. GAKO, f. 95, op. 1, d. 9.

28. GAKO, f. 217, op. 1, d. 170.

29. GAKO, f. 217, op. 1, d. 171.

30. GAKO, f. 217, op. 1, d. 175.

31. GAKO, f. 217, op. 1, d. 184.

32. GAKO, f. 217, op. 3, d. 12.

33. GAKO, f. 217, op. 3, d. 21.

34. GAKO, f. 217, op. 3, d. 22.

35. GAKO, f. 217, op. 3, d. 412.

36. GAKO, f. 217, op. 3, d. 416.

37. GAKO, f. 217, op. 3, d. 417.

38. GAKO, f. R-770, op. 4, d. 1.

39. GAKO, f. R-770, op. 4, d. 2.

40. GAKO, f. R-770, op. 4, d. 5.

41. GAKO, f. R-770, op. 4, d. 6.

Информация об авторах / Information about the Authors

Никифоров Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-0853-0842

Sergey A. Nikiforov, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of History and Sociocultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-0853-0842

Яковлева Майя Константиновна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных, естественно-научных и юридических дисциплин, Курский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: yakovleva1mk@gmail.com,
ORCID: 0009-0000-0653-8053

Majya K. Yakovleva, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of Humanities, Natural Sciences and Legal Disciplines, Kursk Institute of Cooperation (branch) Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Kursk, Russian Federation,
e-mail: yakovleva1mk@gmail.com,
ORCID: 0009-0000-0653-8053

УДК 94:341.322.5

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-217-234>

Пожилое население и старики как особая категория жертв нацистских военных преступлений

В. В. Бахтин¹ ✉, А. А. Припадчев²

¹ Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко
ул. Студенческая, д. 10, г. Воронеж 394036, Российская Федерация

² Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
ул. Мичурина, д. 1, г. Воронеж 394087, Российская Федерация

✉ e-mail: bakhtin2009@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время в российском обществе наблюдается повышенный интерес к трагедии гражданского населения. Это находит отражение как в многочисленных научных публикациях, так и в процессуальных действиях. Белгородский, Воронежский, Орловский областные суды признали военные преступления нацистов и их пособников геноцидом.

Цель статьи – рассмотреть на основании материалов Чрезвычайной государственной комиссии федеральных и региональных архивов особую категорию жертв нацистских преступлений – стариков.

Задачи: определить критерии старости, выяснить количество жертв преступлений – стариков на территориях Воронежской, Курской и Орловской областей, рассмотреть различные способы убийства пожилых и стариков.

Методология. Базу данного научного исследования представляет комплекс общего диалектического метода научного познания, общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции и частнонаучных методов познания, таких как: формально-логический, формально-юридический. Авторами настоящей работы также применялись приемы изучения общественных явлений в их конкретном проявлении в определенных условиях места и времени и особые исторические приемы: ретроспективный, сравнительно-исторический, историко-правовой, логический.

Результаты. Исследование стало объективным доказательством истребительной политики нацистов и их пособников на территории областей Центрального Черноземья. Приводятся многочисленные архивные документы, подтверждающие, что пожилое население и старики являлись одной из массовых жертв военных преступлений.

Вывод. Пожилое население и старики в силу своих психофизиологических особенностей, из-за своей неспособности или ограниченности к физическому труду уничтожались в числе первых. Они рассматривались нацистским руководством как лишний, абсолютно не нужный балласт, от которого надо было избавиться.

Ключевые слова: виктология; военные преступления; жертва; мирное население; военный преступник; Черноземье.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бахтин В. В., Припадчев А. А. Пожилое население и старики как особая категория жертв нацистских военных преступлений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 217–234. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-217-234>.

Поступила в редакцию 19.06.2023

Принята к публикации 28.07.2023

Опубликована 30.08.2023

Old People as a Special Category of Victims Nazi Crimes

Victor V. Bakhtin¹ ✉, Andrey A. Pripadchev²

¹Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
10 Studencheskaya Str., Voronezh 394036, Russian Federation

²Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I
1 Michurina Str., Voronezh 394087, Russian Federation

✉ e-mail: bakhtin2009@yandex.ru

Abstract

Relevance. Currently, there is an increased interest in the tragedy of the civilian population in Russian society. This is reflected both in numerous scientific publications and in procedural actions. Belgorod, Voronezh, Oryol regional courts recognized the war crimes of the Nazis and their accomplices as genocide.

Purpose: to consider, based on the materials of the Extraordinary State Commission of Federal and Regional Archives, a special category of victims of Nazi crimes – the elderly.

Objectives: to determine the criteria of old age, to find out the number of victims of crimes – the elderly in the territories of the Voronezh, Kursk and Oryol regions, to consider various ways of killing the elderly and the elderly.

Methodology. The basis of this scientific research is a complex of general dialectical method of scientific cognition, general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction and private scientific methods of cognition.

Results. The study became an objective proof of the extermination policy of the Nazis and their accomplices on the territory of the regions of the Central Chernozem region. Numerous archival documents confirming that the elderly population and the elderly were one of the mass victims of war crimes are cited.

Conclusion. The elderly population and the elderly, due to their psycho-physiological characteristics, due to their inability or limitation to physical labor, were among the first to be destroyed. They were considered by the Nazi leadership as an extra, absolutely unnecessary ballast, which had to be disposed of.

Keywords: victimology; war crimes; victim; civilian population; crimina; Chernozem region.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bakhtin V. V., Pripadchev A. A. Old People as a Special Category of Victims Nazi Crimes. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 217–234. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-217-234>

Received 19.06.2023

Accepted 28.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

В годы Великой Отечественной войны нацистами и их пособниками были уничтожены миллионы советских граждан. Однако до настоящего времени отсутствуют обобщающие сведения по отдельным категориям жертв военных преступлений. С 1992 г., с созданием НПЦ «Холокост», начинается скрупулезное изучение евреев как особой группы жертв, подлежащей тотальному уничтожению [1, с. 138]. С 2017 г. историком

И. Ребровой начиналось исследование массовых убийств пациентов психиатрических лечебниц на Северном Кавказе. С 2020 г. проект «Помни о нас...» стал реализовываться в 16 субъектах Российской Федерации. Итоги проекта обобщены в сборнике статей, вышедшем в 2022 г. [2] В последние годы появились работы о геноциде представителей синти и рома [3], военнопленных [4; 5; 6].

В 2020 г. в рамках федерального проекта «Без срока давности» вышли 23 тома сборников документов. Издание

представляет часть серийной публикации и включает архивные документы о преступлениях нацистов и их пособников, подтверждающие факт геноцида против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Опубликованные документы из федеральных и региональных архивов позволяют исследователям изучить различные категории жертв военных преступлений.

Методология

Авторы исходили из принципов объективности и историзма. Статья базируется на синтезе общенаучных и частнонаучных методов научного познания. Из числа общенаучных применялся диалектический метод, метод анализа и синтеза, индукции и дедукции. Авторами настоящей работы применялись приемы изучения общественных явлений в их конкретном проявлении в определенных условиях места и времени и особые исторические приемы: ретроспективный, сравнительно-исторический, историко-правовой, логический. Частнонаучные методы юридической науки, такие как: формально-логический, формально-юридический, позволили уточнить и конкретизировать многие правовые дефиниции, используемые в статье.

Результаты и их обсуждение

Определение «жертвы» регламентировано в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г.): жертвы преступлений – «...лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-

членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью»¹.

Понятие «жертва» активно разрабатывается в виктимологии (от лат. *viktima* – жертва) – учении о жертве преступления. Возникновение виктимологии как науки связывается с именами Бенджамина Мендельсона (1900–1998 г.) и Ганца фон Гентинга (1887–1974). Появление жертвы преступления в качестве объекта исследования во многом является заслугой Мендельсона, который в 1937 г. начал научное исследование жертв преступлений [7, р. 877–891]. В 1947 г. он придумал термин «виктимология» [8]. В следующем году фон Гентинг опубликовал свою книгу «Преступник и его жертва», в которой отстаивал идею криминальной виктимологии, в которой будут учитываться только жертвы преступлений [9]. Мендельсон в 1975 г. опубликовал монографию «Общая виктимология», в которой расширил понятие жертвы преступлений, но и выделил жертвы природных катаклизмов, геноцида, этнических конфликтов и войн [10].

В 1980-е гг. целая группа виктимологов стала фокусировать внимание на жертвах нарушений прав человека, таких как геноцид, пытки и рабство и исключать жертв стихийных бедствий [11].

Криминологи разработали многочисленные типологии, включавшие до 13 категорий жертв [12]. Мендельсон считал, что жертвы отличаются возрастом, полом, степенью культуры и интеллекта, биопсихическим аспектом, степенью привыкания к агрессивным началам, эмоциональной устойчивостью или нестабильностью. Среди разрабатываемых им жертв была категория «абсолютно невиновная жертва: дети, недееспособные»

¹ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью: [принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.] // Организация Объединенных Наций: сайт. URL: <http://www.un.org/> (дата обращения: 24.06.2023).

[13, p. 105–108]. Гентинг впервые выделил особую группу жертв – «пожилые». Психоповеденческий профиль пожилой жертвы создается за счет снижения реакций и защитного поведения, отсутствия физической и моральной силы, противостояния сильному сопротивлению агрессору [9]. Американский криминолог Стивен Шафер в монографии «Виктимология: жертвы и его преступник» классифицировал жертв по степени участия и ответственности в совершении преступления, выделил «слабые жертвы с биологической точки зрения», для которых соблюдение исполнения агрессивных действий является результатом биологической неспособности противостоять принуждению агрессора» [14].

Основатель советской виктимологии Л. В. Франк (1920–1978), рассматривая категорию «жертвы» с позиций фон Гентинга, не относил к ним пострадавших от геноцида и войн [15].

В настоящее время существует несколько разработанных отечественными исследователями классификаций жертв преступлений. Однако до сих пор не разработано единой классификации. Каждый исследователь закладывает в основу классификации различные компоненты, что приводит к их существенным отличиям. Большинство применяют классификацию по возрасту, выделяя лиц преклонного возраста. Особенности психофизического порядка определяют и повышенную виктимность лиц пожилого и преклонного возраста (физическая слабость, слабая память, одиночество и т. д.) [16, с. 44–55].

Важно определить и саму дефиницию «старость» для того, чтобы понять нижнюю возрастную границу группы пожилого возраста. В общественном сознании нет четких возрастных границ периодизации. Крайние классификации устанавливают минимальный срок начала старости – 45 лет, максимальный – 75 [17, с. 7]. В настоящее время Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)

определяет его в интервале от 60 до 74 лет, старческого – от 75 до 89, возраст 90 лет и более считается возрастом долгожителей [18, с. 14].

Организация Объединенных Наций (ООН) использует несколько иной подход. К пожилым людям относятся те, кто старше 60 лет, а люди старше 80 лет включаются в категорию долгожителей. В отдельных документах ООН оговаривается, что в зависимости от конкретных социально-экономических условий нижняя граница пожилого возраста может сместиться во многих развивающихся странах до 50 лет [19, с. 52]. Таким образом, отметка в 60 лет признана международными организациями как базовый критерий пожилого возраста.

Определение старости напрямую связано с критерием потери трудоспособности. В связи с данным обстоятельством установить границы старости применительно к советским реалиям позволяет пенсионное законодательство. ЦИК и СНК СССР 15 мая 1929 г. утвердил постановление «Об обеспечении в порядке социального страхования по случаю старости», установив систему государственного пенсионного обеспечения по старости: для мужчин – 60 лет, для женщин – 55. «Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию» от 13 февраля 1930 г. содержало отдельную главу «Пенсия по старости», возрастные рамки соответствовали предыдущему нормативно-правовому акту, но внесена и новая норма: «Лицам, занятым на подземных работах в горной промышленности, пенсия по старости назначается, если они достигли 50 лет и при том проработали в общей сложности не менее 20 лет, из которых не менее 10 лет на подземных работах» [20]. Таким образом, нижняя граница старости законодательно устанавливалась в диапазоне 50–60 лет в зависимости от отраслевой принадлежности.

Данные положения действовали и в годы Великой Отечественной войны. Следовательно, советские и партийные

деятели, указывая «стариков» и «старух» в документах военного времени, опирались на возрастные критерии социального законодательства.

«Старики» как особая группа жертв нацистской истребительной политики гражданского населения выделялась в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» на Чрезвычайную государственную комиссию (далее – ЧГК), на которую возлагалась обязанность осуществить полный учет «фактов убийств мирных граждан и насилий оккупантов над беззащитными людьми, женщинами, детьми и стариками, а также фактов увода советских людей в немецкое рабство» [21, л. 3]. В Инструкции о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, одобренной Советом Народных Комиссаров Союза ССР 17 июня 1943 г., в п. 4 подчеркивалось: «...установлению и учёту подлежат: а) факты убийств мирных граждан, насилий, издевательств и пыток, учинённых немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками над беззащитными людьми – женщинами, детьми и стариками» [22, с. 20].

Исходя из инструкций, можно предположить, что давались четкие указания на учет категории жертв – «стариков». Во многих актах ЧГК содержатся факты совершения преступных действий в отношении лиц старшего возраста. В отдельных актах ЧГК указывается возраст, в других только констатируется данная категория.

В мае 1943 г. ответственным секретарем Воронежской областной ЧГК А. Кузнецовой были составлены Сводные таблицы о злодеяниях, совершенных

немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками на территории Воронежской области по материалам, составленным до марта-апреля 1943 г. Сведения были сгруппированы в виде таблицы, содержащей столбцы по возрастным группам: «от 0 до 7 лет», «от 8 до 13 лет», «от 14 до 17 лет», «от 18 до 55 лет», «свыше 55 лет» и «возраст не указан». Также жертвы разделялись по гендерной принадлежности. Практически по всем районам указывались следующие виды злодеяний: «повешены», «расстреляны», «убиты», «ранены», «угнаны в Германию», «подвергнуты истязаниям», «арестованы, местонахождение неизвестно». В отдельных районах указано злодеяние «сожжены живыми».

Сведения были обобщены по данным отчетов, полученных ЧГК до мая 1943 г., т. е. за период 3 месяца с момента освобождения территории. Информация по группе «старше 55 лет» не была заполнена по 9 районам Воронежской области из 19 (без г. Воронежа), т. е. почти половина районных комиссий не учла группу жертв «старики». Подсчет по сводным таблицам дает нам цифру в количестве всего 111 стариков. В категории «возраст не указан» – 47123 человек [23, л. 1–12]. Таким образом, можно смело констатировать, что учет стариков как отдельной группы жертв не был осуществлен.

Согласно Уставу Международного военного трибунала, все международные преступления разделены на три группы: а) преступления против мира; б) военные преступления; в) преступления против человечности¹. Современное правовое регулирование охраны мира и безопасности человечества осуществляется на основе Римского статута Международного

¹ Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси: [принят в г. Лондоне 8 авг. 1945 г.] // Гарант.ру: сайт. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 24.06.2023).

уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.)¹ и отдельных международных конвенций [24, с. 62]. Юрисдикция Международного уголовного суда распространяется в отношении следующих преступлений: а) преступление геноцида; б) преступления против человечности; в) военные преступления; г) преступление агрессии

В рамках исследования мы не рассматриваем первые и последние преступления, а акцентируем внимание на второй и третьей группе. Отдельно отметим, что преступления, совершенные нацистами и их пособниками, объектами которых стали «стариками» – евреи, советские и партийные деятели, члены семей командиров РККА, не анализируются, т. к. мотивами их уничтожения являлись их этническая принадлежность и социально-партийный статус. Их уничтожение обусловлено принадлежностью к особым этническим, общественно-политическим группам. Хотя, безусловно, статистика их учитывала именно в возрастной группе старше 55 лет.

Римский статут определяет «преступление против человечности» как «любое из следующих деяний, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и, если такое нападение совершается сознательно»¹.

Истребление. Римский статут определяет истребление как «умышленное создание условий, в частности лишение доступа к продуктам питания и лекарствам, рассчитанное на то, чтобы уничтожить часть населения». По мнению нацистов, «лишние рты» съедали хлеб, который нужен был Германии. Стариками также были первоочередной жертвой в нацистских планах очистки территории от лишнего населения. В современной историографии известна «политика голода» [25,

р. 47]. Автором преступного плана был статс-секретарь министерства продовольствия и сельского хозяйства Герберт Бакке, который оценивал «избыточное население» Советского Союза в 20–30 млн человек [26, с. 41]. На оккупированной территории гражданское население было лишено средств к существованию. Продовольствием снабжались в первую очередь армия, служащие оккупационных органов власти. Остальное население не получало ничего [27, с. 46].

Британский журналист газеты SundayTimes и британской радиокomпании BBC Александр Верт в августе 1943 г. побывал в Орле. Со слов очевидцев он так описывал эту страшную зиму: «Зима 1941–1942 гг. была самой тяжелой. Люди сотнями умирали от голода. Позже они стали получать по 200 гр хлеба в день, если как-то работали на немцев. <...> Старик (его фамилия Фомин) рассказал о страшном голоде в Орле. Длительное время населению вообще не выдавали никакого продовольствия, даже мизерного хлебного пайка. Проходя по улицам зимой 1941–1942 гг., люди спотыкались о тела упавших и тут же умерших. В ту зиму он с женой с большим трудом меняли свои пожитки на картофель и свеклу. Позже людям помогали выжить их огороды» [28, с. 120].

От голода и болезней на территории Воронежской области в период оккупации умерло 198 300 человек [29, л. 8]. Большая часть жертв голода – дети и старики. В акте, составленном колхозниками колхоза «Завет Ильича», о злодеяниях фашистов в с. Попасное Лискинского района Воронежской области зафиксировано, что в селе «каждый день даже по несколько детей умирало, а также и стариков <...> умерло детей сорок и стариков десять» [30, л. 37–39].

В г. Воронеже нацистами в июле 1942 г. был организован Дом инвалидов: «В дом инвалидов было водворено 450 чел. жителей гор. Воронежа, которые все были нетрудоспособные, старики, инва-

¹ Римский статут Международного уголовного суда: [Рим, 17 июля 1998 г.] // Гарант.ру: сайт. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 24.06.2023).

лиды и больные, содержались в тяжелых условиях. Больные большей частью лежали на полу, постельных принадлежностей не было, для чего использовалась одежда и личные вещи больных. Больные были завшивлены, питание им было плохое. То есть больные питались тем, что они сами изыскивали, а снабжения со стороны руководства, как заведующего здравоохранения С <...> и немецкой комендатуры, никакого не было. Питьевая вода почти отсутствовала. Поэтому часть больных страдали кровавыми поносами, которым необходимой медицинской помощи не оказывалось, в результате чего были случаи смертности» [31, л. 194–197].

Без питания и оказания медицинской помощи постояльцы Дома инвалидов умирали от истощения, обезвоживания, заражения.

В августе 1942 г. все пациенты Дома инвалидов были вывезены под видом эвакуации и расстреляны [32, л. 12–13 об].

Убийства. Практически все акты ЧГК фиксируют факты убийства стариков.

В акте комиссии о зверствах, убийствах, грабежах и насилиях над мирным населением села Пасека Воронежской области от 23 декабря 1942 г. зафиксировано: «Свое пребывание немецкие варвары ознаменовали массовыми убийствами и насилиями над мирными гражданами. Зарезали кинжалом и еще живую закопали в землю 70-летнюю колхозницу Пуленкову Дарью Герасимовну, застрелили Анникову Варвару Герасимовну – 70 лет, Жукову Варвару Федоровну – 68 лет, у которой 4 сына в Красной Армии, закололи штыком Тихонову Арину Яковлевну – 94 лет, застрелили Бровкину Анну Федоровну, 67 лет» [33, л. 178]. Из акта мотивы убийства лиц пожилого и старческого возраста указаны только у одной жертвы – В. Ф. Жуковой – принадлежность к семье военнослужащих РККА, остальные убиты по неизвестным причинам. Безусловно, они невинные жертвы и

не могли представлять никакой угрозы военнослужащим вермахта.

Лица старшего возраста в силу своих физиологических особенностей не могли быстро выполнять приказы и распоряжения военнослужащих армии вермахта и их союзников, что также становилось причиной их убийства. Так, в селе Урыв Воронежской области «гитлеровцы забрасывали гранатами целые семьи колхозников, укрывавшихся в земляных сооружениях, только за то, что они, не зная языка оккупантов и не понимая их требований и приказов, мешкали выходить из укрытий» [34, л. 30–32 об., 33 об.]. Среди 40 убитых лиц старше 55 лет – 5 человек [34, л. 30–32 об., 33 об.]. В Курской области «за медлительность при вытаскивании немецкой машины, попавшей в канаву, расстреляны старики-колхозники: Николай Бобрышов – 69 лет, Никифор Бобрышов – 74 лет и Иван Еремин – 55 лет» [35, л. 8, 9]. Была расстреляна 56-летняя колхозница Марфа Новикова с. Терновое Воронежской области «за то, что она не могла идти как больная на работы, организованные немцами» [36, л. 11–11 об.]. В Орловской области «27 декабря 1941 года 4 немецких солдата ворвались в дом больного гр[аждани]на Чичерина Андрея Егоровича, 1889 г. рождения, и стали гнать больных стариков: Чичерина А. Е. и его жену Кузнецову Софью Иосифовну, 1884 года рождения, на работу. Больные категорически отказались выйти из дома. Тогда немецкие палачи вывели их на улицу и на глазах собравшихся колхозников расстреляли» [37, л. 24–31].

Старики становились жертвами убийства во время военных действий. В частности, 25 декабря 1942 г. во время боя по приказанию немецкого коменданта Вагнера солдаты вермахта согнали всех жителей села Голое Воронежской области в клуб. Снаряд попал в угол клуба, разрушив часть стены. Жители через него стали разбегаться по домам. Солдаты открыли огонь из автоматов по убе-

гавшим, убив 15 человек, в том числе: Наливайко Ирина Лазаревна, «80-летняя старуха», Моторин Николай Порфирович, 71 год, Гузеева Анастасия Егоровна, «70-летняя старуха», Кодацкая Надежда Стефановна, 61 год [38, л. 1].

В прифронтовой полосе в Воронежской области убийство стариков носило массовый характер. Изгнание гражданского населения сопровождалось убийствами. В селе Борщево Гремяченского района Воронежской области «в своих же хатах» были убиты как неспособные уйти из села 6 жителей, в том числе долгожители: 101-летняя П. И. Колосова, 97-летняя Е. К. Лаврова, 90-летний Г. И. Титов [38, л. 23–23 об., 25 об., 26]. В с. Урыв Коротояжского района «выгоняли всю семью из дома, а больных, инвалидов и престарелых пристреливали на месте в доме, во дворе и на улицах» [34, л. 30–32 об., 33 об.]. В этом селе были убиты 16 пожилых, 20 человек старческого возраста и 2 долгожителя [подсчитано по: 34, л. 30–32 об., 33 об.].

Убийства сопровождалось тотальным выселением гражданского населения. 4 января 1942 г. при угоне населения села Сажное Курской области: «Все население выехало, в селе остались которые не могли двигаться старики и старухи, фашистские изверги их замучили и постреляли всего 12 человек» [39, л. 197, 198].

Убийства мирных жителей приобрели массовый характер при отступлении воинских частей в декабре 1942 – январе 1943 г. В с. Голое Воронежской области был расстрелян 70-летний Д. Н. Головкин [38, л. 25]. В с. Пасюковка той же области при насильственной эвакуации населения было убито 10 стариков [40, л. 12–12 об.].

При отступлении из Глазуновского района Орловской области происходил угон всех жителей: «Стариков по дороге избивали, а кто не мог дальше идти, расстреливали» [41, л. 1–2 об.]. При угоне жителей д. Семеновка Курской области «по пути их следования утомленных де-

тей, стариков и больных немецкие палачи, конвоирующие гр[ажд]ан, расстреливали, избивали прикладами, палками и т.п.» [42, л. 15, 16].

Наибольшее число убийств произошло с использованием *огнестрельного оружия*, что обусловлено военными действиями. Приведем лишь некоторые свидетельства. В д. Муратовка Орловской области «более 60 человек стариков, женщин и детей заперли в колхозный сарай, где продержали их январскую ночь, а утром выгнали за деревню Лески в овраг и всех расстреляли из пулеметов» [43, л. 47–49 об.]. В Курской области «гитлеровцами в Волобуевском сельсовете, расположенном на правом берегу реки Сейм, где они заняли передовую линию обороны, было расстреляно 173 человека беззащитных мирных жителей. В числе расстрелянных в этот день были: 80-летний Загребав Василий Петрович, 87-летняя Саницкая Анна Семеновна, Колесова Вера Петровна <...> и целый ряд других, равных им по возрасту, стариков и старух» [44, л. 1].

Зафиксированы факты убийства стариков с использованием *холодного оружия*. Так, в различных селах Воронежской области «зарезали кинжалом» 70-летнюю колхозницу Д. Г. Пуленкову, «закололи штыком» 94-летнюю А. Я. Тихонову [33, л. 178], «приколоты штыками» старушки 75 лет Щербашина Марфа, Пышнограева Ефросиния, 60 лет [38, л. 25]. 75-летнему колхознику П. Е. Силину, отрубили голову [45, л. 219, 224–225, 226]. В г. Воронеже голову отрубили 66-летнему А. И. Певцову [46, л. 13].

Убийство с использованием взрывчатых средств (гранат, мин). Подобный метод убийства приобрел массовый характер в Воронежской и Курской областях. Старики убивались в подвалах, убежищах посредством забрасывания их гранатами военнослужащими армии вермахта и их союзников. Данный метод убийства использовали как при наступлении (например, Новая Таволжанка Ще-

бекинского района [47, л. 4–4 об.], г. Грайворон Курской области [48, л. 27–27 об.], так и при отступлении войск вермахта (например, хутор Россошки Гремяченского района [49, л. 8–10 об.], г. Острогожск [50, л. 63, 64] Воронежской области, д. Муратовка Орловской области [43, л. 47–49 об.]), а также при карательных акциях (например, с. Урыв Воронежской области [34, л. 30–32 об., 33 об.], п. Погорелый Михайловского района [51, л. 403–403 об.], с. Ивница Суджанского района [52, л. 60–60 об.] Курской области).

В марте 1943 г. отступавшие части вермахта сожгли село Коренево Курской области, оставили целым здание школы, где в подвале заложили крупную мину в печи. Население, лишившись крова, переселилось в школу, при розжиге печи мина взорвалась. В результате взрыва здание было уничтожено и при взрыве погибло 16 человек, в том числе 3 женщины старше 55 лет [51, л. 364–364 об.]. В с. Крутой Лог Курской области фашисты загнали стариков, женщин и детей в церковь и взорвали ее [53, с. 47].

Удушение. На оккупированной территории активно казнили через повешение. В с. Горяино Касторенского района Курской области на дереве повесили 65-летнего П. М. Чаплинского [54, л. 11]. Этот метод убийства совершался с целью запугивания местных жителей. Эзекuciones с особой жестокостью совершались на улицах и площадях населенных пунктов, трупы казненных не убирались несколько дней [55, с. 42]. Причинами служили неповиновение оккупационным властям, обвинение в партизанстве.

Сжигание. Сжигание жертв зафиксировано во многих населенных пунктах. Сожжение было массовым или индивидуальным. Старики являлись и основными жертвами при сожжении населенных пунктов. В Ивницком сельсовете данного района среди сожженных указаны лица пожилого и преклонного возраста: 6 жителей в возрасте 70–79 лет и от 80 и

старше – 4 [52, л. 60–60 об.]. Фиксировались и индивидуальные акты, в частности в Курской области немцы облили бензином и заживо сожгли 80-летнего колхозника Ф. И. Кучеряева (д. Корнеевка) [55, с. 136], 65-летнюю М. А. Голубятникову (с. Ефросимовка) [56, л. 47–49], 75-летнюю Ф. А. Семкову (пос. Студенецкий) [55, с. 138].

В Орловской области «старика, 65 лет Селютин Михаил Алексеевич, которого выстрелом из автомата ранили в ногу, а затем раненного загнали его в дом, заперли дверь дома, дом этот подожгли, где сгорел и раненный Селютин» [57, с. 83], в другом селе «подожгли дом, в котором находились два семидесятилетних старика, которые в нем и сгорели заживо» [58, л. 75, 75 об.].

В документах ЧГК зафиксирован такой метод убийства, как **закапывание** жертвы живой в землю (с. Пасека [33, л. 178], с. Истобное [59, л. 6] Воронежской области). Данный метод умерщвления носил индивидуальный характер, его чаще практиковали при убийстве детей. Массовым был только один случай в райцентре с. Беседино Курской области в июне 1942 г., когда живыми в землю закопали 11 человек – коммунистов и советских активистов [55, с. 346]. Однако источники не дают возрастную характеристику жертв.

Убийство посредством закапывания в снег было выявлено только один раз. Жертвой стала «старушка» Барановская Марфа Петровна, 70 лет, которую «при 30 градусах мороза раздетую закопали в снег и держали ее два дня. После чего Барановская умерла – замерзла» [60, л. 47–47 об.].

Умерщвление газом. В 1942–1943 гг. в Курской и Воронежской областях действовала зондеркоманда 4а (Sonderkommando 4a) – формирование специального назначения, входившее в айнзацгруппу Ц полиции безопасности СД. В их арсенале были мобильные газовые камеры – газенваген, или «душегубка». Из материалов

Харьковского судебного процесса известно, что душегубку применяли в гг. Курск, Белгород, Россошь Воронежской области [61, с. 26, 67]. Водитель душегубки М. Буланов на допросе от 14 ноября 1943 г. показал: «К моменту приезда душегубки на место, находившиеся в ней люди: мужчины, женщины, старики и дети, задыхались <...> при открытии дверей, еще теплые трупы тех, кто находился ближе к выходу, падали на землю» [62, с. 263–277]. Детальная информация о деятельности душегубок на территории Воронежской и Курской областей в опубликованных источниках отсутствует [61, с. 26, 67].

С 7 по 9 октября 1943 г. в Песчаном Логу под Воронежем проводилась эксгумация 450 трупов. Эксперты, изучив их, выяснили, что 302 из них принадлежали лицам старше 40 лет, или 67%. Криминалисты не смогли сделать заключение по 90 трупам и предположили, что их умертвили путем отравления или заживо погребли [32, л. 12, 13 об.].

Умышленное причинение сильных страданий или серьезных телесных повреждений и ущерба здоровью. На всей оккупированной территории лица пожилого возраста подвергались избиениям, издевательствам и унижениям. Из акта, составленного 22 января 1943 г. колхозниками колхоза «Красная заря» Лискинского района Воронежской области, следует: «...был введен рабский труд без оплаты и не только к уклоняющимся, но и явно больным, не выполнявшим их задание, применялись меры, оскорбляющие человеческую личность, били палками, прикладами, плетями, сажали в карцер, подвешивали к деревьям <...> Староста выгонял из хаты Пономарева Кузьму Матвеевича, 82 лет от роду. Он уговаривал, чтобы его из родной избы не выгоняли, так как он болен и слаб, за это староста и мадьяр избили прикладом и вытолкнули из хаты. Также поступили и с его женой, 80 лет от роду, Апросиньей Пономаревой» [30, л. 23–24 об.].

Лишение средств к существованию, нанесение телесных повреждений, издевательства становились причиной смерти гражданских лиц. В селе Пасюковка Воронежской области военнослужащие войск СС по неизвестной причине вырвали язык старику Е. Ф. Пасюкову, который через некоторое время после ужасной казни умер [40, л. 12–12 об.].

В г. Ливны Орловской области 80-летнего старика В. И. Сухоруких «избили до полусмерти и выбросили на улицу, не вынеся всех пыток, он сошел с ума и без крова замерз на улице» [63, л. 14, 15, 17].

Изнасилование. Лица старшего возраста подвергались и сексуальному насилию. В актах ЧГК содержатся многочисленные свидетельства местных жителей о фактах изнасилований. Жертвами сексуального насилия, как правило, были молодые девушки и женщины, но встречаются и упоминания жертв старше 55 лет. Например, в пос. Коренево Курской области: «Сластолюбцы-развратники, фашистские изверги, они не брезгают ничем [и] не считаются ни с возрастом людей, ни с состоянием их здоровья — ломают, губят все, лишь бы удовлетворить свою животную потребность. Так были изнасилованы две старые женщины: одна в возрасте 56 лет, гражданка С. Д. Н., другая 52 лет, гражданка Ш. Е. М.» [51, л. 67]. Составители акта женщину в возрасте 52 лет отнесли к категории «старых женщин».

Сексуальное надругательство часто происходило в присутствии свидетелей, как правило, родственников. В селе Ячнево Курской области ночью в дом местных жителей вошел военнослужащий и изнасиловал 50-летнюю женщину в присутствии мужа, последний, не выдержав издевательства над женой, умер [64, л. 15–17]. В Воронежской области «старуху лет 55 от роду, Ивановну, немец заставил лезть в погреб за молоком и сам туда спустился и изнасиловал ее, т. к. в хате

был старик, который мешал это сделать» [30, л. 71–73 об.].

Изнасилования совершались в подавляющем большинстве в пьяном виде: «...пьяные и трезвые немцы ходили по землянкам и насиловали женщин, девушек и старушек. 1 января явились немцы в землянку к 70-летней старушке Науменко Марине и изнасиловали» [30, л. 54–55 об.]. В колхозе «Красный май» Воронежской области 70-летнюю женщину солдаты «в пьяном виде зверски изнасиловали, которая через 10 дней с ужаса и страха померла» [65, л. 113–113 об.]. Изнасилование в пьяном виде имело, как правило, групповой состав и отягчалось избиениями и издевательскими над жертвами.

В с. Черемисиново «50-летнюю старуху <...> фашистские бандиты изнасиловали группой в 10 человек» [66, л. 5], 66-летняя женщина Н., проживавшая в г. Дмитриеве Курской области, была изнасилована ворвавшимися в ее дом пьяными солдатами [67, л. 33–44]. В д. Плоховке Курской области жертвой группового изнасилования стала 80-летняя И. А. [55, с. 176–177].

Сексуальные преступления часто были спонтанными агрессивными действиями, которые были массовыми и повсеместными.

В архивных документах содержатся данные о персональном составе военных преступников [53, с. 693, 694; 68, л. 180–199; 69, л. 4–31].

Как отмечает историк А. Яковлев: «Войска СС, полицейские батальоны, айнзацгруппы и в определенной мере вермахт должны были эффективно дополнять стратегию голода, устраняя ненужное колонизаторам население, сокращая численность “враждебных” народов, освобождая землю для последующей немецкой колонизации» [70, с. 143].

В Центральном Черноземье, объединявшем Воронежскую, Курскую и Орловскую области РСФСР, истребительная политика осуществлялась с октября 1941

по сентябрь 1943 г. Оккупационный режим осуществляли германские войска и части союзников гитлеровской Германии – венгерские, румынские, финские, словацкие и итальянские воинские подразделения.

Территория временно оккупированной части Орловской области относилась к айнзацгруппе В (Einsatzgruppe В), Воронежская и Курская области – к айнзацгруппе Ц. Действовали зондеркоманда 7b (Sonderkommando 7b) [57, с. 40], зондеркоманда 4a (Sonderkommando 4a) [71, л. 17–21].

В Черноземье действовали и различные коллаборантские части. В Орловской области действовал карательный отряд «Украинская компания» («Укркомпания») под командованием Н. Гетмана. Каратели занимались подавлением партизанского движения в радиусе трех районов тогдашней Орловской области: Хвастовичском, Ульяновском и Знаменском. Помимо борьбы с партизанами, «Укркомпания» массово уничтожала местное население: «Степень вины людей не устанавливалась. Гетман производил уничтожение людей, которые по своей старости, молодости или болезни не могли быть использованы немцами как рабы. Стариков расстреливали за то, что они старики...» [72, л. 71]. При проведении карательной акции в д. Узкая Знаменского района Гетман отобрал 28 стариков и старух, неспособных к физическому труду, и их расстреляли. Гетман заявил остальным: «Если не будете работать, то и вас дармоедов постигнет та же участь» [72, л. 72]. Самым тягчайшим обвинением для людей была старость, непригодность к труду.

Выводы

Истребление лиц старшего возраста, которое осуществляли нацисты и их пособники, можно рассматривать как планомерный геронтоцид (от греч. γέρων, род. п. γέρωντος – старик, и лат. caedo – убивать). Лица старшего возраста, в

большой своей массе потерявшие трудоспособность, рассматривались нацистским руководством как лишний, абсолютно не нужный балласт. Если трудоспособное население могло представлять интерес в качестве рабочей силы, используемой в интересах рейха, то их нельзя или практически нельзя было использовать как трудовой резерв.

Лица старшего возраста в документах военного времени – «старики» и «старухи» – были невинными жертвами военных преступлений. Уход от обоб-

щенной категории жертв военных преступлений «мирных советских граждан» позволит выяснить точное число лиц пожилого и преклонного возраста. На основе рассекреченных архивных документов необходимо дальнейшее изучение «уязвимых жертв» военных преступлений, к которым относятся старики, лица с инвалидностью, дети. Одновременно важно включить в историческую память о жертвах войны стариков, в связи с чем активно развивать мемориальные проекты.

Список литературы

1. Терушкин Л. А. Архиву НПЦ «ХОЛОКОСТ» в Москве – 15 лет // Отечественные архивы. 2007. № 4. С. 138–139.
2. Помни о нас...: люди с инвалидностью – малоизвестные жертвы нацистского режима в оккупированных регионах РСФСР: сборник статей / ред. И. В. Реброва. СПб.: Европейский Дом, 2022. 390 с.
3. Бессонов Н. В. Цыганская трагедия, 1941-1945: факты, документы, воспоминания: в 2-х т. Т. 2: Вооруженный отпор / под ред. Л. Н. Черенкова. СПб.: Шатра, 2010. 375 с.
4. Трагедия войны: гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века / отв. ред. К. А. Пахалюк. М.: Яуза-каталог, 2021. 655 с.
5. Шнеер А. Плен: советские военнопленные в Германии, 1941-1945. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. 623 с.
6. Шнеер А. Плен: солдаты и офицеры Красной Армии в немецком плену. М.: Пятый Рим, 2022. 608 с.
7. Mendelsohn B. Methode a utiliser par la defenseurpur les recherchesConcertant la Personalite du Criminal // Revue de Droit Penal et de Criminologie et Archives internationaux de medicine legale. Bruxelles, 1937, pp. 877–891.
8. Mendelsohn B. Un horizon nouveau dans la science biopsych social: La victimologie. Bucharest: Without a publisher, 1947. 270 p.
9. Hentig Hans von. The criminal and his victim. New Haven: Yale University Press, 1948. 478 p.
10. Drapkin I., Viano E. Victimology: a new focus: violence and its victims. Lexington, Mass, 1974. 208 p.
11. Elias R. The politics of victimization, victims, victimology and human rights. Oxford: Oxford University Press, 1986. 395 p.
12. Friday P. C., Kirchoff G. F. Victimology at the transition from the 20th to the 21st century. Düren: Shaker Verlag, 2000. 21 p.
13. Mendelsohn B. Une nouvelle branche de la science bio-psychosociale, la victimologie // EtudesInternationales de Psycho-Sociologie Criminelle. France. 1956. July-September. P. 105–108.

14. Schafer S. The victim and his criminal: A study in functional responsibility. New York: Random House, Cop., 1968. 178 p.

15. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе: Ирфон, 1977. 237 с.

16. Ривман Д. В. Криминальная виктимология: Жертвы преступлений. Мошенничество. Хулиганство. Кражи. Разбой. СПб.: Питер, 2002. 304 с.

17. Альперович В. Д. Старость. Социально-философский анализ. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998. 104 с.

18. Бутуева З. А. Социальная геронтология. М.: Юрайт, 2023. 174 с.

19. Поварич И. П., Челомбитко А. Н. Пожилые люди как объект исследования в экономике труда: сущность и ключевые характеристики // Проблемы экономики и менеджмента. 2015. № 9 (49). С. 51–57.

20. Действующее законодательство об обеспечении в порядке социального страхования по инвалидности, по случаю потери кормильца, по старости и за выслугу лет. На 1 января 1930 г. М.: Гострудиздат-во, 1930 (Ленинград: Тип. им. Володарского). 280 с.

21. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 113.

22. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. Л.: Лениздат, 1944. 262 с.

23. ГАОПИВО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области). Ф. 1691. Оп. 1. Д. 32.

24. Новичков В. Е. Преступления против мира и безопасности человечества: проблемы конфликта российского, зарубежного и международного права // Таврический научный обозреватель. 2016. № 4 (9). С. 60–68.

25. Kay A. Exploitation, resettlement, mass murder: political and economic planning for german occupation policy in the Soviet Union, 1940–1941. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011. 256 p.

26. Дюков А. Р. Нацистская идеология и планирование «войны на уничтожение» против Советского Союза // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 2 (25). С. 6–69.

27. Филоненко С. И., Филоненко Н. В. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943). Воронеж: ВГАУ, 2003. 255 с.

28. Верт А. Россия в войне 1941–1945 / [авториз. пер. с англ. и вступ. ст. Е. А. Болтина]. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. 735 с.

29. ГАОПИВО. Ф. 3478. Оп.1. Д. 207.

30. ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 204.

31. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Воронежской области. Д. 1. К-1.

32. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 37.

33. ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4677.

34. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 192.

35. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-3927. Оп. 3. Д. 13.

36. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 312.

37. ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф. П-52. Оп. 2. Д. 721.

38. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 224.

39. ГАБО (Государственный архив Белгородской области). Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 43.

40. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 190.

41. ГАОО. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 15а.
42. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 280.
43. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 285.
44. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 281.
45. ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4584.
46. ГАВО. Ф. Р. 51. Оп. 26. Д. 555.
47. ГАБО. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 1а.
48. ГАНИБО (Государственный архив новейшей истории Белгородской области). Ф. 14. Оп. 1. Д. 198.
49. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 152.
50. ГАОПИВО. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 6.
51. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 256.
52. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 294.
53. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Белгородская область: сб. арх. док. / отв. ред. Е. В. Кривцова. М.: Фонд Связь Эпох; Кучково поле Музеон, 2020. 824 с.
54. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-123. Оп. 1. Д. 40.
55. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Курская область: сб. арх. док. / отв. ред. В. В. Раков. М.: Фонд Связь Эпох, 2020. 488 с.
56. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 218.
57. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Орловская область: сборник документов / отв. ред. Ю. В. Апарина. М.: Фонд Связь Эпох: Воевода, 2020. 477 с.
58. ГАОО. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 101.
59. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 291.
60. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 288.
61. Украинский фронт (4 (СССР); 1941-45). Военный трибунал. Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации. М.: Госполитиздат, 1943. 94 с.
62. ЦА ФСБ России (Центральный архив Федеральной службы безопасности России). Ф. К-72. Оп. 1. Д. 15.
63. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 53.
64. ГАБО. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 28.
65. ГАБО. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 3.
66. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 227.
67. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 251.
68. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3238.
69. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 22. Д. 10.
70. Яковлев Е. Н. Сопещение в Вевельсбурге, план голода и «окончательное решение»: истоки нацистского замысла о геноциде народов СССР // Журнал российских и восточно-европейских исторических исследований. 2021. № 2 (25). С. 70–161.
71. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 149. Д. 5.

References

1. Terushkin L. A. Arhivu NPC "HOLOKOST" v Moskve – 15 let [The archive of the NPC "HOLOCAUST" in Moscow is 15 years old]. *Otechestvennye arhivy = Domestic archives*, 2007, no. 4, pp. 138–139.
2. Pomni o nas...: lyudi s invalidnost'yu – maloizvestnye zhertvy nacistskogo rezhima v okkupirovannyh regionah RSFSR. Sbornik statej [Remember about us...: people with disabilities are little-known victims. Nazi regime in the occupied regions of the RSFSR. Collection of articles]; ed. by I. V. Rebrova. St. Petersburg, Evropejskij Dom Publ., 2022. 390 p.
3. Bessonov N. V. Cyganskaya tragediya, 1941–1945: fakty, dokumenty, vospominaniya. T. 2. Vooruzhennyj otpor [The Gypsy tragedy, 1941-1945: facts, documents, memories. Vol. 2. Armed resistance]; ed. by L. N. Cherenkova. St. Petersburg, Shatra Publ., 2010. 375 p.
4. Tragediya vojny: gumanitarnoe izmerenie vooruzhennyh konfliktov XX veka [The tragedy of war: the humanitarian dimension of armed conflicts of the twentieth century]; ed. by K. A. Pahalyuk. Moscow, Yauza-katalog Publ., 2021. 655 p.
5. Shneer A. Plen: sovetskie voennoplennye v Germanii, 1941–1945 [Captivity: the council prisoners of war in Germany, 1941-1945]. Moscow, Mosty kul'tury; Ierusalim, Gesharim Publ., 2005. 623 p.
6. Shneer A. Plen: soldaty i oficery Krasnoj Armii v nemeckom plenu [Captivity: soldiers and officers of the Red Army in German captivity]. Moscow, Pyatyj Rim Publ., 2022. 608 p.
7. Mendelsohn B. Method to be used by the urpur defense for research Concerning the Personal it edu Criminal. *Journal of Criminal Law and Criminology and International Archives of Forensic medicine*. Bruxelles, 1937, pp. 877–891. (In Franch.)
8. Mendelsohn B. A new horizon in social biopsych science: Victimology. Bucharest, Without a publisher, 1947. 270 p. (In Franch.)
9. Hentig Hans von. *The criminal and his victim*. New Haven, Yale University Press, 1948. 478 p.
10. Drapkin I., Viano E. *Victimology: a new focus: violence and its victims*. Lexington, Mass, 1974. 208 p.
11. Elias R. *The politics of victimization, victims, victimology and human rights*. Oxford, Oxford University Press, 1986. 395 p.
12. Friday P. C., Kirchhoff G. F. *Victimology at the transition from the 20th to the 21st century*. Düren, Shaker Verlag, 2000. 21 p.
13. Mendelsohn B. A new branch of bio-psychosocial science, victimology. *International Criminal Psycho-Sociology Studies*, 1956, July-September, pp. 105–108. (In Franch.)
14. Schafer S. *The victim and his criminal: A study in functional responsibility*. New York, Random House, Cop., 1968. 178 p.
15. Frank L. V. *Poterpevshie ot prestupleniya i problemy sovetskoj viktimologii* [Victims of crime and problems of Soviet victimology]. Dushanbe, Irfon, 1977. 237 p.
16. Rivman D. V. *Kriminal'naya viktimologiya: Zhertvy prestuplenij. Moshennichestvo. Huliganstvo. Krazhi. Razboj* [Criminal victimology: Victims of crimes. Fraud. Hooliganism. Thefts. Robbery]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 304 p.
17. Al'perovich V. D. *Starost'. Social'no-filosofskij analiz* [Old age. Socio-philosophical analysis]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNC VSH Publ., 1998. 104 p.
18. Butueva Z. A. *Social'naya gerontologiya* [Social gerontology]. Moscow, Yurajt Publ., 2023. 174 p.

19. Povarich I. P., Chelombitko A. N. Pozhilye lyudi kak ob"ekt issledovaniya v ekonomike truda: sushchnost' i klyuchevye harakteristiki [Elderly people as an object of research in labor economics: the essence and key characteristics]. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta = Problems of Economics and Management*, 2015, no. 9 (49), pp. 51–57.

20. Dejstvuyushchee zakonodatel'stvo ob obespechenii v poryadke social'nogo strahovaniya po invalidnosti, po sluchayu poteri kormil'ca, po starosti i za vyslugu let. Na 1 yanvarya 1930 g. [The current legislation on the provision of social insurance for disability, loss of breadwinner, old age and seniority. On January 1, 1930]. Moscow, Gostrudizdatvo Publ., 1930 (Leningrad, Tip. im. Volodarskogo). 280 p.

21. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. R-7523, op. 4, d. 113.

22. Sbornik ukazov, postanovlenij, reshenij, rasporyazhenij i prikazov voennogo vremeni. 1942–1943 [Collection of decrees, resolutions, decisions, orders and orders of wartime. 1942–1943]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1944. 262 p.

23. GAOPIVO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Voronezhskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Voronezh Region], f. 1691, op. 1, d. 32.

24. Novichkov V. E. Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva: problemy konflikta rossijskogo, zarubezhnogo i mezhdunarodnogo prava [Crimes against the peace and security of mankind: problems of conflict of Russian, foreign and international law]. *Tavricheskij nauchnyj obozrevatel' = The Tauride Scientific Observer*, 2016, no. 4 (9), pp. 60–68.

25. Kay A. Exploitation, resettlement, mass murder: political and economic planning for german occupation policy in the Soviet Union, 1940–1941. New York; Oxford, Berghahn Books, 2011. 256 p.

26. Dyukov A. R. Nacistskaya ideologiya i planirovanie "vojny na unichtozhenie" protiv Sovetskogo Soyuzha [Nazi ideology and planning of the "war of annihilation" against the Soviet Union]. *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij = Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, 2021, no. 2 (25), pp. 6–69.

27. Filonenko S. I., Filonenko N. V. Krah fashistskogo "novogo poryadka" na Verhnem Donu (iyul' 1942 – fevral' 1943) [The collapse of the fascist "new order" on the Upper Don (July 1942 – February 1943)]. Voronezh, VGPU Publ., 2003. 255 p.

28. Vert A. (1901–1969.) Rossiya v vojne 1941–1945 [(1901-1969.) Russia in the war of 1941-1945]; [Avtoriz. per. s angl. i vstup. st. E. A. Boltina]. Moscow, EKSMO Publ., Algoritm Publ., 2003. 735 p.

29. GAOPIVO, f. 3478, op.1, d. 207.

30. GAVO (Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti) [State Archive of the Voronezh Region], f. R-1784, op. 1, d. 204.

31. Arhiv Upravleniya Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii po Voronezhskoj oblasti [Archive of the Department of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Voronezh Region], d. 1, k-1.

32. GAVO, f. R-1784, op. 1, d. 37.

33. GAOPIVO, f. 3, op. 1, d. 4677.

34. GAVO, f. R-1784. op. 1, d. 192.

35. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-3927, op. 3, d. 13.

36. GAVO, f. R-1784, op. 1, d. 312.

37. GAOO (Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti) [State Archive of the Orel region], f. P-52, op. 2, d. 721.

38. GAVO (Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti) [State Archive of the Voronezh Region], f. R-1784, op. 1, d. 224.

39. GABO (Gosudarstvennyj arhiv Belgorodskoj oblasti) [The State Archive of the Belgorod region], f. R-61, op. 1, d. 43.

40. GAVO, f. R-1784, op. 1, d. 190.

41. GAOO, f. R-691, op. 1, d. 15a.

42. GAKO, f. R-3605, op. 1, d. 280.

43. GAOO, f. P-52, op. 2, d. 285.

44. GAKO, f. R-3605, op. 1, d. 281.

45. GAOPIVO, f. 3, op. 1, d. 4584.

46. GAVO, f. R. 51, op. 26, d. 555.

47. GABO, f. R-82, op. 1, d. 1a.

48. GANIBO (Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Belgorodskoj oblasti) [State Archive of the Modern History of the Belgorod region], f. 14, op. 1, d. 198.

49. GAVO, f. R-1784, op. 1, d. 152.

50. GAOPIVO, f. 1691, op. 1, d. 6.

51. GAKO, f. R-3605, op. 1, d. 256.

52. GAKO, f. R-3605, op. 1, d. 294.

53. Bez sroka давности: prestupleniya nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoj territorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Belgorodskaya oblast'. Sbornik arhivnykh documentov [Without a statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Belgorod region. Collection de documents d'archives]; ed. by E.V. Krivcova. Moscow, Fond Svyaz' Epoh Publ., Kuchkovo pole Muzeon Publ., 2020. 824 p.

54. GAOPIKO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Kurskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Kursk region], f. P-123, op. 1, d. 40.

55. Bez sroka давности: prestupleniya nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoj territorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Kurskaya oblast'. Sbornik arhivnykh documentov [Without a statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Kursk region. Collection de documents d'archives]; ed. by V. V. Rakov. Moscow, Fond Svyaz' Epoh Publ., 2020. 488 p.

56. GAOPIKO, f. P-2, op. 1, d. 218.

57. Bez sroka давности: prestupleniya nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoj territorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Orlovskaya oblast'. Sbornik dokumentov [Without a statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Oryol region. Collection of documents]; ed. by Yu. V. Aparina. Moscow, Fond Svyaz' Epoh Publ., Voevoda Publ., 2020. 477 p.

58. GAOO, f. R-691, op. 1, d. 101.

59. GAVO, f. R-1784, op. 1, d. 291.

60. GAKO, f. R-3605, op. 1, d. 288.

61. Ukrainskij front (4 (SSSR); 1941-45). Voennyj tribunal. Sudebnyj process o zverstvah nemecko-fashistskih zahvatchikov na territorii gor. Har'kova i Har'kovskoj oblasti v period ih vremennoj okkupacii [The Ukrainian Front (4 (USSR); 1941-45). Military tribunal. The trial of the atrocities of the Nazi invaders on the territory of the mountains. Kharkiv and Kharkiv region during their temporary occupation]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1943. 94 p.

62. CA FSB Rossii (Central'nyj arhiv Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossii) [Central Archive of the Federal Security Service of Russia], f. K-72, op. 1, d. 15.

63. GAOO, f. P-52, op. 2, d. 53.

64. GABO, f. R-73, op. 1, d. 28.

65. GABO, f. R-90, op. 1, d. 3.
66. GAOPIKO, f. P-2, op. 1, d. 227.
67. GAKO, f. R-3605, op. 1, d. 251.
68. GAOPIKO, f. P-1, op. 1, d. 3238.
69. GARF, f. R-7021, op. 22, d. 10.
70. Yakovlev E. N. Soveshchanie v Vevel'sburge, plan goloda i "okonchatel'noe reshenie": istoki nacistского замысла о genocide народов СССР [The meeting in Wewelsburg, the famine plan and the "final Solution": the origins of the Nazi plan for the genocide of the Peoples of the USSR]. *Zhurnal rossijskih i vostochno-evropejskih istoricheskikh issledovanij = Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, 2021, no. 2 (25), pp. 70–161.
71. GARF, f. R-7021, op. 149, d. 5.
72. CAFSB, f. K-72, op. 1, d. 36.

Информация об авторах / Information about the Authors

Бахтин Виктор Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: bakhtin2009@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4735-7440

Victor V. Bakhtin, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of Pedagogy and Humanitarian Disciplines, Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: bakhtin2009@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4735-7440

Припадчев Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин, Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: senior.pripadcheff@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9689-1984

Andrey A. Pripadchev, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Socio-Political Disciplines, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: senior.pripadcheff@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9689-1984

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>